

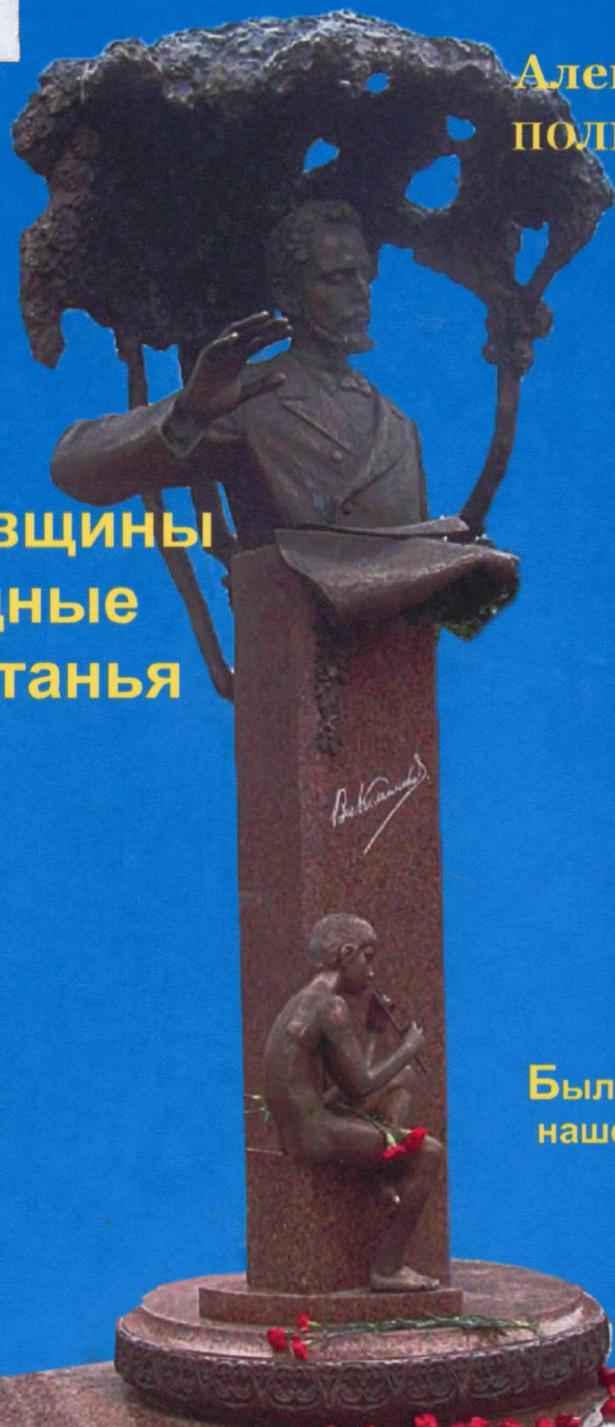
к 63.3(2)
П53

**Александр
ПОЛЫНКИН**

**Орловщины
родные
очертанья**

**Книга
вторая**

**Были и лица
нашего края**

18

К 63.3(2)
П 53

Александр Полынкин

Орловщины родные очертанья
(были и лица нашего края)

Книга вторая

Издание второе

A285892

Орёл-2015

КР2024

кр 14

БУКОО
«Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 82-1

ББК 49.0

П 49

Александр Польшинкин

П 49 Орловщины родные очертанья. / Были и лица нашего края / Книга вторая – Орел: ПФ «Картуш». 2015. – 264 стр., фотографии.

Во второй книге орловского краеведа опубликованы написанные автором за последние несколько лет очерки, посвящённые известным и неизвестным событиям и лицам орловской истории.

Большинство очерков, благодаря постоянной работе А. Польшинкина в Государственном архиве Орловской области, создано на документальной основе. Автор старался, чтобы читать книгу было интересно как профессиональным историкам и краеведам, так и обычным читателям, – всем, кто любит родную Орловщину и гордится ею.

ISBN 978-5-9708-0510-7

УДК 82-1
ББК 49.0

Фото на обложке:

Лицевая сторона: Памятник Калининкову

(Орёл, ул. 1-я Посадская, скульптура Л. Бугая)

оборот: картина Г.Г. Мясоедова «Дама с собакой» («Осиротели»)

ISBN 978-5-9708-0508-4

ISBN 978-5-9708-0510-7 (Книга вторая)

© А.М. Польшинкин, 2015

Глава первая *Это было в Орле...*

Орловский городничий Александр Казин

Когда поздней осенью 1803 года в Орёл, проездом на Кавказ, прибыл на несколько часов 17-летний прапорщик Семён Броневский, только что выпущенный из Первого Московского кадетского корпуса, этого события в губернском городе почти никто не заметил: военных здесь в те годы хватало, тем более, такого незначительного чина. Но был в Орле человек, который искренне обрадовался визиту родного племянника: звали его Александр Степанович Казин, и о нём наша речь впереди.

От адъютанта генерала – до генерал-губернатора Восточной Сибири

Броневский
Семён Богданович

Броневский же, погостив у дяди, отправился к месту службы, в город Георгиевск, где находился штаб Нижегородского драгунского полка. В его составе молодой офицер провёл пять боевых лет на Кавказе. В 1804-1805 годах году Семён Броневский принял участие в походах за реку Баксан, в Кабарду, в 1806 году совершил поход в Персию, участвуя во взятии Дербента, Кубы и Баку. В мае 1807 года в составе отряда генерал-майора Капцевича он ходил за Кубань для отражения набегов кубанских народов.

Удостоившись за боевые отличия звания подпоручика, Броневский стал аьютантом генерала Г.И. Глазенаппа, и когда император Александр I назначил генерала инспектором сибирских войск, тот, уезжая с Кавказа, взял с собой в Омск и Семёна Броневского.

Почти 30 лет Семён Богданович провёл в полюбившемся ему сибирском крае, пройдя путь от обычного адъютанта до генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего здешними войсками (в звании генерал-лейтенанта). А сделал он себе карьеру не по знакомству, как это часто бывало, а исключительно благодаря деловым качествам.

Заслуги Броневского за годы его деятельности в Сибири выразились в целом ряде мер и учреждений, сделавших памятным его имя в истории этого огромного края. Ему удалось отразить нападения мятежных соседей (ташкентцев и киргизов), он первый учредил русские колонии в сибирской степи, образовал регулярные военные силы в Восточной Сибири и устроил Сибирское линейное казачье войско, содействовал введению

усовершенствованного сельского хозяйства в поселениях сибирских линейных казаков, развивал оседлость и хлебопашество среди киргизов, построил первое в крае казачье войсковое училище и создал первый в здешних местах военный духовой оркестр. Губернатора оценило местное общество и за его чисто человеческие качества.

Имелись у Броневского такие передовые идеи, которые тогда не были воплощены в жизнь, например, строительство железной дороги вокруг озера Байкал.

Книга о Броневском

Удостоенный многих государственных наград и почестей императора, в звании генерал-лейтенанта, в 1837 году он был переведён в столицу, на должность сенатора по межевому департаменту.

Скончался Кавалер орденов Святой Анны 2-го класса, Святого равноапостольного князя Владимира 4 степени и Святого Георгия 4 степени С.Б.Броневский 14 февраля 1858 года, похоронили сенатора на Митрофаньевском кладбище Санкт-Петербурга.

Теперь, когда я перечислил основные заслуги генерал-губернатора Восточной Сибири, стоит назвать ещё одну, благодаря которой мы узнали очень многое как о самом Броневском и его семействе, так и о событиях, людях и местах, где за годы службы побывал и в которых жил Семён Богданович. Имелось

у С.Б. Броневского ценнейшее для потомков качество: обладая хорошим литературным языком, он оставил после себя рукописные «Заметки из моей жизни, собственноручно мною записываемые на память многочисленному семейству» (в журнале «Исторический вестник» за 1889 год отрывок из них был опубликован под названием «Записки из моей жизни» - А.П.), которые фактически представляют собой подробную автобиографию.

В этих мемуарах Семён Богданович Броневский предстаёт перед нами как образованный, прогрессивный для своего времени, энергичный и целеустремлённый человек с незаурядными организаторскими способностями, высокими человеческими качествами, художественным вкусом и наблюдательностью путешественника.

Написаны «Заметки» живым, образным языком, в чём ты, читатель, сможешь убедиться, прочитав отрывок из них, посвящённый родному дяде

генерал-губернатора Броневского – Александру Степановичу Казину, о котором я упомянул в самом начале рассказа.

Орловская городская дума

Итак, цитата... из «Записок Броневского»:

«Лошадей убивал кулаком с одного раза...»

«В 1803 году 23-го октября я, наконец, был произведен в прапорщики в Нижегородский драгунский полк. Я отправился на Кавказ, в Георгиевск, где был штаб полка. Заезжая по дороге к некоторым родным, я не могу не упомянуть о дядюшке моем, Александре Степановиче Казине, орловском и тульском помещике, отличавшемся необычайной силой: он поднимал одной рукою 12 пудов (192 кг. – А.П.). Росту он был 2 аршин и 13 вершков (2 метра – А.П.), толщины необъятной. Он был кавалергардом и как-то раз попал в Гатчину к Наследнику. При восшествии на престол Павла I от всех сверстников моего дядюшки велено было отобрать отзывы, куда они пожелают быть определены. Некоторые записались в армейские полки и были отправлены туда с повышением; другие, посмышленнее, употребили фразу, что желают вечно служить при государе в гвардии (года через полтора редкий из них не был уже генералом; например, Капцевич через 6 лет после корпуса был генерал-лейтенантом). А мой дядя написал на листке, что государю известно, что он по своей тяжести в кавалерии служить не способен потому, что никакая лошадь его не выдержит, а в пехоте потому, что не может ходить в строю; потому он просит службы гражданской на родине. Его произвели в коллежские ассесоры с назначением в Орел городничим. Предание гласит, что он имел право писать государю лично и даже получал ответы. На всех наводил страх такой голиаф-

городничий. В досаде он поднимал купцов за бороды выше своей головы и перебрасывал через забор; лошадей убивал кулаком с одного раза. Одного мешанина, в чем-то провинившегося, городничий не хотел ударить рукою, а толкнул пальцем в бок и переломил ему ребро. Много таких проделок сходило ему с рук...»

Разве орловский городничий Александр Казин в описании Броневского менее живописен, чем некоторые из персонажей Николая Лескова или Леонида Андреева? Да, *были люди в оно время*, как говаривал Михаил Юрьевич, современник Семёна Богдановича. *Были!*

Жизнь в губернском центре 150 лет назад (по «Путевым заметкам» Александра Тарачкова)

Братьев было трое: Александр, Николай и Андрей Тарачковы. Так распорядилась судьба, что все они, будучи уроженцами города Могилева (Подольской губернии, ныне - Винницкой области Украины), после получения высшего образования, многие годы жили и добросовестно трудились (во второй половине XIX века) в Орле.

Старший, Александр (он – 1819 года рождения), занимал должность наставника – наблюдателя и преподавателя естественной истории и физики в Орловском Бахтина кадетском корпусе. Кроме учебной деятельности, он профессионально изучал флору и фауну Орловщины и - фактически – стал первым ученым, делавшим это систематически, с публикацией своих наблюдений и выводов в губернской печати и столичных изданиях.

За период с 1852 по 1869 год Александр Тарачков опубликовал в «Орловских губернских ведомостях» 25 крупных авторских материалов, некоторые из которых потом были изданы отдельными книгами. Будучи редактором неофициальной части «ОГВ», он сделал тему краеведения (в самом широком смысле) одной из ведущих в газете.

Александр Степанович Тарачков умер в декабре 1870 года, едва перейдя 50-летний рубеж, но оставив после себя много добрых отзывов и память своих близких друзей.

«Я знаю только одного путешественника по России, приготовленного к своим работам – г.Тарачкова...», сказал когда-то о нём другой наш земляк и тоже страстный путешественник и бытописатель Павел Якушкин.

Несмотря на то, что при жизни Тарачкова многие его материалы пользовались устойчивым читательским спросом, в XX веке его статьи и книги ни разу не переиздавались и были прочно забыты. Между тем, в них содержится богатейший краеведческий материал, не потерявший своей

ценности и в настоящее время. Читатель легко в этом убедится, познакомившись с небольшими отрывками из «Путевых заметок по Орловской и соседним с нею губерниям» - одного из самых известных очерков Александра Тарачкова. Эти «Заметки» вначале публиковались в «Орловских губернских ведомостях» (№№ 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 13 за 1860 год), а в 1861 году были выпущены отдельной книгой в Орловской губернской типографии.

Совершив летом 1860 года полторамесячное путешествие (сразу уточню – на перекладных лошадях, поскольку железной дороги в наших местах в те годы ещё не существовало – А.П.) по юго-западным уездам Орловской и соседним с нею уездам Воронежской и Тамбовской губерниям, Александр Степанович, оставил для современников и потомков подробное и чрезвычайно красочное описание своей поездки, во время которой он интересовался очень многими вопросами: проблемами быта встречавшихся ему по пути жителей, промышленностью, сельским хозяйством, торговлей, добычей полезных ископаемых, состоянием дорог, и т.д. и т.п. В суть каждого вопроса он вникал внимательно и дотошно – именно подробности, оставленные нам Тарачковым на страницах его «Заметок», превратили документальное описание в живую, полнокровную картину.

Для начала приведу большую цитату, посвящённую проблеме, которая была большой и для Михаила Булгакова в «Мастере и Маргарите». Итак...

Квартирный вопрос в XIX веке

«Орёл в течение последних 20 лет выгорел до такой степени, что в нём почти везде выстроены новые здания – много лучше прежних, которые мы застали в 1843 году (здесь Тарачков напомнил о пословице - «пожары способствуют украшению городов» - А.П.) Но зато жить в нём сделалось очень дорого, почти не дешевле, чем в Санкт-Петербурге.

В настоящее время в Орле цены за наём квартир почти вдвое превышают существовавшие в нём до 1848 года, памятного для здешних жителей страшным пожаром, истребившим почти две трети города. В соразмерности с этим в такой же степени возросла ценность на все местные продукты, необходимые в житейском быту. Экономисты скажут, пожалуй, что дороговизна на все предметы увеличивается не в одном Орле, но везде. Мы, однако, позволим себе возразить этому только не в отношении Орла, потому что положительно знаем, что в нём несравненно дороже жить, чем в соседних с ним губернских городах: Курске, Воронеже, Калуге и Туле. Подобное исключение ничему иному приписать нельзя, как только частым пожарам, от которых жители этого города понесли убытки на миллионы рублей.

Принимая это в соображение, не будем сетовать на дороговизну квартир, но поговорим об их удобствах, и если коснёмся цен, то в том только отношении, в каком они соответствуют средствам к жизни тех лиц, которые, по

необходимости, должны жить в Орле в наёмных квартирах. К числу таких лиц принадлежит большинство служащих чиновников, военные чины, небогатые дворяне, частично лица других сословий, временно пребывающие в Орле по разным их делам, как, например, торговым, тяжёлым, для воспитания своих детей и проч. и проч.

Обыкновенно в Орле встречаются две крайности для квартирантов: или надобно нанимать квартиру не по состоянию, или с целою семьею помещаться в самых тесных, почти всегда состоящих из трёх комнат и четвёртой передней.

В 3-ей части города, где находятся все присутственные места и где, поэтому, каждый чиновник желал бы жить, небольших квартир вовсе нет, а за большие, состоящие из отдельных домов или флигелей, надобно платить в год от 500 до 600 рублей серебром. На отопление такой квартиры надобно ещё израсходовать от 150 до 200 рублей.

Кто же в состоянии платить такую огромную сумму, которая обременительна даже для того, получает, например, 3000 рублей серебром годового дохода. Таких лиц очень немного в городе: их можно по пальцам перечисть. Годовые доходы большинства редко превышают 1000 рублей серебром, но преимущественно заключаются в пределах между 500 и 700 рублей, потому что жалованье чиновников, занимающих средние должности, почти всегда ограничивается этою суммою. При таком содержании слишком обременительно платить за наём квартиры выше 150 или 170 рублей серебром в год. К сожалению, квартир по такой цене, которая была бы самою нормальною, вовсе нет в названной части города, но вместо них находятся более высоких цен, простирающиеся от 300 до 450 рублей. Следовательно, более дешёвых квартир надобно искать за Окою и Орликом в отдалённых частях города. Там ещё скорее можно их найти в 100 рублей серебром и менее.

Но какие это квартиры? Одна большая комната, разделённая двумя крестообразными деревянными перегородками на четыре неравные части, из которых самая меньшая составляет переднюю, а три остальные служат: гостиной, кабинетом и спальней, - вот и всё помещение. Для холостого одинокого человека его очень достаточно, но для семейного слишком мало. К этому ещё надобно прибавить другие неудобства, состоящие в том, что при подобных квартирах и нередко при таких, которые отдаются за 150 или 160 рублей в год, жильцы не имеют ни отдельной кухни, ни погреба, ни ледника, а должны все свои хозяйственные принадлежности держать вместе с домохозяевами, и в их кухне готовить кушанье.

От этого возникают различные неудовольствия и даже ссоры между хозяевами и жильцами и их прислугою, потому что в совместном помещении представляются тысячи случаев к различным спорам. Покоя нет в таких домах, и жизнь в них делается тягостною. Оттого в Орле жильцы беспрестанно меняют свои квартиры и поневоле делают излишние издержки на перевоз своего имущества и на починку разной мебели и домашней утвари, которые в подобных путешествиях портятся и разрушаются в весьма короткое время.

Самое же важное неудобство здешних квартир состоит в том, что не только недорогие одноэтажные дома, но и большие в нижних этажах отличаются холодными полами, под которыми большей частью не делается накатников, т.е. помостов, залитых сверху глиною с известью; но оставляются пустые пространства до одного аршина глубиной. Можно себе представить, сколько от этого терпит здоровье живущих в них людей. В этих квартирах не только взрослые, но и дети в самое короткое время наживают себе ревматизмы и другие простудные болезни.

Оконные рамы и подоконники в больших и малых домах делаются весьма неаккуратно и служат самыми лучшими проводниками холода и сквозного ветра. Двойных зимних рам нет ни в одном доме, а они в Орле были бы чрезвычайно полезны, потому что здесь дуют сильнейшие и продолжительные ветры в начале и в конце зимы (*в этом месте Андрей Степанович делает замечание, из которого понятно, что он сам узнал о существовании зимних рам, будучи в Санкт-Петербурге: «Двойными рамами мы называем две зимние рамы, которые на зиму вставляются в окна одна позади другой» - А.П.*)

Относительно каменных домов надобно заметить ещё то, что они нередко оказываются сырыми, потому строятся кое-как, наскоро, из дурно обожжённого кирпича, который, как известно, отличается сильными гигроскопическими свойствами, т.е. способностью всасывать в себя влагу, которую в них ничем невозможно уничтожить. Одним словом, в Орле ещё очень мало развито понятие об удобствах жизни, из числа которых удобство квартир должно составлять самую существенную потребность.

От этого и домохозяева не пользуются постоянным доходом с отдаваемых в наймы квартир, из которых большие по полугоду и более остаются незанятыми по причине их дороговизны, а из небольших часто съезжают жильцы, и они, в свою очередь, по неделям и месяцам тоже не приносят дохода.

Кроме неудобств, многие квартиры отличаются ещё и неопрятностью своею и принадлежащих к ним дворов. Причиной этого весьма часто бывают сами жильцы, которые иногда думают, что заплативши условленную цену за наём квартиры, имеют полное право жить в ней, как им угодно, и, следовательно, нисколько не считают за нарушение права собственности пачкать полы и стены или выливать помой куда ни попало на хозяйском дворе.

Некоторые жильцы, нанимая квартиры не по состоянию, экономничают на дровах: мало топят печи и, таким образом, сухие и тёплые квартиры в короткое время превращают в сырые и холодные. Домохозяева, со своей стороны, не желая заводить ссор по этому поводу и терять квартирантов, смотрят на это сквозь пальцы, особенно в тех случаях, когда жильцы исправно вносят деньги за свои квартиры.

В Орле весьма немногие из домохозяев имеют при своих домах дворников, на обязанности которых должно бы лежать опрятное содержание дворов. В больших домах, приносящих значительные доходы их владельцам, такая небрежность и скупость вовсе непростительны; но в небольших домах этого и требовать невозможно, потому что у домохозяев не достаёт средств на наём и

содержание дворников, которое не может обойтись менее 70 рублей серебром в год.

В этом отношении Орёл далеко отстал, не говоря уже, от столиц, но и от многих губернских городов».

Однако и в те, далёкие от нас годы, орловчанам, всё-таки, было чем гордиться. Об этом несколькими десятками страниц позже Александр Степанович Тарачков не преминул сообщить, наблюдая жизнь губернского города Воронежа:

«...Гостиный двор выстроен полукругом перед небольшой площадкою. Его нельзя и сравнивать с орловским, который громаднее и красивее его и превосходит значительным числом лавок. Вообще надобно заметить, что в Орле несравненно более развита торговая деятельность, нежели в Воронеже, который в этом отношении никак не может с ним равняться по причине большого отдаления от Москвы, с которою он имеет одно только сухопутное сообщение, между тем как Орёл находится на большой дороге и имеет торговые сношения с Одессой, Москвою, Санкт-Петербургом, Ригой, Белоруссией, Киевом»...

Вот так, дорогие читатели! Оказывается, каких-то 150 лет назад мы, орловчане, хоть и отставали от соседей в решении квартирного вопроса, зато запросто давали фору в делах торговых миллионному ныне Воронежу. Пустячок, а приятно, не правда ли?

Купцы Серебренниковы: фамилия – одна, а судьбы – разные

13 июля 1846 года газета «Орловские губернские ведомости» в числе других объявлений опубликовала и такое:

«От Орловского Городового Магистрата объявляется:

1) по представлению одного Магистрата назначается в публичную продажу недвижимое имение Орловского мещанина Фёдора Петрова Серебренникова – за неплатёж им родителю своему, Орловскому, 1 гильдии купцу и Почётному гражданину Петру Матвееву сыну Серебренникову по просроченной закладной 5000 рублей ассигнациями с причитающимися процентами;

2) назначаемое в продажу имение заключается в деревянном на каменном фундаменте доме, с разным при нём строением и местом, коего меры – по улице – 10, в заднем конце – 8, а глубины с обеих сторон – по 38 сажений, что всё оценено в 300 рублей серебром;

3) срок торгу с узаконенною переторжкою назначается от первого припечатания в Губернских Ведомостях через месяц в первый присутственный день;

4) торг будет производиться в Орловском Городовом Магистрате;

5) продаваемое строение находится - города Орла во 2-ой части, в приходе церкви Покрова Пресвятой Богородицы, на Новосильской улице, видеть можно на месте, а подробную опись и оценку – в Городовом Магистрате. Вследствие

чего на назначенный срок сим и вызываются желающие купить означенный дом, а заимодавцу, купцу Петру, и заимодателю, мещанину Фёдору Серебренникову, объявляется: первому – о бытии, коли пожелает, при торгах, а последнему, ежели желает предохранить дом свой от продажи, то взнесь бы в Магистрат всю должную, с причитающимися процентами, сумму прежде истечения 12 часов утра того дня, в который окончательный торг назначен будет».

Аналогичных объявлений в те и последующие годы публиковались десятки в каждом из номеров «Орловских Губернских Ведомостей» и, может быть, я не обратил бы и на это никакого внимания, если бы, не два обстоятельства.

Дом Серебренниковых (в центре)

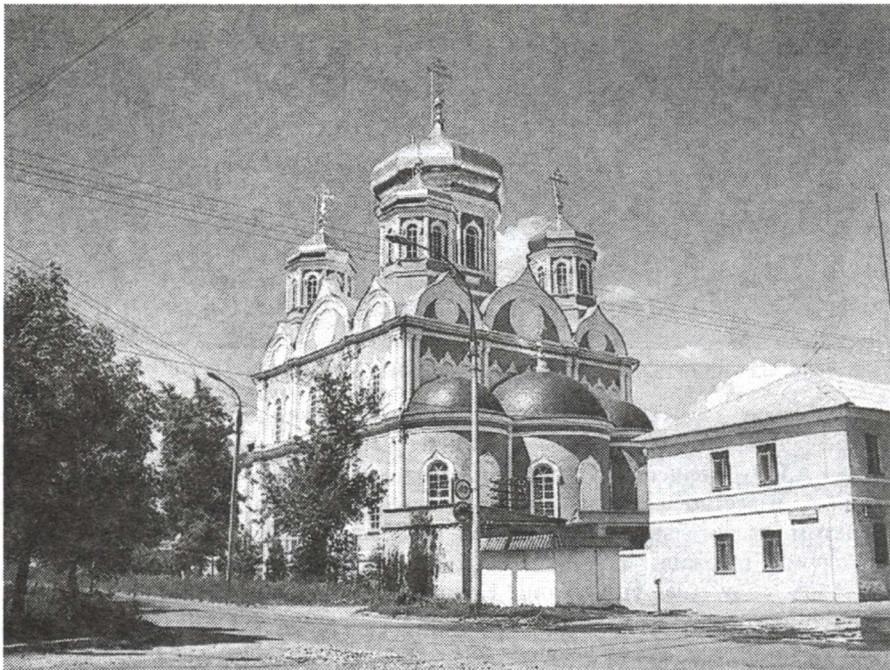
Первое – фамилии объявленных заимодавца и заимодателя. Серебренниковы (в приведённом объявлении фамилия написана с одной буквой «н» - А.П.) – очень известная в Орле купеческая династия. Многим орловчанам хорошо известно здание на Комсомольской улице (дом №63), с оригинальным лепным растительным орнаментом по главному фасаду и выступающим эркером. Старожилы называют его домом Серебренниковых. Он был построен в 1906 году (на углу улиц Кромской и Малой Мещанской, ныне – Комсомольская и Красина) по проекту архитектора Ф.О.Шехтеля для купца Н.П.Серебренникова, сдававшего дом в аренду, под жильё. Здание построено в стиле «модерн», с тем, чтобы эффектный внешний вид привлёк в доходный дом как можно больше жильцов. Правда, внутри него особых удобств и новизны не имелось.

После революции здание было национализировано и передано под жилищный фонд. С 1920 по 1925 год в нём размещался штаб 6-ой Орловско-Хинганской стрелковой дивизии (памятная доска на доме напоминает об этом – А.П.). С 1977 года здание взято под государственную охрану, а ныне в нём располагается управление культуры и архивного дела.

Второе из обстоятельств – то, что родному сыну-должнику отец долг не простил, и дело дошло до продажи имущества должника на торгах. Конечно, в жизни всякое бывает, но тут, подумал я, замешано было что-то другое, ведь Серебренниковы числились в Орле одними из самых порядочных и надёжных купцов.

Живущий в Москве один из потомков Серебренниковых, Дмитрий Широчин, с помощью документов Государственного архива Орловской области, достаточно подробно выяснил историю купеческого семейства.

Итак, по «Ревизским сказкам о купцах города Орла» за 1811 год, у родоначальника всех Серебренниковых, Матвея Михайловича, было восемь человек детей. Двое из них, Пётр и Иван Матвеевичи (1784 и 1791 года соответственно) особенно прославили купеческий род, получив указом императора потомственное почётное гражданство, вместе с некоторыми из их детей.

Смоленская церковь города Орла

Однако, как ни странно, старший, Пётр, по всей видимости, был менее удачлив в торговой деятельности. Младший же, Иван, торговал с гораздо большим успехом. Это видно из объявлений в тех же «Губернских ведомостях»: 7 июня 1846 года он купил у Орловского мещанина Василия Воронкова за 620 рублей дворовое место с лавкою, а 18 июня того же года приобрёл уже за 10 476 рублей у Орловской мещанки Настасьи Неручевой часть дворового места с домом и лавками. Заработанное Иван Матвеевич тратил не только на себя и семью, но и увеличивал масштабы своей деятельности. В Киеве, к примеру, у него появился кожевенный завод, приносивший неплохой доход.

Однако Иван Матвеевич был настоящим православным, богобоязненным, христианином и часть заработанного тратил на благотворительство: на ликвидацию последствий холеры в Орле, на помощь гимназии.

Когда же он умер в 1851 году, то прочитавшие его духовное завещание родственники узнали, что Иван Матвеевич, кроме того, что значительный капитал оставил детям и жене, отдельно 8000 рублей пожертвовал на строительство нового здания Смоленского храма. Этот почин Серебренникова поддержали многие другие купцы города Орла, в силу чего заложенный спустя несколько лет храм Смоленской иконы Матери Божией стал считаться построенным именно на купеческие средства.

Что же касается старшего его брата, Петра Матвеевича, то следов его меценатской деятельности мне обнаружить не удалось. Вполне возможно, что во второй половине его жизни купеческая удача ему изменила. И, когда я, в номере от 19 июля 1852 года тех же «Орловских губернских ведомостей» натолкнулся на ещё одно объявление, то, мне кажется, я понял причины непрощенчества П.М.Серебренникова по отношению к сыну Фёдору.

Объявление это гласило, что умерший в 1851 году (получается, что оба брата умерли в один год) Орловский, 1-ой гильдии, купец и Почётный потомственный гражданин Пётр Матвеевич Серебренников оказался несостоятельным должником, и по его делам учреждено было Конкурсное Управление.

Это самое Управление и опубликовало объявление о том, что, поскольку купец П.М. Серебренников не заплатил долги по заёмным обязательствам разным лицам в сумме 107 793 рубля 13 копеек, то его имение должно быть продано с торгов.

Почти 108 тысяч рублей, это, конечно, огромная сумма. Поскольку Серебренников считался «ссыпщиком», то есть, торговцем, который ссыпает в свои амбары хлеб с возов мужиков, а потом продаёт свои «ссыпки» оптовикам в Москву и Ригу, то, возможно, он не сумел рассчитаться по каким-то своим контрактам. Отсюда и возник долг.

И если в 1846 году Пётр Матвеевич не стал прощать сына Фёдора за долг ему, то, очевидно, что и у него самого уже тогда были серьёзные финансовые проблемы. Обращался ли Пётр Матвеевич за помощью к младшему брату

Ивану, я не знаю. Если и обращался, то Иван Матвеевич не смог или не захотел выручить старшего.

Объявленное к продаже имение П.М.Серебренникова включало в себя:

«а) каменный двухэтажный дом с антресолями и двумя под домом лавками; б) половина каменного двухэтажного дома, устроенного в одном корпусе с братом его родным Иваном Серебренниковым, состоящим города Орла 1-ой части, в 1-ом квартале, со всем к оным принадлежащим деревянным строением и местом»...

Немногие в Орле жители могли похвастаться такими постройками, и, тем не менее, все эти сооружения были оценены только в 14 000 рублей. Даже продав их, наследники П.М.Серебренникова смогли бы рассчитаться лишь с восьмой частью долга.

Торги и переторжка должны были состояться 16 и 20 августа 1852 года, но покупателей на продаваемое имущество не нашлось. Вторичные торги были назначены на 10 января 1853 года, и судьба их мне пока не известна.

Всю жизнь Орловский, 1-ой гильдии, купец, Потомственный Почётный гражданин Пётр Матвеевич Серебренников покупал и продавал. А когда он умер, продали уже *его*, не тело конечно, а нажитое им имущество. Судьба?

P.S. А названный выше и хорошо известный орловчанам Дом Серебренниковых был построен Николаем Павловичем – родным внуком Ивана Матвеевича. И тут Иван опередил Петра: сохранился через поколение в памяти орловчан ещё и материально. Тоже, наверное, судьба.

Приложение:

*Орловские губернские ведомости
1857 год, суббота, июля, 20 дня
Объявления и извещения*

От Орловского уездного суда – назначен в публичную продажу каменный двухэтажный дом со строением и местом, которое в ширину по улице – 13 сажень и $\frac{1}{4}$ аршина, в заднем конце – 12 сажень и $2\frac{1}{2}$ аршина, а в глубину с обеих сторон – по 33 сажени. Находится в Орле, в 1-ой части, на Большой Мещанской улице, в приходе церкви Воскресения Христова, под №453, принадлежит орловскому Почётному потомственному гражданину Сергею Петрову сыну Серебренникову – за неплатёж им Орловскому мещанину Алексею Васильеву сыну Короткову по закладной 2700 рублей серебром.

Торг назначен на 9 сентября 1857 года, с 11.00 до 2 часов пополудни. Дом оценён в 700 рублей серебром и будет продаваться без раздробления на части.

Новогодний подарок от купца Серебренникова

Сколько времени существует обычай отмечать Новый год – наверное, столько же существуют и связанные с этим замечательным праздником истории. Большинство из них, конечно же, художественные, то есть плод фантазии конкретного автора. Но иногда реальные события оказываются намного красочнее придуманных. Познакомься, читатель, с историей, случившейся под Новый год в нашем славном городе Орле 100 лет тому назад.

29 декабря 1913 года содержателю орловского ресторана «Берлин» Ивану Мезенцову по телефону №102 позвонил, как думалось вначале ресторатору,

вполне обычный клиент, представившийся купцом Серебренниковым. Свои имя-отчество клиент не назвал, а Иван Фёдорович переспросить не решился – больно уж резвый тон был у купчишки.

Ресторан «Берлин», размещавшийся в доме Скоропадских по улице Московской, за 30 лет своего существования приобрёл репутацию заведения, способного угодить самому взыскательному вкусу, и одним из правил ресторана было как раз умение не задавать посетителям лишних вопросов.

Гостиница Берлин

Поэтому Иван Фёдорович Мезенцов просто внимательно выслушал Серебренникова и даже успел записать, что клиент посетит ресторан 31 декабря, в 9 часов вечера, будет он с дамой и просит провести их через отдельный вход в отдельный кабинет с пианино. Клиент заказал *крем шатлен, гренки, стерлядь дортуа Жюльен, жего шевроль пуавред, соус Муслин, дюшес Маркиз* (прошу прощения у читателя, сам я этих блюд не знаю, просто перечисляю заказ, как он был назван в меню – А.П.). Из напитков Серебренников попросил выставить бутылку французского шампанского и бутылку 10-летнего Шустовского коньяка. Кроме того, купец уточнил, точно ли будет в номере букет из живых цветов, заявленный в рекламе ресторана? Услышав утвердительный ответ, Серебренников разговор закончил.

31 декабря, без четверти девять вечера, купца, одетого по последней моде, и его даму, с лицом, закрытым вуалью, в их кабинет проводил половой (*официант – А.П.*) Бобров. Что потом происходило в отдельном кабинете почти в течение двух часов – ни содержатель ресторана «Берлин» Мезенцов, ни его

подчинённые, не знали, тем более, что дополнительных заказов от купца не поступало.

Однако в четверть двенадцатого ночи отдельный кабинет спешно, едва успев накинуть на лицо вуаль, покинула дама, севшая в экипаж, уже ожидавший её у входа на углу Московской и Молочного базара.

А спустя 15 минут в общий зал ресторана «Берлин» вышел и купец Серебренников, основательно потерявший свой лоск и успевший стать краснолицым. В зале играл струнный оркестр из девяти солистов под управлением известного дирижёра г. Покой. Только-только оркестр начал проигрыш очередного романса, и один из солистов уже вспомнил про «Очи чёрные», как Серебренников, перебив певца, предложил свою версию исполнения, закончил которую зажигательным плясом вприсядку, подметая пол ресторана полой пижонского фрака. Жаль, конечно, что эффектное окончание было смазано тем, что исполнитель, потеряв равновесие, сел на свою широкую «пятую точку».

Подскочившие половые аккуратно приподняли купца за локти и попытались проводить его в заказанный кабинет, но Серебренников легко отбросил дюжих малых, сказав, что провожатых ему не надобно. По пути в кабинет купец приказал принести ему ещё бутылку коньяку от Шустова. Заказ выполнил половой Селихов, который заметил полный беспорядок на месте отдыха Серебренникова. Но обратиться половому купец не дал, отправив его громко и в соответствующем направлении.

Когда в 12 часов полуночи захлопали в общем зале пробки от шампанского, Серебренников снова вышел на общее обозрение, ещё более красный, но, как ни странно, твёрдо стоявший на ногах. Держа в руках моднейший котелок, купец, не говоря ни слова, сразу же направился к выходу из ресторана. Половой Селихов, «контролировавший» отдохнувшего гуляку, остановить его не решился, но хозяину о не расплатившемся клиенте сообщил. В помощь Селихову содержатель ресторана отправил ещё одного полового, Боброва, и буфетчика Голенева.

Втроём им удалось догнать, остановить возмущённого купца и повести его под «белы ручки» обратно. Но когда работники ресторана доставили сопротивлявшегося Серебренникова до дверей общего зала, он вдруг дико и громко заорал: «Карарул! Грабят!» Растерявшиеся половые и буфетчик отпустили Серебренникова. А он потребовал провести его к телефону и тут же позвонил в полицию.

Явившемуся через полчаса в ресторан помощнику станового пристава Серебренников подал уже написанное им заявление, в котором обвинил хозяина ресторана и его работников в том, что они, когда купец находился в общем зале, похитили из его номера портмоне с 400 рублями, а потом, таща его обратно в ресторан, ещё и избили.

Оторопевшие от обвинений содержатель Мезенцов, половые Бобров, Селихов и буфетчик Голенев не нашлись даже, что и сказать на такую наглую ложь. А купец гордо надел на лысеющую напомаженную голову котелок и

покинул «Берлин», так и не заплатив 50 рублей за гастрономические удовольствия.

Разбирал «Дело о краже и избиении» Орловский съезд мировых судей. Владельцу ресторана Мезенцову, при подготовке к судебному заседанию, удалось собрать много любопытной информации о купце В.Н.Серебренникове. Оказалось, что это не первая его выходка (или находка) по уходу из заведений, не расплатившись. Правда, чаще он ограничивался одним коньяком в буфете ресторана или гостиницы. В общем, ещё одного такого любителя «халявы», да к тому же, до предела самовлюблённого и гонористого, трудно было найти в разномастном орловском купеческом сообществе.

А о шутке, которую однажды, подвыпив, совершил Серебренников, говорили в своё время в губернском центре целую неделю. Это было во времена его молодости. Гулял однажды купец в ресторане «Вена». Широко гулял, с цыганами. Но рассчитался точно по меню – и даже на чай половому полтинник дал. А потом заказал к подъезду сразу два извозчика, да не простых, а самых лучших. Оба прибыли и ждут. Выходит Серебренников из ресторана, вальяжно подходит к первому экипажу и кладёт на сиденье свой цилиндр (тогда ещё он в таком головном уборе ходил). А сам развалился на сиденье второго экипажа, назвал извозчику адрес и рукой взмахнул обоим: «Гони!». И помчали те – двумя каретами, в одной – шляпа, в другой – сам купец.

Так к подъезду собственного дома и подкатил Серебренников – к удивлению своих родственников и соседей, увидевших, что он из второго экипажа не торопясь выходит, а извозчик первого цилиндр форсистому купцу с почтением и поклоном подаёт.

В общем, Мезенцов понял, что с наскоку такого «ферта» не возьмёшь, и потому в качестве свидетелей собственной невинности полтора десятка человек в суд попросил вызвать. И когда судебное заседание состоялось, на каждое слово Серебренникова нашлось два свидетельских показания «против». Только купец скажет: «А...», как в ответ ему – сразу же «Б» следует.

В результате съезд мировых судей полностью оправдал содержателя ресторана «Берлин» И.Мезенцова и трёх его работников, посоветовав уже им самим подать в суд на купца – за клевету.

Но ресторатор отказался от такой идеи: с момента скандала в «Берлин» посетители потоком потекли, а в отдельный кабинет, «прославленный» Серебренниковым, даже очередь пришлось установить. И потерянные от скандалиста деньги Мезенцов с лихвой компенсировал. Однако самого Серебренникова с Нового, 1914 года, больше в «Берлине» не принимали.

Писатель Павел Якушкин о Петропавловском соборе города Орла

Одной из самых обсуждаемых на Орловщине несколько ~~было~~ ^{были} баталии вокруг места для строительства в Орле кафедрального собора.

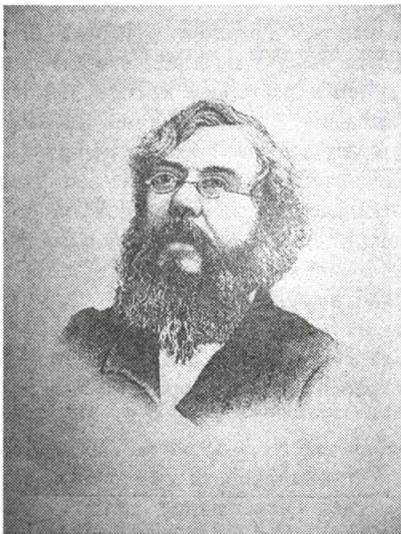
А 285892

17

Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина

С тех пор, как в ноябре 2009 года губернатор А.П.Козлов озвучил мысль, что «Наша главная задача – восстановить Петропавловский собор, в котором мы могли бы в 2016 году отпраздновать юбилей Орла», прошло пять лет. Общественное мнение, вроде бы (хотя и не так однозначно), склонялось к тому, что собор не помешал бы, но...

Есть много «но», одно из которых – выбор места для возрождающего храма. И место это, как мы могли долго наблюдать, искали лебедь, рак и щука (кто из них – губернатор Козлов, кто – мэр города Сафьянов вместе со своей администрацией, а кто – горсовет, орловчане догадывались сами).

Павел Якушкин

чертежами, хранящимися в архивах Санкт-Петербурга, и новый Петропавловский собор встанет над Орлом таким же, как и прежний красавец.

Хотелось бы верить...Однако 150 лет назад наш знаменитый писатель-фольклорист Павел Иванович Якушкин в одном из своих «Путевых писем из Орловской губернии» рассказал о своей беседе со старожилом города Орла. Беседу эту (она коротенькая) я ниже процитирую:

Итак -

Орёл, 10 апреля 1861 года

«...Мой собеседник хотел идти домой, а мне не хотелось с ним так расстаться; чтоб его остановить, я его спросил:

– Давно новый собор строится?

– Да лет шестьдесят будет. Был у нас царь-император Павел Петрович, и был он именинник на Павла-исповедника, так губерния положила для императора Павла Петровича Павлу-исповеднику собор построить. Стали

собирают со всех деньги, да и по сю пору собирают, а всё никак этого собора не отстроят.

– Отчего же?

– А оттого: церковь, по писанию, положено ставить алтарём на восток, а этот собор куда смотрит?

– Кажется, на восток.

– На какой восток?

– Куда же?

– Посмотри на другие церкви: все смотрят на самый восток, а этот больше на полдень подался.

В самом деле, новый собор алтарём стоит не прямо на восток, а на юго-восток.

– Так от этого и собор не отстраивается?

– От самого от этого. Отстроили было совсем, а там опять перестраивать надо. Вот и теперь снова перестраивают, да ведь то же самое будет!

– Что будет?

– Отстроят, начнётся служба, а там...

– Была уже служба в этом соборе?

– Как же, была! И обедню служили, и другие службы справляли; да вот хоть бы взять: Яков Фёдорович Скарятин когда умер, отпевали в новом соборе.

– Отчего же его в соборе отпевали?

– Барин был именитый, службу свою справлял при том самом императоре Павле Петровиче; как помер император Павел, так Яков Фёдорович и служить перестал. Должно быть, от этого и хоронили его в новом соборе.

– Похоронили в новом соборе?

– Нет, только отпевали, а хоронить его повезли в его вотчину, вёрст за сто от Орла».

Судя по рассказу, старик был убеждён, что все несчастья Петропавловского собора были связаны с тем, что строился он не в соответствии с православными канонами (алтарь стоял не на восток, а на юго-восток). И Павел Якушкин тоже это увидел.

Но была ведь ещё и вторая причина несчастий собора, которая в разговоре писателя со старожилом лишь упомянута вскользь. Дело в том, что кафедральный собор сооружался на пожертвования дворян Орловской губернии. Одним из самых щедрых жертвователей был как раз упомянутый Яков Фёдорович Скарятин.

Один из богатейших людей Орловской губернии, владелец имения в селе Троицком Малоархангельского уезда, он несколько раз избирался предводителем местного дворянства. Умер Яков Фёдорович в 1850 году, оставив завещание отпеть себя в Орловском кафедральном Петропавловском соборе. А когда неоконченный собор дал трещину, то в Орле решили, что Бог не принял от орловчан покаяния, потому что главный жертвователь, Скарятин,

был одним из активных участников убийства императора Павла I. Будучи тогда штабс-капитаном гвардейского Измайловского полка, вскоре после покушения, Яков Скарятин не раз без стеснения похвалялся, что собственноручно задушил царя с помощью своего офицерского шарфа.

Петропавловский собор города Орла (фото 1900 г.)

Не берусь утверждать, что все несчастья Петропавловского собора связаны с этими двумя фактами, ну а всё же?

А теперь вот новый храм. И что, его собираются строить алтарём на юго-восток? И кто теперь станет жертвователями суммы примерно в 160-180 миллионов (эта цифра была озвучена в 2009 году)? Не продолжится ли цепь несчастий старого Петропавловского собора?

Орловская ВДНХ XIX века

150 лет тому назад рождественские и новогодние праздники для жителей Орла наступили раньше обычного почти на три недели. Дело в том, что многие из горожан, и не по одному разу, побывали тогда на длившейся 12 дней выставке сельских произведений, проводившейся по случаю дворянских выборов в специально построенном для такого рода мероприятий Манеже (он находился на месте современного стадиона имени В.И.Ленина – А.П.).

О хлебе насущном - и не только

Торжественное открытие выставки, при большом стечении местной элиты, состоялось 9 декабря 1862 года, в 10 часов утра, после молебна, проведённого

ректором Орловской духовной семинарии. И буквально на следующий день Орёл был полон слухами, какие замечательные экспонаты находятся в Манеже и что там надо обязательно побывать, чтобы увидеть всё собственными глазами.

10 дней орловчане – кто пешком, а кто и на санях подкатывал, валом валили на необычное для них зрелище, где сразу в одном месте были представлены продукты труда жителей 12 уездов губернии. А за день до закрытия выставки Манеж почтил своим присутствием орловский военный губернатор, генерал-майор Николай Левашов.

Орловский губернатор
Николай Левашов

Николай Васильевич руководил особым комитетом, который готовил выставку, и теперь приехал полюбоваться на творение рук своих. Его встретил распорядитель выставки и секретарь комитета Александр Степанович Тарачков. Бывший преподаватель Бахтина кадетского корпуса и – одновременно – редактор газеты «Орловские губернские ведомости», он был ещё замечательным знатоком-краеведом.

«Ну что, Александр Степанович, проведите меня по выставке и расскажите, что тут, по Вашему мнению и мнению остальных членов комитета, самое замечательное.»

«Ваше превосходительство, с большим удовольствием», - с энтузиазмом откликнулся Тарачков и в течение двух часов водил губернатора и

его сопровождающих по огромному, в 210 квадратных сажен (956 квадратных метров – А.П.) залу Манежа.

В самом начале экскурсии начальник губернии почтительно постоял у портрета императора Александра II, выполненного во весь рост и украшенного драпировкой. По обеим сторонам от него размещены были окаймлённые снопами гербы всех 12 уездов Орловской губернии. Когда же начался собственно осмотр, Левашов с трудом успевал переключать внимание с одного экспоната на другой, удивляясь их разнообразию и количеству.

Одних только производимых в губернии озимых и яровых хлебов, кормовых трав и масличных растений на выставке оказалось представлено 86 образцов. Рядом с самыми обычными сельскохозяйственными культурами соседствовали, к примеру, сарептская горчица и мазия (что это за растение, выяснить я не смог даже при помощи всезнающего интернета – А.П.),

выращенные в своём хозяйстве государственным крестьянином Елецкого уезда Дмитрием Целиковским.

Генерал-майор Левашов не очень хорошо разбирался во всех этих зёрнах и семенах, но и на него произвело сильное впечатление одно только перечисление продукции, представленной на выставку дьяконом Орловской Сретенской церкви Иваном Мещерским (единственным духовным лицом из 213 участников). Этот служитель Божий зарабатывал на хлеб насущный не только молитвами, он выращивал в хозяйстве озимую рожь, вику, полевой горох, красный клевер, картофель и разводил лошадей крестьянской породы.

Впрочем, Александр Тарачков обратил внимание губернатора и на семена, за выращивание которых комитет выставки предполагал наградить экспонента Золотой медалью:

«Ваше превосходительство, посмотрите, это рожь «Ваза», разведённая помещиком Гутценом в его имении из семян, вывезенных из Лифляндии. Вес одной четверти её – 9 пудов 27 фунтов (примерно 155 килограммов – А.П.). Такого плотного и тяжёлого зерна нет ни у кого у губернии. Кстати, этот помещик – известный в городе врач и первый в Орле шахматист, который с самим мастером Петровым переписывается.»

Слегка уставший от зернового обилия, губернатор взбодрился (нет, читатель, ты не угадал, поскольку спиртное на выставке отсутствовало полностью – А.П.), съев пару яблочек орловского мещанина Петра Шушпанова, который представил для публички пять собственных сортов, показав ещё и прививки яблонь и груш, выставленных в больших кадках.

Сергей Иванович Мальцов

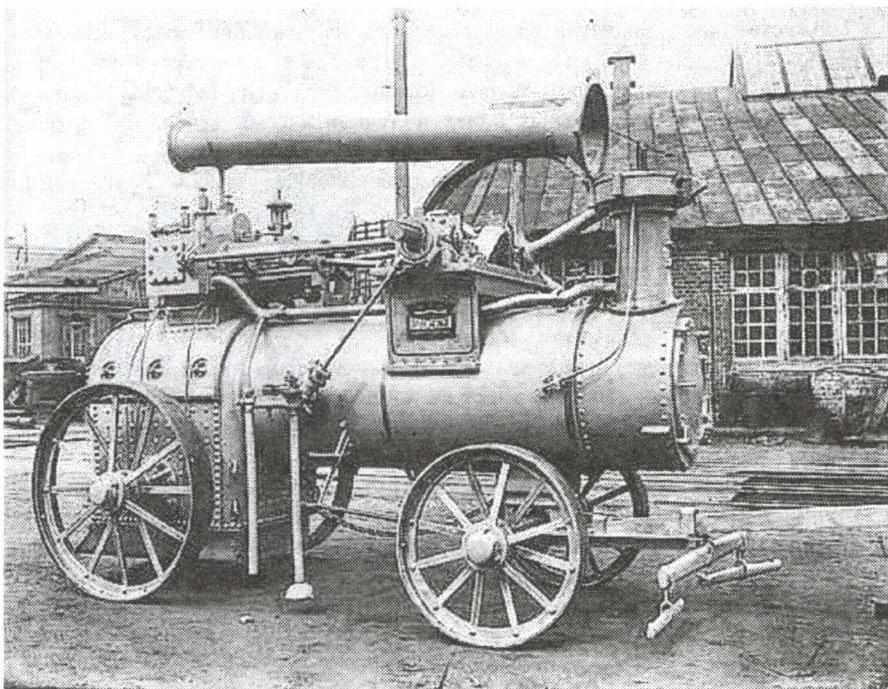
Впрочем, когда генерал-майор дошёл до рядов с птицами и домашними животными, всю его усталость как рукой сняло. Что касается кур, канареек, поросят и даже баранов с овцами украинской породы, то можно было представить, что их доставили на выставку на санях, а вот как добрались сюда два огромных туземных быка – было непонятно. Когда же губернатор узнал, что животные по декабрьскому морозу за 50 километров пришли своим ходом, то подумал о выносливости этой скотины.

Завершая осмотр экспонатов, связанных с земледелием и скотоводством, Левашов с огромным любопытством осмотрел коконы шелковичных червей и моток настоящего

шёлка, впервые полученного не где-то, а в Орле, в саловом питомнике. А орловский мещанин Павел Овечкин, встретивший губернатора у своих лотков, предложил попробовать произведённые им сахарные пряники и пастилу, все запасы которых здесь, на выставке, уже раскупили у него посетители.

Чугун, хрусталь и мыло как произведения искусства

Что же касается промышленных товаров (*хоть выставка и называлась «сельской»*), то одних только изделий с чугуно-литейных заводов С. Мальцова и А. Перелыгина было представлено более 350 единиц. Генерал-майор в отставке Сергей Иванович Мальцов на своих землях в Брянском и Жиздринском уездах за несколько лет сумел развернуть такое производство, что спустя несколько лет о его машинах, чугунных и хрустальных изделиях знали по всей России. Он лично поприветствовал губернатора у первой из своих машин – ручной веялки-сортировки, приспособленной к конному приводу (комитет удостоил её Большой серебряной медали), и рассказал не только о ней, а также о локомотивах, молотильных станках, соломорезках, переносных мукомольных мельницах, печах и каминах, чугунной, эмалированной и хрустальной посуде, представленных здесь же. Мальцов пояснил Левашову, что главные достоинства его машин и другого производимого им товара – качество и умеренные цены.

Такие локомотивы выпускались заводом Мальцова в г. Людиново

После мальцовского отдела с чугуном и хрусталём губернатор осмотрел другие экспонаты, может быть, не такие эффектные, но не менее интересные. Елецкий купец 1-ой гильдии Петров умудрился представить производимые на его мыловаренном заводе три разноцветных сорта мыла в виде пьедестала, на котором стояла тумба, а ней – ваза. Пьедестал был сварен из поташного мыла, тумба – из кокосового, а ваза – из содового мыла. Смотрелось это как настоящее произведение искусства.

Болховский помещик С.Зиновьев и орловский купец 3-ей гильдии П. Лапин удивили Левашова новыми материалами для крыш: первый – тонкими осиновыми пластинками, а второй – качественной красной черепицей. Мценский помещик Е. Таубе привёз и выставил всего один предмет, но зато какой: полированная крышка из белого известняка ничуть не уступала аналогичным мраморным, но выглядела ещё живописнее благодаря узорчатой поверхности.

А об огромном количестве замечательных предметов быта, представленных на выставке (коврах, холстах, полотнах, скатертях, корзинах, лаптях, кружевах и т.д. и т.п.), губернатор Левашов, подводя итоги своего визита в Манеж, сказал Тарачкову:

«Ну что ж, здесь человеку с некоторым количеством денег можно купить всё необходимое для себя, для хозяйства и для красоты своего жилища, думаю, выставка удалась. Наградите наиболее достойных!»

Торжественное закрытие выставки и награждение отличившихся состоялось 21 декабря 1862 года, в 11 часов утра. Каждый четвёртый участник был отмечен. Кроме двух Золотых, пяти Больших и десяти Малых серебряных медалей, победители в отдельных видах получили восемь денежных призов, пять подарков и тридцать один похвальный лист.

Так что начало новогодних праздников для орловчан удалось 150 лет назад в полной мере.

«Воспоминания» украинского историка об Орле второй половины XIX века

В 2011 году в Киеве, в издательстве Киево-Могилянской академии, были выпущены «Воспоминания» историка, до недавних пор совсем забытого и даже запрещённого в советские времена – эмигрантки Натальи Дмитриевны Полонской-Василенко.

В независимой Украине, она – один из самых востребованных авторов, а её двухтомная «История Украины» является учебным пособием во многих высших учебных заведениях. Но, как ни удивительно, судьба Натальи Полонской в молодые годы была тесно связана с Орловиной, и об этом на многих (особенно начальных) страницах своих «Воспоминаний» она подробно рассказывает.

Дело в том, что по материнской линии корни будущего историка находились в глубинке Малоархангельского уезда Орловской губернии, в

помещичьих усадьбах Мухортовых и Чиркиных, располагавшихся совсем неподалеку от современного райцентра Покровское.

Мать Натальи Полонской-Василенко – Мария Фёдоровна – родилась в 1852 году в сельце Липовица и была шестым ребёнком (из десяти детей) в семье Фёдора Акимовича и Натальи Дмитриевны Мухортовых. С весны до поздней осени Мухортовы жили в своём имении, а на зиму переезжали в большой орловский дом. И там, в губернском центре, начиналась уже не сельская, а совсем другая жизнь. Вот с некоторыми её моментами я и предлагаю читателям ознакомиться на основании замечательно написанных, живых «Воспоминаний» Н.Д.Полонской-Василенко (текст мною получен от историка архитектуры Киева Алены Мокроусовой, она же помогла перевести отрывки с украинского языка на русский – А.П.)

Орёл. Жизнь дворянства

«Орел 1860-1870-х годов был типичным городом средней России. В губернии было много состоятельных старинных помещиков, которые вели

Полонская-Василенко Н.Д.

большое сельское хозяйство, экспортировали пшеницу, рожь, коноплю; имели заводы рысистых лошадей. Это было время, когда помещики получали «выкупные свидетельства» за освобожденных крестьян и легкомысленно «закладывали» поместья в «Дворянском» или «Золотом» банках, а деньги, которые получали за «залог», тратили не на подъем хозяйства, а на роскошную жизнь. Жизнь Тулы, Орла, Калуги складывалось по образцам гениально описанного Л. Толстым быта Москвы: балы, банкеты, обеды, вечера - сменяются одни другими. Помещики приезжали «на сезон» после окончания сельских работ, где в октябре и открывали серию развлечений. Город оживлялся. В магазинах было полно ценных товаров; портнихи не успевали шить туалеты; Дворянское собрание, с его великолепной залой с белыми колоннами, с хорами, заполнялось дворянами: они там

обедали, завтракали, ужинали, играли в карты. Балы шли за балами. Лучшие артисты, «концертировали» в Москве, заезжали в Орел и давали здесь концерты - Натти, Сарасате, Виардо, Венявский и другие.

В Орловском дворянском обществе первые места занимали несколько состоятельных, знатных семей - Страховы, Афросимовы, кн. Вадбольские, Мухортовы. Главы этих семей не имели правительственных должностей; они, в молодости, в основном, служили в армии или в гвардии, а дальше, «по

вольности дворянства», выходили в отставку, жили в своих имениях и на зиму переезжали с семьями в Орёл. Сыновья служили в полках и приезжали в отпуск. Эти семьи были главным центром дворянства; к ним немедленно приезжало с визитами новоназначенное высокое начальство, начиная с губернатора, они давали в соответствующих случаях торжественные обеды, балы - так, как делали в Москве Облонские, Обросимовы.

В Орле было резко разграничены части города - дворянская от недворянской. В дворянской части были - собор, дом губернатора, корпус, Дворянское собрание; были хорошие широкие улицы: Садовая, Дворянская и другие. По другую сторону реки Орлика проживало купечество, мещане. В Орле дворянское общество жило совершенно обособленно от других сословий: ни купечество, ни духовенство, ни даже офицеры пехотного полка с их семьями не относились к нему. Только как редкое исключение было, когда принимали некоторых из пехотных офицеров. Не относились к нему, конечно, и артисты, хотя в Орле была замечательная труппа. Дворянство - это была замкнутая группа помещиков, преимущественно зажиточных, высших служащих, среди которых было много инженеров, так как в районе Орла соорудили железную дорогу. Не входили в дворянство и педагоги гимназии, если не имели персональных связей с ним. Украшением этого маленького общества было значительное количество красивых барышень, среди которых, по очереди, четверо Мухортовых занимали видные места. Украшением второго рода были гвардейские офицеры, которые приезжали в отпуск к родителям и затягивали эти «отпуска» «по вольности дворянства». Среди этих гвардейцев выделялись молодые Страховы, Афросимовы, и с ними конкурировали, хотя и не гвардейцы, Мухортовы.

Дворянское собрание

В этом узком кружке были своеобразные обычаи, которым все подчинялись. Ни дамы, ни тем более девицы не ходили пешком: это считалось неприлично. Если нужно было сделать визит - запрягали карету или хотя бы коляску (зимой санки) парой лошадей и торжественно проезжали полквартала или квартал, потом лошади ждали час или два у крыльца, пока закончится визит.

Когда я впервые, в 1903 году, попала в Орел и когда мне показали, где и в каких домах, и кто именно жил, то я не могла представить себе, как там люди, на таком пяточке, ездили в каретах. Единственное место, где барышня могла ходить пешком, была Болховская улица; и там, в определенные часы, кажется, между 12-ым и третьим пополудни, гуляли парами дамы «высшего общества», под руку со знакомыми кавалерами. За ними медленно ехала карета - или стояла, ожидая, чтобы их доставить домой, в соседний квартал. Так вся жизнь и проходила, связанная узкими рамками «хорошего тона»: порвать её не могли жители орловского «Сен-Жермена».

И жизнь Мухортовых проходила согласно этим неписаным законам. Утром - визиты, в 3-м часу - обед, на котором всегда были гости, или обед у знакомых; вечером - театр, концерт или вечеринка у знакомых, или у себя, или бал в Дворянском собрании. У самих Мухортовых всегда бывало два крупных бала: один из них - 26 января, в день именин моей матери.

Так катилась, как по рельсам, орловская жизнь: балы сменялись концертами, обеды - катанием на тройках, с ужинами у цыган [или на орловском вокзале].

Театр в Орле

Главным развлечением в Орле была драма. К тому времени она была выдающаяся. Антрепренер Свободин собрал труппу артистов, ставших позже украшением императорского театра, славой России. Это были - молоденькая Савина, трагическая актриса, русская Рашель - Стрепетова, что здесь впервые исполняла свои шедевры - Катерину в «Грозе», «Тяжкую судьбину» Писемского. Здесь играла инженерю Кудрина, славные - Давыдов, Варламов, Свободин. Ставились и драмы, и мелодрамы, и оперетты. Давыдов с Савиной были великолепны в «Корневильских колоколах» или «Птичках певчих». Театр любили в Орле, гордились им, не пропускали ни одного спектакля. Мухортовы имели свою ложу и были постоянными посетителями театра. Но увлечение театром не уменьшало расстояния, на котором дворянский «бомонд» находился от других людей, и в орловском «Сен-Жермене» нельзя было встретить кого-то из артистов. [Моя мать вспоминала как акт великого демократизма, когда они, после концерта, ужинали где-то, и за соседним столом оказались артисты: Давыдов, Савина и Кудрина, и как они разговаривали с ними от стола к столу ... То уже много значило]

Орловское общество и русско-турецкая война

Война 1877-1878 годов глубоко захватила Орловское общество. Многие молодые пошли добровольцами; Федор Федорович (*Мухортов – А.П.*) ушел с Казанским полком как корнет; пошли сыны Страховых, Афросимовых, Тиньковых. Орел начал собирать средства на подарки армии; во всех домах что-то делали для раненых. Устраивали лазареты; Наталья Дмитриевна (*Мухортова – А.П.*) была избрана в руководство Красного Креста и увлеклась новой деятельностью. Дочери помогали ей. Устраивались концерты, спектакли, чтобы увеличить средства Красного Креста. Начали приезжать раненые на отдых. Многие семьи брали к себе офицеров. Привезли пленных турок, словно на подбор, - хороших. Чтобы уважить раненых офицеров, для них устраивали обеды с шампанским, тостами. Война с ее отзывами заполняла время и общественное мнение, и так весь 1878 год».

Как адъютант генерала Столыпина себе жену в Орле нашёл

В предыдущем очерке я начал знакомить своих читателей с «Воспоминаниями» известного украинского историка Натальи Дмитриевны Полонской-Василенко. А в этом материале продолжу знакомство с ними, рассказав о событиях, происходивших в Орле и губернии вскоре после окончания русско-турецкой войны 1877-1878 годов.

В самом конце лета 1879 года начался вывод из Болгарии на территорию Российской империи 9 армейского корпуса, который отличился во многих сражениях недавно завершившейся войны. Штаб корпуса во главе с генерал-адъютантом Аркадием Дмитриевичем Столыпиным (отцом будущего премьер-министра Российской империи – А.П.), разместился в губернском городе Орле.

А теперь – слово самой Натальи Дмитриевне Полонской-Василенко.

Генерал Аркадий Дмитриевич Столыпин, командир 9-го армейского корпуса

Первые красавицы Орла

«Вполне естественно, что новый житель Орла, корпусный командир Столыпин, приехав в Орел, немедленно нанёс визиты всем главным семьям Орла, «его бомонду». Визиты он совершал в сопровождении своего адъютанта, штабс-капитана Меньшова. Во многих салонах Орла слышали, что сезон в этом году запаздывает, что некоторых из помещиков ещё нет.

Не приехали из своего поместья Липовица первые красавицы Орла, барышни Мухортовы, Мария Федоровна и Наталья Федоровна. Младшая,

Наталья, была высокая, стройная, с точёными чертами лица и большими карими глазами. Старшая, Мария (моя мать), тоже шатенка с карими глазами, чуть уступала младшей сестре в красоте, но была такая же обаятельная. Моя мать прошла полный курс Института под руководством Елисаветы Павловны (*петербургской гувернантки – А.П.*). Единственная из всей семьи, она была исключительно музыкальна и обладала красивым голосом, хорошим низким меццо-сопрано. Мама имела большой музыкальный талант и прекрасно играла на рояле. Она охотно пела на вечеринках у себя и у знакомых, и в ее нотах был большой набор романсов Глинки, Варламова, Балакирева, Даргомыжского, что были в моде тогда.

Мария любила участвовать в великосветских концертах, пела в хоре. Часто выступала она как пианистка, в больших концертах (исполняя партии в игре на двух роялях, в квартетах со скрипкой и виолончелью). Музыка давала Марусе большое наслаждение и смысл жизни, который не могли заполнить светские развлечения. Она мечтала усовершенствовать свою игру, мечтала о консерватории (но эта мечта так и не осуществилась).

Ей было лет 16, когда Мухортовы приобрели в Орле, на Дворянской улице, большой красивый дом с огромной залой и в осенние и зимние месяцы стали жить в Орле. Это было в конце 60-х годов.

Материальное положение Мухортовых к этому времени было блестяще. Зажили они, как говорится, «на широкую ногу» и стали одной из первых семей Орла, того небольшого дворянского круга, именовавшегося в середине XIX века «светом».

По всем вышеназванным причинам у сестёр Марии и Натальи было немало поклонников, но ни один из них за несколько лет попыток ухаживаний за красавицами ни разу не удостоился их внимания.

Уставшие от напряжения зимнего сезона 1878-1879 годов, Мухортовы задержались в Липовице осенью 1879 года. Вскоре до них дошли слухи, что в Орле расположился штаб корпуса, командир которого, Столыпин, происходит из зажиточных саратовских помещиков и, таким образом, полностью «свой»; что он имеет молоденькую дочь (она впоследствии вышла замуж за молодого Афросимова) и двух сыновей, «Сашу и Петьку»; они отданы в гимназию, и там они стали товарищами Виктора и Жени Мухортовых. Шалости Столыпиных, о которых говорили, поражали Мухортовых.

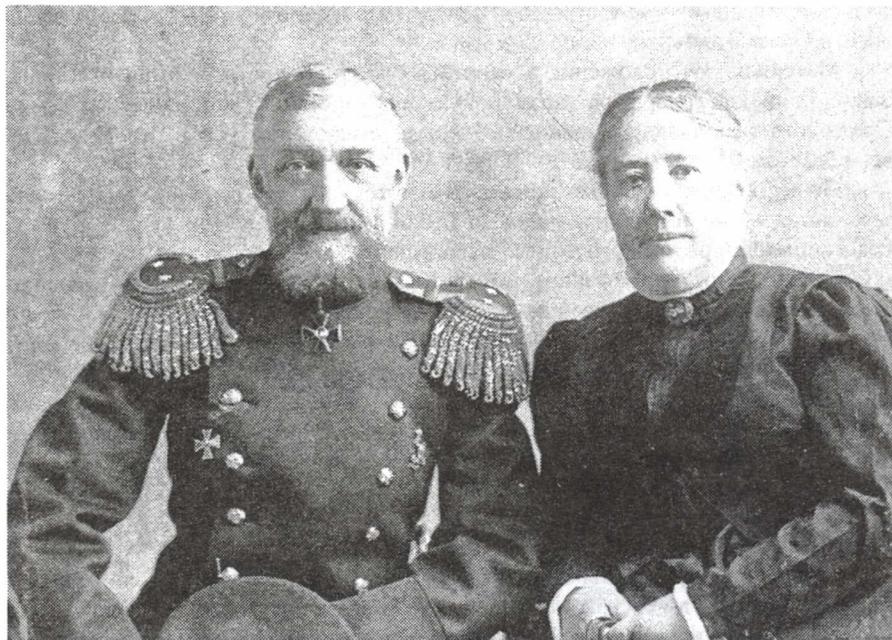
Дмитрий Меньшов: любовь и карьера

В том году Мухортовы поздно приехали в Орел и на другой день вечером поехали в театр. Там сестры Маруся и Ната (так Наталью звали в семье – А.П.) увидели новые лица: семью Столыпиных и несколько новых офицеров из его корпуса. Среди этих офицеров внимание Маруси привлек молодой, невысокого роста, но стройный офицер. Его светлые волосы были расчёсаны прямым «пробором» и красиво кучерявились; большие бакенбарды обрамляли лицо. Он не был красив, но прекрасные большие темно-серые глаза, которые он немного прищуривал как близорукий, словно освещали его лицо. Он стоял в антракте у

барьера в первом ряду и смотрел на залу. «Кто этот офицер в первом ряду?» - спросила Маруся кого-то из знакомых, кто называл ей новых людей. И получив ответ, что это штабс-капитан Меньшов, адъютант Столыпина, добавила: «Он некрасив, но лицо чрезвычайно интересное». Через несколько минут Меньшов уже входил в ложу Мухортовых.

В числе других офицеров Дмитрий Петрович был хорошо принят Мухортовыми, его приглашали на вечеринки, он и Мария встречались во всех других домах орловского «бомонда», на балах в Дворянском собрании, в театре. Дмитрий Петрович не любил танцевать, но, чтобы видаться с Марусей, танцевал. Чем чаще встречались они, тем больше влюблялись друг в друга. Маруся была на три года старше его, ее руки добивались выдающиеся люди, которые обеспечили бы ей богатую жизнь и блестящее будущее.

Но этот молодой офицер, совсем другого происхождения, даже не владевший французским языком, который не имел ничего, кроме нищей офицерской зарплаты, скромный, немного стеснительный в обществе, стал для Маруси дороже, чем все. В его милых для нее серых глазах она видела такую глубокую, искреннюю любовь, что не могла не проникнуться ею.

Дмитрий Петрович Меньшов (в мундире генерал-лейтенанта) и его жена Мария Фёдоровна (в девичестве – Мухортова)

Все шло хорошо, пока они встречались на балах и вечеринках или когда гуляли по Болховской, и Маруся опиралась на его руку. Но когда она заявила

родителям, что решила выйти за него замуж, и что он должен официально просить у них ее руки, - в семье Мухортовых начался ад. Наталья Дмитриевна со слезами на глазах решительно заявила, что никогда не согласится на брак любимой дочери с бедным офицером, не имеющим ничего, кроме своей формы. Федор Акимович держал «нейтралитет». Вся молодежь - и главным образом, Наталья Федоровна, горячо отстаивали интересы Маруси. Начались семейные совещания. Маруся стояла твердо на своем: это уже не было вопросом консерватории, когда она сдала «позиции» ... Это было счастье её жизни. И она победила: 26 января 1880 г., в день ее именин, когда Мухортовы устраивали традиционный бал, было торжественно объявлено о помолвке. Началась новая эпоха в жизни обрученных.

В доме Мухортовых шла спешная подготовка к свадьбе. Заказывали приданое, ездили в Москву, чтобы у Хлебниковых заказать серебро, закупить материи на платье, полотна на белье. Федор Акимович заявил, что дает Марусе в приданое огромный орловский дом. Она же поставила единственное требование своему жениху: чтобы он не оставался в Орле, а нашел себе должность в другом городе.

Мария была совершенно права: слишком много у них было знакомых в Орле, слишком тесными были ее связи со старыми знакомыми, чтобы можно было без боли вдруг разорвать их, а вести после женитьбы тот уклад, которым она жила раньше, она не хотела, да и средства, на которые собирались жить супруги, были для того недостаточны. Найти сразу новое место для артиллериста было не так легко, но старые связи помогли, и Дмитрий Петрович устроился старшим адъютантом в Управлении артиллерии Харьковского военного округа. Так он снова возвращался на милую ему Украину. Должность эта была спокойна, она отнимала только день до 3-х часов работы в Управлении; не надо было ездить на маневры, выступать в летние лагеря; не было строевого обучения, которого не любил он. Все это дело перевода унесло немало месяцев. Летом у него было два месяца отпуска; и отпуск этот Дмитрий Петрович провел в Липовице, у родителей невесты.

В октябре 1880 г. в селе Покровском (*современный райцентр Покровское, где в местной церкви Покрова Пресвятой Богородицы произошло венчание – А.П.*) состоялась свадьба, а вечером молодые супруги уехали в новую жизнь, - в Харьков. Там была уже подготовлена квартира, нанята кухарка, доставлен из Орла рояль Пляйеля, который так любила моя мать».

Р.С. Продолживший военную службу по артиллерийской части Дмитрий Петрович Меньшов и занявшаяся домашним хозяйством Мария Фёдоровна Мухортова прожили в мире, любви и согласии 37 лет.

Дата ухода из жизни Марии Фёдоровны, к сожалению, мне пока неизвестна. А генерал-лейтенант Российской императорской армии, участник русско-турецкой и Первой Мировой войн, кавалер шести орденов, Д.П. Меньшов, скончался в Киеве в январе 1918 года. Он оставил после себя добрые воспоминания родных и товарищей, несколько исторических трудов и

дочь-историка, благодаря которой мы узнали много нового и интересного о своей любимой Орловщине и её замечательных людях.

Зима... Лошадки торжествуют...

XXII зимние Олимпийские игры в Сочи 2014 года закончились триумфом сборной России, за которым наблюдали многочисленные зрители всего мира.

Ушла в историю замечательная Сочинская олимпиада. И на таком фоне хочется вспомнить о гораздо более далёких по времени, но тоже зимних соревнованиях, которые проходили в Орле в самом конце января 1882 года, за полтора десятилетия до начала олимпийского движения.

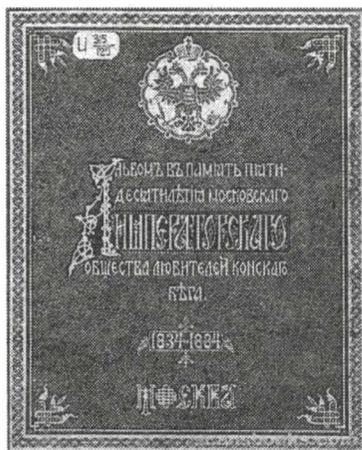
Однако для начала - несколько слов в качестве вступления.

Граф Орлов и его орловские рысаки

Лошадь – вплоть до начала XX века – была, пожалуй, не только самым главным домашним животным для человека, но являлась фактически его помощником и другом. Человек за сотни лет своего тесного общения с нею вывел множество самых разных пород, каждая из которых предназначалась для конкретного вида деятельности.

Первому коннозаводчику России и одному из знаменитых личностей второй половины XVIII века, графу Алексею Орлову-Чесменскому, удалось вывести на своём Хреновском заводе в Воронежской губернии рысистую породу лошадей, названную его именем и очень быстро ставшую популярной, поскольку огромные пространства Российской империи как нельзя лучше подходили для неё.

Орловские рысаки обладали высокой резвостью на рыси и хорошо передавали свои качества потомкам. Кроме того, это крупная, красиво сложенная, гармоничная, темпераментная лошадь обладала добрым нравом, гордой осанкой, грациозными, нарядными, высокими движениями, пышной гривой и хвостом.

Одна из книг Дмитрия Солнцева

Наиболее распространённые масти орловского рысака - серая, светло-серая, красно-серая, серая в яблоках и тёмно-серая, изредка - гнедая, вороная, рыжая и чалая, привлекали зрителей своей чистотой и разнообразием.

Граф Орлов создавал рысака, чтобы он мог ходить под седлом, в упряжке и в плуге, был бы вынослив в суровом российском климате и выдерживал долгие российские расстояния и плохие дороги. Но главным требованием к этим лошадям была, всё-таки, резвая, чёткая рысь, поскольку бегущая рысью лошадь

долго не устаёт и мало трясёт экипаж. В те времена резвых на рыси лошадей было крайне мало, и ценились они очень дорого.

Чтобы проверить резвость выведенных им рысаков, граф Орлов начал проводить первые в России состязания. В середине 1790-х годов он оборудовал скаковой круг длиной 2 версты 60 сажений на московском Донском поле, где с мая по июль по два-три дня в месяц устраивались скачки на денежные заклады. Со смертью графа в 1807 году испытания прекратились, а после 1812 года проводились «от случая к случаю».

Однако после появления в городе Лебеяни (Тамбовская губерния) в сентябре 1825 года первого общественного ипподрома в России было положено начало регулярным испытаниям лошадей скаковых и беговых пород.

Охотники, но не стрелки

А к середине XIX века дошла очередь и до губернского города Орла. В 1851 году здесь было учреждено Общество охотников конского бега для рысистых лошадей. Первоначально дела общества шли успешно: проводились соревнования по перевозке тяжестей и бегу, находились и желающие. Но в 1867 году общество прекратило свою деятельность из-за финансовых трудностей.

Однако к началу 70-х годов XIX века обстановка в губернии изменилась в лучшую сторону, появилось большое количество новых конных заводов. Только в Малоархангельском уезде их насчитывалось 18, а по всей Орловской губернии это число превысило сто заведений. Владельцы-коннозаводчики изъявляли желание проверить лучшие качества своих лошадей в состязании с другими.

5 августа 1872 года был утверждён устав охотников конского бега Орловской губернии, и с этого времени рысистые испытания стали вновь постоянными. И, как думаешь, читатель, какая порода лошадей участвовала в таких состязаниях? Правильно, орловская рысистая.

В Орле – и орловские рысаки! Тут уж можно было забыть про создателя породы графа Орлова и считать, что лошади-то – в нашем губернском городе выведены, свои, коренные. И на то, как они состязаются – надо посмотреть.

Принц, Богатырь, Пенел и другие...

Вот что сообщала губернская газета «Орловский вестник» в номере от 28 января 1882 года:

«В воскресенье, 24 января, состоялись первые бега на ипподроме, устроенном на реке Орлик».

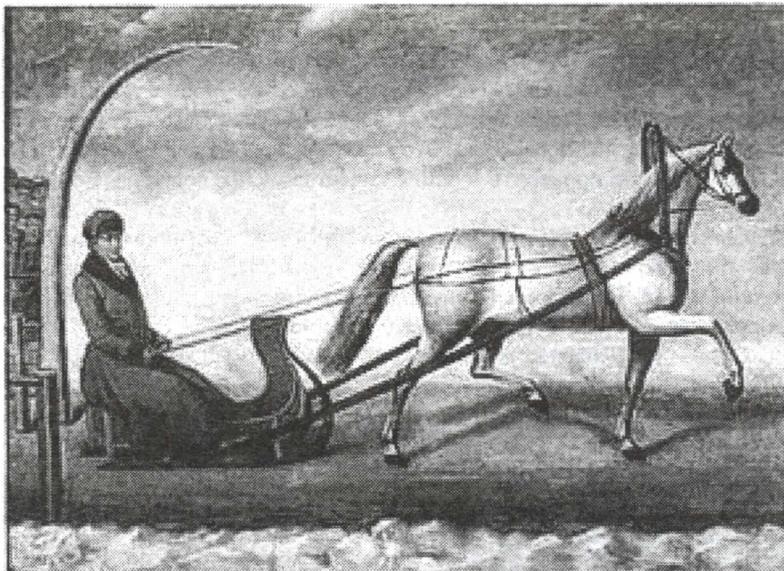
А далее газета достаточно подробно рассказала, как проходили первые зимние бега того года. В них участвовали восемь лошадей семи владельцев, представлявших известные дворянские фамилии: Н.Н. Воронцов, И.К. Дараган, П.И. Репин, И.М. Козаков, А.Г. Кологривов, С.В. Дунаевский и Д.Д. Солнцев.

Чего только стоило среди перечисленных одно лишь имя Ивана Михайловича Казакова! Участник Заграничных походов Русской армии, ординарец прославленного генерала Ермолова, вместе с которым он участвовал

во взятии Парижа в марте 1814 года, уйдя в отставку в чине подполковника, он жил в своём малоархангельском имении Алексеевка. Ярый охотник и лошадиник, Иван Михайлович занимался любимыми занятиями до глубокой старости и, кстати, умер на 87-ом году жизни, простудившись во время загонной охоты на волка, когда вдоволь наскакался на лошади.

В Орёл, на первые зимние бега, уже в почти 85-летнем возрасте бывший подполковник Козаков тоже заявился из своего имения, чтобы посмотреть, как бежит его светло-серая красавица кобыла по кличке «Отмена».

Дмитрий Дмитриевич Солнцев, представитель дворянского рода, внесённого в VI часть родословных книг Орловской, Тульской, Харьковской, Екатеринославской, Рязанской и Курской губерний, владел несколькими конными заводами и был одним из первых в России автором книг по коневодству (*кстати, одним из имений Дмитрия Солнцева управлял его однокашник Сергей Алексеевич Прокофьев, отец будущего выдающегося русского композитора Сергея Прокофьева, который и появился на свет в этом имении Солнцевка – А.П.*).

Орлов-Чесменский на одном из первых орловских рысаков

Дмитрий Дмитриевич тоже лично приехал поболеть за своего тёмно-серого жеребца по кличке «Пепел».

Присутствовал на бегах и Почётный член Орловского общества любителей конского бега князь Григорий Дмитриевич Хилков. Занимая важный придворный чин церемониймейстера Двора Его Императорского Величества, а также должность мирового судьи Новосильского уезда, он свободное время

тратил на коллекционирование историко-юридических документов и разведение лошадей. Один из забегов на льду Орлика был на приз в 200 рублей, установленный как раз Хилковым.

До начала бегов судьи напомнили владельцам и наездникам правила, проверили копыта у всех лошадей. Дело в том, что подковы для бегов на льду должны быть со специальными шипами – по одному спереди и двумя по бокам – в этом случае лошадь не скользила, а бежала уверенно. В случае сомнения в победе одной из лошадей, равенства во времени или при нарушении правил назначалась перебежка (*вторая попытка – А.П.*).

Ровно 11 часов пополудни состязания начались. Восемь лошадей были разбиты на пары. Первые три из них бежали на расстояние две версты, четвёртая пара – на три версты. По сигналу судей состязания начались. Зрители дружно болели, криками поддерживая своих любимцев.

В первой паре бежали жеребец Принц владельца И.К.Дарагана и кобыла Туча, принадлежавшая А.Г. Кологривову. Принц уверенно выиграл как в основном заезде, так и в перебежке, показав время 4 минуты 7 секунд.

Во втором забеге случилось чрезвычайное происшествие. Жеребец по кличке Барич (владелец – помещик П.И.Репнин), состязаясь с жеребцом Пробоем, принадлежавшим Н.Н.Воронцову, на одном из поворотов, бросился в сторону, выкинул из саней наездника и сломал оглоблю. К пострадавшему, пытаясь помочь, помчались зрители из публики, в результате чего они помешали бежать Пробою.

После того, как наездник Барича встал, отделавшись ушибами, судьи решили дать Пробою вторую попытку.

В третьем заезде Богатырь помещика А.Г.Кологривова на три секунды опередил кобылу Отмену И.М.Козакова, сильно расстроив отставного подполковника. Правда, и Кологривов не слишком был обрадован победой своей лошади, потому что его Богатырь, мало того, что проиграл по времени Принцу, который и получил первый приз в беге на две версты, но ещё и повредил ногу («зарубил на льду»). Победитель получил в качестве первого приза 200 рублей, а занявшая второе место Туча добыла своему владельцу 50 рублей.

В беге на три версты жеребец Пепел Д.Д. Солнцева уверенно выиграл у кобылы Красы помещика С.В. Дунаевского. Поскольку лошадей на эту дистанцию было заявлено всего две – они и поделили призовые деньги князя Г.Д. Хилкова: Солнцев получил 150 рублей, а Дунаевский – 50. Транспортные расходы эти владельцы полностью оправдали, даже осталось кое-что на корм для своих рысаков.

Получившие огромное удовольствие зрители, не торопясь и обсуждая увиденное, стали в третьем часу расходиться по домам. А победители, пригласив и побеждённых, отправились в ближайший ресторан: русский обычай не соблести было бы грешно...

Об Орловском каторжном централье

В русском языке существуют устоявшиеся словосочетания, когда при произнесении первого слова почти сразу же автоматически хочется произнести второе: например, когда мы говорим – «тульский», то что возникает в голове? Самовар, пряник или – на худой конец – знаменитый Левша. А если «курский» – так соловей, «брянский» – лес, «тамбовский» – волк, ну и так далее.

В нашем крае 100 лет тому назад слово «орловский» не только было известно по всей Российской империи, но и вызывало панический ужас у многих, особенно у осуждённых за какие-то преступления, стоило только в их присутствии произнести – «Орловский каторжный централ» или «орловский режим».

«Товарищи, бьют!»

Когда Россия по итогам войны с Японией лишилась Сахалина вместе с семью его каторжными тюрьмами, а арестантские заведения Сибири уже были переполнены, то Главное тюремное управление приступило к организации каторжных тюрем в пределах Европейской России. Наряду с созданием новых тюрем шло преобразование некоторых губернских в так называемые "временные каторжные тюрьмы". Одной из них стала "Орловская временная каторжная тюрьма", указ о создании которой император Николай II подписал 29 февраля (13 марта) 1908 года.

Первый начальник Орловской каторжной тюрьмы Мацевич

Отцом-покровителем Орловского каторжного централа (именно так в просторечьи заключённые окрестили это заведение – А.П.) стал губернатор Андриевский, прославившийся своей жестокостью при усмирении аграрных беспорядков в Черниговской губернии в 1905 году. Изю всех сил ему помогали орловский тюремный инспектор фон Кубе, происходивший из прибалтийских немцев, и начальник Орловского каторжного централа

Мацевич, бывший ранее помощником начальника Полтавских арестантских рот. Мацевич приехал в Орел не один. Он привез с собою целую свору испытанных тюремных надзирателей, среди которых были и несомненные садисты. Их совместными усилиями и был создан тот режим, который получил название «орловского».

Размещались заключённые каторжного центра в четырёх корпусах и тюремной больнице (больных всегда хватало). Огромные общие камеры тюрьмы, отделенные от прохода для надзирателей только мощной железной решеткой, были предназначены для содержания 28-36 заключенных. Таким образом, арестанты всегда находились на виду у охраны, как тигры в большой клетке. Это был «передовой» американский вариант размещения осужденных, раньше не практиковавшийся в России.

Вид корпусов Орловского центра

Поскольку количество арестантов в тюрьме достигало 1400 человек (при общем числе мест во всех корпусах учреждения около 1200), то камеры для узников всегда были переполнены сверх нормы, а условия содержания были ужасными. Неудивительно, что многие заключённые заболели и умирали. Согласно архивным документам, в период с 1908 по 1912 гг. в Орловском каторжном центре умерло 437 узников (примерно по два человека в неделю). Политические заключённые (их процент доходил здесь до 30) содержались вместе с уголовными.

К отвратительному общесанитарному состоянию камер добавлялись постоянные издевательства и избиения, которым подвергались заключённые со стороны надзирателей.

По опубликованным воспоминаниям, самым тяжелым был первый месяц заключения. В этот период арестантов били за все: не то сказал, не так посмотрел.

Вот что написал один из бывших заключённых Орловского центра в письме к Вере Фигнер: *«В 8 ч. вечера я услышал топот ног, щелканье замка и затем отчаянный крик Конуна: "Товарищи, бьют!.." Плач, стоны, падение*

чего-то тяжелого, звуки ударов... Все это было похоже на какой-то кошмар. Потом еще крик, потом еще, и, наконец, отпирают мою камеру. Ворвалась ватага надзирателей, все помощники,— и, в одно мгновение, одним ударом я был сшиблен с ног. Толпа озверевших людей стала творить надо мною нечто, неопишное: топтали ногами, били головой об пол, швыряли из угла в угол и затем, натешившись, повернули спиной вверх и начали связывать новыми веревками. Сначала туго связали руки, загнув их назад, потом притянули ноги к рукам веревкой и в таком изогнутом положении подняли на высоту человеческого, роста и бросили на пол... Я ударился головой и потерял сознание...»

Орловский централ. Истязания политзаключенных
(переснимок с фотографии рисунка, находящегося в Музее
Революции СССР)

В 1914 – 1916 годах наказание в Орловском каторжном центре отбывал Феликс Дзержинский, подтвердивший вышесказанное в одном из своих посланий: *«То, что вам известно стало насчёт наших условий, всё это правда. Эти условия попросту невозможны...»*

К мучениям и издевательствам в камерах добавлялись тяжелейшие испытания ещё и на работе.

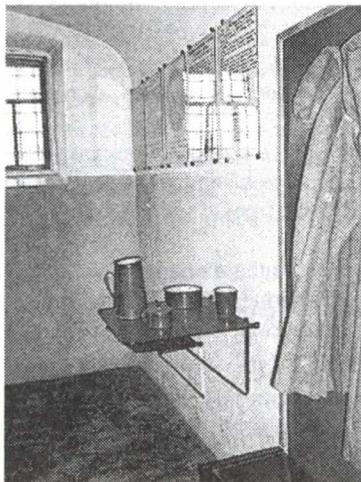
Хлопковые рабы

В Орловской каторжной тюрьме было несколько производств. Самое известное - изготовление ножных кандалов и наручных цепей не только для надобностей самого центра, но и на всю Российскую империю!

А самая страшная из мастерских, хлопо-трепальная, находилась на дворе, под навесом. Около сотни каторжан вручную вращали тяжелые пенькотрепальные машины. При работе поднималась густая ядовитая пыль, от которой каторжане задыхались и в летний зной, и в зимнюю стужу. Человек, проработавший там в течение нескольких месяцев, обычно тяжело заболел и становился калекой или умирал. Отправить арестанта работать «на хлопок» звучало в устах орловских тюремщиков, как страшная угроза.

Главным надсмотрщиком мастерской был надзиратель Ветров, не расстававшийся с плеткой. Плетка, заканчивавшаяся узлом, постоянно была в употреблении, и удары сыпались беспощадно на рабочих-каторжан.

10 августа 1910 года один из заключенных этой рабской мастерской,

Камера Дзержинского

Богданов, в ответ на удар нагайкой по голове, схватил топор и одним ударом раскроил череп садисту-надзирателю. Потом он сорвал с него револьвер и начал стрелять в других надзирателей. Тут же раздался огонь охраны со всех вышек и башен. Шесть человек были убиты и тридцать ранены. Остальные избиты до полусмерти. Вскоре состоялся военный суд.

Восемнадцать зачинщикам бунта грозила смертная казнь. Но когда арестованные рассказали о произволе, царившем в тюрьме, а потом, раздевшись донага, показали незаживающие раны от палок и нагаек, прокурор отказался от обвинения, и присяжные заседатели всем арестованным вынесли оправдательный приговор.

Однако даже после этих событий, широко освещавшихся в печати и вызвавших широкий протест в России и за рубежом, тюремщики Орловского централа успокоились лишь на некоторое время, что вызвало новые волнения уже в 1912 году.

«Пять суток карцера – за чтение книги»

Как раз тогда, в июле, Орловская временная каторжная тюрьма пополнилась новой партией арестантов из 19 человек, один из которых носил фамилию Кадыров.

Шаги Агдам Кадыров, татарин Шиковской волости Хвалынского уезда Саратовской губернии, магометанин, был арестован в городе Скобелеве Ферганской области 15 марта 1909 года, два с половиной года дождался суда, который 29 сентября 1911 года приговорил его к четырём годам каторжных работ.

Отбывать их он и был направлен в Орловский каторжный централ. В личном деле Кадырова, хранящемся в фондах Государственного архива

Орловской области, имеется статистический листок, благодаря которому я узнал, что ему на момент ареста было 33 года, что он - торговец, женат и имел трёх маленьких детей – от полутора до пяти лет. Наверняка, арест и обвинение по пяти статьям Уложения наказаний Российской империи было для него тяжёлым ударом.

В Орловском центре Шаги Агдам Кадыров пробыл полтора года, работал как раз на «хлопке» и, видимо, «приобрёл» там себе туберкулёз, хотя врач Рыхленский в справке написал, что заболевание появилось у заключённого ещё до его ареста в 1909 году.

Видимо, поэтому Кадыров особо не усердствовал на работе, по причине чего дважды подвергался дисциплинарным наказаниям. 12 июня 1913 года он «тайно пронёс в мастерскую книгу и во время работы читал», получив за нарушение режима 5 суток «тёмного карцера».

Через две недели, 27 июня, «за нежелание работать на хлопках и ленивое отношение к работе вообще» Шаги Агдам был наказан семью сутками пребывания в «тёмном и светлом карцере».

Однако, как ни удивительно, когда в конце 1913 года в тюрьме определяли заключённых, которых можно «перечислить в разряд исправляющихся», начальник тюрьмы Колченков написал, что Кадыров наказаниям не подвергался, и его следует внести в данный список.

В результате, срок каторги Шаги Агдаму был сокращён на один год восемь месяцев, и в январе 1914 года он стал ссыльно-поселенцем. В том же месяце Кадыров отбыл в Иркутск, в распоряжение Иркутского тюремного отделения, и его следы затерялись на необозримых сибирских просторах.

Современное фото корпусов тюрьмы

православным разрешалось уже всё для тела и души – любая еда и питьё, веселье. Одним из Святочных дней был праздник Нового Года. Нарушать религиозные традиции при таком порядке не приходилось.

Приходило Рождество – и души орловчан открывались навстречу многочисленным возможностям (при наличии средств, естественно) приятно провести наступившие праздничные дни. Здесь и многочисленные балы-маскарады (в Орловском дворянском и в Купеческом собраниях), и семейные вечеринки (с танцами и раздачей подарков детям), и разнообразные лотереи, и посещение театров, представлявших специальный Святочный репертуар, и походы на новомодную забаву – в кино (первый «Электротеатр», так называлось тогда это популярное заведение, появился в Орле в 1905 году).

Но не забывали орловчане и о первой обязанности православного человека, особенно в дни Рождества – помочь ближнему своему, бедному и обездоленному. Многие орловские общества, организации и клубы устраивали в эти дни благотворительные вечера, на которых народ, купив билет, получал удовольствие, зная, что его деньги пойдут на благое, Богоугодное дело.

Александровское реальное училище

Новогодний вечер в Александровском реальном училище

Вот об одном из таких мероприятий, организованном в рождественские дни 1907 года, я и хочу рассказать. Его организаторами (распорядителями) стали ученики старших классов Александровского реального училища, которые решили помочь своим товарищам из неимущих семей. Заранее договорились об

аренде для проведения вечера лучшего в Орле зала – в Дворянском собрании, а потом всю закипела работа.

Типографским путём были изготовлены билеты: почётные (бесплатные), входные (по 50 копеек) и на места в концерте (стоимостью от одного до пяти рублей). Три главных распорядителя вечера, Дмитрий Власов, Григорий Меньшиков и Анатолий Ситников, сумели решить все проблемы, включая даже организацию бесплатного буфета (напитки предоставил владелец пивоваренного завода Г.К. Шильде, а колбасу для бутербродов отпустил К.А. Фроммельт – хозяин лучшей в Орле колбасной).

К 7 часам вечера 27 декабря к зданию Дворянского собрания первыми подъехали на извозчиках распорядители вечера, - празднично одетые реалисты и гимназистки. В комнате для распорядителей на втором этаже барышни приколоты себе алые ленты, а на грудь ребятам они прикрепили жёлтые муаровые. Юноши под руку подвели барышень к цветам и купили для них бутоньерки. Эти симпатичные искусственные цветы, изготовленные заранее самими реалистами, гимназистки с благодарностью приколоты у себя на груди.

А потом все распорядители разошлись по своим рабочим местам: одни – к буфету, другие – к столам для продажи программ концерта и бутоньерок, третьи – к входу для проверки билетов.

К половине восьмого вечера стали собираться все остальные, включая родителей учеников, учителей и начальство.

Котильон

Ровно в восемь началась концертная программа, длившаяся около двух часов. И хотя артистами выступили не профессионалы, а местные любители, но такие, способности которых в Орле были хорошо известны: певцы

С. Романовская, И. Кукин, пианист С. Розанов, скрипач В. Титков. Зрители их внимательно слушали и тепло приветствовали. А в 10 часов вечера началось главное событие для собравшейся в зале Дворянского собрания молодёжи – танцы в сопровождении оркестра Черниговского полка, «вооружённого» серебряными трубами.

В роли дирижёра танцев выступил преподаватель французского языка Александровского реального училища Георгий Иванович Зейтц, сам – блестящий танцор. На середину зала вышли распорядители и распорядительницы и, взявшись за руки, образовали большой круг. В этот круг вошёл одетый во фрак, с белым галстуком, Г.И. Зейтц. Из числа составивших круг к нему выбежала гимназистка Юлия Лидак, держа в руках громадный бант, и приколола этот бант на грудь дирижёра.

Зейтц поблагодарил за подарок и скомандовал оркестру, расположившемуся на хорах: «Вальс!» Заиграла музыка, Георгий Иванович бережно взял Юлию и открыл бал. Круг превратился в пары, и всё слилось «в вихре вальса». Один танец сменялся другим, тут уже начались ухаживания и флирт.

А уже после 12 часов ночи, в завершение вечера, Г. Зейтц объявил «котильон». Здесь несколько слов нужно сказать об этом чрезвычайно тогда популярном бальном танце французского происхождения. Словом «котильон» (фр. cotillon) первоначально называлась нижняя юбка. Позже это название закрепилось за танцем. Многие авторы конца 19 века утверждали, что котильон был выдуман французами в честь прекрасной половины человечества. По сути своей, это танец-игра, объединяющая вальс, мазурку и польку. Исполнялся он всеми участниками в конце бала. К концу XIX века популярен был котильон с аксессуарными, то есть специально подготовленными для танца предметами или поделками.

Под руководством Г. Зейтца участники вечера в течение полутора часов носились, как угорелые, и не только в главном зале, но и по всем помещениям Дворянского собрания. Усталые, с мокрыми от пота волосами, запутанные в ленты «серпантина» и обсыпанные «конфетти», юноши и барышни, забыв обо всём на свете, танцевали и танцевали, пока и у них самих, и у оркестра, и у дирижёра не иссякли силы.

В половине второго ночи бал закончился, и начался разъезд. Шумящая благодарная молодёжь на руках донесла дирижёра Зейтца до дома, а потом реалисты проводили до дома своих барышень.

Так закончился вечер – к полному удовлетворению всех его участников. В этот раз он дал организаторам 800 рублей чистой прибыли, что позволило внести полугодовую плату за обучение 40 неимущих реалистов.

P.S. Думаю, что Пётр Кречетов, критически относившийся к балам и маскарадам орловчан, по этому поводу сказал бы, наверняка, несколько добрых слов.

А вот на современных российских новогодних и рождественских корпоративах зарабатывают только «звёзды», причём, такие суммы, на которые вполне можно было бы содержать целый год учебное заведение такого рода, каким было замечательное Александровское реальное училище.

Новогодние забавы в Орле

Одним из любимых массовых мероприятий 1911 года оказались костюмированные балы-маскарады. Первым в городе прошёл такой, с шестью ценными призами за лучшие и оригинальные костюмы, в клубе приказчиков. Следом, 27 декабря, бал-маскарад состоялся в Орловском дворянском собрании.

С размахом провело костюмированный бал 28 декабря: Орловское купеческое собрание. Вход сюда составлял: для мужчин – 1 рубль, для дам – 60 копеек, но зато за лучшие костюмы были вручены сразу 12 ценных призов: золотые мужские и женские часы, два золотых перстня, золотые серьги, брошь, браслет, жетон, булавка, серебряные портсигар, портмоне и подстаканник.

В 1911 году в Орле, в котором проживало не так уж много (в отличие от сегодняшних дней) студентов, тем не менее, состоялись две студенческие вечеринки. Вторая из них, прошедшая 27 декабря в зале Орловского купеческого собрания, собрала почти всех молодых людей, обучавшихся в высших учебных заведениях в обеих столицах. Студенты состязались на вечеринке в остроумии и танцах (моден был в тот год *котильон* – А.П.).

Те орловчане, кто предпочитал отдых с семьями, в течение последней декады декабря могли это сделать неоднократно: 27 и 28 числа – в Орловском обществе любителей изящных искусств, 29 – в клубе приказчиков (здесь прошёл семейный вечер с танцами) и 30 декабря (общество любителей изящной словесности для своих детей организовало ёлку с раздачей «мешочков со сладостями»).

Настоящий ажиотаж вызвала проведённая 26 и 27 декабря в помещении Орловской городской Думы лотерея-аллегри. Всего за два дня было разыграно около трёх тысяч предметов, а главными призами стали лошадь, корова и граммофон.

Не меньшей популярностью в святочные дни пользовались различные спектакли и представления, как самодеятельные, так и с участием профессиональных артистов.

Существовавший в Орле Городской Зимний театр представил землякам специальный Святочный репертуар, предусматривая по два спектакля ежедневно: днём (в час пополудни) и вечером (начало - 8.30).

26 декабря, в понедельник, были даны: историческая драма Шпажинского «Чародейка», и драма Ростана «Орлёнок», 27 декабря, во вторник, - инсценировка романа Достоевского «Преступление и наказание» (*наверное, режиссёр спектакля хотел предупредить зрителей о пагубности возлияний в святочные дни – А.П.*) и историческая драма «Екатерина Долгорукая», в среду – пьеса Невежина «Вторая молодость» и сочинение Беляева «Паиша». Перед началом спектаклей и в антрактах зрителей развлекал «оркестр музыки 142 Звенигородского полка» под управлением А.Владиминова.

Пользовался популярностью у орловчан и такой новый вид искусства, как кинематограф. Правда, название тогда у него было другое. Два

существовавших на улице Болховской (современной улице Ленина) кинотеатра назывались «Театр Гранд-Электро» и «Большой Парижский Электротеатр».

Чтобы завлечь к себе зрителей, администрация этих заведений публиковала в губернском «Орловском вестнике» обширную рекламу. Вот как, к примеру, «Электротеатр» представил свой репертуар на 26 и 27 декабря 1911 года:

«Сердце подсказало» – картина о том, как «рождение первого ребёнка стоило жизни жене Артура. Безутешный вдовец не в силах больше видеть свою дочь и уезжает от неё в Европу. Лишь через 8 лет он возвращается примирённым».

«Предсмертное свидание»: «Отдавший все силы своей души, всю жизнь - своей любви, красавице-балерине, он узнаёт, что она его обманывает. Его горе, его гнев выливаются в ужасную форму».

«Месть старого холостяка» - «Большая, ультракомическая картина, неудержимо весело и смешно».

В «Театре Гранд-Электро» был похожий репертуар, оба кинотеатра, для привлечения семей с детьми, предлагали также с 12 до 6 часов дня «специальные детские комические картины» и «богато убранную электрическими огнями ёлку».

Сеансы начинались с 12 часов дня и шли с небольшими перерывами, которые заполнял своей музыкой военный оркестр Можайского полка под управлением В.Лейсека (*музыканты оркестра умудрялись одновременно, если судить по рекламе, играть сразу в двух кинотеатрах, возможно, уже тогда начиналось деление популярных ансамблей на две труппы – А.П.*)

Любили орловчане в эти святочные дни и отдых на свежем воздухе. Мальчишки катались на санках с горок (популярным был спуск у дома под названием «Башня» (Похвалинского), а орловское гимнастическое общество «Сокол» построило на реке Орлик каток, соорудив музыкальную эстраду (здесь играл ансамбль) и теплушку для обогрева. Каток, открывшийся 27 декабря, освещался газокалильными фонарями. Члены общества «Сокол» катались здесь бесплатно, а все остальные желающие должны были покупать билеты.

Новогодние дни в Орловской губернии

Кстати, ледовые забавы любили не только в Орле, но и уездных городах. Малоархангельская молодежь устроила каток на городском пруду, поддержав его распространением абонементных билетов по 2 рубля (продано было в предновогодние дни 20 штук). На Святки на пруду играл и оркестр.

Вообще, в Малоархангельске Новый год встретили весело. Драматическое общество города обзавелось новой сценой и новыми декорациями, которые до этого «представляли совершенный хлам». И в новых, комфортабельных условиях артисты дали горожанам два представления на святочные темы (27 декабря и 3 января). А 1 января для малоархангельцев был устроен танцевальный вечер. Пожарники Малоархангельска организовали сразу два

мероприятия: танцевальный вечер (26 декабря, в пользу своего Вольно-пожарного общества), а 6 января – настоящий бал-маскарад.

Как ни странно, по-видимому, именно пожарники Орловской губернии были наиболее активными участниками новогодних мероприятий, наверное, хотели быть рядом с источником пожара, чтобы тут же начать его тушить. Так, кромские борцы с пожарами выпустили «оптом сразу две афиши об устройстве ими танцевальных вечеров и маскарадов». Правда, конкурентами кромских пожарников выступили приехавшие из Малороссии артисты.

А речку Недну в Кромах во все Святки заполнили конькобежцы, причём, не только дети, но и взрослые, и даже старики.

Не везде в губернии были возможности так весело и с размахом отдохнуть. В некоторых, даже крупных сёлах и деревнях, народ просто *«совершал визиты во все дни Святки для получения катара от гастрономических закусок с возлиянием»*.

И хорошо, если такие возлияния ограничивались самым популярным новогодним вином в Орле 1911 года – французским десертным «Сен-Рафаэль» (*«лучшим другом желудка»*, как сообщала реклама). Или, на худой конец, пивом «Чешское золотое», с гигиенической закупоркой «Идеал», орловского завода Г.К.Шильде, удостоенного высшей награды Гранприемо на международной выставке в Риме.

А то ведь народ употреблял такие напитки, о которых вспоминали потом: *«Мы с ним вышли раз, вышли два, аж круги в глазах пошли. И откуда он только такую настойку достал?»*

Впрочем, как иронически заметил корреспондент одного из губернских изданий, *«раз уж самим нельзя было найти возможность повеселиться, то пусть хоть черти в чехарду в голове поиграют...»*.

Вот так разнообразно отдыхали орловчане 100 лет тому назад. В некоторых случаях – очень похоже на день сегодняшний, ты не находишь, читатель?

«Нужна большая партия сена...» (реклама в Орле 100 лет тому назад)

На окраине одного американского кладбища небольшого городка в штате Калифорния в начале XX века любой посетитель этого скорбного места мог увидеть большой мраморный камень с надписью: «Джон Смит. Застрелился 13 декабря 1913 года. Самоубийство совершил с помощью пистолета «кольт».

А ниже на мраморе было художественно выполненное изображение этого огнестрельного оружия, даны все его характеристики, написан адрес магазина оружия и как до него добратсья.

В Орловской губернии в те же годы рекламное искусство таких высот ещё не достигло, поскольку объявления сочиняли сами продавцы или владельцы товара. Но и они в новом для себя ремесле добивались иногда приличных результатов.

Поскольку единственным СМИ в Орловской губернии в начале XX века были газеты, именно в них и сосредотачивалась основная масса рекламы. В самой популярной и тиражной газете края, в «Орловском вестнике», из четырёх её полос, рекламе полностью были отданы половина первой и вся четвёртая страница.

«Плата по таксе»

Судя по объявлениям, в 1912 году первой и самой насущной потребностью орловчан была забота о собственном здоровье. Имена и адреса орловских частнопрактикующих врачей, предлагавших горожанам свои услуги, печатались только на первой полосе «Орловского вестника». Почти три десятка докторов, специалистов по болезням лёгких, сердца, брюшной полости, по внутренним, кожным (с особенным упором на лечение сифилиса), нервным, глазным, ухо-горло-носовым, зубным и женским заболеваниям предлагали орловчанам избавиться их от недугов с раннего утра до позднего вечера.

Большинство врачей были, конечно же, мужчинами. Но имелись и женщины в этом большом сообществе. Зубной врач Екатерина Яковлевна Драудинь, к примеру, приглашала больных в дом Бажинова на углу Московской и Покровской улиц с 9 утра до часу дня, а потом с 3 часов дня до 7 вечера, обещая при лечении скидку для учащихся.

Зубная лечебница (кстати, замечательное слово, намного лучше, нежели больница – А.П.) Перельмана и Даревского предлагала искусственные зубы по цене от рубля за штуку, пломбирование – за 75 копеек и даже, - просто совет (подешёвке, за 25 копеек).

Владелец аналогичной зубной лечебницы М.Д.Каплан, кроме искусственных зубов, рекламировал золотые коронки obturatory (искусственное нёбо), пломбирование и извлечение (какая тонкость, а? – не выдёргивание, не удаление, а именно так – А.П.) зубов без малейшей боли по новым способам. И цены эта лечебница установила божеские – «по таксе».

Сразу несколько докторов-акушеров сообщали о своей готовности немедленно прийти на помощь женщинам и роженицам. Причём, почти все обещали о сугубой секретности при организации приёма и обследования.

Вот одно такое объявление: «Убежище для беременных и рожениц Красновской, для секрета – отдельная комната, акушерский массаж и оспопрививание. Покровская улица, дом Сабурова, рядом с церковью Покрова» (очень важное уточнение – Бог рядом – А.П.).

И ещё одно: «Родильный приют Н.А.Сентяниной. комната для беременных – секретная, совершенно изолированная».

Какие хорошие русские слова, давно забытые нами, есть в этих объявлениях – *лечебница, родильный приют, убежище для беременных*, всё как-то теплее, душевнее.

О пистолетах, ружьях, медных тазях и прочем...

Судя по рекламе «Орловского вестника», в Орле и губернии в 1912 году было, всё, что имелось и в крупных российских городах, даже самые новые и модные тогда товары: патефоны, граммофоны и пластинки к ним, велосипеды,

Магазинъ А. Н. Дугина.
Орскъ, Болховская улица, соб. д.

ПОЛУЧЕНЫ
ПИСТОЛЕТЫ
«Браунингъ»
большие
и малые,
ружья:
«ЗАУЕРЪ», «ПИПЕРЪ» и «БЕРАНДИ»
Изъ Императорскаго завода пороха, дробь,
медные тазы Суцёвскаго завода, варо-
вские самовары Patent, спиртомъ и
керосиномъ, фляги «Термосъ»,
автомобильныя очки для авто-
мобилей и велосипедовъ, зонтики и гу-
бки для детей 85 коп., американскія газо-воздушныя 10 р., револь-
веры «Пугачъ» 75 коп., варимыя извѣстковыя для шпакреля
отъ 30 коп., консервобатки извѣстковыя, герметъ, подкваша, варимыя
печенье для кухни. Аппараты для опраиванія варимыя отъ
50 коп., «Дуль-Калла» и тазы для обезжиренія бровентовъ и осто-
ваиванія, сапожно-пошивочныя и варимыя-газовые фены, сепари-
торы, молокоотеры и маслобойки.

Большой выборъ металлическихъ вилочекъ и ложекъ въ массу.

ЦѢНЫ БИЖУ ЗАПРОСА. Съ почтениемъ А. ДУГИНЪ.
Магазинъ «Общ. Польз.» А. Н. Дугина.

линолеум, сельскохозяйственные машины. Правда, всё это рекламировалось с небольшой орловской «изюминкой». Орловский представитель фирм-производителей американских сельхозмашин, сообщая, у кого и где в Орле эти машины продаются, сделал небольшое добавление: «Сельскохозяйственное бюро при Орловской губернской управе, а также А.И. Меццерин нашими представителями не являются и машин от нас не получают».

А разве можно было пройти равнодушно мимо такой рекламы: «Магазин А.Н. Дугина, улица Болховская, собственный дом. Получены пистолеты «Браунинг», большие и малые, ружья «Зауер», «Пипер», Берданки Императорского завода, порох, дробь, медные тазы для варки варенья, поварские плиты Суцёвского завода, керосиновые самовары «Patent», фляги «Термос», автомобильные очки за 85 копеек, револьверы «Пугач» за 75 копеек... С почтением А. Дугин».

Орловский купец Н.Ф.Веников в двух номерах «Орловского вестника» дал два объявления. В первом он сообщил, что его «похоронное бюро, находящееся в Орле против церкви Покрова, имеет в большом количестве памятники лабрадорские, мраморные, гранитные и прочие. А также венки, золотую и серебряную парчу. Гробы металлические, дубовые и обитые». Другое объявление гласило, что в доме Серебренникова, при церкви Покрова, у

Веникова большой выбор мебели и зеркал. В общем – «и для мёртвых, и для живых» - приятное разнообразие.

Сохранили аромат времени сообщения вот такого вида: «Очки и пенсы по рецептам господ врачей в оправках из стали, никкеля, черепахи, золота. Изготавливаются скоро! Дороже всех плачу за бриллианты, жемчуг, золото, серебро. Ювелирный магазин А.Г. Корчмарского, Болховская улица, против книжного магазина Шемаева».

Г. А. ГИЛЕВИЧЪ
 РЕВЕЛЬ, Болховская, домъ Ягросова.

Единственное представительство въ Ревелѣ
 ВЫСШЕГО КЛАССА СЪВОНЪ
ЭФИЛЬДЪ, ГУВЕРЪ, ДУЖЪ, БЛОУЪ,
 Англія, В. С. А., Швеція и др.

Собственныя фабрики въ Англии, въ Швеціи, въ Финляндіи и въ Италіи.
 В. Большая и восточная части въ Ревелѣ. В. и восточная части въ
 ЦУРЪ И ВЪ КОНСТАНЦІИ. ДОБЫВАЕТСЯ РАССОЛКА ШАТТЕРА

ИЗВѢЩЕНІЕ ОТЪ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
МЫЛА ОЛЕО-ВАЗЕЛИНЪ РОЯЛЬ КОНГО
Э. БОДЛО И К^О.
 ФАБРИКА, МОСКВА, 3-я Мѣщанская, № 49.

Э. БОДЛО И К^О Е. ВАУДЕЛОТЪ С^О

Изъ ряду изобретённыхъ подражаній ланка изобрѣтеннаго Мыла олео-
 вазелина Рояль-Конго, издѣль протруженно искомъ на будущее
 время подѣлокъ, вышестояи ланка искомъ съ истинно вышестояи
 стнкатскъ, съ ишней фабричной маркой, утверждённой правительствомъ,
 досъ ишней
 мыло Олео-Вазелинъ Рояль-Бодло. Произведено въ Ревелѣ.

В современных объявлениях часто можно прочесть: «Срочно продаётся...». В 1912 году предпочитали такую формулировку: «По случаю продаётся совершенно новое пианино».

В поисках нужного товара сейчас мы пишем: «Требуется, ищу...». «Орловский вестник» 1912 года опубликовал просьбу одного нуждающегося: «Нужна большая партия сена...».

Я до последнего времени был убеждён, что специалисты, предлагающие легковёрным быстро разбогатеть, - это изобретение современных жуликов. Оказывается, - нет. Такое вот объявление с удивлением узрел я среди прочих в сентябрьском номере самой популярной орловской газеты начала

XX века: «10-50 рублей прибыли! Ищу для распространения легко продаваемого предмета энергичных красноречивых людей на постоянное место. Письменно предлагаемый адрес: Ревель, 31, почтовый ящик 52». И как этот объявитель до Орла добрался – уму непостижимо!

Работе в те годы было посвящено сравнительно небольшое место («Ищу место приказчика, управляющего, готовлю к переэкзаменовке» и т.д.). Немного и объявлений о продаже, сдаче в аренду недвижимости («Отдаются барские квартиры, роскошно отделанные 5-6 комнатные, передняя, людская, кухня, ванная комната, два хода – парадный и чёрный, два клозета... Гостинная улица, дом господ Скоропадских»).

О шашлыке из молодого барашка и стерляди дортуа Жюльен

Ну и конечно, нельзя обойти темы общественного питания (используя современную формулировку) в орловской рекламе тех лет. Два объявления я процитирую – они очень аппетитны.

От 18 июля 1912 года: *«Вновь открытый в Орле Кавказский погреб русских виноградных вин А.Б. Петровой (Болховская улица, дом Леваковых, под Купеческим клубом) имеет всегда самые лучшие вина как для продажи на вынос, так и для распивки на месте.*

Есть уютный зал и семейные кабинеты. В погребе подаются холодные и горячие туземные закуски и настоящий кавказский шашлык из молодого барашка».

От 6 сентября 1912 года: *«Первоклассный ресторан «Берлин» извещает глубокоуважаемых посетителей ресторана, что с сегодняшнего дня, ежедневно в течение зимнего сезона, во время обедов от 2 часов до 6 часов вечера и ужина от 10 часов вечера до 2 часов ночи, будет играть новый концертный струнный оркестр под управлением известного солиста-скрипача, исполнителя цыганских романсов, Г. Покой. Оркестр состоит из 9 исключительных солистов.*

Меню обедов на сегодня:

- 1. Крем Шатлен или Консоме-Моктюр, Гренки, пате-гриб, риколы*
- 2. Стерлядь дортуа Жюльен*
- 3. Жего Шевроль пуаврад, Кнодоль*
- 4. Шуфлер, соус Муслин*
- 5. Дюшес Маркиз (названия не проверял, мог и ошибиться – А.П.)*

Сегодня во время ужина дамам будут предложены букеты из живых цветов. Ресторан заново отремонтирован и будет превращён из тропических заграничных растений в зимний сад.

При ресторане имеются отдельные залы и кабинеты. Вход в кабинеты отдельный. В каждом кабинете имеется пианино... Ресторан помещается в доме Скоропадских. Содержатель И.Ф. Мезенцев».

На этой слюноотделительной ноте я и заканчиваю рассказ об орловской рекламе столетней давности.

С совершеннейшим почтением к читателю Александр Полынкин

Орловская мужская гимназия в воспоминаниях её выпускников

Леонид Оболенский:

**«Муму» как способ постижения истины»
(50-ые годы XIX века)**

*Красивая княжеская фамилия Оболенских в современной России стала хорошо известна благодаря популярной песне, которую с успехом исполняли сразу несколько певцов - Жанна Бичевская, Михаил Звездинский и Александр Малинин. А строчка о **корнете Оболенском, которого просят налить вина**, вообще стала крылатым выражением.*

Как ни удивительно, но фамилия Оболенских была очень распространена в Орловской губернии до революции, не исчезла она и в настоящее время. Правда,

жили в наших краях не князья, а их однофамильцы из числа небогатых дворян, священнослужителей и даже государственных крестьян. Особенно много Оболенских населяло Малоархангельский уезд.

Специалист по «Русскому богатству»

Одним из них был хорошо известный в конце XIX – начале XX века русский философ, социолог, журналист, писатель, издатель и редактор популярного журнала «Русское богатство» Леонид Егорович Оболенский. Его перу принадлежат несколько романов из крестьянской жизни (написанных под псевдонимом *Матвей Красов*) и большое число очерков на философские, социологические и литературные темы, в которых он часто полемизировал с самим Львом Толстым.

Оболенский Леонид Егорович

Родился Леонид Оболенский в маленьком уездном городе Малоархангельске в марте 1845 года. Отец его, Егор Александрович, мелкий чиновник 14 ранга, служил в земском суде (в те годы это учреждение выполняло полицейские функции), мать хозяйничала по дому. Семья мало чем отличалась от других чиновничьих семей уездного города, разве что необычностью биографии мамы будущего журналиста и философа. Елизавета Ильинична

была немкой лютеранского вероисповедания и с хорошим образованием, полученным в одном из лучших московских пансионов того времени, очень любила читать и замечательно играла на пианино. Муж её с раннего утра до позднего вечера пропадал на работе, достойного общества в городе Малоархангельске найти Елизавете не удалось, и всю свою энергию и любовь молодая мама тратила на детей. Начальные знания по разным предметам она дала им основательные.

А потом мальчики (Леонид и Валериан) продолжили образование в Орловской мужской гимназии. Леонид проучился в ней 6 лет, оставивших в его душе как долго не заживавшие раны, так и самые тёплые чувства. В 1902 году журнал «Исторический вестник» (том 87) опубликовал написанные Оболенским «Литературные воспоминания и характеристики», в самом начале которых он большое место уделит как раз периоду своего пребывания в гимназии.

С тех пор прошло 110 лет, но эти живые зарисовки талантливого писателя, по-прежнему, хранят *горький аромат времени*. Я процитирую из «Воспоминаний» несколько отрывков, дав им собственные подзаголовки и перемежая авторский текст небольшими вставками.

Слёзы, перепела и копчёные гуси

«В августе 1854 года мать повезла меня из уездного города Малоархангельска в город Орёл, чтобы отдать в местную гимназию. При проводах служили молебн, на котором присутствовала вся дворня; отец плакал, как ребёнок. Мать тоже плакала навзрыд, хотя и ехала со мною. Плакала прислуга, прослезился даже батюшка, отец Иоанн Зернов...

Наконец, поехали с целым возом, нагруженным и на верху коляски, и сзади её, и на козлах... В числе предметов, составлявших этот груз, была, например, большая кадочка с перепелами, залитыми в коровьем масле, и другая такая же кадочка, с копчёными гусями. Эти кадочки везлись в подарок тогдашнему директору гимназии, господину З-у, потому что один из орловских приятелей отца предупредил о необходимости именно этих даров, очень любимых господином З-м.

Кажется, везлись подарки в том же роде и ещё кое-кому... Знаю, что впоследствии одаривались съестными припасами и некоторые из надзирателей пансиона... « (читатель из собственного опыта может сделать вывод, много ли изменилось в этом плане через 150 с лишним лет – А.П.).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(1854—1892 г.).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

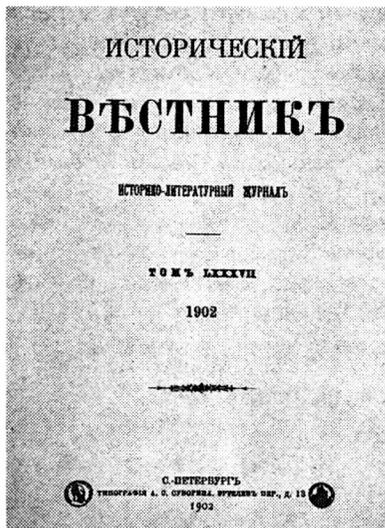
ДЛЯ ЧЕГО я решился печатать свои воспоминания? Какой интерес они могут представлять для публики? Всякия воспоминания, а литературныя въ частности, могут имѣть двойной интересъ: во-первыхъ, они могут сообщить намъ факты, заслуживающіе нѣкотораго вниманія, и утрата которыхъ для публики была бы нежелательна; во-вторыхъ, они выражаютъ тотъ или другой взглядъ автора воспоминаній на факты и людей, а это имѣетъ значеніе, по меньшей мѣрѣ, для автора, если онъ придастъ нѣкоторую цѣнность своимъ взглядамъ. Но кто же не дорожитъ своими взглядами? Ужъ дѣло публики рѣшить, дѣйствительно ли эти взгляды заслуживали сообщенія. Но безъ желанія сообщить свои взгляды не было бы и литературы.

Начало Литературныхъ воспоминаній и характеристикъ Леонидъ Оболенскій

Директора гимназии: любитель розог г. З-н и либерал г. М-ский

«Экзамены были выдержаны; матери пожили в Орле дня три-четыре и уехали, а мы остались... Мало-помалу я привык к пансиону, начал принимать участие в общих играх и втянулся в общую жизнь...»

В этой общей жизни важную роль играли, кроме самих воспитанников, директор гимназии, преподаватели и надзиратели.

В этом номере были опубликованы воспоминания Леонида Оболенского

«Директор г. З-н, о котором я уже упоминал, был выживший из ума старик; он редко появлялся среди гимназистов, а когда появлялся, то говорил длинные, бессвязные речи, делавшие его посмешищем. Так, у него была, например, кличка «Сыплет», данная ему гимназистами за то, что, придя однажды в какой-то класс, он начал свою речь с описания погоды, причём, повторил раз семь подряд, что «сыплет, сыплет, сыплет...».

При этом директоре в Орловской гимназии процветали наказания розгами, причём, за совершенно незначительные провинности. Леонида Оболенского секли дважды. Первый раз – за то, что он вырезал у себя на руке инициалы своей сестры Марии – «М.О.». Второй раз – «за поступок ещё более невинный», в котором он и виноват-то не был. Только позже Леонид понял, в чём дело: «директор

мстил мне за то, что в тот год мой отец ничего не прислал ему...». Эти наказания чуть не превратили Оболенского в нервно больного человека, постоянно плакавшего в ожидании наказания без причины. Спас его старший пансионер из 7 класса, взявший над ним шефство.

А вскоре место этого директора гимназии занял другой, молодой и симпатичный, совершенно очаровавший гимназистов, г. М – ский. «Он, как только пришёл в гимназию в первый раз, заговорил с нами новым, неожиданным языком: «Я хочу быть для вас не начальником, а другом вашим!» Розги были уничтожены, стали проводиться литературные вечера, на которых новый директор «читал нам отрывки из Гоголя, Тургенева». Правда, либерализм г. М-ского длился недолго. Как только гимназисты вздумали издавать письменный журнал, в котором помещали свои стихи и рассказы, директор вызвал «нас к себе, кричал на нас, топал ногами и объявил, что если журнал не прекратится, нам придётся оставить гимназию». К счастью, до наказания розгами дело у М-ского, всё-таки, не дошло.

Орёл, здание мужской гимназии (ныне - исторический факультет ОГУ)

«Наш любимец Рашевский»

Преподаватели в Орловской гимназии были разные. И о многих из них у Леонида Оболенского остались не самые приятные воспоминания и соответствующие прозвища. Но Ивана Фёдоровича Рашевского, недавнего выпускника Харьковского университета, ставшего потом одним из учредителей первых женских курсов в Петербурге и преподавателем словесности у будущего Императора Николая II и членов его семьи, гимназисты боготворили. Вот как о нём вспоминал Оболенский:

«Неизменным нашим любимцем был И.Ф. Рашевский. Он не заботился о популярности и, тем не менее, имел её. В классе он требовал безусловной тишины и внимания, но никогда не обращался за содействием ни к директору, ни к инспектору. Спрашивать уроков и писание «отметок» почти отсутствовало. Он судил о наших знаниях по задаваемым работам, так что весь урок проходил в сообщении им различных сведений, по большей частью, прямо на самой практике, у доски, или при разборе наших работ».

С Рашевским гимназисты советовались даже по политическим вопросам. Однажды возмутились они тем, что часовой, охранявший дом орловского губернатора Левашова, заставлял всех проходящих мимо него сходить с тротуара на улицу. Гимназисты сочинили текст листовки и собирались расклеить её в нескольких экземплярах ночью на домах рядом с резиденцией губернатора. Иван Фёдорович, как старший товарищ, сумел отговорить своих учеников от такого деяния, убедив их, что единственным результатом такой акции станет исключение её участников из гимназии.

Но самым замечательным качеством у молодого преподавателя было его умение пробуждать в воспитанниках «чувства добрые».

Слово Леониду Оболенскому: «*Больше всего мы привязались к Рашевскому с тех пор, как он начал читать вслух и разбирать в V классе образцовые произведения русской литературы. Читал он превосходно. Я и впоследствии не встречал такого чтеца. До сих пор я помню, какое впечатление на нас произвело чтение тургеневского «Муму», а потом «Жида». Во время чтения многие плакали. Теперь я понимаю, почему он выбрал именно эти две вещицы: он бил важнейшие ошибки прошлого - **сословную гордость и национальную нетерпимость**... Мы начинали впервые понимать простые вещи...*»

Да, Иван Фёдорович Рашевский научил своих учеников понимать простые вещи. Жаль, что в современной жизни нам не хватает близких людей, которые бы читали для нас то, что нам нужно больше всего... Хотя бы «Муму»...

Николай Захарьев:

**«Записки из личной жизни научного работника»
(1914-1918 годы)**

Николай Ильич Захарьев – известный советский учёный, специалист в области повышения продуктивности пастбищ. Родился он 12 апреля 1902 года (ст.стиля) в городе Малоархангельске. Учился в Малоархангельском училище, в Орловской мужской гимназии, в Орловском университете первого формирования (1921 год). В 1924 году закончил Московский зоотехнический институт. Работал в Москве, Новосибирске, а потом всю оставшуюся жизнь – в Киргизии, где оставил наиболее продуктивные результаты своей деятельности. Здесь Николай Ильич стал доктором сельскохозяйственных наук (1950), профессором (1952), академиком АН Киргизской ССР (1954). Долгие годы был заместителем председателя Киргизского филиала Академии наук СССР.

Захарьев Николай Ильич

Автор более 130 научных работ, Герой Социалистического труда (1969 год), лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники, Заслуженный деятель науки Киргизской ССР (1947 год), награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, «Знак Почёта» и медалями. Одна из улиц Бишкека носит имя Николая Захарьева.

Отец Николая Ильича, Илья Николаевич, происходил из рода купцов Захарьевых, хорошо известных в Малоархангельском уезде. Мать, Анна Глебовна Самсоненко, «была старшей дочерью в большой, состоявшей из 11 человек детей, семье Глеба Силаевича Самсоненко (истинная его фамилия-Самсонов – А.П.) мелкопоместного землевладельца Малоархангельского уезда, выходяца из крестьянской, в дореформенное время - крепостной семьи Ельнинского уезда Смоленской губернии».

Проживала семья Самсоненко в деревне Карауловка Фёдоровской волости. Сюда к родному деду по матери, Глебу Силаевичу, в детстве часто приезжал с мамой маленький Коля Захарьев. Мемуары Героя Социалистического труда на сайте «Проза.Ру» разместил его сын, Борис Николаевич, тоже известный учёный (только физик – А.П.).

Отрывки из этих воспоминаний, посвящённые годам обучения в Орловской мужской гимназии накануне и в первые революционные годы, живые, полнокровные, интересные, я и предлагаю читателям.

Орловская мужская гимназия

Учёба в Малоархангельске и в Орле

Первые пять лет я обучался в Малоархангельске, поступив в первый класс начальной школы в восьмилетнем возрасте в 1910 году. Учился я успешно, с большим желанием и все годы был первым учеником в своем классе....

По общему семейному решению, и, главным образом, по моему собственному желанию и настойчивому стремлению матери дать мне образование, я поступил в гимназию. Благодаря тому, что у меня были отличные отметки, мне понадобилось сдавать экзамены только по языкам немецкому и французскому. На второй день после сдачи экзаменов я вместе с

матерью с утра уже отправился в гимназию и от учителя Миртова получил сообщение о моем зачислении в третий класс Орловской первой гимназии.

Радость моя была неопишима, не менее того радовалась моя мать, мечта которой сбылась – дать своему единственному сыну хорошее образование в губернской школе.

Сразу же из гимназии мы пошли в магазин и по городу я разгуливал в гимназической серой фуражке с светлым кантом и белыми металлическими надписями моего нового учебного заведения.

...Вначале о годах первых лет моей юности, годах первого отрыва от привычной жизни в родной семье, когда я переходил почти на самостоятельную жизнь вдали от матери и своего дома.

Проводив до трамвайной остановки, приехавшую со мною в Орел мать для устройства квартирных моих дел и домашнего питания у одной хозяйки, взявшей на пансион вместе со мною также Володю и Колю, моих родственников, братьев матери, реалистов четвертого и шестого классов, я впервые оказался один, оторванным от семьи. Вначале было грустно, но эта грусть оказалась недолгой и уже, придя на квартиру, расположенную по Воскресенской улице, недалеко от гимназии, я уже оказался в веселой компании, и началась новая необычная жизнь, которой мне суждено было прожить четыре года с небольшой затем паузой до лет студенчества.

Итак, я ученик Орловской 1-ой гимназии. Началась моя ученическая жизнь в новой системе обучения сразу с третьего класса, где меня встретили как новичка из провинциального небольшого городка уже освоившиеся друг с другом с первого класса одноклассники.

Как обычно, знакомство мое было недолгим. Нашлись хорошие товарищи, нашлись даже друзья и жизнь потекла в обычном ученическом ритме с классными занятиями, переменами, большой переменной, когда вся ученическая орава выбегала на школьный двор (на улицу нас не пускали) и там 30 минут продолжалась веселая интенсивная разрядка, после спокойных двух-трех уроков, требующих строгого соблюдения тихого сидения за партой и учебной дисциплины.

Годы моего учения в гимназии вспоминаю как годы начала формирования больших желаний, зарождения первых юношеских мечтаний о служении помыслами и деятельностью своему народу. Наши мечты весьма тонко воспитывались и прививались нам в большинстве своем демократичной учительской интеллигенцией, в умах которой в канун революции имели широкое распространение новые веяния изменения режима классической гимназии. И в школе в разговорах и дома на квартире, где я жил на полном пансионе в семье служащего губернской контрольной палаты, чувствовался в эти военные предреволюционные годы дух ожидаемых больших государственных событий.

Радостные теплые чувства, самые лучшие воспоминания сохраняются у меня о нашем замечательном весьма демократичном человеке и преподавателе физики Матвее Матвеевиче Петрове. Думаю, что лучшего учителя по истории,

каким был Аркадий Николаевич Ильинский, нигде ни в какой другой школе в Орле не было. Его урок – это интересная, иногда увлекательная профессорская лекция. Особенно великолепен он был при прохождении курса истории средних веков и новой истории. Близкой к нам была учительница литературы и русского языка Елена Ивановна Турбина. Она была, конечно, на втором плане после знаменитого у нас в гимназии, известного на весь Орел крупного литературоведа А.В.Бороваго, но человеческие качества Елены Ивановны оценивались всеми нами учениками высоко. Мы с удовольствием занимались ее предметами. Кстати, она один или два года была нашим классным наставником. Хорошим был учитель по математике Верещагин Александр Николаевич, который так великолепно преподавал свой предмет, что не помню, чтобы я когда-либо занимался дома алгеброй, геометрией или тригонометрией, кроме письменных работ, задаваемых на дом.

Добрый хорошим учителем географии был Сергей Иванович Квитко, часто развлекавший нас на уроках своими рассказами о путешествиях в разные страны, которые ежегодно в летние каникулы он совершал в Европу, а то и в другие страны света.

Не могу не вспомнить добрым словом душевного преподавателя немецкого языка Павла Карловича Сея (швейцарца по национальности), у которого я учился хорошо, всегда имел хорошие оценки, и он часто вспоминал, как успешно я сдавал экзамены при поступлении. Пожалуй, следует сказать несколько слов и о нашем латинисте Владимире Сергеевиче Миртове, сумевшем привить нам уважение к замечательному языку - латыни, который будучи мертвым, ибо нет народа, говорящего на латинском языке, по своей стройности и благозвучию нашел себе применение, прижился и сохранился до сих пор в медицине, в систематической биологии, в ботанике и зоологии, и недалеко прошлом в научных докладах, которые на латинском языке зачитывались крупнейшими учеными мира в особо торжественных случаях.

Владимир Сергеевич Миртов, был у нас в старших классах года два классным наставником. Это, конечно, наставник, непохожий на Елену Ивановну. Он был строг, требователен, иногда передавал нотацию от инспектора Жудро, всегда следил за нашей подтянутостью и требовал соблюдения установленной дисциплины, но не было ни разу случая, когда бы он наказывал или снижал отметки в журнале.

Были в нашей среде учителей и феноменальные консерваторы, которые сохраняли во внешнем порядке и соблюдении исторически сложившихся традиций в одежде по форме, посещении общественных мест, строгого посещения церковной службы в школьной церкви по субботним вечерам и утреннего богослужения по воскресеньям, изучении закона божия и русской истории с запоминанием биографий царствующих особ. Среди таких консервативных руководителей гимназии особо колоритной была фигура нашего директора, грозы гимназии, его превосходительства Аркадия Николаевича Петрученко. Каждый праздничный день, когда ученики всех классов в обязательном порядке посещали без опоздания богослужение в

гимназической церкви, директор по окончании церковной службы стоял по правую сторону от клироса, принимал от учеников почтительные реверансы, слегка покачивая своею старческой головой.

Директор считался крупным латинистом и преподавал латынь только в старших – седьмом и восьмом классах.

Не помню теперь имени и отчества, но хорошо запомнил придирчивость к ученикам нашего очень строгого инспектора Жудро, кабинет которого находился на втором этаже рядом с нашим классом. Он был неприятным, общепризнанный придира-надзиратель, часто останавливал учеников, чтобы сделать замечание о каком-либо непорядке. Он был в числе тех, кто мог встретить на улице, особенно на Болховской, что находилась сразу же за гимназией, за мостом через Орлик, где мы гуляли, иногда знакомились с гимназистками, и по нашему мнению, вели себя вполне корректно, конечно, может быть иногда бывали с нашей стороны какие-нибудь шалости. Не дай бог встретить нашего инспектора, он обязательно к чему-нибудь придерется, найдет что-нибудь недозволенное в нашем поведении, сразу же сделает замечание, а потом в гимназии отчитает целую полу-часовую лекцию и даже накажет, занесет замечание в кондуит или снизит в четверти оценку по поведению.

Строгости, которые воспитывали нас вести себя хорошо и в классе и на улице, дело нужное, но не придирка, фельдфебельская муштра, это уже не достойно мудрого воспитателя.

Из гимназических лет хорошо запомнились в моей памяти ежегодные торжественные вечера, которые обычно проводились не обязательно в Татьянин день, но вскоре после возвращения учеников с рождественских каникул в первой половине января, числа 10-12 по ст.ст. На эти вечера приглашались по ограниченному числу выдаваемых билетов гимназистки и девочки – родственницы гимназистов – сестры и другие родные. Из гимназистов нашей гимназии на вечер разрешалось приходить всем ученикам, начиная с третьего класса (до восьмого включительно). Бывали у нас обычно многие студенты, приезжавшие в Орел к родным на каникулы из Московского университета и других больших городов.

Вечера всегда проводились в помещении Орловского губернского земства, где имелся вместительный концертный и танцевальный зал с большим числом (до тысячи) мест для гостей. На антресолях размещались один-два оркестра, один из них обязательно большой духовой оркестр военной музыки.

Во всех примыкающих к концертному и танцевальному залу комнатах, в коридорах и в вестибюле устраивались хорошо оформленные, украшенные елками киоски, имевшие всегда в обилии конфетти, серпантин, живые цветы, бутоньерки.

Подготовка к проведению вечера велась длительная и основательная. На Болховской улице, это главная улица города Орла, в лучших витринах заблаговременно вывешивались художественно оформленные анонсы, дававшие публичное оповещение о проводимом вечере. Лучшие из этих

объявлений – анонсов оформлялись хорошим художником учеником старшего класса Кремлевым. Считалось делом чести оформить анонсы наиболее красиво, чтобы привлечь большее внимание.

Билеты гимназистам и приглашенным гимназисткам выдавались бесплатно. Гости билеты покупали, обычно цены билетов были высокие, так как денежный сбор имел благотворительное назначение для помощи бедным ученикам. Некоторые приглашенные гости платили крупные суммы по 20–25 рублей и больше.

Для продажи билетов выделялась группа учеников, которые занимались их распространением.

Как правило, на гимназические вечера не приходили ни директор, ни инспектор, по-видимому, для того, чтобы не связывать веселого настроения учеников. За общим поведением учеников и соблюдением порядка вели наблюдение ученики старших классов, которые выделяли распорядительный комитет, из них один главный распорядитель танцев и другой – для ведения концертной части.

Отдельная группа учеников выделялась для приема гостей и наблюдения за общим порядком в помещении. Обязанность этих учеников заключалась в том, чтобы встретить гостей, помочь сдать одежду на вешалку, провести в зал и найти место в концертном зале.

Если кто-либо из девочек приходил без сопровождающих, обязанностью любого ученика, оказавшегося в вестибюле или встретившего идущую одиноко девочку, подойти, помочь, чем нужно, провести в зал. Мне всегда нравилась общая дисциплина поведения учеников на вечерах, которая воспитала уважительное отношение к девочкам, предупредительность, вежливость, внимательность, но не навязчивость.

Обычно съезд гостей назначался на 6–7 часов вечера, а заканчивался вечером в 11–11 час. 30мин.

Учителя, кроме директора и инспектора, всегда присутствовали на вечере и помогали занимать наиболее солидную часть приглашенных гостей, родителей учеников и других, в чем им помогали ученики-распорядители.

Первая часть вечера – концертная занимала непродолжительное время, минут 45–50, не более часа. Программа концерта обстоятельно продумывалась и включала лучшие произведения русских и зарубежных поэтов, писателей, музыкантов. В 1917 году на нашем вечере в концерте принимали вокальные артисты, приезжавшие в Орел, исполнялись каватина Людмилы из оперы Глинки «Руслан и Людмила» по поэме Пушкина, ария Травиаты из оперы Верди, русские романсы Рахманинова, Даргомыжского. Из инструментальной музыки исполнялись произведения Шумана, Чайковского, участвовали скрипки в сопровождении аккомпанемента рояля. Обязательно на любом нашем вечере заключительная часть программы посвящалась памяти Тургенева, исполнялись фрагменты из его прозы, малоизвестные, но замечательные стихи, переложенные на музыку стихи-романсы.

Часто со своими стихотворениями выступали гимназисты, их произведения отбирались особенно строго учениками старших классов и преподавателями литературы А.В. Боровым и Е.И. Турбиной.

Главный распорядитель танцев – душа вечера, судя по сбору гостей, после окончания концерта и двух-трех веселых маршей духового оркестра, подавал распоряжение оркестру и приглашал всех посетителей к первому танцу, которым обычно был венский вальс Штрауса, а затем по инициативе распорядителя и его мастерства следовали мазурка, другие танцы, антракты, иногда показательные или просто веселые танцы отдельных пар, как на катках фигурного катания, под аплодисменты зрителей.

Ученики, присутствующие в зале, обязаны следить, чтобы не было ни одной скучающей девочки, не получившей приглашения к танцу. Если кто-либо из девочек стоит или скучает в одиночестве, требуется обязательно подойти, спросить разрешения и пригласить танцевать, если не на этот, то на следующий танец.

Должен сказать, что по организованности вечера Орловской первой гимназии всегда славились отличным порядком и посещались гостями с большим удовольствием.

Очень распространенной на вечерах была летучая почта, когда записки, главным образом для знакомства с девочками, передавались от мальчиков девочкам через выделенных распорядителями учеников из младших классов. У этих учеников на груди имелись знаки почтового ящика. Если следовала записка-ответ, то этот ответ почтальон должен неукоснительно вручить инициатору переписки. Иногда были записки-шутки, но, во всяком случае, веселые, без грубостей, корректные. Было условлено, что плохие по содержанию записки не передаются. С помощью нашей летучей почты я познакомился с одной очень симпатичной девочкой, ровесницей мне по возрасту, с которой мы весело провели вечер, а потом я с удовольствием провожал ее домой.

К сожалению, с милой приветливой Настенькой мне больше не пришлось встретиться, она вскоре уехала со своими родными в другой город, вначале временно, а затем и навсегда. На этом погасло наше хорошее знакомство, но осталось доброе неугасимое воспоминание, которое сохранилось до сих пор, вот уже ни много, ни мало 64 года.

Вспомнил мне чудесный рассказ А.П. Чехова «Дом с мезонином», который трогательно кончается печальными словами: «Мисюсь, где ты?»

Звучит последний вальс, по указанию распорядителя гости в сопровождении учеников следуют в вестибюль к выходу, где гимназистки, если кто-нибудь из них оказывается в одиночестве, обязательно получают сопровождающего ученика соответствующего возраста, чтобы проводить до дома, или довезти на извозчике далеко живущих.

У дома, куда пришлось сопровождать девочку, на нашей обязанности было позвонить, дожидаться выхода кого-либо из дома, попрощаться и сдать, что

называется с рук на руки. Обычно это уже первое знакомство получает хорошее развитие и встречу на следующем вечере, как старых знакомых, а то и раньше.

Но бывают, конечно, и длительные перерывы без встреч, только воспоминания, о которых не следует жалеть, ибо многие из них сеют в наших душах добрые семена и оставляют в памяти лучшие страницы жизни.

Я, может быть, и не стал бы рассказывать о наших торжественных вечерах, если бы у меня не зародилась мысль, что такая информация из далекого прошлого может быть еще нужна и полезна для нашей современности, для молодежи. Думается, что привитие ученикам, да и вообще молодежи уважительного, дружественного и, я бы не постеснялся сказать, нежного отношения мальчиков к девочкам несколько не противопоказано нашему времени. Во всяком случае, воспитание хорошего отношения мальчиков к девочкам и в школе, и на улице, и во всех общественных местах, исключение грубости и, напротив, выработка тактичности в общении было бы весьма полезным, драгоценным делом и в наше время.

В 1917 году к нам в гимназию была добавлена группа учеников эвакуированной Рижской гимназии; в наш класс поступило несколько учеников, один из них, Николай Миссин, оказался моим соседом по парте. С ним мы скоро подружились, он оказался хорошим товарищем, и я постарался быть ему помощником в общем ознакомлении с порядками нашей школы и в классных занятиях. Осенью или зимою в нашу гимназию была полностью эвакуирована Виленская мужская гимназия, которая занималась в вечернюю смену. Конечно, это несколько нарушило обычный школьный ритм и заведенный порядок, но занятия, тем не менее, продолжались, хотя и были какие-то нарушения.

В управлении гимназией произошли серьезные перемены. Директора нашего заменили, назначив на его место Матвея Матвеевича Петрова, нашего физика, что вполне совпадало с общим желанием учеников нашей школы.

На одном из наших общегимназических собраний мы даже шумно провозглашали: «Да здравствует первый демократический директор – Матвей Матвеевич Петров».

Ушел от нас и инспектор Жудро. Все остальные преподаватели как будто оставались на своих местах. Не стало как предмета Закона божия, и прекратилась церковная служба в школьной церкви. В остальном жизнь школы протекала без особых изменений, хотя число учеников школы уменьшилось.

Продовольственная обстановка в Орле заметно ухудшилась, В 1918 году, пополняя продовольственные запасы из Малоархангельска, мне еще представлялось возможность оставаться на квартире у своей хозяйки и продолжать учение в Орле, хотя хозяйка не раз заявляла, что, по-видимому, вынуждена будет отказать мне в пансионе из-за трудности доставать питание. Кое-как, частыми выездами к себе домой я доставлял в Орел продукты, но в 1919 году это стало очень затруднительно, и я решил заканчивать обучение в Орловской школе и перебазироваться в Малоархангельск...

Воспоминания Юрия Мейера об Орле в 1917–1918 годах

... В ноябре (1917 года – А.П.) я уехал в Орел, получив в Главном Штабе с помощью полковника А. Н. Фролова приказ о причислении меня к запасному Конно-артиллерийскому дивизиону. Здесь я застал полный развал. Большинство офицеров разъехалось по домам, часть, как капитаны Бауман и Старосельский, пробирались на юг, откуда приходили вести о создании вооруженных сил для борьбы с большевиками. Как ни странно, к Рождеству я оказался единственным офицером в дивизионе.

Под моей командой осталось 2—3 писаря в канцелярии и взвод вестовых, на ответственности которых был уход за лошадьми, которых было свыше 400, но они все были больны чесоткой. Ветеринар считал, что ее можно вылечить, втирая в пораженные места чистый спирт.

Мейер
Юрий Константинович

Я отправился в Городской исполком и был там принят председателем Михаилом Ивановичем Буровым, бывшим рабочим железнодорожных мастерских. Я просил его выдать ордер на получение нескольких ведер чистого спирта с рективизировочного завода. Буров сразу же перешел к делу: «Дам, но половину мне». Мы так и сделали. Я сам съездил в развалнях на завод, погрузил четверти со спиртом и привез половину на дом Бурову. Остальная часть досталась вестовым и, конечно, больше способствовала их бодрому настроению, чем лечению лошадей.

В конце концов, в феврале месяце я разослал по соседним волостям объявление, приглашавшее крестьян разобрать этих лошадей. Так я ликвидировал конский состав. Тем временем и все солдаты разошлись, и дивизион оказался тоже ликвидированным.

... В апреле 1918 года я вернулся в Орел. Я уже упоминал, что Орел был полной противоположностью Самары. Это был город, который как бы замерз за сто лет до нашего времени. Промышленности в нем не было, в мое время никто не строил новых домов, кроме разве гостиницы «Берлин» — потом переименованной в «Белград» и принадлежавшей гетману Павлу Скоропадскому.

В Орле, правда, еще до войны был электрический трамвай, построенный Бельгийским обществом, с потешными, почти квадратными вагончиками. Прицепные были открытые, с рядами поперечных скамеечек, под брезентовой крышей.

Правда, помимо мужской и женской государственных гимназий, в которых в свое время учились мои отец и мать, был еще Институт благородных девиц и славный Бахтина Кадетский корпус.

Верхняя часть города состояла из тихих улиц и переулков, вдоль которых в садах и палисадниках скрывались скромные, большей частью одноэтажные дома орловских помещиков. Я уже говорил, что Орловская губерния была дворянской, и многие помещики на зиму переезжали в городские дома, кроме того, все время увеличивался тот процент бывших землевладельцев, которые, продав последнюю землю, окончательно обосновывались в городе, находя службу в акцизном управлении, в казенной палате и быстро развивавшемся земстве.

Бунин убедительно описал эту жизнь в своем произведении «Жизнь Арсеньева». Когда произошла полная смена властей во всей России после февральской революции, бывшие сановники сбежали в родной город.

Весной 1918 года в Орле насчитывалось 11 бывших губернаторов. Дуайеном нужно было считать Сергея Николаевича Свербеева, нашего посла в Берлине в 1914 году. Он был барин и дипломат старой школы. С ним в Орле жили три его сына: Димитрий, Владимир и Сергей, так называемый Долгоносик, потом в Гражданскую войну ставший вольноопределяющимся моего полка.

В начале Садовой улицы был дом Николая Павловича Галахова, тоже бывшего губернатора и бывшего офицера Семеновского полка, красавца-старика с замечательными голубыми глазами и большими белыми усами. Он приходился близким родственником И. С. Тургеневу, и его городской дом был обставлен мебелью, привезенной из Спасского-Лутовинова, имения Тургенева. При советской власти дом Галахова был превращен в музей имени Тургенева; уже в Америке, через много десятков лет, я в магазине В.П. Камкина купил сортимент открыток этого музея. Меня кольнуло в сердце, когда я увидел на открытках кресла карельской березы в гостиной и красного дерева диван в кабинете, на котором мне пришлось довольно часто сидеть в 1918 году, когда я посещал дочь Николая Павловича, Киру Николаевну, которая была моей помощницей по службе в швейной мастерской.

На той же Садовой жил В.С. Мятлев, известный сатирик-поэт, офицер Leib-Гвардии Гусарского Его Величества полка. Было время, когда весь Петербург и Москва декламировали его саркастические поэмы.

В Орле мы чувствовали нити, протянутые к временам Тургенева. Так, в самом конце Садовой на довольно крутом обрыве в болотистую широкую долину речки Орлика стоял дом, который описан в «Дворянском Гнезде». При мне в этом доме с садом, выходившим на обрыв, жила милейшая семья Морица Оттоновича Паррота, члена суда, и его четырех сыновей Владимира, Александра, Сергея и Глеба.

Между прочим, потрачу несколько строк на комичный случай. Несмотря на приход большевиков, мы, молодежь, еще усиленно цеплялись за остатки прежнего быта, играли в саду Дворянского собрания в теннис по всей форме, в

белых костюмах. В Орле была прехорошенькая и милая барышня, только что кончившая гимназию, Таня Лосева, за которой я усиленно ухаживал. После тенниса как-то мы пошли с ней на Орлик, под Дворянским Гнездом сели в лодку, и я стал грести по капризным извилам речонки мимо крестьян, косивших на берегу. Один из них, покатываясь со смеху, закричал мне, указывая на мои белые теннисные брюки: «Что же ты, барчук, срамишь девушку, в одном исподнем без штанов щеголяешь!»

Так в начале лета доживали последние дни помещики в Орле: Матвеевы, Талызины, Боборыкины, Левшины, Куракины, Оливы, Шамшевы, Блохины. Шепелевы-Воронович, Володимировы. Беспечность и непонимание ими надвигавшейся грозы были непостижимы. Так, в дни, когда Ленин боролся со смертью после выстрела Доры* Каплан и все газеты исходили бешеной слюной, провозглашая массовый террор, Владимир Сергеевич Олив серьезно развивал мысль об организации своего рода дворянского клуба, где мы все могли бы часто встречаться.

Скоро и в Орле была организована ЧеКа, во главе которой стал латыш Рамо. Летом и в начале осени она почти никого не арестовывала, собирала информацию. Здесь выяснилось одно верное правило: при терроре надо было жить в городе, в котором вас никто не знал, в котором вы не служили и были незаметным. ЧеКа вылавливала только коренных жителей города, всем известным как домовладельцев и бывших чиновников.

... Вернувшись из Петрограда в Орел, надо было думать, на что жить.

До этого я получал жалование из артиллерийского дивизиона, но за полной его ликвидацией приходилось искать службу. От всех прежних учреждений к весне 1918 года в Орле остались лишь комитеты Объединенных земств и Союза городов, то есть те общественные либеральные организации, которые, начиная с 1915 года, пришли на помощь царскому правительству и организовали по всей России производство всего нужного для армии.

В частности, они использовали все токарные станки для изготовления стальных стаканов для артиллерийских снарядов. Самый общественный дух этих организаций давал возможность им поддерживать отношения с новой большевистской властью. И вот такому комитету удалось получить от орловского исполкома заказ на изготовление френчей для Красной армии. Материалом для этого были старые военные длиннополые шинели, лежавшие горами на интендантском складе. Имелись и нужные для производства мастерские. К френчам прибавился заказ на латание старых солдатских сапог.

Мастерские были в большой орловской пересыльной тюрьме. Перед самой войной для них было выстроено новое здание и на верхнем этаже было в большом зале установлено 56 швейных машин с электрическим погоном. Кроме того, были помещения для кройки с большими столами. Мастерские пустовали, как и вся тюрьма. Уголовные сидельцы как родственник элемент были выпущены на волю, а политических еще почти не было.

Так вот, комитетом во главе с председателем Губернской земской управы Сергеем Николаевичем Масловым, милейшим человеком и видным членом

конституционно-демократической партии, было решено поручить мне руководство изготовлением френчей, с заданием возможно быстрее набрать нужное число швей.

Заведующим сапожной мастерской был назначен Владимир Сергеевич Олив. Работницы были набраны весьма быстро. Это все были или окончившие в этом году гимназию и институт барышни, или ученицы 8 класса, свободные во время летних каникул. У Олива рабочий коллектив состоял из гимназистов, кадет и вольноопределяющихся демобилизованного артиллерийского дивизиона. Единственным настоящим специалистом был у меня закройщик, старый рабочий интендантства, чахоточный и тихий человек.

В помощь мне была назначена Кира Николаевна Галахова, в свое время считавшаяся первой красавицей Орла. Как видите, на общем фоне большевистской власти и надвигающегося террора бывшие люди сумели организовать свое гнездо. Настроение у молодежи было беззаботное, и перерыв на завтрак на тюремном дворе превращался в непередаваемое веселье и повальное ухаживание сапожников с нижнего этажа за моими швеями.

Что же касается работы, то можете себе представить, что я и Олив могли организовать в таком деле, о котором до этого времени вообще не слыхали. Я мог поддерживать внешнюю рабочую дисциплину среди девиц, и благодаря тому, что машины были электрические, мастерская выполняла производственную норму, то есть сдавала к вечеру нужное число френчей, но каких?... Дело в том, что шинельное старье было самых разнообразных оттенков. Одни были разных серых оттенков от светлых до темных, некоторые были зеленоватые, некоторые с синеватым отливом и даже встречались с каким-то фиолетовым налетом. Френч состоял из 23 частей, отдельных рукавов, частей воротника, накладных четырех карманов, лацканов и т.д. Мой закройщик бесповоротно отказался кроить все части френча из одной шинели, что обеспечило бы однотонность френча. Он расправлял полы шинели, накладывал в толстую стопу эти полотнища и потом по лекалам выкраивал сразу по десятку каждых частей френча. Из этих нарезанных кусков его помощники набирали сортименты по 23 частям и передавали такие пакеты в швейную мастерскую.

Рассортировать эти горы нарезанных частей по оттенкам цветов не было никакой возможности: для этого потребовалось бы несколько десятков работниц. Поэтому готовые френчи были похожи скорее на одежду арлекина. Один рукав был серый, другой желтый, нашивные карманы представляли собой скромный спектр. Я в панике доложил об этом комитету, опасаясь, что при приемке заказчиком получится грандиозный скандал и всех нас за явный саботаж пошлют на тот свет. Но беспечность была велика, и решение вышло — продолжайте в том же духе! Я и продолжал еще полтора месяца.

Потом мне пришлось уйти, но я знаю, что карикатурные френчи были приняты без всяких последствий для бракоделов. Уйти же мне пришлось из-за неизбежной в тот год в каждом русском городе регистрации военнослужащих и возможного призыва в Красную армию. С этого момента в моей жизни

началось ловчение, явление столь присущее всем угнетенным и преследуемым. На регистрацию я пошел, но сразу же после этого направился в открывшееся военное учреждение ОКАРТУ (Окружное артиллерийское управление). Начальником его был очень почтенный старый артиллерийский полковник. Я был принят туда военным писарем и таким образом забронировал себя от призыва в строевую часть.

Моим начальником был бывший губернатор Борис Николаевич Хитрово. Другие служащие все тоже были представителями чуждого по советской номенклатуре класса. В то время в Орле еще не было расстрелов. Они, наверное, внушили бы нам осторожность. Теперь, с вершины моих 90 лет обозревая пройденный извилистый путь, я с внутренним содроганием вспоминаю, какие неосторожные глупости столько раз в жизни мне приходилось делать. Не только я сам рисковал жизнью, но мог обречь на расстрел всю канцелярию ОКАРТУ.

Дело сводилось к следующему. В Орле открыла действия украинская комиссия, получившая от советской власти право выдавать пропуска украинцам для выезда на родину, на Украину. Правительство в Киеве было гетманское, русофильское, поэтому русские, пожелавшие бежать из-под советского ига, старались превратиться в украинцев и создавали соответствующую для себя легенду, не смущаясь полным незнанием украинского языка.

Такого рода прошения принимались комиссией благосклонно, и приблизительно через месяц просители получали на украинском языке свидетельство о том, что они украинцы и имеют право вернуться к себе на родину. Кроме того, надо было иметь свидетельство из советских учреждений, в том числе для людей призывного возраста, о том, что они регистрировались и свои военные обязанности выполнили. Так вот, мой рискованный поступок сводился к тому, что я двум своим знакомым, поручику Князеву и другому офицеру, фамилию которого я, к сожалению, позабыл, выдал удостоверения на бланке ОКАРТУ с печатью и подделанной подписью начальства о том, что они служили в ОКАРТУ и по предъявлении украинских документов отпускаются со службы.

Б.Н. Хитрово пришел в дикий ужас, опасаясь, что на пограничном пункте в хуторе Михайловском советские чиновники могут что-то заподозрить, проверяя документы Князева и другого офицера, и запросят ОКАРТУ, что выявит подлог. Теперь я с ужасом вспоминаю мою тогдашнюю беспечность, но в те времена, помню, я даже мало волновался.

От Орла до границы с тогдашней Украиной было недалеко, всего 4 часа езды поездом. В хуторе Михайловском был пропускной пункт. Поскольку мы при переходе имели при себе документы украинской комиссии с придуманной нами легендой о своей жизни, с указанными местами рождения на Украине, мы не решились взять с собой наши подлинные русские документы, я, в частности, мое метрическое свидетельство, аттестат зрелости, лицейский диплом, приказ о производстве. Все это осталось в Орле.

Я помню, что такой потере мы не придавали большого значения. Наша наивность была безгранична: мы предполагали, что скоро сможем вернуться в освобожденный от большевиков Орел. Советская власть тогда казалась нам такой противоестественной и поэтому обреченной на свержение...

Последний кирасир:

О Юрии Константиновиче Мейере и его семействе **(Послесловие к воспоминаниям)**

Уважаемый читатель, автором воспоминаний, отрывки из которых ты только что, надеюсь, со вниманием и интересом прочёл, является Юрий Константинович Мейер,- личность, до сих пор не упоминавшаяся в орловской краеведческой литературе. Скорее всего, это произошло в силу того, что в годы гражданской войны он с оружием в руках сражался против большевиков в составе Добровольческой армии генерала Деникина, а потом, эмигрировав за границу, всю жизнь боролся с Советской властью силой печатного слова. Однако, прежде чем я несколько подробнее расскажу о долгой и не совсем обычной для нас, орловчан, жизни Мейера, хотел бы, для начала, остановиться на истории его семейства.

Предок Юрия Константиновича, Мартин Мейер, переселившийся в Россию из Германии во времена Екатерины Великой и дослужившийся до чина майора, получил от императрицы в конце XIX века во владение село Спасское-Кубань (Малоархангельского уезда Орловской губернии), где семья Мейеров с того времени осела на постоянное жительство.

Сын Мартина, Николай, тоже выбрал военную карьеру и, начав службу юнкером в мае 1818 года, ушёл в отставку полковником в апреле 1848 года. За 30 лет воинского служения Николай Мартинович Мейер стал кавалером четырёх российских орденов (Святой Анны 4-ой, 3-ей и дважды – 2-ой степени). У Николая Мартиновича и его жены Софии Петровны было двое сыновей, старший из которых, Александр, родившийся 27 сентября 1834 года, в 15-летнем возрасте был зачислен в кондукторскую роту Николаевского инженерного училища. По окончании его в 1854 году в чине военного инженер-прапорщика начал службу в армии, но, в отличие от отца, военная карьера А.Н. Мейера длилась недолго: он вышел в отставку 30 мая 1860 года в чине поручика и почти 50 лет прожил потом в своём имении.

За это время Александр Николаевич Мейер (родной дед автора воспоминаний – А.П.), добился больших успехов – как в собственном хозяйстве, так и на гражданской службе. Имение его, первое время достаточно скромное по размерам (в 1862 году земли в нём имелось 366 десятин), постепенно прирастало земельными участками и успешно развивалось. Сам же А.Н. Мейер быстро завоевал авторитет у малоархангельского дворянства, которое стало выдвигать его на различные выборные должности, а с 1888 года и до первой русской революции Александр Николаевич являлся уездным предводителем дворянства, что говорило о его незаурядных личных и организаторских качествах.

Что касается семьи главного дворянина Малоархангельского уезда, то и здесь всё было в порядке: он хоть и женился, когда ему было уже за 30, но зато на верной, любящей его женщине, которая родила Александру Николаевичу трёх сыновей и трёх дочерей. Старшим из детей (1870 года рождения) был Константин Мейер, отец будущего автора воспоминаний. Константин Александрович получил, как бы сейчас сказали, среднее образование в Орловской мужской гимназии, а потом большую часть своей жизни жил за пределами Орловской губернии, поскольку занимал довольно высокую должность в Удельном ведомстве. Перед Первой мировой войной и революциями он стал управляющим Мургабским имением императора Николая II – одним из самых больших и экономически процветающих хозяйств императорской семьи (оно находилось в Туркестане).

Константин Александрович Мейер в 1896 году женился на Анне Фёдоровне Гончаровой, происходившей из дворян Бессарабской губернии (её отец был генерал-лейтенантом и командовал бригадой). У молодой пары в сентябре 1897 года родился первенец, которого крестили как Георгия, а уж когда и как он превратился в Юрия, я не знаю, - но это произошло. Проживали молодые тогда сначала в городе Вольске Вологодской губернии, а потом в Саратове, в котором Юрий Мейер с серебряной медалью закончил Первую Саратовскую мужскую гимназию.

На всех летних каникулах Константин Александрович Мейер обязательно привозил семью в родное имение на Орловщину, в милую его сердцу Кубань (Спасское). Эти поездки и пребывание в гостях у деда, уездного предводителя дворянства (пока он был жив), а потом у тёток и дядей запомнились мальчику Юре на всю жизнь – так, что он в своих мемуарах описал (спустя 80 лет!) Кубанское имение на нескольких страницах с мельчайшими и очень яркими подробностями (эти отрывки достойны отдельной публикации – А.П.).

Осенью 1915 года Юрий Мейер по конкурсному экзамену был принят в Императорский Александровский лицей в Петербурге, а осенью 1916-го, отвечая на призыв студентов в войска, поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Семёновский полк.

С 1 февраля по 1 сентября 1917 года Юрий Константинович провёл на ускоренных офицерских курсах при Пажеском Корпусе и был произведён Керенским в чин прапорщика общевойсковой кавалерии. Как раз после этого начинается период, описанный им в приведённом выше отрывке из его мемуаров, когда новоиспечённый прапорщик в конце 1917 – начале 1918 года находился в Орле, городе его родителей, не чужом и ему самому. Именно поэтому так зрительно яркие и окрашены эмоционально эти страницы, но, кроме всего прочего, они насыщены конкретными историческими деталями, которых не встретишь больше нигде.

После отъезда из Орла Юрий Мейер с родителями сумел добраться до Киева, в котором осенью 1919 году вступил в Добровольческую армию. Служил командиром кавалерийского взвода 3-го эскадрона Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Воевать ему пришлось недолго, до

серьёзного ранения, после чего вместе с госпиталем он был перевезён в Турцию. После выздоровления переехал в Югославию, где поступил в немецкую торговую фирму. Позже стал хозяином собственного дела и небольшого банка.

С началом II Мировой войны Мейер присоединился к Русской Освободительной Армии генерала Власова и работал в Главном Гражданском Управлении Комитета Освобождения народов России. После разгрома фашизма обвинений в военных преступлениях союзники ему не предъявили. Наоборот, американцы предложили Юрию Мейеру должность преподавателя русского и немецкого языков в Школе военной разведки американской армии. Юрий Константинович проработал в ней (сначала в Мюнхене, а потом в Оберамергау) 8 лет, после чего переехал в США и поселился в Вашингтоне.

Здесь, в пригороде столицы, Анакосте, он в течение 15 лет преподавал в Школе разведки американского ВМФ и, в отличие от большинства русских, принимал деятельное участие в американской политике: состоял в республиканской партии и являлся членом Президентского Республиканского клуба. В 1973 году Мейер стал одним из основателей Конгресса Русских Американцев, несколько сроков затем входя в состав Главного Правления этой организации.

Будучи глубоко верующим православным христианином, стал секретарём, а затем и Председателем финансового комитета первого прихода Русской Зарубежной церкви в Вашингтоне. В 50-ые годы XX века сумел собрать 250 тысяч долларов на постройку здесь первого православного храма. По мере сил и возможности помогал русским детям и старикам, возглавляя Русское Детское Общество и Русско-Американское Общество Помощи.

Юрий Константинович принимал деятельное участие и в эмигрантской журналистике, сотрудничая с русскоязычными газетами Парижа, Сан-Франциско, Парижа, Буэнос-Айреса, Нью-Йорка. Мемуары свои он написал уже в самом конце жизни, в 90-летнем возрасте.

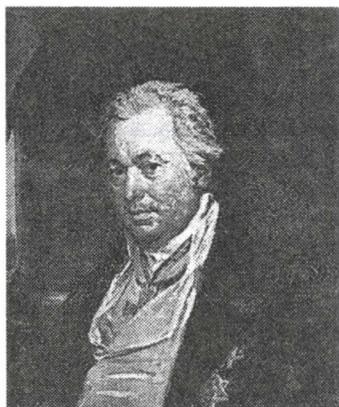
Умер Ю.К. Мейер 12 декабря 1993 года, на 97-ом году жизни, похоронили его на одном из кладбищ Вашингтона. Он был последним офицером Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, именно по этой причине мемуары его и получили такое название – «Последний кирасир».

Рукопись мемуаров была передана дочерью Мейера в фонд Общества истории Гражданской войны в России (Москва), где сейчас и хранится, а большой отрывок из неё был опубликован в томе VI альманаха «Русский Архив».

Глава вторая Защитники Отечества

Генерал от инфантерии Римский-Корсаков

Ещё со школьных лет, когда изучали мы на уроках истории походы Суворова, крепко врезалась мне в память (не знаю уж, по какой причине) фамилия генерала Римского-Корсакова, которого с его корпусом в Швейцарии шёл великий полководец выручать из окружения. Ни разу с тех пор фамилию этого генерала я не встречал, да и об имени военачальника, проигравшего сражение у Цюриха, никогда особо не задумывался: мало ли их, неудачливых воителей Российской империи, было за весь долгий период её существования?

Генерал от инфантерии
А.М. Римский-Корсаков

Однако совсем недавно, изучая в Государственном архиве Орловской области ревизские «сказки» владельческих крестьян Малоархангельского уезда за 1816 год (я пытался уточнить некоторые сведения по истории помещичьего землевладения на территории Покровского района), неожиданно для себя натолкнулся на знакомую фамилию: «Александр Михайлович Римский-Корсаков, генерал от инфантерии и разных орденов кавалер, владелец имения в деревне Вышний Кунач» (седьмая ревизия – ГАОО, ф. 760, оп. 1, д. 387).

Не так уж много было на Орловщине помещиков-генералов подобного уровня (пожалуй, только Ермолов), чтобы я остался равнодушным по прочтении этой записи, и потому сразу же попытался найти в справочных изданиях всё, что имело отношение к биографии этого малоархангельского землевладельца.

Итак, военный и государственный деятель России второй половины XVIII – первой половины XIX века Александр Михайлович Римский-Корсаков родился в Москве 13 августа 1753 года. Принадлежал он к древнему дворянскому роду, который вёл начало от Венцеслава Корсака, который в XIV веке, при великом князе Василии Дмитриевиче, выехал из Литвы. Сын поручика лейб-гвардии Семёновского полка, Александр Римский-Корсаков после домашнего обучения, был записан капралом в лейб-гвардии Преображенский полк, в котором, поднимаясь по службе, довольно быстро, в 25 лет, дошёл до звания подполковника.

В 1778 году, будучи переведённым в Черниговский полк, он принял участие в своём первом, польском, походе 1778–1779 годов. А потом было множество других походов, войн и военных кампаний. В русско-турецкой

войне 1787–1791 гг. Римский-Корсаков отличился при осаде турецкой крепости Хотин, в битве при Гангуре (1788г) и в сражении при Берладе (апрель 1789 г.). В последнем он наголову разбил восьмитысячный турецкий отряд и преследовал его до реки Серет, после чего, получив подкрепление, обратил в бегство известного турецкого полководца Якуб-пашу. За эти подвиги Александр Михайлович был награждён Екатериной II орденом Св. Георгия 4-ой степени, чином бригадира и переведён в лейб-гвардии Семёновский полк (14 июля 1789 года).

Военная судьба бросала Римского-Корсакова в разные концы России и Европы, но в целом долгое время она складывалась достаточно успешно: и на севере, где он сражался со шведами, и на Северном Кавказе, где военачальник покорял непокорные местные народы, и за границей, где Александр Михайлович то состоял при графе д'Артуа (будущем короле Франции Карле X), то был волонтёром в австрийской армии принца Кобургского.

Довелось Римскому-Корсакову даже принять участие в экзотическом походе графа В. Зубова в Персию (1796 г.). И хотя до Персии зубовское войско не дошло, но границы России сумело расширить. Генерал-майор Римский-Корсаков в этой экспедиции содействовал взятию русскими войсками Дербента, за что был награждён орденом Св. Анны I степени, а вскоре овладел городом Гянджа (наградой стал орден Св. Александра Невского).

После смерти Екатерины II взойшедший на трон Павел I назначил Римского-Корсакова инспектором по инфантерии (пехоте) в Санкт-Петербургской инспекции под главным начальством великого князя Александра Павловича, что позволило Александру Михайловичу сделаться близко известным будущему императору.

В январе 1798 года Римский-Корсаков был произведён в генерал-лейтенанты и назначен командиром полка, в котором ранее служил и отличился – лейб-гвардии Семёновского. В том же году он стал ещё и шефом Ростовского пехотного полка.

А в 1799 году, когда император Павел I решил помочь австрийцам в их борьбе с Францией, он послал туда большой отряд как раз под командованием генерал-лейтенанта Римского-Корсакова.

Первоначальный план союзников заключался в том, чтобы объединёнными усилиями изгнать французов из Швейцарии. Однако австрийцы не выполнили задуманное, уведя большую часть своих войск в Австрию и бросив корпус Римского-Корсакова на произвол судьбы. Существенные ошибки допустил и сам генерал-лейтенант, в результате чего, хотя французам и не удалось после длившегося целый день боя (14 сентября 1799 г.) занять обороняемые русскими позиции у Цюриха и вступить в город, но все пути отступления для русского войска были отрезаны.

Поздно вечером к Римскому-Корсакову явился французский парламентёр от генерала Массена, командовавшего французами, и предложил капитулировать. Однако это предложение Римским-Корсаковым было с негодованием отвергнуто, и остатки русских войск, покинув Цюрих,

героическими усилиями пробилась сквозь неприятельские войска, сумев занять новые позиции. Однако потери были громадные, а последствия поражения поставили в смертельную опасность и Суворова с его армией.

Но выдающемуся полководцу всё же удалось, совершив знаменитый переход через Альпы, соединиться с остатками корпуса Римского-Корсакова (8 октября 1799 г.).

Павел I после завершения событий в Швейцарии Суворову присвоил звание генералиссимуса, а провинившегося Римского-Корсакова отправил в отставку, которую Александр Михайлович терпеливо переносил в деревне Сукромна (Епифанского уезда Тульской губернии), занимаясь составлением записок о своих действиях в Швейцарии.

Ставший в 1801 году императором Александр I вновь зачислил Римского-Корсакова на службу, пожаловав ему звание генерала от инфантерии и имение в Курляндии. С 1802 года ему было поручено управление белорусскими губерниями. В 1806 году Римский-Корсаков стал военным губернатором всей Литвы и командующим резервной армией на западной границе, с подчинением ему всех войск в западных губерниях (Виленской, Гродненской и Минской). Александр Михайлович, до 1809 года исполняя эту должность, многое сделал для снабжения войск, участвовавших в войне 1806–1807 годов.

После трёхлетнего перерыва в службе, вызванного конфликтом с военным министром Аракчеевым, с началом Отечественной войны Римский-Корсаков вновь был призван на службу, снова назначен военным губернатором той же Литвы и управлял ею до 1830 года, т.е. 18 лет.

Заслуги генерала от инфантерии император Александр I отметил орденами Св. Владимира I степени, Андрея Первозванного и назначил его по окончании службы в Литве членом Государственного совета.

Скончался Александр Михайлович Римский-Корсаков в Петербурге 13 мая 1840 года, не дожив нескольких месяцев до своего 87-летия. Женат он не был, но имел трёх внебрачных сыновей – Николая, Владимира и Михаила (Владимир, кстати, служил одно время в Черниговском полку, был членом декабристского «Союза благоденствия», но, по высочайшему повелению императора, его в ходе расследования по делу декабристов не тронули, и через четыре года Владимир Александрович Римский-Корсаков погиб при штурме Шумлы).

А теперь – о том, с чего я начинал рассказ – о владениях А.М.Римского-Корсакова в нашем крае.

В ревизских «сказках» владельческих крестьян Малоархангельского уезда за 1782 год, которые я решил изучить после первой находки (*четвёртая ревизия, ГАОО, ф. 760, оп. 1, д. 365*) обнаружил я самые первые сведения о его землях:

«Вотчина полковника Черниговского пехотного полка Александра Михайловича Римского-Корсакова в деревне Вышний Кунач, которая досталась господину моему по наследству от статского советника Ивана

Васильевича Зеновьева: крестьян мужского пола -243 души, женского – 269 душ».

Установить, каким именно родственником приходился Иван Зеновьев Александру Римскому-Корсакову, мне пока не удалось. Однозначно, что он был достаточно богат (более 500 крестьянских душ что-то да значат!) и умер незадолго до упомянутой переписи. Из этой же записи в ревизских «сказках» мне стало понятно происхождение названия населённого пункта современного Покровского района – деревни Зиновьевой, стоящей как раз на речке Кунач.

В «Списке населённых мест Орловской губернии на 1866 год» (С-Пб, 1871) перечислены три населённых пункта Малоархангельского уезда с двойным названием, одно из которых-*Кунач Вышний*. Это: деревня казённая *Погудаевка*, деревня владельческая *Зиновьевка*, деревня казённая *Шалимовка*. Все три селения стоят в верховье реки Кунач, недалеко друг от друга, а два из них – даже в пределах прямой видимости (правда, на разных берегах реки). Но две казённых деревни – Погудаевка и Шалимовка – всегда по размерам уступали владельческой Зиновьевке.

Когда А.М. Римскому-Корсакову после смерти И.В.Зеновьева досталось по наследству имение последнего Кунач Вышний, то это и была та самая деревня Зиновьевка, стоящая посередине между двумя другими Вышними Куначами.

В ревизских «сказках» владельческих крестьян Малоархангельского уезда за 1816 год (т.е. через 34 года после первого упоминания) об имении генерала от инфантерии и разных орденов Кавалера А.М. Римского-Корсакова сказано: «Деревня Кунач Вышний, дворовых людей – 18 семей (10 душ – мужского пола, 15 – женского), крестьян – 99 семей (454 души – мужского пола, 475 – женского)». Почти тысяча крепостных!

Мало того, что по числу принадлежавших ему людей генерал Римский-Корсаков был крупнейшим помещиком нашего края в конце XVIII – начале XIX века, так его владение за 34 года практически ещё и удвоилось численно.

Из сравнения имения 1782 и 1816 года становится ясным, что если предыдущий его владелец, Иван Васильевич Зиновьев, предпочитал не жить в нём, то у Римского-Корсакова наверняка имелся выстроенный им здесь помещичий дом – иначе трудно объяснить наличие в Вышнем Куначе 25 дворовых людей. Женой Александр Михайлович так и не обзавёлся, так что, видимо, хозяйничал в поместье управляющий (фамилия его нам пока не известна). Сколько раз и когда сам хозяин бывал в имении – это предстоит выяснить. Впрочем, как и то, кому досталось это крупнейшее поместье после смерти Римского-Корсакова в 1840 году.

В Государственной Третьяковской галерее хранится портрет А.М. Римского-Корсакова кисти выдающегося русского художника Фёдора Рокотова. На нём изображён будущий полководец и государственный деятель в пору его юности. Удлиненное выразительное лицо, большие, широко расставленные глаза с густыми изогнутыми бровями, крупный нос и небольшой рот. Он смотрит с портрета на нас, как бы спрашивая: «Ну что, не забыли меня ещё через 250 лет? Нет?»

Перед тобой, читатель, та самая картина: генерал от инфантерии, член Государственного совета Российской империи, орловский землевладелец Александр Михайлович Римский-Корсаков собственной персоной.

Р.С. В деревне Зиновьево Малоархангельского уезда в 1926 году насчитывалось 144 крестьянских двора с 787 жителями, имелись начальная школа и два торговых заведения. На 1 января 2010 года в населённом пункте Зиновьево современного Покровского района имеется 46 дворов, в которых проживают 75 человек, в основном – пенсионеры. Ни школы, ни магазинов, ни каких-либо других общественных построек в деревне не осталось.

Кульмский крест Афанасия Дубровина

В Год российской истории и – одновременно – год 200-летия Отечественной войны 1812 года орловчане, благодаря средствам массовой информации и памятным мероприятиям, вспомнили или узнали о многих своих замечательных земляках – героях. Я хочу представить читателям ещё одного, о котором пока нигде не сообщалось.

Афанасий Дубровин – личность для Орловщины уникальная. Офицер Морского Гвардейского Экипажа, два с половиной года героически воевавший с французами на суше, – это ли не удивительно?

Римский-Корсаков, но не композитор

А теперь обо всём по порядку.

Книга об участии Морского гвардейского экипажа в Отечественной войне 1812 года

15 марта 1835 года Орловское Дворянское Депутатское собрание рассматривало прошение Гвардейского Экипажа капитан-лейтенанта и кавалера Афанасия Ивановича Дубровина о причислении к дворянству его детей – Прасковьи, Николая, Василия и Владимира. К прошению, как обычно в таких случаях, были приложены и документы, подтверждающие обоснованность заявления.

Но когда дело в заседании дошло до заслушивания просителя, вместо него неожиданно встал незнакомец в военно-морской форме:

«Господа, будьте любезны выслушать, я попросил уже об этом и Вашего предводителя». Такого рода отступления от сложившегося порядка заседаний случались в Собрании не часто, и потому дворяне-депутаты с любопытством предоставили гостю слово.

«Капитан I ранга Николай Римский-Корсаков», - свою речь незнакомец начал с представления, а потом очень коротко сказал о себе: «Участник Отечественной войны 1812 года, русско-турецкой войны 1828–1829 года, польской кампании, кавалер нескольких орденов и Золотого оружия «За храбрость», был капитаном нескольких кораблей, о числе плаваний уже не говорю, их много, в том числе – трёхлетнее кругосветное вместе с Коцебу, в настоящее время я – флигель-адъютант Его Величества Императора Николая I и капитан корабля «Кацбах». Хожу по Балтике. В Орле – проездом, навестил старого товарища Афанасия Дубровина. Ну а раз так вышло, и мне выпала возможность сказать об этом герое, я это сделаю.

Да, господа, капитан-лейтенант Дубровин – настоящий герой. В этом я мог убедиться за те два с половиной года, пока мы вместе воевали в Отечественную войну в составе Морского Гвардейского Экипажа. На всякий случай скажу, что наше элитное подразделение Российского флота ведет свое начало от "царских гребцов" эпохи Петра Великого, потом оно называлось "Придворной гребцовой командой", а в 1810 году Его Величество Александр I повелел переформировать её, причислить к гвардии и назвать "Морским Гвардейским Экипажем". Наша часть стяжала себе славу в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе русской армии 1813-1814 годов».

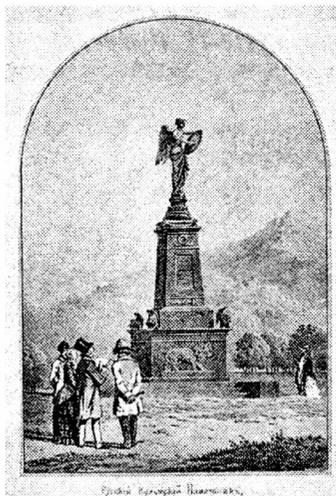
Кульмская битва

Друзья-поджигатели

Некоторые из орловских дворян, присутствовавшие на заседании, сами участвовали в Отечественной войне, и их трудно было удивить рассказами о ней, но моряков среди них не было, и потому рассказ капитана I ранга они слушали с огромным вниманием.

Оказалось, что Николай Римский-Корсаков и Афанасий Дубровин познакомились в самом конце 1811 года, когда оба оказались в составе Морского Гвардейского Экипажа, Николай был моложе на два года и потому имел мичманское звание, а Афанасий только-только стал лейтенантом. Дружба свежее испечённых офицеров началась сразу, потому что молодых людей объединяло многое: учёба в Морском Кадетском корпусе, начало службы гардемаринами, плавание на яхте «Паллада» по Балтийскому и Немецкому морям, увлечение музыкой.

Когда началась Отечественная война, командование приняло решение большую часть Морского Гвардейского Экипажа, как наиболее подготовленную в инженерном отношении, использовать на суше, – при разрушении мостов перед наступавшей французской армией. Друзья тогда оказались вместе, и уже 8 августа 1812 года после переправы русской армии через Днепр лейтенанты Дубровин, Чихачев, Хмелев и мичман Римский-Корсаков уничтожили постоянные мосты через реку, затруднив продвижение французов.

Монумент русским офицерам, погибшим в Кульмском сражении

4 сентября, когда русские войска покидали Москву, лейтенант Афанасий Дубровин и мичман Николай Римский–Корсаков, на виду у французских кавалеристов и под их сильным огнём, подожгли мосты через Москву-реку и Язу, не дав французам организовать преследование.

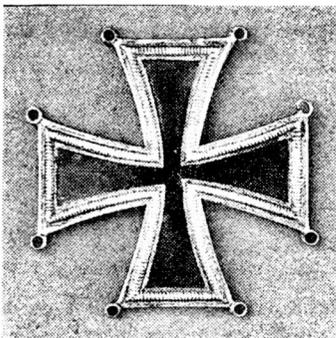
Согласно указу Императора Александра I «за понесённые труды в течение 1812 года» были награждены все офицеры Морского Гвардейского Экипажа, в том числе – орденом Святой Анны 3 степени – лейтенант Афанасий Дубровин и мичман Николай Римский-Корсаков.

Как Вандам получил по мордам

Отличились гвардейцы Морского Экипажа и во время Заграничного похода русской армии – особенно при Бауцене и Кульме.

«Знаете, господа, – с волнением в голосе продолжал рассказ капитан I ранга, – Кульмское сражение я не забуду никогда, а память о нём – всегда во мне, вот она: рана в бедре, которая ноет при изменении погоды, Кульмский

крест на груди и друг Афанасий» (при этих словах Николай Петрович подошёл к Дубровину и порывисто обнял его).

Кульмский крест

Справившись с волнением, капитан I ранга продолжил: *«К Кульму, городку в Богемии, в 40 километрах от Дрездена, наш Морской Экипаж подошёл вместе с другими гвардейскими полками в составе I гвардейской дивизии генерала Ермолова, а нашим сводным отрядом в количестве 10 тысяч человек командовал граф Остерман-Толстой. А на нас навалился французский генерал Вандам с 35-ю тысячами. Я уже лейтенантом был, командовал охотниками-стрелками (так тогда называли добровольцев – А.П.).*

Бой шёл целый день 17 августа 1813 года, мы расставились в две линии и прикрывали дорогу на выходе из ущелья. Если бы французы прорвались – остальным войскам, не успевавшим к месту сражения, грозила полная гибель. Утром отбили первую атаку Вандама, в полдень французы предприняли второй ожесточённый штурм.

Сражение развернулось на горных склонах вдоль дороги Кульм-Теплиц. Генерал Остерман-Толстой был ранен, ему перебило ядром руку. Вместо Остермана командование принял генерал Ермолов.

Ближе к 5 часам дня Вандам атаковал в третий раз, уже на нашем левом фланге, двумя колоннами, и чуть было не прорвался. Но наши гвардейские полки, как писал потом генерал Ермолов, «с невероятным стремлением ударили на французские колонны. Одна из них скрылась в лес, другая ... легла мертвая рядами на равнине». Французы отступили и больше не предпринимали атак.

Потери у нас в гвардии были страшные – почти три тысячи человек, в Гвардейском Экипаже выбыли из строя 75 процентов офицеров и 40 процентов рядовых. Меня тяжело ранило в бедро, Дубровина – в плечо, и как он тогда меня вытащил одной рукой из-под огня – не понимаю. А на следующий день к нам подошло подкрепление, и Вандам был не только разбит, но и в плен попал ещё с двумя своими генералами. Вот такая история, господа», – закончил своё повествование Римский-Корсаков.

Орловские дворяне после такого рассказа не стали заморачиваться на отсутствие у капитан-лейтенанта Афанасия Дубровина недвижимого имения и крепостных крестьян, а дружно проголосовали за то, чтобы все дети кавалера трёх русских орденов и Кульмского креста получили дворянство.

P.S. Спустя несколько лет после описываемых событий Николай Петрович Римский-Корсаков дослужился до чина вице-адмирала, состоял при Государе Императоре и ежегодно посылался по Высочайшему повелению с различными поручениями. В марте 1842 года он был назначен помощником

директора Морского Кадетского Корпуса (того самого, в котором учились он сам и Дубровин), а через год занял пост директора Корпуса и оставался в этой должности по день смерти в 1848 году.

Кстати, великий русский композитор, Николай Андреевич Римский-Корсаков, родившийся за четыре года до его кончины, приходился герою-моряку родным племянником и был назван в его честь.

Какой была судьба капитан-лейтенанта Афанасия Дубровина и его детей после заседания Дворянского собрания, узнать мне, пока, не удалось.

Генерал Василий Лавров: за братьев-славян

В 2013 году, к северу от Орла, в районе деревни Жилиной, пока не входящей официально в городскую черту, началось строительство нового микрорайона под названием Болховский (названного так потому, что расположен он рядом с Болховским шоссе – А.П.).

Две новых улицы, появившиеся здесь, получили имена Генерала Лаврова и Графа Киселёва. Мой рассказ посвящен генерал-майору Василию Лаврову.

«Ваш на земле и за гробом...»

Генерал-майор
В. Н. Лавровъ.
(Т. XIV, стр 451).

Одним из переломных событий русско-турецкой войны 1877-1878 годов стало сражение у болгарского села Горный Дубняк, турецкие позиции у которого не давали русским войскам полностью блокировать крупный вражеский гарнизон в крепости Плевна, что обеспечило бы перелом в ходе всей войны.

Для взятия вражеских укреплений был послан отряд гвардии во главе с генералом Гурко. 12 октября 1877 года, в 9 часов утра, войска его войска начали штурм. Позиция неприятеля была крайне выгодной - высота на ровной площадке, господствующая над окружающей местностью.

Лейб-гвардии Финляндскому полку под командованием генерала Лаврова, входившему в состав отряда Гурко, предстояла очень трудная задача – пересечь открытую, прекрасно простреливаемую турками поляну шириной порядка 500 шагов. Лавров принял решение сделать это бегом и сам повёл солдат в атаку. Бой был страшным. Из воспоминаний участников:

«адский, потрясающий огонь... что-то чудовищное, уничтожающее...» (участник штурма А. Пузыревский);

«Бойня... резня... ад огня...» (полковник Г.П. Шмидт, сменивший В.Н. Лаврова на посту командира лейб-гвардии Финляндского полка после тяжёлого ранения последнего).

Несколько приступов были неудачными, потери в этом жестоком бою составили, по разным оценкам, до 3600 человек убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести.

И тогда генерал Лавров вновь решил вдохновить бойцов примером. «Молодцы! Сейчас пойдем в атаку. Когда я взмахну саблей и крикну «ура!» — смотрите все за мной», — обратился он к солдатам и устремился вперед. Не добежав 50 метров до турецкого редута, генерал упал от двух пулевых попаданий. Но полк, вдохновлённый своим командиром, задачу выполнил.

Накануне этого рокового боя, предчувствуя беду, Лавров написал письмо жене: «Через час мы идем в дело, если мне не суждено будет остаться живым, то посылаю тебе это прощальное слово. Благодарю тебя за то счастье, которое ты мне доставила, умру, произнеся твое имя с последним вздохом, - люблю тебя, как может только любить человеческое сердце. Да хранит тебя и детей Господь Бог, да составят они твое счастье и утешение. — Благословляю Вас. Меня похорони в Кривцове. Ваш на земле и за гробом. Вас. Лавров».

Командир Лейб-гвардии Финляндского полка

Василий Николаевич Лавров родился 27 апреля 1837 года (в некоторых источниках назван 1838 год — А.П.) в семье служилого дворянина в Епифановском уезде Тульской губернии. После окончания с отличием в 1855 году школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров он поступил на службу в лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк.

Потом были учёба в Николаевской академии Генерального штаба и служба в штабе Гвардейского корпуса. 12 января 1863 года, в чине штабс-капитана, Василий Лавров получил направление в Северо-Западный край, в распоряжение генерала Н.Ганецкого. Состоя при штабе 2-й гвардейской пехотной дивизии, молодой офицер участвовал в сражениях с польскими повстанцами при Гудишках и Шнуркишках (в последнем получил ранение), и за отличие в них был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В 1866 году Василий Лавров познакомился с Марией Александровной Погребовой — дочерью известного купца и сделал ей предложение руки и сердца. Медовый месяц после свадьбы молодые провели в сельце Кривцово - имении Лавровых в Болховском уезде - и в Париже. В 1867 году у Лавровых родился сын, в 1871-ом — дочь Елизавета (её известный портрет работы Ильи Репина хранится в Русском Музее — А.П.).

30 августа 1875 года Василий Николаевич был произведён в генерал-майоры, а в сентябре 1876 года назначен командиром лейб-гвардии Финляндского полка, в составе которого он уже участвовал в боях с польскими повстанцами.

А 12 октября 1877 года случилось то, о чём я уже рассказал. Генерал Лавров скончался в результате тяжёлых ранений через два дня после того жестокого боя. Выполняя волю мужа, его 30-летняя вдова Мария Александровна две недели сопровождала гроб с телом героя из Болгарии в Болховский уезд, в родовое имение Лавровых.

Вместе с другими героями

Здесь мне придётся сделать некоторые уточнения. Дело в том, что во многих источниках и справочных статьях о генерале Василии Лаврове сказано, что похоронили его в склепе Кривцовской церкви. Однако это не совсем так.

Приходская церковь помещиков Лавровых находилась не в Кривцово, а в селе Березуй. Да, существовало в XIX – начале XX века в Болховском уезде уникальное село, причисленное к духовному ведомству и располагавшееся в 20 верстах к востоку от города Болхова на крутом берегу реки Березуя – притока Оки. Здешним строителем Введенского храма, освящённого в 1829 году, был дед павшего в сражении с турками генерала – В.И. Лавров. Вот сюда, в Березуй, к небольшой однопрестольной церкви, и привезла убитая горем вдова Мария Лаврова тело своего незабвенного мужа. В метрической книге Введенского храма за 1877 год, имеется запись, что *«14 октября 1877 года*

Могила Лаврова на
Кривцовском мемориале

скончался от ран, полученных на поле брани, командир Лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майор Василий Николаевич Лавров, 39 лет. Похоронен 30 октября». Отпели генерала, при большом стечении народа из окрестных деревень, священник села Березуй Алексей Попов с причетником Василием Никольским.

После прощания с покойным гроб с телом Василия Николаевича Лаврова поместили в семейный склеп, располагавшийся с правой стороны храма Введения.

Родовое имение Лавровых, сельцо Кривцово, находилось в версте от Березуя. Там с момента похорон любимого мужа поселилась на постоянное жительство его вдова Мария Александровна Лаврова, посвятившая отныне жизнь Богу, ведению хозяйства и помощи местным жителям.

В 1880 году она выделила большую сумму денег на обновление храма в селе Березуе: стены его были оштукатурены, пол переделан, поставили новый иконостас и построили дом для священнослужителей.

В 1901 году Мария Александровна ещё раз пожертвовала солидные средства на его повторный ремонт. И кто бы ни был настоятелем церкви –

Мария Александровна всегда приходила батюшкам на помощь, если они нуждались в чём-то.

После революции имение Лавровой было национализировано, и вдове-генеральше пришлось покинуть такие дорогие ей места и уехать в Петроград, к дочери Елизавете и внуку, известному потом учёному-востоковеду А.Н.Болдыреву. Там, в Петрограде, Мария Александровна вскоре и скончалась.

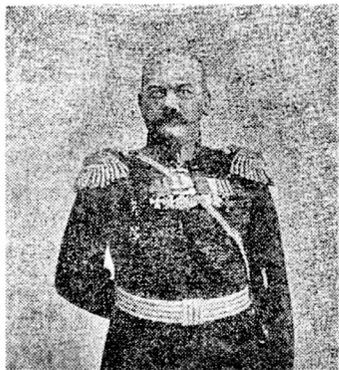
В конце 20-х – начале 30-х годов церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы в Березуе была закрыта и подверглась безжалостному грабежу. Посягнули мародёры и на склеп генерала Лаврова. В результате прах Василия Николаевича был перенесён тогда в другое захоронение – в нескольких десятках метров от церкви.

В период Великой Отечественной войны в здешних местах весь 1942 год и первую половину 1943 года шли кровопролитные бои. От многих деревень тогда остались только воспоминания да головешки от домов. Маленькое село Березуи перестало существовать, а вскоре не осталось ничего и от его Введенской церкви.

Затерянное в зарослях бурьяна вторичное захоронение генерал-майора Василия Лаврова, благодаря усилиям замечательного болховского журналиста и краеведа Александра Венедиктова и орловского архитектора Сергея Ивановича Фёдорова было найдено, и прах героя русско-турецкой войны 7 сентября 1978 года был перенесён в третий раз. Теперь могила Василия Лаврова с установленным на ней бюстом работы скульптора В.Н. Басарева и архитектора С.И. Фёдорова находится рядом с Кривцовским мемориалом. Герой освобождения Болгарии, наконец, нашёл последний покой здесь – рядом с героями Великой Отечественной.

Забывтый герой

В конце апреля 1877 года к карачевскому помещику Андрею Цурикову, постоянно проживавшему и хозяйничавшему в своём имении Девять Дубов (ныне – село в Хотынецком районе) приехал в отпуск сын Николай, служивший сапёрным офицером.

Цуриков В.А,
генерал-лейтенант

«Отец, благословите, невесту себе я нашёл, добрая, красивая и из хорошей семьи».

Вместо ответа жениху Андрей Афанасьевич отправил телеграмму на имя главнокомандующего русской армией, Великого Князя Николая Николаевича, прося его, как милости, в виду того, что три его сына-офицера уже выступают на театр военных действий с Турцией, перевести и четвёртого в ряды действующей армии. И вместо венца, младший из четырёх братьев поехал за Дунай.

Вот так глава рода Цуриков, бывший поручик Лубенского гусарского полка, понимал патриотизм в действии, и этому пониманию следовали его сыновья-офицеры: трое старших, кавалеристы, и младший, сипёр.

Спортсмен-кавалерист

Все четверо отличились, храбро сражаясь в русско-турецкую войну 1877–1878 годов, но наш рассказ – об одном из них, - Владимире Андреевиче.

Генерал В.А.Цуриков в конце XIX века был известен широкому кругу русских кавалеристов как фанат скакового спорта, которому он посвящал всё своё свободное время. Наследственная любовь к лошадям и его увлеченность ими превратила Владимира Андреевича в большого знатока, способного лишь по беглому осмотру лошади, по первому её движению определить все её настоящие достоинства и всё, что можно ожидать от неё в будущем.

Цуриков умел купить, подготовить и воспитать настоящего скакуна, а из его собственной конюшни вышли знаменитые чемпионы Чатартон, Авлиар, Гитан и другие. Владимир Андреевич, кроме теории, был силён и в практике: неоднократно выигрывал призы на соревнованиях по стипль-чезу как наездник. Причём, на скаковом кругу, как и в обычной жизни, отличался благородством.

На одном из соревнований лошадь его соперника «закинулась» перед канавой. Цуриков, бывший далеко впереди, вернулся, перевёл товарища через препятствие и потом всё же выиграл скачку.

Другой чертой генерала была его удивительная скромность. Мало кто знал об участии Владимира Андреевича в русско-турецкой войне, и ещё меньшему числу знакомых были известны подробности героизма молодого улана на той войне. А они таковы.

«Содействовал уничтожению армии Сулеймана...»

За полгода военных действий (август 1877 – январь 1878 года) штабс-ротмистр лейб-гвардии Уланского Его Величества полка успел побывать в делах против турок под Горным Дубняком, перешёл с полком в суровых зимних условиях через Балканы, принял участие в боях по взятию Филиппополя и дальнейшем марше отряда генерала Гурко к Адрианополю. Наградями Владимира Цурикова за отличия в этих сражениях стали ордена Святого Станислава 3-ей степени (с мечом и бантами), Святой Анны 4-ой степени и Святого Станислава 2-ой степени (с мечами).

Однако за самый выдающийся свой подвиг штабс-ротмистр не только не был награждён, но этот эпизод войны даже не попал в послужной список нашего героя.

Теперь обо всём по порядку.

1 января 1878 года (по старому стилю) второй полуэскадрон 3-ого эскадрона лейб-гвардии Уланского полка, под командованием штабс-ротмистра Владимира Цурикова, будучи прикомандирован к отряду графа Шувалова, присоединился к стрелковой бригаде, которая должна была атаковать Татар-Базарджик. У этого небольшого болгарского города (население – 16 тысяч

человек, в том числе более 1500 из них – татары), расположившегося на берегу речки Марицы, сосредоточилось до 50 тысяч турецких войск под командованием Сулеймана-паши. Войска генерал-адъютанта Гурко охватили Татар-Базарджик с трёх сторон, но не успели преградить неприятелю путь отступления. Находившиеся на аванпостах русские разведчики донесли, что турки начали выход из города.

Приказ о наступлении стрелковой бригады был отменён, а для проверки сообщения разведки граф Шувалов направил полуэскадрон штабс-капитана Цурикова в Татар-Базарджик. На рассвете полуэскадрон был уже около города, завязав перестрелку с оставшимся там драгунским турецким арьергардом. Энергично наседая на турок, уланы взяли в плен около 40 человек.

Отобрав у них оружие и оставив пленных в городе под небольшой охраной, Цуриков со своим полуэскадроном (в нём оставалось менее 40 человек) пронёсся по Татар-Базарджику по пятам отступавших турецких драгун. Когда уланы вылетели галопом на берег реки Марицы, то на другой стороне они увидели весь 50-тысячный отряд Сулейман-паши, с арьергардом около трёх полков кавалерии, один эскадрон которой готовился к тому, чтобы поджечь мост на реке. Он оставался единственным уцелевшим средством переправы через Марицу, и от его захвата зависел теперь успех или неуспех всей операции графа Шувалова.

Верно оценив ситуацию, штабс-капитан Цуриков решился на отважное дело: на виду у всей армии Сулейман-паши вырвать этот мост из рук неприятеля. Приказав уланам спешиться и оставив с лошадьми одного из них, частым огнём он очистил мост от собирающих горючие материалы турок. Затем, используя в качестве прикрытия дома и заборы садов по реке Марице, отбил несколько атак противника, пытавшегося вернуть мост в свои руки, чтобы его, всё-таки, сжечь.

Склеп Цуриковых

Когда патроны уже были на исходе, В.А.Цуриков приказал своим воинам вооружиться отнятыми у пленных турок ружьями Пибоди и так, в горячей перестрелке, с помощью турецкого оружия и патронов, сумел продержаться в Татар-Базарджике до подхода туда пехоты графа Шувалова и генерала Вельяминова.

Таким образом, с 40 уланами штабс-ротмистр Цуриков взял город, выбил неприятельский арьергард, взял в плен 40 турок, завязал бой с бригадой кавалерии Сулейман-паши и отбил единственный уцелевший мост, оказавший большую услугу отряду генерала Вельяминова, преследовавшего неприятеля к подножию Родопских гор.

Граф Шувалов, командир Гвардейского корпуса, пришедшего на помощь Цурикову, высоко оценил подвиг его полуэскадрона. Во время смотра Гвардейской кавалерийской дивизии под городом Родосто, он вызвал Владимира Андреевича перед фронтом и поблагодарил за *«лихое дело, в котором Вы с доблестными уланами содействовали мне уничтожению армии Сулеймана»*.

Поблагодарить-то граф поблагодарил, а вот сообщить о подвиге прикомандированного к его корпусу штабс-ротмистра командиру лейб-гвардии Уланского полка, который находился на другом участке фронта, Шувалов забыл. По этой причине Владимир Цуриков и не получил за это дело никакой награды.

В жизни так часто бывает, не правда ли, читатель?

Герой Цусимского сражения

Цусимское сражение 14–15 мая 1905 года стало позором Российской империи и трагедией русского военно-морского флота, который в течение двух дней был почти полностью уничтожен. Однако в ходе этой битвы не осрамили свою честь русские офицеры и моряки. Подавляющее большинство из них храбро сражалось, предпочитая героическую смерть позорной сдаче в плен.

Одним из героев Цусимы стал наш земляк Сергей Павлович Шеин.

На пользу России

Род его – один из древнейших и славнейших в русском дворянстве. Стоит вспомнить хотя бы воеводу Михаила Борисовича Шеина, защитившего Смоленск от поляков в ходе 18-месячной осады ими города (1609-1611 гг.), а позже несправедливо обвинённого в измене и казнённого по приказу царя Михаила Фёдоровича. Не менее героя-воеводы известен в истории первый русский генералиссимус Алексей Семёнович Шеин, удостоенный этого звания и золотого кубка от Петра I за успехи во Втором Азовском походе (1696 год).

Шеин С.П.

Шеины значились в дворянских родословных книгах нескольких губерний Российской империи, в том числе, и в Тульской. Имение коллежского секретаря Павла Васильевича Шеина находилось в сельце Колпна Новосильского уезда (в 1925 году этот уезд был передан из Тульской в Орловскую губернию – А.П.).

Усадьба была расположена в живописном месте, на берегу речки Колпны, притока Зуши (не путать с современным

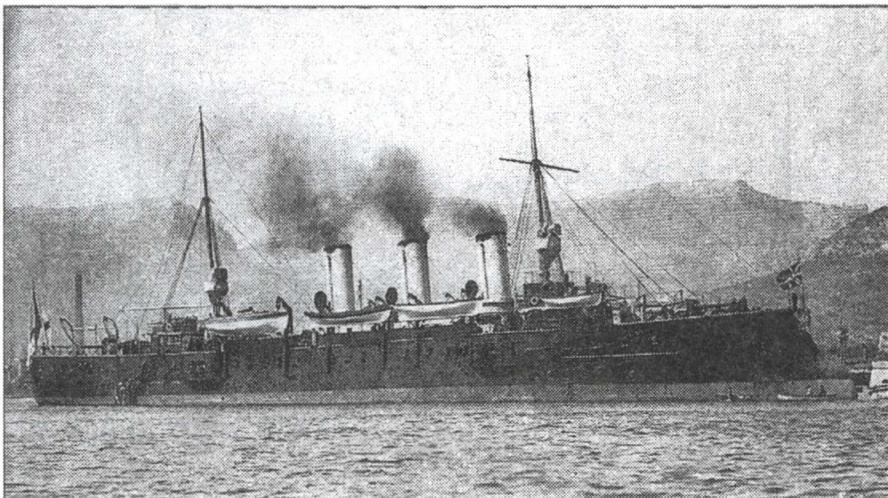
райцентром *Колтной* – А.П.). Позже, по фамилии владельцев, населённый пункт получил название деревня Шеина (в настоящее время, к сожалению, полностью вымершая).

У Павла Васильевича и Натальи Акимовны Шеиных родилось десять детей, многие из которых, воспитанные в духе русских православных традиций, всю жизнь старались принести пользу России – каждый в своей сфере деятельности.

Капитан Шеин и его «Светлана»

Сергей, появившийся на свет 8 августа 1857 года, выбрал военно-морскую службу. Получив образование в Морском Корпусе, он довольно быстро сделал себе карьеру: адъютант управляющего Морским Министерством, капитан 2-ого ранга, старший офицер крейсера «Рюрик», морской агент во Франции, командир канонерской лодки «Храбрый», и, наконец, с 6 апреля 1903 года, уже в звании капитана 1-ого ранга, Сергей Павлович Шеин был назначен командиром крейсера «Светлана».

Этот корабль, спущенный на воду в декабре 1896 года, строился первоначально как яхта Великого Князя Алексея Александровича, главы Морского ведомства, но превратился в броненосный крейсер I ранга, который в ходе начавшейся русско-японской войны был включён в состав 2-ой Тихоокеанской эскадры.

Крейсер Светлана

Сергей Павлович Шеин командовал не только «Светланой», но и одним из подразделений этой эскадры, - Разведочным отрядом (*в его состав входили ещё крейсера «Алмаз» и «Урал» - А.П.*).

Основные события для крейсера «Светлана» развернулись уже на следующий день, когда командир повреждённого корабля, капитан 1-го ранга С.П. Шеин решил подойти ближе к берегу Кореи, чтобы завести под пробойну пластырь, затем откачать воду и прорываться во Владивосток вдоль корейского берега.

Около 7 часов утра 15 мая потерявший скорость русский крейсер был настигнут двумя японскими крейсерами и миноносцем. На «Светлане» в незатопленных забортной водой погребах оставалось всего 120 снарядов. Военный офицерский совет, собранный Шеиным, постановил: "Вступить в бой. Когда будут израсходованы снаряды - затопить крейсер". Об этом решении было объявлено экипажу корабля.

Крейсер "Светлана" мужественно принял неравный бой. Он мог отвечать на огонь японских крейсеров "Нийтака" и "Отава" только из тех немногих орудий, пороховые погреба которых не были затоплены. Русский корабль получил еще несколько пробоин у ватерлинии и вскоре потерял ход - осколки вражеского снаряда повредили главные паропроводы обеих машин. Многочисленные осколки превратили все катера и шлюпки в решето. После этого крейсер превратился для японцев в неподвижную мишень.

Артиллеристы "Светланы" расстреливали свои последние снаряды. Не желая, чтобы врагу достались секретные документы, капитан 1-го ранга С.П. Шеин приказал выбросить их за борт в мешках с грузами. В начале одиннадцатого были открыты кингстоны и отдраены двери в водонепроницаемых переборках жилой палубы. Командир русского корабля до последней минуты находился на капитанском мостике, пока не погиб от разрыва японского снаряда. Раненых, привязанных к пробковым матрасам, осторожно спустили на воду с противоположного от врага правого борта. Команда бросалась в воду с тонущего крейсера со спасательными поясами.

Японцы вели огонь по "Светлане" до полного её погружения, и многие русские моряки погибли от взрывов вражеских снарядов уже в воде. Только спустя полтора-два часа подошедший к месту боя вспомогательный крейсер "Америка-Мару" начал спасательные работы. Японцы спасли семь офицеров, семь кондукторов и 273 нижних чина. Погибших моряков и офицеров со «Светланы» оказалось 177 человек (некоторые скончались от переохлаждения, проведя в морской воде несколько часов – А.П.)

"Величайшее мужество и самоотвержение" экипажа "Светланы" отметила комиссия по разбору обстоятельств Цусимского боя. В память о доблести её погибших моряков имя "Светлана" получил головной корабль новой серии крейсеров — корабль, снискавший себе славу в истории отечественного флота как гвардейский крейсер "Красный Крым".

Светлая память героям Цусимы

В Петербурге через четыре года после окончания русско-японской войны было принято решение о создании храма в память о погибших русских моряках. Храм получил название в народе «Спас на водах». Активное участие в

деятельности комитета по сбору средств для его постройки приняла вдова командира крейсера «Светлана» Сергея Павловича Е.А. Шеина (урожденная Урусова) и его брат – Василий Павлович Шеин.

Возведение храма на набережной Ново-Адмиралтейского канала велось в 1910 – 1911 годах. Деньги на строительство собирались по всей России. Иконы и лампадки были взяты с погибших кораблей. Е.А. Шеина участвовала в вышивании ковра для верхней церкви. На церемонии освящения храма, состоявшейся 31 июля 1911 года присутствовали Император Николай II и королева Греции Ольга.

Храм «Спаса-на-воде» был взорван в 30-ые годы XX века. В наше время началось его возрождение. Пока действует часовня святителя Николая Чудотворца, в которой 25 мая 2007 года вновь установлена латунная «записка» со 177 именами моряков с погибшей 15 мая 1905 года «Светланы». И первой в этом скорбном списке – фамилия командира броненосного крейсера, капитана 1-го ранга Сергея Павловича Шеина. С тех пор местный священник поминает героев по этой вечной латунной "записке".

В Петербурге храм понемногу возрождается. Может быть, и в наших краях дело дойдёт до увековечивания памяти героя Цусимского сражения? Ведь ещё до революции в городе Новосиле действовало двухклассное училище имени капитана 1-го ранга С.П. Шеина. Почему бы имя героя-земляка не присвоить известному на Орловщине местному профтехучилищу № 20, а в его стенах не создать небольшой музей, посвящённый Цусиме и её героям?

Свой след в русской истории оставили и другие представители славного семейства Шеиных. Брат героя Цусимы, Василий Павлович Шеин, видный государственный и православный деятель, расстрелян большевиками в 1922 году. Но это – отдельная история.

Поляк из Орла Андрей Зайончковский

150-летний юбилей генерала и выдающегося военного историка Андрея Медардовича Зайончковского, случившийся в декабре 2012 года, никак не был отмечен на его родине, как, впрочем, и где-либо в России. Лично мне это кажется чрезвычайно несправедливым, поскольку капитальные труды известного учёного, посвящённые Крымской и Первой Мировой войнам, до сих пор не потеряли своей актуальности. А генерал Брусилов, его командир и почти земляк, ставил Андрея Медардовича в ряд лучших военачальников начала XX века.

Командир 85-ого пехотного Выборгского полка

Один из пяти детей начальника Орловской телеграфной станции, Андрей Зайончковский родился в Орле 8 (20 – по новому стилю – А.П.) декабря 1862 года, но по происхождению принадлежал к старинному польскому дворянскому роду Зайончек, известному еще с пятнадцатого века и

оказавшемуся в России в самом конце века XVIII-ого в связи с раздѣлами Речи Посполитой.

Здѣсь мне придётся сказать пару слов о фамилии будущего военачальника и военного историка. Во всей доступной литературе о нём она произносится через «й» после первого слога «За», но вот в Алфавитном Указателе Дворянских родов Орловской губернии, написание это выглядит несколько иначе: «Заиончковскій», то есть, в современном виде должна произноситься как «ЗаИончковскій». Конечно, это не очень существенно, поскольку звук слышится тот же, но, тем не менее...

Андрей Медардович
Зайончковский

Андрей получил начальное военное образование в Орловском Бахтина кадетском корпусе, а потом закончил Николаевское инженерное училище, из которого был выпущен подпоручиком в 5-й сапѣрный батальон Российской Императорской армии.

Уже в 26 лет Зайончковскій – выпускник Академии Генерального штаба, служил, в основном, по гвардии и был вхож ко двору императора Николая II (*в разное время был помощником двух Великих Князей – Михаила Николаевича и Александра Михайловича – А.П.*)

Начало русско-японской войны он встретил в чине полковника, командуя 85-ым пехотным Выборгским полком, и отличился с ним в сражениях на реке Шахэ и под Мукденом.

Три ордена, Золотое оружие «За храбрость», звание генерал-майора и назначение командиром бригады в 3-ю

Сибирскую пехотную дивизию стали наградами храброго выпускника Академии Генштаба. После окончания русско-японской войны Андрей Зайончковскій был назначен командиром элитного лейб – гвардии Егерского полка, а с 1908 по 1912 год командовал 1-ой гвардейской (Петровской) бригадой 1-ой гвардейской пехотной дивизии.

«Один из наших лучших военачальников...»

В конце июля 1912 года генерал-лейтенант Зайончковскій стал начальником 37 пехотной дивизии, с которой и вступил в Первую Мировую войну. С марта 1915 года Андрей Медардович - командир XXX армейского корпуса, который в конце августа того же года вошёл в состав 8-ой армии генерала А.А. Брусилова.

Вот что написал сам Брусилов в мемуарах «Мои воспоминания»:

«Я был очень рад этому назначению, так как знал Зайончковского уже давно и считал его отличным и умным генералом. У него была масса недругов, в особенности среди его товарищей по службе в генеральном штабе. Хотя вообще офицеры генерального штаба друг друга поддерживают и тащат кверху во все нелёгкие, но Зайончковский в этом отношении составлял исключение, и я редко видел, чтобы так напали на кого-либо, как на него. Объясняю я это себе тем, что по складу и свойству его ума, очень едкого и часто злого, он своим ехидством обижал штабных соратников. К этой характеристике можно ещё прибавить, что это был человек очень ловкий и на ногу не давал себе наступить, товар же лицом показать умел. Что касается меня, то я его очень ценил и считал одним из наших лучших военачальников, невзирая на его недостатки. Но у кого их нет? Его достоинства значительно превышали его недочёты».

В составе 8-ой армии XXX армейский корпус Зайончковского летом 1916 года участвовал в наступлении войск Юго-Западного фронта, где действовал на Ковельском направлении.

26–27 мая (8–9 июня) он форсировал реку Стырь, а во время контрнаступления армии 22–26 июня (5–9 июля) в боях у Гусятина разбил 2-й австро-венгерский корпус и форсировал реку Стоход.

После вступления в войну Румынии, в июле 1916 года, Зайончковский был назначен командиром XLVII армейского корпуса (61-я пехотная дивизия генерал-майора П.Н. Симанского и 1-я сербская добровольческая дивизия полковника С. Хаича), предназначенного для помощи союзнику. 22 августа 1916 года Зайончковский при поддержке 19-й румынской дивизии перешел в наступление на Базарджик и 24 августа заставил болгарские войска отступить.

После разгрома румынских войск и сдачи 27 августа Силистрии корпус вобрал в себя остатки отступавшей 3-й румынской армии и образовал Добруджанскую армию, командующим которой был назначен Зайончковский. 1 сентября встречным ударом у Кокаджи он остановил продвижение 3-й болгарской армии, а 4 сентября отбил контратаку противника. На этом активная роль генерала Зайончковского в Первой Мировой войне закончилась.

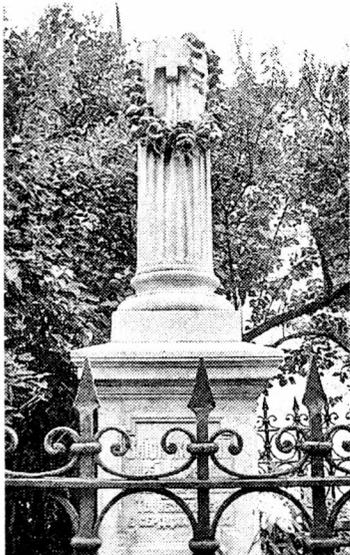
22 октября 1916 он был назначен командиром XVIII армейского корпуса, 2 апреля 1917 года переведен в резерв чинов при штабе Петроградского Военного округа, а 7 мая А.М. Зайончковского увольняют от службы с мундиром и пенсией.

Рядом с Брусиловым

Казалось, с военной карьерой он распростился навсегда. Но вскоре произошла Октябрьская революция, и Андрей Медардович Зайончковский стал одним из очень немногих высших офицеров старой русской армии, кто принял новую власть и вступил вскоре в Красную Армию. Большую роль сыграл его профессионализм во время нахождения в должности начальника штаба 13 армии, той самой, которая одержала победу над деникинцами во время Орловско-Кромского сражения в октябре 1919 года.

В 1922 году Андрей Медардович Зайончковский перешёл на преподавательскую работу в Военную Академию имени Фрунзе и проработал в ней до самой кончины.

Теперь следует сказать ещё об одной странице его биографии. Советская разведка 20-ых годов представила Зайончковского перед зарубежной эмиграцией как руководителя подпольной Монархической Организации Центральной России (МОЦР), созданной, на самом деле, с целью ликвидации активных врагов Советской власти. О том, «стучал» ли он на своих коллег и друзей – история умалчивает. Об этих событиях был снят популярный в 80-ые годы XX века фильм под названием «Операция «Трест».

Могила А.М. Зайончковского
на Новодевичьем кладбище

И, наконец, стоит сказать о научной деятельности Андрея Медардовича. Начиная с конца XIX века, Зайончковский начал публиковать свои историко-военные сочинения. Первым, ещё в конце XIX века, стал «Учебник прикладной тактики» (1899 – 1900 годы). За ним последовали труды, посвящённые истории Крыма: «Оборона Севастополя» и «Исторический путеводитель по Севастополю» (1904 и 1907 годы). Потом появились и главные произведения в жизни полководца и военного историка: «Восточная война 1853–1856 годов в связи с современной ей политической обстановкой» (Т.Т. 1-2, 1908 – 1913 годы) и сразу несколько монографий, посвящённых Первой Мировой войне. Они неоднократно переиздавались, в том числе, и в наше время, поскольку исторической своей ценности не потеряли.

Андрей Медардович Зайончковский скончался 22 марта 1926 года в Москве.

Похоронили его на кладбище Новодевичьего монастыря, рядом с его командиром, генералом Алексеем Брусиловым.

Род Зайончковских дал России много известных людей, но мой персонаж, генерал от инфантерии и военный историк, превзошёл их всех.

Генерал с родины Соловья-разбойника

Есть в Хотынецком районе, у самой границы с Карачевским районом Брянской области, легендарное село Девять Дубов, одно из самых древних в здешних, когда-то лесных и почти непроходимых, а ныне основательно поредевших, местах. Именно тут, по преданиям, русский богатырь Илья Муромец, едучи в Киев-град, победил Соловья-разбойника, который никому проходу-проезду не давал.

Илья Муромец, как показали исследования историков, был реально существовавшим историческим персонажем. Закончив ратный труд, он посвятил свою дальнейшую жизнь служению Богу, постригшись в монахи Феодосиева монастыря. В 1643 году Илья Муромец был причислен к лику святых. Русское воинство считает богатыря одним из своих покровителей.

Под покровительством Ильи Муромца

Генерал Цуриков А.А. (слева от женщины)
во время проводов в 24-й корпус

Наверняка Илью Муромца считал своим святым покровителем и поручик Андрей Цуриков, один из многочисленных представителей старинного и достаточно многочисленного дворянского рода, владевшего вотчинами в Орловской, Курской и Воронежской губерниях. Только в Орловской губернии Цуриковы имели земли в Севском, Мценском, Орловском, Малоархангельском и Карачевском уездах.

Андрею Афанасьевичу Цурикову принадлежало имение при карачевском селе Девять Дубов и близлежащем сельце Юрьево. Закончив службу военную, он жил здесь обычной помещичьей жизнью. У него и жены его Федосьи Николаевны родилось пятеро детей: Мария, Сергей, Владимир, Николай, Афанасий и Алексей. После смерти Андрея Афанасьевича в начале 80-ых годов XIX века вдова и дети унаследовали это имение.

Именно Цуриковы из Девяти Дубов, вдохновляемые легендой о покровительстве Ильи Муромца, и прославили свой род на воинской службе. Трое из детей Андрея Афанасьевича – Сергей, Владимир и Афанасий Андреевичи, - дослужились до генеральских званий.

Генерал от кавалерии Афанасий Цуриков обогнал в чинах и званиях всех своих однофамильцев и родственников. О нём и будет наш рассказ.

Командир 51 Черниговского драгунского полка

Родился будущий генерал 1 июня 1858 года. Обучался вначале дома, а потом – в Орловской Бахтина военной гимназии. В службу вступил в августе 1874 года. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1876 год) и поступил в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. В апреле 1877 года был переведён командиром эскадрона в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, в составе которого стал участником русско-турецкой войны 1877–1878

годов. Воевал храбро, о чём свидетельствует первая, полученная им в 20-летнем возрасте награда, – орден Святой Анны 4-ой степени.

После присвоения в 1881 году звания поручика Афанасий Цуриков поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую закончил в 1883 году по первому разряду. За 10 последующих лет службы он вырос до полковника.

Генерал Цуриков
Афанасий Андреевич

Когда в конце XIX века приказом императора Николая II был возрождён расформированный в 1826 году за участие в восстании декабристов 51 Черниговский драгунский полк, первым его командиром стал Афанасий Цуриков. Он командовал полком, который базировался в Орле, с 1896 по 1901 год. Шефом Черниговского полка была Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна.

18 мая 1899 года она впервые посетила наш город с целью знакомства с подшефным полком. Вместе с нею прибыл её муж, Великий князь Сергей Александрович, в то время – командующий войсками Московского военного округа, и многочисленное высокое начальство.

Почётный караул полка достойно встретил гостей на вокзале, а потом и все черниговцы показали свои умения во время смотра на учебном плацу. По окончании смотра Великая княгиня выразила офицерам полка благодарность.

На завтраке в офицерском собрании, где подводились неофициальные итоги визита, Афанасий Андреевич Цуриков, сидевший рядом с Великой княгиней (по правую руку от неё), произнося второй тост, предложил всем присутствующим выпить за здоровье Елизаветы Фёдоровны. В общем и целом, за всё время визита, командир полка не ударил в грязь лицом перед членами императорской семьи.

Русско-японскую войну Афанасий Цуриков встретил генерал-майором, начальником штаба 10-го армейского корпуса, который принимал самое непосредственное участие в военных действиях (оборона д. Сахепу и оборонительные бои у д. Падавязе - 2, 3 и 4 октября 1904 года). В конце войны, «за отличия в делах против японцев», генерал Цуриков был удостоен сразу двух орденов – Святой Анны 1-ой степени с мечами и Святого Станислава 1-ой степени с мечами. А вскоре – ещё и золотым оружием «За храбрость».

Брусилов, Цуриков, Корнилов

В январе 1914 года Афанасий Андреевич Цуриков был назначен командиром 24-го армейского корпуса, а через три месяца удостоился и нового чина - генерала от кавалерии.

С началом Первой мировой войны корпус генерала Цурикова вошёл в состав 8 армии генерала Брусилова, принимал участие в сражениях на реках Золотой и Гнилой Липе. 22 августа (4 сентября) войска 24-ого корпуса овладели Галичем. Командир корпуса

Генерал Брусилов
Алексей Алексеевич

Цуриков доносил Брусилону, что противник бежит, что взято до 40 орудий, что сильные форты оставлены без выстрела. В ночь с 23 на 24 августа был взят Николаев. Так блестяще завершилась Галич-Львовская операция русских войск, ставшая значительным этапом в Галицийской битве в самом начале Первой мировой войны.

Удачное наступление армии Брусилова чуть позже было подкреплено умелой обороной позиций южнее Перемышля, а в октябре 1914 года началось новое наступление 8 армии – на карпатском направлении. К 7 ноября именно 24-му корпусу генерала Цурикова удалось сбить австро-венгерские войска с главного хребта. За бои в

Карпатах он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В составе корпуса А.А. Цурикова воевала 48-я пехотная дивизия под командованием генерала Лавра Корнилова (*да, того самого, организатора будущего мятежа – А.П.*). Сам Лавр Георгиевич, обладая несомненной личной храбростью, проявил во время наступлений недисциплинированность, нарушая приказы командира корпуса. В результате этого 48 дивизия дважды попадала в окружение и несла тяжёлые потери. Во время второго окружения дивизия почти полностью была уничтожена, а сам Корнилов попал в плен (*откуда впоследствии бежал – А.П.*). Брусиллов собирался отдать Корнилова под суд за невыполнение приказов, но Цуриков умолил его этого не делать – *«не наказывать за храбрость, хотя бы и бессмысленную»*. В результате Брусиллов объявил в приказе выговор и Цурикову, и Корнилову.

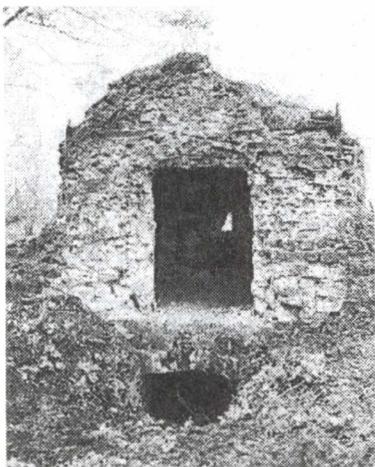

Генерал Корнилов
Лавр Георгиевич

В конце 1916 года генерал Цуриков пошёл на повышение – стал командующим вначале 10-й, а потом – 6 армией (на Румынском фронте). После Февральской революции одним из первых командующих Афанасий Андреевич ввёл полковые комитеты, с которыми сумел наладить сотрудничество, и его армия даже после свержения самодержавия сохраняла свою боеспособность.

Во время выступления генерала Л.Г. Корнилова Цуриков не стал, как когда-то, защищать своего бывшего подчинённого, – он занял позицию поддержки Временного правительства и на совещании 28 августа 1917 года вместе с представителями комитетов подписал резолюцию, объявляющую Корнилова изменником и требовавшую предания его суду. После Октябрьской революции генерал Цуриков оставался некоторое время на своем посту.

В декабре 1917 года он ушёл в отставку. Жил в Одессе, крайне нуждался, зарабатывая на жизнь шитьем сапог. В 1920 году, в числе нескольких бывших генералов царской армии, поступил на службу в РККА, был членом Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами республики. С марта 1921 года стал инспектором кавалерии РККА. Умер в Москве 23 мая 1923 года.

Остатки семейного склепа
Цуриковых
в селе Девять Дубов

Р.С. От имени Цуриковых в селе Девять Дубов и сельце Юрьево мало что сохранилось. Сама помещичья усадьба была ещё в 20-ые годы XX века уничтожена полностью. Остался только фамильный склеп Цуриковых, который в советское время использовался как склад инвентаря. Потолок его ещё совсем недавно украшала светлая Богородичная звезда на темно-синем небе. Но её уничтожили мародёры во время длительных поисков несуществующего клада. Гробы, по одной версии, просто выкинули, по второй, - где-то перезахоронили, но где - неизвестно.

До настоящего времени два населённых пункта Орловской области (во Мценском и Малоархангельском районах) носят фамилию ушедшего в историю известного дворянского рода, когда-то владевшего здесь многими именьями и землями.

Александр Бахтин и его «Пантера» (рассказ о первом орловском подводнике)

*Есть много книг, в которых сплошь
От А до ижицы - все ложь...
Но я хочу, должны вы знать,
Одну лишь правду рассказать.*

Из рода Бахтиных

Строчки, которые ты, читатель, только что прочёл, принадлежат перу выдающегося шотландского поэта Роберта Бёрнса. Перевёл их впервые для

русского читателя Николай Бахтин, практически неизвестный сейчас, но популярный в первой половине XX века переводчик, педагог, поэт, библиограф и театральный деятель. Все перечисленные мною его ипостаси были вначале только хобби профессионального военного Николая Бахтина, выходяща из хорошо известного на Орловщине дворянского рода и родственника основателя Орловского кадетского корпуса.

Бахтин – командир «Волка»

В этом учебном заведении, которому в 2013 году исполнилось 170 лет, Бахтин получил начальное военное образование, а с 1891 по 1909 год (18 лет!) служил в нём офицером-воспитателем. Николай Николаевич вышел в отставку в 1910 году в чине полковника, успев заложить твёрдые нравственные основы в душах многих кадетов, в том числе и у родного сына Александра. О нём и будет наш дальнейший рассказ.

Герой «Моонзунда»

Александр Бахтин родился 4 июня 1894 года в сельце Малые Бобрики Малоархангельского уезда (ныне – Глазуновский район – А.П.). В 10 лет поступил в Орловский кадетский корпус. Отец-воспитатель поблажки сыну не давал. Жил

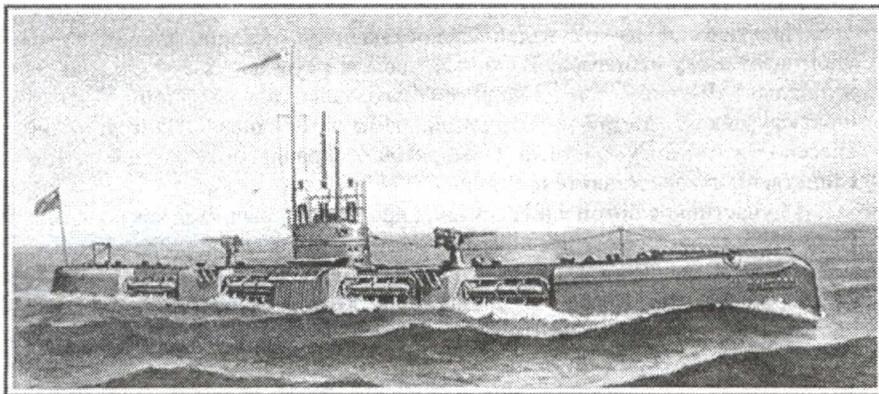
кадет вместе с остальными воспитанниками, хотя у Бахтиных имелась при корпусе служебная квартира.

Первоначальные военные зания Александр в ОБКК получил прочные и поступил в Морской кадетский корпус, который окончил в 1914 году с присвоением первого офицерского звания на царском флоте — мичмана. В 1916 году, после окончания подводного офицерского класса, начал службу старшим офицером подводной лодки «Волк», а затем стал ее командиром.

Валентин Пикуль в романе «Моонзунд» посвятил Бахтину несколько тёплых строк: *«Волк» качался под сенью пирса, готовый сняться со швартов. ...Лодку уводил старший офицер Бахтин... Саше Бахтину был тогда 21 год — недалеко от юнги ушел. Отличный возраст! У лейтенанта железная воля, острейший разум, реакция в риске стремительная. И потому солидные, все в крестах и шевронах кондукторы, которым уже на пятый десяток, тянутся перед юношей в нитку... От этого лейтенанта с детскими пухлыми щеками зависит их жизнь, их судьба».*

На подлодке «Волк» Бахтин совершил восемь боевых походов, в результате которых было потоплено четыре транспорта противника. За эти походы на Балтике Александр Бахтин получил три ордена: Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (23.11.1915), «Святой Анны» III степени и Святой Анны 4-й степени "За храбрость" (31.3.1916).

Вскоре после революции Бахтин уволился с флота по собственному желанию, ходил капитаном торгового судна. Но в ноябре 1918 года возвратился на военную службу и получил под командование подводную лодку «Пантера».

<http://www.navy.su/>

Подводная лодка «Пантера»
(С картины художника В.М. Иванова)

Водоизмещение 630 /780 т, длина 68 м, скорость 10/8,5 уз. Вооружение: 4 торпедных аппарата и 8 аппаратов системы Джевецкого, 2 орудия. Экипаж 33 человека.

Прыжок «Пантеры»

В то время лишь немногие надводные боевые корабли и подводные лодки Балтийского флота оставались боеспособными, и англичане вели себя в Финском заливе как хозяева. «Пантера» их самоуверенность сильно поколебала. 24 июля 1919 года в Копорском заливе советская подлодка четырьмя торпедами пыталась поразить две подводных английские лодки, но противник уклонился. Это была первая, пусть и неудачная, торпедная атака советских подводников.

А ранним утром 31 августа 1919 года Бахтин вновь вывел свою субмарину из базы и направился на патрулирование в район Копорской губы. Около 18 часов были обнаружены два эсминца противника. Бахтин маневрировал около трех часов, пока не занял наиболее удобную позицию для стрельбы торпедами.

В 21 час 16 минут командир отдал команду, и с дистанции 4-5 кабельтовых (*кабельтов — 185,2 метра. — А.П.*) лодка произвела залп, поразив двумя торпедами один из новейших эскадренных миноносцев Англии «Виттория». Через несколько минут он был уже на дне.

Девять вражеских кораблей и несколько гидросамолетов начали преследовать «Пантеру», сбрасывая глубинные бомбы и производя стрельбу ныряющими снарядами. Уклоняясь от огня, лодка ударилась о грунт и получила повреждения. Но Бахтин, продолжая искусно маневрировать, все же сумел оторваться от преследователей и, пройдя под водой почти 80 миль, благополучно возвратился в Кронштадт. Субмарина находилась в подводном положении, без регенерации воздуха, более 28 часов (*в рассказе самого*

Бахтина говорится о 30 часах и 10 минутах – А.П.) — случай до этого невиданный. А потопление английского эсминца «Виттория» оказалось не только первой, но и единственной за годы гражданской войны победой советского подводного флота.

Практически любое издание, посвященное истории Советского ВМФ упоминает атаку «Виттория». Об этом писали не только у нас, но и на Западе: журналы «Часовой» и «Морской журнал» во Франции, «Всеобщая Франкфуртская газета» в Германии. Имя командира «Пантеры» Бахтина внесено в «Книгу почетных моряков», хранящуюся в Лондоне, как единственного представителя России.

18 участников потопления эсминца противника были награждены от имени Петроградского Совета именными часами, а командир подводной лодки Александр Бахтин первым из советских подводников стал в 1923 году кавалером ордена Красного Знамени. А годом ранее, за восстановление Балтийского флота, Александр Николаевич был удостоен учрежденного на Балтике звания «Герой труда».

Севастополь – Соловки – Ленинград – Смоленское кладбище

После знаменитой атаки жизнь и служба у Бахтина складывались успешно: до мая 1921 года он продолжал командовать «Пантерой», затем - подлодками «Форель» и «Тур», возглавлял дивизион подводных лодок, находился на преподавательской работе, выпустил учебник и написал несколько статей.

В 1926 году Александр Николаевич окончил Военно-морскую академию и был назначен командиром отдельного дивизиона подводных Морских сил Черного моря, базировавшегося в Севастополе.

Там его и арестовали, - вместе с 22 другими бывшими офицерами российского императорского флота. Всем им вменили в вину занятия контрреволюционной деятельностью в период в 1918 по 1926 год. Бахтин на допросах категорически отверг все предъявленные ему обвинения и – получил пять лет лагерей с конфискацией имущества, лишением званий и наград (*орден Красного Знамени № 14533 был изъят при обыске – А.П.*)

Семь месяцев заслуженный моряк провел в Соловецком лагере, а в декабре 1927 года его дело пересмотрели и заключение заменили ссылкой в село Березово Тобольской губернии.

Постановлением коллегии ОГПУ от 30 апреля 1929 года он был досрочно от отбытия наказания освобожден. Из заключения Бахтин возвратился с подорванным здоровьем, некоторое время работал капитаном малого плавания, а 15 июня 1931 года умер от заработанного в заключении туберкулёза и был похоронен на Смоленском кладбище в Ленинграде.

Забывтое на долгие годы имя прославленного подводника стало возвращаться из небытия благодаря его жене, Ольге Петровне Бахтиной. Поданные ею жалобы в центральные органы власти возымели действие.

Определением Военной коллегии от 29 сентября 1956 года дело в отношении А.Н. Бахтина и других осужденных было прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

Памятная доска Бахтину

20 октября 2007 года на Смоленском Православном кладбище состоялось открытие памятника Александру Николаевичу Бахтину на его могиле. В том же году на доме № 24 по 11-й линии Васильевского острова, где несколько лет прожил Александр Николаевич, была установлена мемориальная доска.

Не мешало бы и нам, орловчанам, землякам знаменитого подводника, увековечить его память на родине.

«А.Н. Бахтин был выдающимся моряком, убежденным и талантливым подводником, очень умным и образованным человеком высоких качеств. Он много читал, отлично знал историю флота, морскую технику, был хорошим организатором.

Команда любила его за честность и прямоту, и всегда был совершенно спокоен и внушал к себе доверие подчиненных. Это был один из наиболее преданных и образованных советских офицеров того времени».

(Бывший подчиненный Бахтина, академик и адмирал Аксель Иванович Берг)

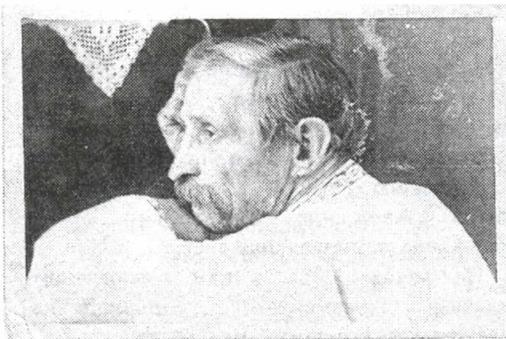
Никита Старых:

«Воспоминания орловчанина о Первой мировой войне»

У меня в руках, волею судьбы, оказалась одна чрезвычайно любопытная тетрадь, вернее, копия её, сделанная по моей просьбе Вадимом Ткаченко, моим новым знакомым, живущим в городе Киеве. Корни родительские, по материнской линии, у Вадима Михайловича – наши, орловские. И хоть родился он сам на Украине, но давно и упорно пытается выяснить всё, что имеет отношение к его родословной. Несколько раз приезжал Вадим в деревню Кадинку Покровского района, где до недавних пор жил его родной дядя, посещал окрестные деревни, в которых когда-то обитали его предки, вёл поиски в Орловском Государственном архиве. Многие киевлянину уже удалось сделать, но многое ему ещё и предстоит.

При нашей электронной переписке выяснилось, что у одного из родственников Вадима Ткаченко сохранилась рукописная тетрадь, в которой

оставил свои воспоминания Никита Егорович Старых – наш земляк из Малоархангельского уезда.

Никита Егорович Старых
(одна из последних фотографий)

Когда я стал разбирать присланные мне отсканированные тетрадные листки, то понял, несмотря на возникшие трудности, уникальность оказавшегося в моих руках документа.

150 страниц воспоминаний, написанных мелким, чрезвычайно неразборчивым почерком, сплошным текстом, без каких-либо знаков препинания, без абзацев и заглавных букв, не

литературным языком, а разговорной речью уроженца Орловского края первой половины XX века, содержали историю жизни одного человека, которому довелось принять участие во многих важнейших событиях прошлого столетия. Правда, если бы я сам не был уроженцем той же деревенской Орловщины (хоть и другой её части), то наверняка не разобрал бы отдельные слова и выражения автора – но зато какой колорит они придали всему повествованию!

И теперь, прежде чем читатель познакомится с отрывком из воспоминаний Никиты Егоровича Старых, кратко пройду по его биографии (все сведения почёрпнуты мною, конечно, из его сочинения – А.П.)

Итак, родился Никита Старых 8 сентября (по новому стилю – 21 – А.П.) 1895 года в деревне Лимовое Троицкой волости Малоархангельского уезда (сейчас это территория Верховского района – А.П.) в бедной крестьянской семье. Его отец умер, когда Никите шёл шестой год. Мать вышла замуж во второй раз и на некоторое время как будто забыла о сыне, которого оставила жить у родственников. Потом отношения сына с матерью наладились, Никита к ней возвратился и стал жить и работать в семье отчима, мечтая о самостоятельности.

Мать, после долгих уговоров, отпустила сына в 1912 году к дальнему родственнику в Ростов. Там, трудясь в мастерской по пошиву ковров, скатертей, салфеток, наволочек и постепенно осваивая навыки интересной для него профессии, Никита Старых прожил до середины 1914 года, не подозревая, что жизнь его вскоре круто изменится.

Но об этом пусть теперь расскажет сам Никита Егорович. Перед тобой, читатель, отрывок из его воспоминаний, посвящённых Первой мировой войне и отредактированных мною, поскольку обычному читателю трудно было бы читать текст в оригинальном виде. До настоящего времени я не встречал такого рода материалов о I Мировой войне, написанных нашими земляками.

Призыв

«1914 год. 22 июня началась всеобщая мобилизация. Василия тоже забрали. Я остался за мастера. В 1915 году, в конце июля, я получил письмо от дяди из деревни. Он пишет мне: «Приезжай скорей, тебя ищут на войну». Мой паспорт был у хозяина, я даже не знал, сколько мне лет. Я даже не думал, что меня возьмут на войну.

Я приехал на родину, пошёл в волость. Старшина на меня крикнул: «Ты что пришёл, под конвоем?» Я говорю: «Нет, сам пришёл». Тогда он смягчился и говорит: «Нате Вам записку, три дня отгуляете, а потом ездуйте в Малоархангельск, до воинского начальника».

Я пришёл до матери и говорю ей: «Как мне добраться, до Малоархангельска 70 км?» Она пошла до свекровного брата, он учил своих детей там, в школе реалистов. Вот он везёт дочку туда, он взял меня подвести туда.

Так я пришёл к воинскому начальнику: «Вот так и я-то». Отстающих, как я, нас больше 60 человек. Нас отправили в город Тамбов. Там я мало побыл. Нас, 60 человек, отправили в Москву, дом Курнаков. Там формировали шоферов бронемашин. Там нужно было 100 человек, а нас туда пригнали 500 человек. Тогда они отобрали 100 человек, остальных отправили на Ходынку.

Там – огромное поле, много войск. Вот я попадаю в 81 запасной батальон. Там нас обучали до октября. Перед отправлением на фронт нас перевели в Москву, на улицу Мясницкая. Там были казармы. Вот тут нас обмундировали с головы до ног во всё новое, сводили в баню. Утром приходит поп. Нас выстроили принимать присягу. Поп служит молебен, а мы сложили перст три пальца, в гору руку держали. И вот так мы приняли присягу.

Путь на фронт. Первые военные испытания

На второй день нас повели на Белорусский вокзал. И вот мы поехали на фронт, на Минск, на станцию Дрисса (это Латвия). Мы приехали ночью. Там были казармы, мы там переночевали. Утром нас повели через реку Западная Двина, на ней был мост деревянный, широкий. Мы перешли через Двину, пошли на Опсу. Шли весь день. С утра погода была хорошая, а уже на заходе солнца лил дождик. Мы так измокли, у нас всё было мокрое. Идти было тяжело. Стало темно – мы шли. Сзади большая часть отстала, не знаем, куда идти.

Дождик перестал, мы зашли в лес, набрали сушняку, разожгли костры, стали сушиться. И вдруг наскочили казаки донские, как начали на нас кричать: «Что вы делаете? Тут фронт, немцы увидят костры, и они побьют и вас, и нас, тушите скорей!»

Ракеты кругом освещают. Нас вывели на дорогу. Уже рассвело. Привели нас в штаб дивизии №30. Из штаба нас повели в штаб полка – 120 Серпуховской. Я попал в 12 роту. Полк был разбитый, только кончились бои. Стали укреплять первую линию. Нас водили каждую ночь укреплять первую линию: кто окопы копал, кто лес рубил, брёвна носили для землянок и блиндажей, кто рогатки обматывал колючей проволокой.

Каждую ночь мы ходили на эти работы, а в конце ноября нас привели в лес, в батальонный резерв. И вот штаб дивизии дал указание, что кто приведёт немца-языка, тот получит третьей степени крест и месяц отпуска. Вот наш ротный командир задумал крест получить, пришёл в роту и хотел взять всю роту с собой. Но командир батальона запретил ему всю роту брать: «Бери добровольцев».

Добровольцев изъявились только 8 человек, и с ними пошли три разведчика полковые. Один был герой – все 4 креста и 4 медали, и вот он хотел пятый крест заслужить. И вот они пошли и с таким пришли. Немцы так их степенули, что герой этот там остался. Его на вторую ночь его товарищи мёртвого принесли. А ротный наш пришёл без шапки. Вот как языка надо брать. Потом нас, роту нашу, поставили на передовую. Ротного от нас забрали куда-то. Фамилия его была – Никулин.

С нами остался его заместитель, Соколов. Он как залез в землянку, так за всю зиму и не вылезал из неё. Он даже не знал, где передовая и заставу не видел, где она. Мы на этом участке просидели всю зиму, только к Пасхе нас сменили. Этот участок был правой озера Дрисвяты. Небольшое расстояние от озера – это местность Курлендее. Там много лесов, озёр.

Как я чуть не замёрз

Дело было под Николу, в декабре. В ночь нас поставили в секрет, три человека. Погода была холодная, снег валил сверху и позёмка, ветер сильный, аж визжит. Нас было трое – Орлов, я и Тульский. Орлову дали полушубок и валенки, а мы с Тульским были в шинелках и в сапогах. Нас мороз чуть не заморозил. Тульский – он спать, его Орлов будит. А меня так жмёт мороз, руки, ноги сковало. Я хотел бежать, но Орлов меня остановил: «Ведь в секрете сидишь». Окоп мелкий, только сидишь, размяться нельзя – сидишь под проволочным ограждением со своей стороны.

В это время караульный начальник заснул, и мы просидели долго. Потом смена пришла. Я стал ругать разводящего. Нас принесли на плечах. Санитары разрезали сапоги, портянки у нас уже белые, в снегу. Пальцы белые санитары стали нам растирать спиртом. Они у нас с пару так взялись, что мы криком кричали. Но нас куда-то отправили, мы в землянках отвалились дней десять, а потом опять пошли по караулам.

У нас в роте всего было 80 человек. Мы выставляли заставу и передовую и секреты на прорывах. Смена – всегда ночью. Дежурили по суткам.

Как нас вши ели.

У озера Дрисвяты

Как нас вши ели, так развелись, что шинель, особо в воротнике да в шапке, в отворотке ушей. Было, в голове струпы вши разъедали. Мы их не били, а ладонями растирали. Руки все в крови. Некоторые руки не мыли, так и кушали. Ведь шесть месяцев бессменно сидели, день и ночь одемши-обумши: не разрешалось раздеваться, всегда начеку. В бане ни разу не были. Мы разжигали

костры и давай жарить вшей, и всё, до основания, прожигали. У шинелей воротники все сгорели, теплые штаны и фуфайки, и шапки на затылку, и сапоги – всё прогорело.

Потом мы стояли на озере Дрисвяты. Там стояла 4-ая дивизия, мы её сменили. Они нам не сказали, что они с немцами договорились, чтобы не стреляли друг в друга, когда воду берут в озере. Мы заступили, они ушли.

Озеро это большое. К нему принадлежат Белоруссия, Латвия, Литва, и где мы стояли, шириной оно метров 300. На обеих сторонах лес густой и бугроватый.

Павел Скоропадский.
Иллюстрация с сайта
nvo.ng.ru

И вот утром немец берёт воду в озере. Набрал в котелки и идёт, а наши ребята говорят: «Во, юз какой, как смело идёт, как дома». Один парень взял да выстрелил в него. Он упал, лежит на берегу. Немцы хотят его взять, а ребята открыли огонь. Он пролежал до ночи. Ночью они его взяли, а утром как открыли огонь из орудий и миномётов – вот дали нам перцу за этого немца. А наша батарея ни одного снаряда не дала по немцам. Блиндажи нам все побили, человек 20 улобанили.

Я пробыл год на этом фронте и повидал много всего. Потом нас сняли, в апреле 1916 года, на Пасху, и нас привели километров за 40, местечко Боровки – Латвия. Там у них была кирха, богомольная церковь. С нас обгорелое сняли, дали летнее обмундирование. В бане обмыли нас и в эту кирху сводили нас – Богу молиться. Там мы пробыли до 1 мая. Про фронт забыли, на занятиях нам надоело.

Двинск. Генерал Скоропадский.

Озеро Брегент. Портрет императора Вильгельма

С 1 мая мы опять пошли на фронт. Пришли мы в лес, там был дом и конюшня, и озеро Брегент – это баринова фамилия. В полковой резерв стали. Тут хотели прорыв сделать у немцев. Это 15 мая 1916 года.

Хотели сделать наступление, и вот в это время к нам пообещался приехать командующий 5 Армией (мы к ней принадлежали) – это был генерал Скоропадский. Мы собрались в одной балочке, два полка – наш, Серпуховской, и полк Шуйский. Утром солнце взошло, смотрим: из города Двинска едут генерал впереди и казаки донские, сотня, за ним.

Подъехал он к нам, стал на горке, поздоровался с нами. В это время два полка музыки как вдарили марш играть, а немцы услышали (день был тихий, солнечный), как открыли огонь из батарей! Но благодаря они цель взяли неправильно, левее нас около километра, ох как наш генерал как крикнет: «Разойтись!» И сами с казаками как вдарили назад в Двинск, только пыль по

дороге за ними столбом понеслась. Мы бежать, свои землянки были у нас в лесу. А немцы бьют и бьют, до самого вечера была артиллерия, и всю эту балку вспахали – сколько он снарядов уложил, всё – в пустое. Где он столько снарядов берёт – просто ума не дашь. Если бы они все попадали в людей, то нас там бы ни одного человека не было.

В мае месяце нашу роту поставили на передовую – озеро Брегент. Это озеро – как сапог с носком. Немцы стояли в начале озера, остальное было в наших руках. Но немцам она вся была на виду. Они её обстреливали. С правой стороны было ровное поле, за перевалом там стояла 7 рота. Во время зимы на этом участке наши делали подкоп под немецкую линию окопов – хотели взорвать первую линию. Взорвали её, но неудачно: воронка оказалась на ничьей, и немцы её захватили и за одну ночь укрепились.

Карикатура на Вильгельма

И весной наши задумали её отбить. Назначили день наступления, и немцам кто-то сообщил. За день наступления они бьют по нашей роте. Весь день была артиллерия, то шрапнель, а то снаряды. Часть попали в озеро и много рыбы набили. Но нам её взять нельзя: немцам всё видно.

Перед вечером немцы перестали бить. Взводный говорит мне: «Старых, как потемнеет, на вот записку, вдвоём с парнем идите в связь – за озером там стоит батальон. Скажешь, что завтра утром 7 рота пойдет в наступление, чтобы они были начеку».

Стемнело, мы пошли около озера, по ходу сообщения. Вышли прямо на целину, вроде, болото. Кто немцам сказал, что мы идём в связь? Вдруг быстро выстрел, прямо по нас тяжёлый снаряд. Упал – не разорвался, второй снаряд тоже не разорвался и третий тоже. Мы вбежали на горку в лес. Тут стоит командир батальона, и четвёртый снаряд как ухнет. Комбат говорит: «Давайте в землянку». Я ему подал записку. Он говорит: «Хорошо, сидите, не ходите, а то он вас побьёт».

Мы просидели до 5 часов, и стало вечереть – мы пошли обратно. Только к роте подходим, и в роте 7 пошёл бой – часа три там бились. Потом нам передали, что воронка отбита.

В июне месяце нас сняли – перевели в резерв под Двинск. Там мы расположились в палатках в лесу.

Рота наша опять стоит на передней линии. Это было – шла железная дорога из Двинска на Варшаву. Я пришёл в роту, опять пошёл по нарядам. Линия такая была. Немцы стояли на горке, им было далеко видно, а у нас – ровное поле. Длинные ходы сообщения были глубокие, а потом овраг – тут были землянки, а потом лужок небольшой и вроде маленькая речушка.

Первая линия и заставы были близкие до немцев, и вот однажды фельдфебель наш на белом полотну нарисовал, т.е. покритиковал немецкого царя Вильгельма – кайзера. Он нарисовал его – едет он на ящике верхом, как у кота усы взъерошены, глаза, как у зверя, каска со шпилем, а на ноге – деревянный протез, лицо - перевязанное платком. Плачет и едет – вот в таком виде он принёс царя ихнего и говорит: «Ребята, идёмте со мной, вот этот плакат поставь к им, к ихним окопам». Ну и поставили ночью, немцы не видали.

Утром смотрим, плакат стоит. На второй день – плаката нету, сняли немцы.

Только позавтракали, как открыли огонь по нашим окопам из миномётов. Били-били весь день по нас, вот это дали нам ума, как царя критиковать. Они за своего царя Вильгельма в огонь и воду шли. У нас в этот день выбили 20 человек. Вот какие немцы.

Как Россия Румынии помогла

Потом нас осенью 1916 года повезли в Румынию, на помощь. По дороге мы ехали долго. Приехали к реке Прут, перешли мы границу и шли мы целый день. И поздно ночью мы пришли в город Яссы, в Румынию. Переночевали в кинотеатре, ночевали прямо в стульях сидя. Утром нас посадили в вагоны-телятники, повезли на город Браилов.

Потом нас привели к реке Дунай, в порт, и посадили нас в баржи и в пароход и повезли вниз, к морю. На той стороне Добруджа, она проходит между Дунаем и Чёрным морем, как полуостров. Вот мы пошли на Констанцу. Там её заняли немцы с болгарам – это военный порт румынский на Чёрном море. Мы пошли туда пешком. Сколько дней – неизвестно. Мы так устали – до Констанцы мы не дошли. Два дня собирались наступать и потом нас снимают и везут в Бухарест – столица румынская.

Там немцы наступать приехали к Бухаресту. Два дня мы отдохнули, а потом пошли с музыкой через Бухарест. Весь день мы шли через Бухарест, нам цветы румыны кидают. Перед заходом солнца мы вышли из Бухареста. Идём по шоссе на дороге, ночью мы свернули на просёлочную. В какую-то деревню мы пришли, легли на огороде, в соломе. Ночью пошла артиллерийская стрельба, мы вскочили.

Командир полка кричит: «Полк, ко мне!» Мы собрались на высоте и пошли за деревню, стрельба прекратилась. Впереди лес, пошла разведка, доложила, что там нет никого. Подходим к лесу, тут за лесом река и мост железной дороги. На мосту с нашей стороны воронка пробита. На мосту наложили доски и стали переходить. Перешла наша рота на тот берег. Шли мы берегом, цепочкой. Потом – враг, мы вышли к деревенскому огороду. Впереди – деревня. Мы идём цепью, ротный – сзади нас. Он командует: «Ложитесь, пошли, разведка». Они говорят, что в деревне нет никого. Деревню мы заняли без боя.

Вечером расставили караулы. Наш взвод стоял в заставе. Ночью я заснул. Слышу, взводный меня будит: «Вставай, Старых, мы отступаем». А меня ребята и не разбудили.

Мы все отступали. Идём и идём – немцы за нами. Идём всё без боя. Шли мы на Плоешти, сколько дней мы шли – не помню. За Плоештами через два дня ночью наша рота расположилась на огороде в какой-то деревне.

Последний бой

Утром немцы открыли огонь из артиллерии. Били они по нас до половины дня, а наши орудия ни одного снаряда не выпустили, как будто у нас нету орудий. Перестали немецкие орудия бить – пошла ихняя пехота в атаку.

Немцы, они стреляют бесцельно, бьют веером. Меня увидал взводный: «Старых, иди сюда». Я пошёл с ним, подходим к крайней хате. Стоят, из-за угла хаты смотрят ротный и фельдфебель. Подводит меня наш взводный. Он мне говорит: «Бежи!» За хатой прямо голая степь. Я выбежал из-за угла хаты, бегу со всех сил, а пули роем летят. Нет нигде никого. Смотрю, какая-то яма, вроде погребка, вырыта, а в ней – наши два отделенных карабкаются. Я пробежал мимо их. Это был один Родионов, а другой – Карапниченко. Я бегу дальше.

И прямо передо мной – яма снарядная, глубокая. Я прямо прыгнул в неё, сам еле дышу. Смотрю самого себя – не попали? Шинель подола – прострелены, сапоги голенища тоже прорваны, но тело нигде не зацепило. Выглянул из ямы – впереди меня – не разберёшь: от взрывов снарядов туман, порохом воняет. Глянул влево – недалеко от меня двое убитых наших лежат – башкиры, молодые ребята. Они были из Оренбурга, Орского уезда.

Смотрю, подбегает к моей яме парень Воронков, из Рязани, Рязжского уезда. Он не прыгнул ко мне в яму, а сел на краю ямы, и пуля ему – прямо в живот. Но у него на животе висели подсумки с патронами, а подсумки у нас были брезентовые, а не как тряпки. Вот пуля попала в подсумок, и там были патроны. И подсумок загорелся.

Я ему кричу: «Бросай подсумки, а то патроны будут рваться». Он всё это бросил и прыгнул ко мне в яму. Мы с ним ни слова не сказали, и тут прямо возле ямы немцы появились и стали треножку для пулемёта ставить. Их было человек 15, немцев.

Воронков поднял руки и побежал к ним в тыл, а я встал и стою. А немец пожилой наставил винтовку со штыком на меня, а офицер ихний его отпихнул и мне говорит: «Век, век». У меня на груди висит патронташ с патронами и подсумки с патронами на животе. Я понял, чтобы я их сбросил. Я их сбросил. И он мне рукой махнул – иди туда, до их, в тыл.

Я пошёл, как пьяный, и думаю, хоть бы мне в затылок свой застрелил бы: я так не хотел идти в плен...».

Плен. Лагерь для военнопленных

«...Нас привели в деревню в румынскую, закрыли нас в церкви. Два дня нас держали, не выпускали, есть ничего не давали. На третий день пришёл поп румынский. Вот он как вздохнул воздухом, а вонь ему как завоняла. Он закричал: «Ой, Русь, ой, Русь!», а ребята говорят, что Русь немцы нас не

выпускают оправляться. Он ушёл, видать, сказал немецкому начальству. Нас выпустили из церкви и повели под конвоем в город.

В город мы пришли вечером, это был город Буззу. Тут был большой лагерь какой-то-стояла румынская военная часть. Тут казармы, сарай, конюшня и даже двухэтажный дом для начальства. По всей площади много навозу было. Вот сюда нас согнали. Кругом проволокой в три ряда обгородили. Нас тут было 15 тысяч.

Немцы над нами издевались, как над дикарями. Десять дней нам кушать не давали – это, по-ихнему, карантин, надо выдержать. Мне повезло, наша казарма стояла близко до комендатуры. Нас всегда выгоняли на работу. И вот на работе мы можем что-нибудь достать съестного – кукурузу, ещё что-нибудь. Один раз мы на вокзале бочки выкатывали наружу, и в одной бочке был рассол. Я появился в рассол, а там оказалась рыбина, килограмм пять, вдоль разрезана. Я раздел шинель, мне ребята во всю спину налепили и проволокой обмотали. Так я с ней проработал до самого вечера, а вечером я пришёл в казарму.

Со мной были, дружили два парня, с Смоленска. И вот мы давай её варить. Три дня мы её ели, ведь всех 15 тысяч на работу не возьмут, а кушать им не дают. Они, несчастные, копаются в мусоре, там гнилая кукуруза в навозе. Копаются, как куры, и тут же едят немытую. И как пошла их холера косить, людей. Кто в барак валяется, кто в мусоре.

Поделались одни скелеты. И немцев холера не обошла тоже, вся команда и комендант поиздыхали. И хотели весь лагерь облить керосином и зажечь. Им кто-то запретил. И нас, 90 человек было здоровых, в том числе и я, нас в отдельный барак поселили. Кругом проволокой оплели, через проволоку нам давали кушать.

Потом появился новый комендант, это офицер одноглазый. Он хорошо по-русски говорил. Он нам говорил, что он учился в Ленинграде, т.е. в Петербурге. И вот он нас взял, повёл в баню. Там мы разделись, бельё повешали на шесты в кладовой, и нас закрыли в бане голяком. Воды не было. Мы спали кто как – кто на полу, а кто на скамейках. Утром нас разбудили и говорят, берите своё бельё. Мы открыли кладовую, а нам газ как в нос и в рот вдарил.

Мы чхаем и кашляем беспрерывно, и у нас из носа кровь чхаётся. Мы выбросили на двор своё бельё с шестами, там мы перестали чихать. Вшей газ всех подушил, как трепанули бельё – они сыпятся, одна шелуха.

После бани нам дают тачки железные – возить мертвяков в яму. За лагерем был лес дубовый, там выкопанные канавы большие. Вот туда мы их возили. Они были одни скелеты. Кладём по одному в тачку, ведь и мы тоже бессильные, три человека тачку везём: один впереди проволокой зацепляет и тянет, а двое за ручки сзади. Вот так мы их хоронили. Их там закопано 10000, а 5000 нас осталось... Вот так некоторые говорили: «Я шёл в плен, попал, жив буду». Нет, в плену смерть тоже сзади тебя ходит. Некоторых отходили, чуть живеньких возили в баню, так они отощали.

Немцев тоже рядом похоронили, почти всю команду и коменданта. Потом все казармы, конюшню обливали карболовкой. Несколько дней простоят – после смывали водой, потом – белой известью»....

Послесловие.

А потом были в судьбе Никиты Старых ещё три лагеря, побег из плена, долгие скитания по оккупированной немцами Румынии, возвращение домой, короткий отдых, мобилизация в Красную Армию, участие в гражданской войне, коллективизация, председательство в колхозе, переезд в Днепропетровск и – Великая Отечественная война. Многие из этих событий он описал подробно, живо, как будто они произошли только что.

Умер Никита Егорович в декабре 1988 года, похоронили его на одном из кладбищ Днепропетровска.

(Фото Н.Е. Старых предоставлено Вадимом Ткаченко, Киев)

Глава третья Творцы и мастера

Каменские и Болотовы (по «Воспоминаниям» писателя Михаила Толстого)

Фельдмаршал Михаил
Каменский. Портрет
неизвестного художника

О фельдмаршале Михаиле Федотовиче Каменском и его сыновьях-генералах Сергее и Николае издано много литературы. Не буду перечислять всё, назову только исторический роман известного орловского писателя и краеведа Василия Катанова «Сабуровская крепость», вышедший в издательстве «Вешние волны» в 1995 году. А вот о жене фельдмаршала, матери троих его детей, графине Анне Павловне, известно гораздо меньше. Пожалуй, только в книге известного бытописателя Михаила Пыляева «Старая Москва. История былой жизни первопрестольной столицы» есть некоторые живые подробности, посвящённые этой удивительной женщине. Однако к образу жизни семейства Каменских обращался не только упомянутый мною М. Пыляев. В «Моих воспоминаниях» писателя (и тоже графа)

Михаила Толстого (о нём и его произведениях я рассказал в очерке «Орловский писатель Толстой», в томе I моей книги - А.П.) есть очень любопытная глава, посвящённая родственникам автора. Среди них значились и Каменские. А теперь слово самому Михаилу Толстому:

О графине Анне Павловне, её муже и сыновьях

«В шестилетнем возрасте я видал иногда в доме моей бабушки, графини Александры Николаевны, родственницу её, графиню Анну Павловну Каменскую. В какой степени они были родня, я не знаю; но обе были из рода князей Щербатовых и звали друг друга кузинами. Графиня Каменская была тогда уже вдовою известного в своё время полковника, генерал-фельдмаршала, графа Михаила Федотовича, убитого в деревне дворовыми людьми, с которыми он очень жестоко обращался. Вообще, старик, как говорят, был очень зол и позволял себе всякое самоуправство с кем бы то ни было.

Деда моего (графа, бригадира Степана Фёдоровича Толстого, кстати, умершего с Каменским в один год – А.П.), служившего некогда под его руководством, он очень любил, и когда дедушка, на пути из Москвы в деревню, проезжал через село Куракино, принадлежавшее Каменскому (тут автор воспоминаний делает ошибку, Каменскому принадлежало село Сабурово – А.П.), старый фельдмаршал требовал, чтобы вся семья Толстых на многих

экипажах, со множеством собственных лошадей и прислуги, непременно заезжала к нему; в случае же отказа, приказывал насильно отпрягать лошадей и брал всех в плен на несколько дней. Об этом я часто слышал в детстве.

Когда я видал графиню, она уже лишилась своего знаменитого сына, графа Николая Михайловича, главнокомандующего в Финляндии и потом в Турции, где он и скончался. Император Александр I посетил вскоре после кончины его огорчённую мать, чтобы изъявить сожаление о потере сына. Графиня вздумала сказать ему: «У нас, Государь, остался брат его». При этих словах Государь встал и, не простясь, ушёл. Говорили при мне, что этого старшего сына графини, Сергея Михайловича, император терпеть не мог, не знаю за что.

(Здесь я сделаю небольшое дополнение из упомянутой книги Михаила Пыляева «Старая Москва...», в которой есть такой трогательный момент о большой любви графини Анны Павловны к безвременно почившему младшему сыну Николаю:

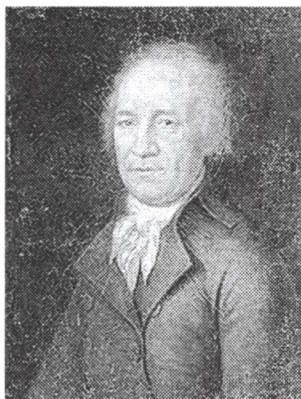
«Он скончался 4 мая 1811 года на 34 году. Его привезли в Орловскую губернию, в родовое их село Сабурово и похоронили подле отца; но мать просила, чтобы сердце было отдано ей: оно хранилось в приходской церкви ее дома в Москве, в Троице-Зубове, пока она была в живых, а после ее смерти, по ее просьбе, похоронено с нею на кладбище в Девичьем монастыре...» – А.П.).

В 1812 году графиня уехала от французов в Кострому, где был тогда губернатором Пасынков, впоследствии умерший под судом за взятки. В один праздничный день, в соборе, графиня стояла на том месте, где обыкновенно стояла губернаторша, а эта последняя стала настоятельно требовать своего места. Тогда графиня, раскрывши шаль, показала ей портрет двух императриц, который она носила по званию статс-дамы и спокойно сказала: «Не беспокойте меня, а мужа Вашего спросите, как смел он не явиться ко мне». В тот же день Пасынков явился к графине и получил бесцеремонный выговор. После отставки и смерти его имение у бывшей губернаторши было взято в опеку за жестокое обращение с крестьянами.

После 1812 года графиня переселилась в Орёл к любимому старшему сыну, который, вышедши в отставку, завёл там театр и разные публичные увеселения, от которых совершенно разорился; впрочем, иногда жила она по несколько месяцев в Москве, в доме своём, напротив Петровского монастыря. В 1826 году, незадолго до коронации императора Николая I, графиня Анна Павловна подверглась гневу Государя: управитель её излишней строгостью взбунтовал крестьян, за что графине запрещён был приезд ко двору. Это так сразило старуху, что она скоро умерла».

«Век не знавали ни скуки, ни боли...»

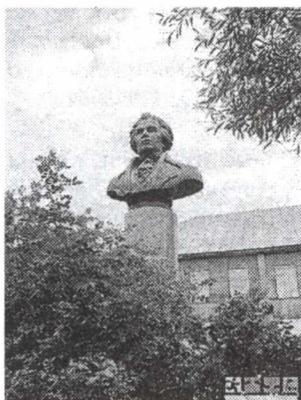
И ещё один отрывок из «Моих воспоминаний» графа Михаила Толстого я предлагаю вниманию читателей. Посвящён он известнейшему в России в XVIII и XIX веках семейству Болотовых. Андрей Тимофеевич был первым русским агрономом, просветителем, изобретателем, переводчиком, разносторонним ученым, писателем, создателем первого детского театра в России,

Болотов А.Т. Автопортрет

иллюстрирующих «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков».

Известно, что П.А.

Памятник А. Болотову у его дома-музея в имении Дворениново

журналистом, мастером паркового искусства и хорошим художником, оставившим после своей долгой жизни большое количество живописных полотен.

Сын Андрея Тимофеевича, Павел Андреевич Болотов, недолгое время посвятивший армии, перешёл потом на гражданскую службу, в Тульскую палату уголовного суда, где «подписывал жестокия решения судебных несчастных убийц и преступников», был чиновником в Петербурге.

Кроме чиновной службы, он искал себя на разных поприщах. От родителя-энциклопедиста Павел, к примеру, заразился склонностью к изобретательству и к живописи: ему принадлежит известный портрет отца и ряд рисунков, иллюстрирующих «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков».

Болотов учил искусству рисунка будущего выдающегося русского поэта Василия Жуковского. Повзрослев, Василий Андреевич вспоминал, что «самое памятное и любезное для меня есть лицо Болотова... Он был мне самый привлекательный человек и сильно на меня действовал своею многосторонностью».

Уйдя в отставку и женившись в середине 90-ых годов XVIII века на орловской помещице Марии Фёдоровне Ошаниной, Павел Болотов поселился в её кромском поместье, сельце с неблагозвучным названием Гнилое Болото (тогда – Кромского уезда, сейчас – Сосковского района – А.П.). Вот как раз об этом последнем периоде жизни уже орловского помещика Павла Андреевича Болотова и пишет в воспоминаниях Михаил Толстой, оказавшийся его соседом по имению:

«Из числа масонов, живших в провинции, я ближе всех знал Павла Андреевича Болотова. Сын известного писателя прошедшего столетия, автора любопытных Записок и 40 томов Экономического Магазина, Андрея Тимофеевича Болотова, П.А. жил постоянно в деревне своей Кромского уезда, почти рядом с селом Сосковым (современный райцентр Орловской области – А.П.), в котором четвёртая часть досталась отцу моему после его матери, и по доброму расположению к нам, заведовал этим небольшим нашим имением.

Там был я у него однажды и видел ту электрическую машину, с разными применениями для лечения больных, которую отец его, скончавшийся почти столетним старцем, устроил своими руками. Об этом старце один из потомков его выразался так:

*«В детстве я помню наш садик старинный
Дедушка сам разводил;
С палкой, с аршином, с верёвкой длинной,
Он вокруг дома ходил...*

*Был головою – и в доме, и в поле
Всё хлопотал и бродил;
Век не знал он ни скуки, ни боли,
Вечно смеялся, шутил:*

*«Ну, говорит он мне, маленький
внучек, Деду теперь помогай,
Ты не жалея своих беленьких ручек,
Ямки со мною копай».*

В Москву Болотов приезжал иногда по делам. Я любил и уважал этого почтенного человека, необыкновенно доброго, радушиного, услужливого, искренне-благочестивого и деятельного, несмотря на старость... Последние годы своей жизни, ослабев от старости, Павел Андреевич уже не выезжал из деревни, и я не видал его, а потому не могу припомнить время его кончины».

Подводя итоги, читатель, думаю, что процитированные отрывки из «Моих воспоминаний» Михаила Толстого, благодаря мастерству автора, позволили нам высветить из тьмы времени уже основательно стёртые образы некоторых исторических личностей, тесно связанных с Орловщиной.

Болотовы из Гнилого Болота

Наверное, никогда так точно не выражала свой смысл известная русская поговорка «Яблоко от яблони недалеко падает», как в случае с историей известнейшего в России в XVIII – XIX веках семейства Болотовых. О двух представителях этого славного рода, Андрее Тимофеевиче и Павле Алексеевиче, я начал вести речь в очерке «Каменские и Болотовы (по «Воспоминаниям» писателя Михаила Толстого)».

О первом русском агрономе и его сыне

Андрей Тимофеевич Болотов, – личность воистину уникальная. Он преуспел во многих сферах деятельности, особенно в том, что касалось отношения человека с природой. Первый русский УЧЁНЫЙ АГРОНОМ – только за одно это коллежскому асессору Андрею Болотову можно поставить

памятник от благодарных российских земледельцев. Он оставил после себя «Книжку метеорологических замечаний» за 52 года наблюдений в средней полосе России – титанический труд, на который много позже стали способны только научные метеостанции в составе нескольких сотрудников. И, наконец, Андрей Тимофеевич Болотов оказался первым российским помологом (*специалистом по изучению и выращиванию яблук – А.П.*), написав для потомков большой труд в семь томов, под заглавием, «*Изображения и описания разных пород яблоков и груш...*».

Болотов Алексей Павлович

Сады Болотова, разведённые им на нескольких десятинах в усадьбе Дворениново (*тогда – Алексинский уезд Тульской губернии, ныне – Заокский район Тульской области – А.П.*), стали не только украшением округа, но и приносили владельцу ощутимый доход.

Единственный наследник Андрея Тимофеевича, его надежда и опора, Павел Андреевич, не подвёл отца. Ещё живя с родителями, он помогал отцу набело переписывать статьи по сельскому хозяйству, делал рисунки к отцовским книгам. С землёй Павел Болотов тоже был на «ты».

Женившись на орловской помещице Марии Ошаниной и поселившись в конце 90-ых годов XVIII века в её имении (*сельцо Гнилое Болото Кромского уезда Орловской губернии – А.П.*), титулярный советник превратился в орловского землевладельца и тут же начал разводить яблоневые и грушевые сады, привезя семена и саженцы из отцовского имения Дворениново. Через несколько лет нему в усадьбу стали приезжать окрестные помещики – и не только весной, чтобы полюбоваться цветущими яблонями и грушами члена Российского Общества Любителей Садоводства, но и за саженцами для своих поместий. Заразил соседей Павел Андреевич своей любовью к замечательным деревьям. За те годы, что Болотов жил в кромском имении (*с конца 90-ых годов XVIII века по 1826 год, а потом с 1836 до своей смерти в июле 1850 года – А.П.*), он успел засадить плодовыми деревьями почти столько же, сколько и отец в Дворениново.

Пофилософствовал – и к земле

Любовь к земле и к культурным деревьям Павел Андреевич старался воспитать в своих детях. Все шестеро (три сына и три дочери) родились в сельце Гнилое Болото. Двое из сыновей – Алексей и Михаил – стали известными в России людьми.

Сначала скажу несколько слов о младшем, Михаиле, появившемся на свет в 1810 году. На его крещение приехал из Тульской губернии знаменитый дедушка Андрей Тимофеевич (*кстати, он описал это своё путешествие по*

орловским местам до Гнилого Болота, жаль только, что записи оказались утерянными – А.П.).

Получив крепкое домашнее образование, основой которого были экономические и сельскохозяйственные знания, Михаил Болотов, тем не менее, после гимназии продолжил обучение на философско-юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского Университета. Но после смерти дедушки, Андрея Тимофеевича, отец, возвратившийся в своё кромское имение, убедил сына заняться хозяйством деда. Несколько лет Михаил Павлович пытался «держать семейную марку», но природа и стихийные бедствия были против него.

О том, почему не получился из него садовод, Михаил Болотов рассказал в записках, опубликованных журналом «Русская старина» ровно 140 лет тому назад, в декабре 1873 года. Но главной целью опубликованного материала было желание поведать о знаменитом деде, Андрее Тимофеевиче, о последних годах его жизни. Очерк получился живой, полнокровный, и жаль, что он не был продолжен повествованием об отце, Павле Андреевиче, и самом себе.

После продажи Дворениновского имения Михаил Болотов уделил большое внимание другому имению – в селе Огарёво Богородицкого уезда Тульской губернии. Там с 40-ых годов XIX века он был избран посредником полюбовного земли размежевания, исполнял обязанности попечителя хлебных запасных магазинов Богородицкого уезда и участвовал в проектах освобождения крестьян, вплоть до начала 60-х годов. Умер Михаил Павлович Болотов в 1880 году.

Генерал и первый русский профессор геодезии

А теперь несколько слов о старшем сыне Павла Андреевича Болотова – Алексее Павловиче. Он родился 17 марта 1803 года *(то есть, в 2013 году мы отметили 210 лет со дня его рождения – А.П.).*

Уже в детстве, в имении деда, когда Андрей Тимофеевич сам проводил межевание своих земель *(а это требовало соответствующих навыков – А.П.)*, Алексей Болотов впервые познакомился с астролябией и геодезией. А по окончании курса в Муравьевском училище колонновожатых он затем близко ознакомился со своим предметом на государственных съемках. С 1820 года Алексей Болотов состоял на действительной военной службе: колонновожатый, прапорщик, подпоручик Свиты Его Императорского Величества, поручик Генерального штаба. В 1828-1829 годах он участвовал в русско-турецкой войне *(за переход через Балканы отмечен орденом Святого Владимира 3-ей степени – А.П.).*

С 1830 по 1849 год Алексей Болотов прошёл путь от штабс-капитана до генерал-майора Генерального штаба Русской Императорской армии. Одновременно, начиная с 1832 года, он стал преподавать в Императорской военной академии, в которой в 1843 году утвержден был первым в её истории профессором геодезии и топографии. Не оставляя военной службы и преподавания, Болотов в течение 20 лет постоянно заботился об усовершенствовании и возможно более популярном изложении своего курса.

Им были подготовлены и выпущены из печати "Руководство к геодезии" (1836 год, удостоено академиею наук демидовской премии, вскоре стало общенациональным учебником по геодезии, которым и сегодня пользуются курсанты военных топографических училищ. – А.П.), "Курс высшей и низшей геодезии" (два издания 1837 и 1845 годов – А.П.) и "Руководство к производству хозяйственной съемки, межевания и нивелирования" (два издания 1842 и 1856 годов – А.П.). Последнее сочинение заслужило почетный отзыв Академии наук. Кроме того, Болотов предложил для выражения крутостей местности шкалу по своей системе (впоследствии шкала была названа его именем – А.П.). Все перечисленные капитальные труды профессора и писателя сыграли большую роль в подготовке геодезистов и топографов и в развитии методов геодезических работ в России.

За свою более чем 30-летнюю службу на благо России и её армии Алексей Павлович Болотов был награждён орденами: Св. Георгия 4-й ст., Св. Владимира 3-й ст., Св. Анны 2-й, 3-й и 4-й ст., Св. Станислава 2-й, 3-й ст., Прусского Красного Орла 2-й ст.

С 1830 по 1853 год генерал проживал в купленном им у сенатора П.А. Баратынского имении Горка под Санкт-Петербургом (ныне оно оказалось в черте города Любань – Тосненский район Ленинградской области – А.П.). Болотов перестроил дом, разбил парк по обеим сторонам реки Тигоды и сделал свою усадьбу одной из красивейших в округе.

Нелегкие военные походы, совершенные в молодости, большая напряженная творческая работа подорвали здоровье Алексея Павловича. По совету врачей он отправился лечиться на юг Франции. Однако эта поездка не улучшила его здоровье.

6 марта 1853 года выдающийся русский геодезист и топограф, генерал-майор Алексей Болотов скончался в Марселе. Прах покойного был перевезен в Россию, в его имение, и похоронен в некрополе, который сохранился до наших дней у железнодорожного вокзала города Любань (предположительно, на территории храма).

К сожалению, от имения Болотовых в селе Гнилое Болото (оно стало селом уже во второй половине XIX века – А.П.) ничего не сохранилось. Но – уверен – где-то в окрестностях его до сих пор плодоносят яблони, культуру посадки которых заложил здесь сын Первого русского агронома, дети которого тоже оставили заметный след на Земле.

Любимый поэт Екатерины II

Мало кто из наших современников знает имя поэта XVIII века Василия Петрова. Ещё меньше найдётся тех, кто читал его стихи. Тем более, что три тома сочинений Петрова появились в печати в последний раз аж в 1811 году и после этого – 200 лет! – ни разу не переиздавались.

Пишите оды, господа!

А между тем, во времена Екатерины II это был популярнейший стихотворец, произведения которого очень любила сама царица, наградившая его за первую же оду золотой табакеркой с двумя сотнями червонцев. Нам, орловчанам, стоит вспомнить личность этого забытого поэта, тем более, что последние 20 лет жизни он провёл на Орловщине, да и умер здесь же – в селе Троицкое Ливенского уезда.

Современники Василия Петрова часто сравнивали его с Ломоносовым и Державиным. Пятнадцатилетний Пушкин упоминал его в «Воспоминаниях в Царском Селе»:

*Их смелым подвигам страшась, дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.*

Василий Петров

– и воспринимать их несколько не мешают устаревшие слова. Прочти, читатель, начало стихотворения Василия Петрова *«Смерть моего сына»* (марта 1795 года) - и ты убедишься в этом:

Так нет тебя, дитя любезно!
Сомкнул ты очи навсегда
И лег, всем зрелище преслезно,
О, скорбь! о, лютая беда!

Страдалец, мук не заслуживший,
За что ты горьку чашу пил?
Меж человек ангел живший,
Чем тако небо оскорбил?...

Василия Петровича Петрова, с точки зрения современной терминологии, мы бы назвали сейчас человеком, «сделавшим самого себя». Сын бедного священника, рано оставшийся сиротой, он усердно стремился к знаниям.

После обучения в Московской Славяно-греко-латинской академии Василий был потом в ней учителем поэзии и риторики. Большим успехом здесь стали пользоваться его проповеди.

30 лет Петров дружил с фаворитом императрицы Екатерины II Григорием Потемкиным и историком Николаем Бантыш-Каменским. Написанная по совету последнего в 1766 году «Ода на карусель» чрезвычайно понравилась Екатерине II. Петров был щедро награжден, вызван ко двору и назначен переводчиком при кабинете ее императорского величества, личным чтецом императрицы и библиотекарем придворной библиотеки.

Кроме многочисленных хвалебных сочинений поэт писал сатирические стихи и дидактические послания, занимался переводами (Вергилий, Мильтон). Сам он главным своим трудом считал стихотворный перевод «Энеиды».

«Сомкнул ты очи навсегда»...

В 1780 году Василий Петрович по болезни вышел в отставку с чином надворного советника и сохранением получаемого жалованья. Вместе с супругой Елизаветой Петровной и детьми он обосновался в селе Троицком, Городилово тож, Ливенского уезда Орловской губернии, в купленном им имении, расположенном на берегу реки Чернавы.

Живя в деревне, Петров не оставлял литературного творчества (*в 1783 году был избран за литературные заслуги членом Российской Академии – А.П.*), но значительную часть времени посвятил воспитанию своих детей, ведению сельского хозяйства и – земельным тяжбам с соседями-помещиками.

Ростопчин Фёдор
Васильевич

А соседи, прямо скажем, у него были известные – Петр Шереметьев, из знаменитого рода фельдмаршала, соратника Петра I, и Василий Ростопчин, отец будущего военного губернатора Москвы в Отечественную войну 1812 года.

В начале 90-ых годов XVIII века надворный советник Василий Петров подал исковую жалобу в Ливенский уездный суд на Шереметьева и Ростопчина, обвинив их в захвате 607 десятин его земли. Жалоба прошла несколько судебных инстанций – Орловский Верхний Земский суд, Гражданскую Палату и Правительствующий сенат, из которого снова возвратилась в Ливенский уездный суд с резолюцией: *«О новом межевании искомого количества земли истцу – отказать».*

Не знаю, успел ли прочитать Василий Петрович этот ответ, а может, он и вызвал то, что случилось далее: 4 декабря 1799 года известный поэт и статский советник (*да, уже статский – А.П.*) Петров скончался в возрасте 63 лет. Похоронили его у Троицкой церкви одноименного села. Почти одновременно с ним покинули бренный мир и ответчики – Василий Ростопчин и Петр Шереметьев.

Тень Ясной Поляны

Казалось бы, судебное разбирательство плавно завершилось само собой – по естественным причинам. Ан нет. Эстафету от покойного супруга-поэта приняла его жена, Елизавета Петровна Петрова, которая 27 ноября 1803 года подала новое исковое заявление в Ливенский суд, требуя уже от наследников умерших соседей-помещиков возвратить ей всё те же 607 десятин земли.

В Государственном Архиве Орловской области (фонд 4, опись 1, единица хранения 2127), хранится 127-страничное дело, в котором подробно расписаны события, развернувшиеся в Ливенском уезде, Орле и Санкт-Петербурге по этому земельному спору в последующие 20 лет.

Основным ответчиком по делу стал генерал от инфантерии, действительный тайный советник, кавалер многих российских и иностранных орденов, граф Фёдор Васильевич Ростопчин, которого в самом начале XIX века знала в России каждая собака. А уж после пожара, учинённого в Москве по его распоряжению (а может, это были только слухи), во время занятия её французами в 1812 году, популярность военного губернатора второй российской столицы достигла небес.

Впрочем, эта известность была как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Одни считали Фёдора Ростопчина патриотом и героем, другие кляли его почём зря.

Но, в любом случае, не каждый военный или гражданский чиновник, даже равный *по чину Ростопчину*, рискнул бы в те годы тягаться с ним.

Однако ливенская помещица Елизавета Петрова, вдова умершего поэта Василия Петрова, не побоялась любимца Павла I, кстати, нашего земляка. Фёдор Васильевич Ростопчин родился в отцовском имении, в селе Козьмодемьяновское Ливенского уезда, и провёл там всё детство. Сюда же, в молодые годы, будущий военный губернатор и писатель иногда заглядывал к отцу в гости – или во время своей очередной опалы.

После подачи исковой жалобы соседки Фёдору Ростопчину пришлось (*правда, не самому лично, а с помощью своего доверенного лица – А.П.*) отбиваться от её претензий на земельный участок вокруг деревни Ясная Поляна (*Затруцкого стана – А.П.*).

Ливенские судебные чиновники приняли дело к рассмотрению, и это вызвало большое недовольство графа Ростопчина. 21 октября 1804 года он подал прошение императору Александру I с жалобой на действия ливенских судей. Фёдор Васильевич подробно расписал в прошении суть земельных претензий соседки, показав, как оказались во владении его отца 1672 десятины

земли у деревни Ясная Поляна. Ростопчин перечислил, когда и от каких владельцев, по каким купчим, достались земли его отцу, начиная с 1754 и до 1796 года. По его словам, большая часть спорных, якобы, земель, находилась в обработке ростопчинскими крестьянами уже 40 лет – и споров это не вызывало.

Но решительных действий, как ожидал граф, не последовало, продолжилось вялотекущее разбирательство, и 4 сентября 1805 года Фёдор Васильевич подал второе прошение императору, в котором заявил уже о незаконности действий Ливенского уездного суда, а потом, 4 февраля 1807 года, было и третье обращение. Однако конкретных ответов от царя Ростопчин не дождался.

Помещица же Петрова, в ответ на эти попытки давления, не стушеввалась и предприняла контрмеры, обратившись 13 ноября 1811 года к Государю с просьбой об отстранении от выполнения своих обязанностей ливенского уездного судью Мишина, поскольку *«он был воспитан графом Ростопчиным»*, а заодно, заявила о необходимости замены секретаря суда Соломина.

Могила Ростопчина Ф.В.

Действительный тайный советник Ростопчин тогда, в свою очередь, обвинил Елизавету Петрову в клеветничестве. И такого рода словесные дуэли между истицей и ответчиками (*Шереметьевы спустя некоторое время тоже вмешались в дело – А.П.*) продолжались почти 20 лет. Последняя запись на деле судейских чиновников – от апреля 1824 года. Граф Ростопчин, наверное, мог быть доволен: вдове поэта добиться удовлетворения иска не удалось.

Зато, впрочем, несколько лет спустя, могли, в какой-то мере, порадоваться, её дети: наследники Фёдора Васильевича Ростопчина *«проиграли в карты, отдали за долги, спустили с молотка всё до последней серебряной ложки из его несметного богатства»*. И, получается, зря граф бился за эти 607 десятин. Зря!

«Ужель та самая Татьяна?»

Уверен, очень трудно отыскать в нашей стране студента, не знающего о существовании праздника в собственную честь. Ещё со времён императрицы Елизаветы Петровны российские студенты ежегодно в День Святой Татьяны устраивали шумные народные гулянья, в которых принимали участие не только они, но и многие жители Москвы.

Иван Шувалов – «очень, очень, очень...»

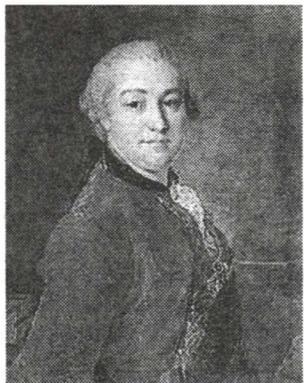
А с 25 января 2005 года, Указом Президента Российской Федерации, Татьянин день стал уже официально *«Днём российских студентов»*.

Однако едва ли кто из наших земляков, обучающихся в высших учебных заведениях, догадывается, что та самая Татьяна, в День ангела которой императрица Елизавета подписала Указ «Об учреждении Московского университета», имеет прямое отношение к Орловщине.

Однако прежде, чем повести речь о ней, скажу несколько слов об Иване Шувалове – фаворите Елизаветы Петровны, друге Михаила Ломоносова и авторе вышеупомянутого Указа.

Иван Иванович Шувалов родился 1 ноября 1727 в Москве, в небогатой дворянской семье. Отец его, тяжело раненный в Очаковскую кампанию, умер, когда мальчику было 10 лет. Воспитывала его мать. Юноша получил приличное домашнее образование: владел несколькими иностранными языками, имел хорошие познания в математике.

Двоюродные братья Ивана Шувалова - камер-юнкеры Петр и Александр Шуваловы, жившие в Петербурге, сыграли заметную роль в дворцовом перевороте, приведшем в ноябре 1741 года на престол дочь Петра Великого Елизавету. В 1742 году новая императрица несколько месяцев провела в Москве. Сопровождавшие ее Шуваловы заметили, что их двоюродный брат, пятнадцатилетний Иван, отличается не только *«благонравием и прилежанием к учению»*, но и особой миловидностью. Иван Шувалов был определен пажом к царскому двору в Петербурге. В 1749 году он был произведен в камер-юнкеры и получил особое помещение во дворце.

Шувалов И.И. (портрет кисти Ф. Рокотова)

На него тогда обратила внимание Великая княгиня Екатерина Алексеевна, будущая императрица Екатерина II. Она писала, что *«вечно находила Шувалова в передней с книгой в руке... этот юноша показался мне умным и с большим желанием учиться... он был очень недурен лицом,*

очень услужлив, очень вежлив, очень внимателен и казался от природы очень кроткого нрава».

К этому времени сорокалетняя императрица Елизавета охладела к прежнему фавориту, Алексею Разумовскому, и в конце 1749 года выбрала себе нового, – Ивана Ивановича Шувалова, двадцати двух лет от роду.

В 1750-х годах новый фаворит имел заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику России, содействовал развитию русской науки и искусства, оказывал покровительство учёным, писателям и художникам.

В своем доме Шувалов создал первый литературный салон в России. За обеденным столом собирались его близкие друзья: поэты Гавриил Державин, Иван Дмитриев, Ипполит Богданович, адмирал и филолог Александр Шишков, переводчик Гомера Ермил Костров. Вместе с княгиней Е. Дашковой Шувалов начинал издавать один из первых русских ежемесячных журналов «Собеседник

любителей русского слова». Слава умнейшего и образованнейшего человека сопутствовала ему до конца жизни.

Иван Иванович дружил с Михаилом Ломоносовым и поддерживал многие начинания выдающегося русского энциклопедиста. Создание Московского Университета в 1755 году – заслуга их обоих: Ломоносов предложил идею, а Шувалов умело преподнёс её императрице.

Здание МГУ

Елизавета Петровна согласилась с планами своего фаворита. Мало того, чтобы доставить приятное Шувалову, императрица подписала Указ в день Ангела его матери – *Татьяны Родионовны*, которую Иван очень любил и всегда был внимателен по отношению к ней. Шувалов стал также и первым куратором Московского университета.

Татьяна и её мужья

А вот теперь пришла пора рассказать о Татьяне Родионовне Шуваловой, матери, воспитавшей благодарного и любящего сына. Сведения о ней мне пришлось выискивать буквально по крупицам.

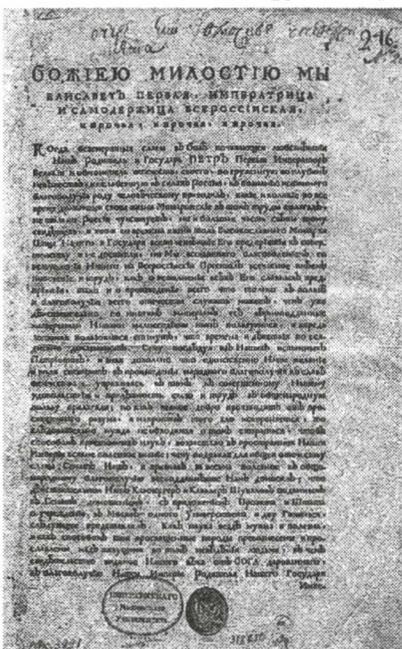
По недавним историческим изысканиям можно предположить, что Татьяна Родионовна Ратиславская (*такова её девичья фамилия – А.П.*), скорее всего, родилась (*дата появления на свет не выяснена – А.П.*) в Москве. Её отец, Родион Макарьевич, кроме земельных владений в Нижегородского уезде, имел и «двор в Москве, в Земляном городе за Покровскими воротами, в Бараيشкой слободе, в приходе церкви Воскресения Христова, «что в Бараших».

Ну а дальше в судьбе Татьяны Ратиславской начинаются сплошные загадки. Известно, что замужем она была дважды. Первым её супругом стал

контр-адмирал и кавалер Софрон Фёдорович Хитрово, представитель древнего дворянского рода, известного со второй половины XIV века и внесённого в родословные книги нескольких губерний Российской империи, в том числе и Орловской.

Софрон Фёдорович – личность в XVIII веке известная: кавалер ордена Св. Анны I степени, участник Второй Камчатской экспедиции, открывшей Северо-Западную Америку. Именно Хитрово по распоряжению Витуса Беринга стал первым из членов этой экспедиции, кто с разведывательной целью 20 июля 1741 года высадился на берег американского острова Каяк. Впоследствии, возвратившись домой, он, совместно с С. Вакселем, сочинил «*Карту видимой земли американской и с островами вновь сысканными...*». Именем Софрона Хитрово на карте мира названы мысы на побережье Камчатки, Командорских островах и на острове Беринга. Скончался он в 1756 году, но место захоронения неизвестно.

Когда женился Софрон Хитрово на Татьяне Ратиславской, имелись ли у

них дети, когда и по каким причинам брак был расторгнут – тоже неизвестно. Но ясно, что расставание мореплвателя с женой произошло до начала 1727 года, поскольку Иван Шувалов, сын от второго брака Татьяны Родионовны, родился 1 ноября названного года. Новое супружество, кажется, было счастливым, но продлилось оно чуть более 10 лет – Иван Максимович Шувалов скоростижно скончался, оставив вдову с двумя малолетними детьми.

Татьяна Родионовна сама занималась воспитанием и образованием дочери и сына, который к четырнадцати годам знал четыре (!) языка.

Сыновняя любовь, почтение и благодарность Ивана Шувалова к родительнице не знали границ. Вот почему он несказанно обрадовался, когда имя матери, благодаря императрице, было увековечено в празднике для всех студентов России.

Указ

Орловские корни Дня российских студентов

Недавно в Государственном архиве Орловской области мне посчастливилось найти дело (ГАОО, фонд 4, опись 1, единица хранения 2187), в котором упомянуты почти все перечисленные мною лица.

Граф Фёдор Васильевич Ростопчин, военный губернатор Москвы в 1812 году и – одновременно – орловский помещик (*смотри, читатель, очерк «Любимый поэт императрицы» в «Орловском вестнике» от 25 сентября 2013 года – А.П.*), ведя земельные тяжбы с соседями и приводя аргументы в свою пользу, сослался в прошении в Ливенский уездный суд на одну купчую, совершённую его отцом 14 марта 1765 года.

Итак, *«...генерал-поручик, что потом был генерал-анишеф, действительный камергер и разных орденов кавалер Иван Иванович Шувалов продал родителю моему доставшееся ему после матери, Татьяны Родионовны Шуваловой, по первому мужу, супруги контр-адмирала и кавалера Софрона Фёдоровича Хитрово, землю (69 четвертей – А.П.) с посёлёнными на ней крестьянами, - в Ливенском уезде, в Затруцком стану, в селе Егорьевском и деревне Хмелевой».* Судя по этому документу, получается, что на момент написания Указа *«Об учреждении Московского университета»*, Татьяна Родионовна Ратиславская, она же – Хитрово и Шувалова – являлась орловской помещицей. Был орловским помещиком и её знаменитый сын. А значит, что к появлению Татьянина дня как праздника всех российских студентов мы, орловчане, имеем самое непосредственное отношение, и нам не грех вспомнить слова старинной студенческой песни:

*Да здравствует Татьяна, Татьяна, Татьяна!
Вся наша братия пьяна, вся пьяна, вся пьяна!*

Учитель Каменского и Ермолова

На северо-западе Орловской области, близ её границы с Калужской, расположилась самая дальняя из деревень Болховского района – Павлодар. Когда-то, в XIX веке, она называлась чуть иначе – Павлодар - и принадлежала отцу известного русского поэта Алексея Апухтина.

Апухтин, Чайковский, Войтяховский... Кто ещё?

Алексей Николаевич провёл здесь, в родовой усадьбе, детские годы, а в 1862-1865 годах, числясь старшим чиновником особых поручений при орловском губернаторе, он жил в отцовском имении почти постоянно. В Павлодаре в 1863 году гостил у Апухтина его лучший друг, выдающийся русский композитор, Пётр Ильич Чайковский, написавший несколько знаменитых романсов на стихи нашего земляка. Только этого достаточно, чтобы увековечить имя деревни в перечне самых известных населённых пунктов Орловщины.

Однако сама история появления Павлодара на свет связана с ещё одной неординарной личностью, основательно подзабытой как в России, так и в нашем крае уже к началу XX века, но такой интересной, что не вспомнить о ней было бы грешно.

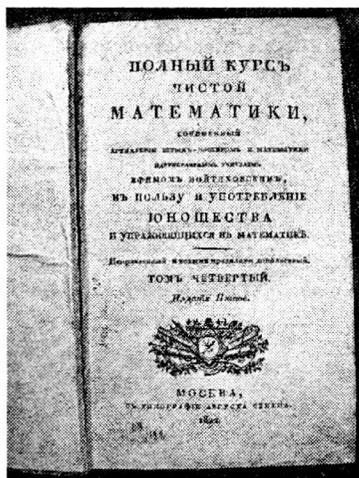
Что известно нам о Ефиме Дмитриевиче Войтяховском из биографических словарей? То, что он *«22 года прослужил в артиллерии, а его «Теоретический и*

Практический курс чистой математики... (1786—1790 годы) выдержал несколько изданий. Благодаря полноте и удачному расположению материала, а также значительному количеству интересных и занимательных задач, этот курс был одним из самых распространенных пособий для русской средней школы на протяжении почти 40 лет». И это всё.

Однако герой войн с французами Николай Гаврилович Левшин, с которым я познакомил читателей в материале «Как на Орловщине на медведей охотились» («Орловский вестник» от 11 сентября 2013 года – А.П.), оставил для нас в своих воспоминаниях живой образ человека, обучавшего точным наукам не только его самого, но и многих других известных личностей. Вот отрывок из «Домашнего памятника» Н.Г.Левшина, посвященный забытому учёному.

Из бедных шляхтичей – в профессора

«В продолжение пребывания моего дома, то есть до конца 1803 года, брал я вместе с покойным братом Петром Гавриловичем уроки математики у известного ученого — господина штыкюнкера Ефима Дмитриевича Войтяховского.

Курс математики Войтяховского

Нередко вспоминаю я о сем почтенном человеке, а участь его в старости не была завидная. Ефим Дмитриевич был бедный белорусский шляхтич; необыкновенным своим прилежанием к высоким наукам, в особенности, к математике, открыл себе путь пространный по части глубокого ученья и сделался в царствование императора Павла I известнейшим математиком, занимал кафедру профессорскую, был учителем их императорских высочеств и всех знатных господ, в числе коих были его ученики граф Николай Михайлович Каменский (да, тот самый, один из трёх наших Каменских-генералов – А.П.), кажется, и Ермолов (Алексей Петрович), также и граф Кутайсов (два последних – герои войны 1812 года, граф Александр Иванович Иванович Кутайсов, генерал-майор, к тому же, героически погиб на Бородинском поле – А.П.).

Милостыями государя императора Ефим Дмитриевич был осыпан, подарки были у него дорогие: перстни, табакерки с портретами императорской фамилии, между коими одна была осыпана бриллиантами, с видом дворца села Павловска, стоящая более 5 000 рублей. Сими подарками Войтяховский всегда гордился и с величайшим удовольствием, показывая их, рассказывал случаи, по которым подарки получал, именно тогда, как царственные юноши экзамены выдерживали при самом императоре в науках математических.

Основатель хутора «Павлодар»

Помнится, что в 1802 году Ефим Дмитриевич купил сельцо Кудиново (на границе уездов Болховского и Козельского), близ которого пожалована была ему государем дача (в настоящее время – деревня Боровского сельского поселения Болховского района – А.П.). Земли лесные, рядом с казенной Дубенской засекой: тут он выстроил себе хутора, которые назвал: «**Павлодаром**».

(Здесь я немного дополню автора воспоминаний, не назвавшего причины такого имени. Всю жизнь Ефим Дмитриевич Войтяховский считал себя обязанным императору Павлу I, естественно, поэтому и отблагодарил, таким образом, царя – А.П.)

Сельцо «Павлодар» и до сего времени существует, также на границе Козельского и Болховского уездов. Оно принадлежит в настоящее время господам Апухтиным и досталось им по наследству от их матери, Марии Андреевны Желябужской, к которой перешло по дарственной от её деда Алексея Ивановича Желябужского, приобретшего его куплей от господина Чернавского, к которому также перешло по купле от господина Войтяховского-сына (тут автор воспоминаний проследил всю цепочку перехода имени Павлодар из одних рук в другие – А.П.).

В селе Кудинове Ефим Дмитриевич выстроил себе дом, развел сад и воду провел чистую.

Сад теперь значительно вырос, а план его все тот же и не изменился до сего времени; но садовые беседки, гrotы и вообще затеи прошлого века от времени разрушились. Дом находится все на том же месте, и хотя несколько изменил свой наружный вид, но его главный корпус, все-таки, постройки Ефима Дмитриевича Войтяховского.

Дом же наполнен был предметами учености его: моделями, инструментами, машинами, хорошими гравюрами и картинами дорогами.

«Кончил жизнь, тоскуя сильно о несчастьи своём...»

Около двадцати лет наслаждался Войтяховский плодами своих полезных трудов, был жизни весьма скромной и в 70 лет кончил жизнь, тоскуя сильно о несчастьи своем: единственный сын его, Федор Ефимович, не был к нему почтителен, находился всегда в отлучке в столицах и мотал шибко, — а старик Войтяховский был купенек и сие его столь сильно огорчало его всегда, что он открыто говорил, что хочет сына своего лишить наследства; но батюшка мой (Г.Ф. Левшин – А.П.) отсоветовал ему. По праву наследства, сын завладел имением как недвижимым, так и движимым, и года в два промотал и умер в бедности.

Как сейчас гляжу, Ефим Дмитриевич всегда одевался по-старинному: в немецкие разноцветные кафтаны, с стеклянными и бронзовыми пуговицами, напудрен, с буклями и длинной косой; перстень бриллиантовый на пальце, жалованная табакерка в глазетовом жилете и часы жалованные, с бриллиантовыми брелоками; шуба и шапка соболья, верх бархатный. Бывши детьми, я с братьями и сестрами каждый праздник, бывало, ждем приезда

Войтяховского, как великой радости, чтобы насмотреться на его блестящий наряд; он бывал в доме нашем (в селе Введенском, Коноплянка тож – Болховского уезда – А.П.) весьма часто.

Я уже был в гвардии, в службе, когда Войтяховский скончался (это произошло около 1812 года, точная дата неизвестна – А.П.); он погребен на общем кладбище, Болховского уезда, в селе Луневе (ныне – Боровского сельского поселения Болховского района – А.П.). Исчезло все, как большей частью все исчезает, как дым: о Войтяховском все забыли, а его «Курс чистой математики, содержащий арифметику, геометрию и алгебру, с прибавлением фортификации», впервые опубликованный в Москве в 1786 году и выдержавший несколько изданий, оставлен; редко кто о нем что знает (кстати, это сочинение артиллерии штык-юнкера и партикулярного в Москве благородного юношества учителя математики Ефима Войтяховского выставлено недавно на одном из аукционов за 50 тысяч рублей в качестве начальной цены – А.П.) Имение его разошлось по рукам наследников, - не осталось ничего теперь и помянуть некому!

Учитель Ефим Дмитриевич был строгий; бывало, едешь к нему с заданным уроком каждую среду и субботу, и, подъезжая к дому, дрожь берет, если не умел без него задачу решить. Я очень мало понимал глубокую науку, и мне сильно доставалось терпеть брань неумолкаемую; покойный же брат Петр Гаврилович учился очень хорошо и свободно проходил все правила арифметики. Недолго я надоедал учителю своему, однако же, года полтора ездил два раза в неделю, ибо недоученного меня по всем наукам, даже и по русской грамоте, родители решили скорее отдать в военную службу, примолвив, как сейчас помню: «военная служба — душа всему, там всему выучат». Сказано и сделано».

Вот так, уроками у известнейшего русского математика закончилось обучение будущего героя войн с французами.

Что касается имения Ефима Дмитриевича Войтяховского в деревне Кудиновой, перешедшего тоже к другим владельцам, то от всего прошлого великолетия остались лишь воспоминания Николая Левшина – «Домашний памятник» известнейшему русскому учёному, математику и педагогу, научившему делать точные расчёты при артиллерийской стрельбе наших генералов Николая Каменского и Алексея Ермолова. Своё умение они не раз потом в сражениях подтверждали. Так что, ученики-читатели – не смейте забывать учителей!

Орловский масон Иван Лопухин

При чтении в Государственном архиве Орловской области подшивок губернской газеты «Орловский вестник» натолкнулся я на большой материал под названием «Благотворители». Публиковался он несколько номеров подряд, с 27 января по 17 февраля 1882 года, и подписан был псевдонимом «Старожил». Кто скрывался под этой маской – выяснять мне пока не

удалось. Но писавший был явно неравнодушен к истории Орла и его замечательным людям. Несколько страниц своего живописного повествования он посвятил орловским масонам.

Вольные каменщики Орла и их тайные собрания

Прежде чем говорить о них, приведу короткие справочные данные:

«Масонство — движение, возникшее в XVIII веке в виде закрытой организации, берущей своё начало из малоизвестных истоков в конце XVI — начале XVII века, предположительно — корпоративных цехов каменщиков. Название «масон» или «франкмасон» происходит от фр. franc-maçon (в старофранцузском masson, англ. freemason), употребляется также буквальный перевод этого названия — вольный каменщик. Масонство административно организовано в независимые великие ложи.

Основной версией происхождения масонства считается версия о происхождении от средневековых корпораций строителей-каменщиков, однако существуют теории о более древнем происхождении масонства, начало которого выводится от орденов тамплиеров, или — в других версиях — от Ордена Розенкрейцеров...».

Иван Владимирович Лопухин
(1756-1816)

Начало активного распространения масонства в России относится к 80-ым годам XVIII века. И вот что писал об этом в «Орловском вестнике» Старожил:

«В то время в Орле уже существовала масонская ложа в духе московских мартинистов, под председательством вице-губернатора Захара Яковлевича Карнеева (он занимал эту должность с 1785 по 1796 год — А.П.). В ней были членами: губернатор Неплюев, статский советник Свербеев, члены губернских палат Нелединский и Ржевский, ассессоры — Милонов и Карнеев-младший. Кроме того, много других знатных лиц. Где собиралась ложа, — достоверных сведений не сохранилось; однако, есть предание, что собрания происходили близ Никитской церкви, в так называемой мацневской усадьбе, где теперь духовное училище.

Там, будто бы, при перестройке дома для учебного заведения, находили подземные павильоны и ходы в другой дом, бывший на два квартала левее, тоже с громадным садом.

Едва ли есть основание допустить там собрание ложи. Во-первых, подземные ходы и павильоны не есть необходимая принадлежность масонских лож: это, скорее, напоминает хлыстовщину. ...Масоны не имели необходимости прятаться.

Не больше заслуживает доверия и другое предание – о собрании лож близ теперешней военной гимназии, где будто бы был дом члена ложи Свербеева. Правда, улица, ведущая от театра к Троицкому кладбищу, называется Свербеевским переулком (неизвестно, по отношению к какой улице этот переулоч!), но, по всей вероятности, это название усвоено гораздо позже, когда в Орле уже не существовали ложи, а, может, была усадьба Свербеева, более видная и известная, нежели другие...»

«Делать удовольствие людям...»

Старожил, перечисляя фамилии орловских масонов, не назвал ещё одно имя, гораздо более известное в общероссийском масштабе, - Ивана Владимировича Лопухина, философа, публициста, мемуариста, издателя, действительного тайного советника и сенатора.

В "Записках из некоторых обстоятельств жизни и службы..." Ивана Лопухина, опубликованных в 1860 году в Лондоне, он писал, что родился 24 февраля 1756 года. Случилось это знаменательное событие в селе Ретяжи (Воскресенское) Кромского уезда, в имении его отца, генерал-поручика, Владимира Ивановича Лопухина.

Воскресенская церковь с.Ретяжи

Владимир Иванович, проживший долгую жизнь (94 года), приобрёл село Ретяжи в царствование императрицы Анны Иоанновны на деньги, вырученные от продажи изумрудов, доставшихся в приданое его жене, Евдокии Ильиничне Исаевой. Детство

свое Иван Лопухин провел частью в Ретяжах, частью в Киеве, где Владимир Иванович был губернатором.

И хоть учили генеральского сына не самые лучшие учителя, да и здоровьем он всю жизнь был некрепок, но благодаря самообразованию и нравственным наставлениям родителей, получился из Ивана Лопухина человек, редкий в дворянской среде. "Делать удовольствие людям всегда было его страстью"; "будучи еще ребенком, — писал он в мемуарах, — я нарочно проигрывал мальчику, служившему при мне, деньги, какие у меня случались, и любовался его о том радостью". "Расположение к милостыне" он считал не добродетелью своей, а "природной склонностью, как в иных бывает к разным охотам". "Природной склонностью" была в нем и любовь к справедливости.

Начав свою карьеру с военной службы, он ушёл в отставку в 1782 году в полковничьем чине. Переход к гражданской службе был связан, в значительной

степени, с начавшимся его отходом от «вольтерьянства» и увлечением масонскими идеями.

«Блิสстая звезда» Ивана Лопухина

С конца 1782 года Лопухин стал старшим советником, а затем председателем Московской уголовной палаты, где всячески стремился облегчить участь обвиняемых. Вступив в связи с этим в конфликт с московским главнокомандующим Я.А. Брюсом, в мае 1785 вышел в отставку с чином статского советника. С начала 1780-х гг. Лопухин сблизился с Н.И. Новиковым, а в 1782 году вступил в масонский орден розенкрейцеров. Стал «мастером стула» ложи «Латона», получил масонское имя Филус. В 1783 году Иван Владимирович основал свою типографию, в которой печатался масонский журнал «Магазин свободнокаменщический». 31 мая 1784 года под управлением Лопухина открылась масонская ложа «Блิสстайющей звезды». Иван Владимирович часто выступал с речами в масонских собраниях, ведал несколькими ложами в Петербурге, Орле, Вологде, Кременчуге. Способствовал распространению книг в Курске, Орле. Вместе с масонами Н.И. Новиковым, И.П. Тургеневым и другими много занимался филантропической деятельностью.

Активная деятельность масонов вызвала неудовольствие императрицы Екатерины II. Последовали ограничения в выпуске масонской литературы, потом дело дошло до разгрома их типографий и, наконец, завершилось арестом Н.И. Новикова и заключением его в крепость. Другие масоны, в том числе и Иван Лопухин, почти не пострадали, но были вынуждены объясняться и просить прощения у императрицы.

При Павле I Лопухин становится тайным советником и сенатором Московского департамента, решительно выступая против чрезмерно суровых приговоров по уголовным делам, например, в отношении раскольников и духоборов.

Последние годы своей жизни, с декабря 1812 по лето 1816 года Иван Владимирович провёл в родовом имении Ретяжи Кромского уезда, в котором имелся двухэтажный деревянный помещичий дом с усадьбой вокруг него. Почти сотня дворовых людей и около 900 крепостных крестьян принадлежали здесь Лопухину.

«Тайный советник и многих орденов кавалер», проведя в Ретяжах три с половиной года, постоянно болел, активно лечился (в том числе исконно русским средством – жаркой баней с нырянием в снег), заботился о племяннике, писал письма, принимал гостей, часто посещал Воскресенский храм и внимательно следил за тем, как русская армия в Европе добивала Наполеона, отзываясь на эти события очень экзотически.

Вот что Лопухин писал в одном из писем: *«Здесь у нас на берегу пруда по сторонам дерева кладутся два больших камня диких. Один на месте отдыха, в виде кресел, с надписью: “19 марта 1814 года взят Париж”;* а другой совсем необделанный и как бы на могиле положен, с надписью: *“и память вражия*

погибе с шумом". Дорожка от них ведет к довольно огромному для деревни, из нескольких больших гранитных же камней, стоящему монументу с надписью: "“Благочестию Александра I и Славе доблестей Русских в 1812 году”". Это был фактически первый памятник победы России над Наполеоном.

Умер Иван Владимирович Лопухин 22 июня 1816 года, едва перейдя 60-летний рубеж. Похоронили сенатора рядом с Воскресенской церковью села Ретяжи, построенной его отцом-генералом.

Орловский пророк Александр Ковальков

Кто такой Нострадамус - слышали очень многие. И пусть эти многие даже не подозревают, что Мишель де Нострдам (его настоящее имя – А.П.), вообще-то, был астрологом, врачом, фармацевтом и алхимиком, жившим в XVI веке, но о его предсказаниях на много лет вперед в отношении природных катаклизмов, войн и революций хоть раз, да где-то читали.

Однако зачем нам Нострадамус, если жил в наших орловских краях человек, которого в первой половине XIX века близко знавшие его люди считали пророком. Звали этого человека Александр Иванович Ковальков.

Родная кровь: племянник или сын?

Я узнал о его существовании, когда изучал в Государственном архиве Орловской области документы по Воскресенской церкви села Ретяжи Кромского уезда, имевшие отношение к известнейшему русскому масону Ивану Владимировичу Лопухину (*смотри, читатель, очерк «Орловский масон Иван Лопухин» – А.П.*). Метрических книг начала XIX века по Воскресенскому храму, к сожалению, не сохранилось, зато имеются «Исповедные росписи» за 1812-й, 1813-й, 1814-й и 1816 годы – как раз за тот временной промежуток, который меня интересовал.

Александр Ковальков

На всякий случай объясню, что такие «исповедки» в XVIII – начале XX века велись при всех православных храмах и были своеобразной переписью населения. Все прихожане храма являлись в «святую и великую четырехдесятницу» (*во время Великого поста, перед Пасхой – А.П.*) к священнику для исповеди и святого причастия. А батюшка их записывал в специальную ведомость, называя имена, возраст и социальное положение.

В «Исповедной росписи Воскресенской церкви» села Ретяжи (Воскресенское) за 1813 год оказались внесены:

«Помещик села Воскресенского, действительный тайный советник, сенатор и разных орденов кавалер Иван Владимирович Лопухин, 58 лет, супруга его, Матрёна Евфимова Лопухина, 48 лет, племянник их, губернский секретарь Александр Иванов Ковальков, 19 лет, и купеческий сын греческого исповедания Александр Осипов сын Якоби, 12 лет».

Четверо перечисленных лиц названы отдельно, семьёй, а уже потом в росписи пошли дворовые люди помещика Лопухина (88 человек) и его крепостные крестьяне (более 900 душ обоего пола). Вот так в поле моего зрения и попал впервые Александр Ковальков, названный в исповедной росписи племянником действительного тайного советника Ивана Лопухина.

Но вот кем (в родственном плане) приходился Ковальков Лопухину на самом деле – современники отвечали по-разному. Некоторые считали этого молодого человека с блестящими способностями всамделишным племянником по линии жены, другие говорили о том, что Александр Ковальков – незаконнорожденный сын Лопухина, которому Иван Владимирович дал образование и способствовал его карьере. Мне кажется очень вероятной вторая точка зрения. Почему?

А как можно объяснить, что постоянно жалующийся на здоровье, ушедший по этой причине со службы, действительный тайный советник и масон, Лопухин, приехав к себе в имение Ретяжи перед самым Рождеством 1812 года, вдруг, скоропалительно, 9 февраля 1813 года женится - то ли на крепостной крестьянке, то ли на немолодой (48 лет) девушке из московского купечества? Сам Лопухин в письме императору Александру I сообщил, что *«обвенчался он по самым добрым резонам,... отдав справедливость многолетним опытам простодушной ко мне привязанности, строгой честности нравов и бескорыстия, и таких примеров немало было и в прежние, и в нынешние времена...».*

Из письма становится понятно, что его жена, ретяжская жительница Матрёна Евфимовна Никитина, знакома ему очень давно. Тут следует добавить ещё одно обстоятельство. От современников нам известно, что до 15-летнего возраста Александр Ковальков жил в одной комнате с будущей женой И.В.Лопухина, а потом был взят в его ретяжский дом и *«воспитывался в масонской обстановке и масонском учении».* Тут уж волей-неволей напрашивается вывод, что Александр Ковальков – действительно, незаконнорожденный сын действительного тайного советника от его связи с Матрёной Никитиной, с которой в январе 1813 года он просто узаконил отношения. Но признать официально, после 16-летнего молчания, родного сына Иван Владимирович, всё-таки, не решился. Однако Лопухин сделал всё, чтобы его чадо не знало недостатка ни в чём.

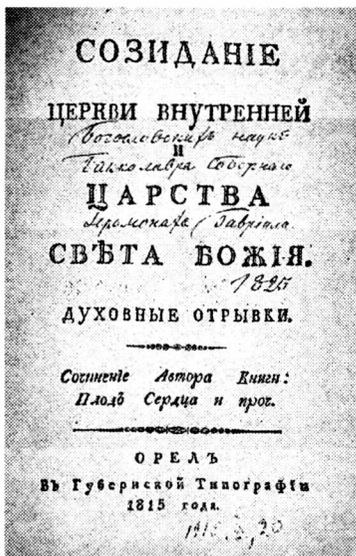
Полюбивший истину

Лучшие учителя обучали и воспитывали Александра Ковалькова, поскольку Иван Владимирович хотел развить способности своего «племянника», полагая, что тот продолжит его масонское дело. Однако, до

поры-до времени, талант юноши никак не проявлялся. Но однажды Александр Ковальков тяжело заболел и уже находился при смерти. А потом вдруг, по воспоминаниям Лопухина, юноша «на короткое время вышел из беспамьяства, исповедался и причастился Святых тайн». Затем Ковальков снова потерял сознание и сутки не приходил в себя. Проснулся он уже здоровым – и сразу же начал писать свою первую книгу: так, чудесным образом, появился у молодого человека блестящий литературный дар.

Иван Лопухин помогал Александру гранить его талант – вначале направив его на переводы полезных для «благонравия» иностранных пьес для журнала «Друг юношества». А вскоре, в 1811 году, появилось и первое собственное сочинение А.Ковалькова, изданное в Москве, - "Плод сердца, полюбившего истину".

А 1815 год стал прорывным для молодого автора: в Орле (да, читатель, скоро будет 200 лет первому массовому изданию книг Ковалькова – А.П.) появились на свет сразу четыре новые книги «продолжателя дел Лопухина»: «Созидание церкви внутренней и Царства Божия», «Иисус пастырь добрый своего стада, свет и камень, глава, жрец и жертва своей церкви», «Мысли о мистике и писателях её» и «Мистические творения Александра Ковалькова» (общее название первых трёх названных сочинений – А.П.).

Издана в Орле

В принципе, изданием этих книг (при моральной и финансовой поддержке Ивана Лопухина – А.П.) и ограничивается литературная карьера Александра Ковалькова. В 1815 году ему исполнился 21 год, а в дальнейшем, хоть у него и накопилось со временем ещё 10 рукописных томов, ни одно сочинение так и не было опубликовано отдельным изданием. В 1817 и 1818 году появились последние публикации А.И. Ковалькова. Он разместил их на страницах журнала «Сионский вестник».

Не все принимали и понимали то, о чём писал Ковальков. Но некоторые современники ценили этого молодого автора очень высоко. За что? Возможно, за то, что в его сочинениях обнаруживалась скрытая критика официальной церкви. Автор обрушивался на людей, считавшихся христианами лишь по имени, а на деле не имевших веры. Из фрагментов сочинений А.И.Ковалькова видно,

что у него существовала сложившаяся религиозная концепция, суть которой заключалась в том, что между верующим христианином и Богом не нужны посредники в лице церкви и церковного клира. Особо избранный христианин, по мнению Ковалькова, может сам – напрямую – общаться с Богом и получать

от него информацию, а потом выступать перед остальными в роли проповедника. В статьях Ковалькова «Взгляд на самого себя» (1817 год) и «Вздохи сердца к воплощенному слову» (1818 год) видно, что их автор уже в совершенстве овладел ремеслом проповедника и пророка.

Талант в жертву карьере

Впрочем, во всех своих сочинениях Александр Иванович, чтобы не прослыть еретиком в глазах православной церкви, был вынужден высказываться очень осторожно. И потому о его даре было известно очень немногим даже из числа близких ему людей. Всю же вторую половину жизни (а умер он в 52 года) Ковальков посвятил карьере, принеся в жертву ей свой литературный и философский талант.

Иван Лопухин, перед уходом в мир иной летом 1816 года, успел побеспокоиться о «племяннике» - воспитаннике. Он обратился с просьбой к своему другу, обер-прокурору Святейшего Синода, князю А.Н. Голицыну, который ведал ещё и Министерством народного просвещения. Голицын, знакомый с сочинениями Ковалькова, принял Александра в Санкт-Петербурге как родного сына, стал его покровителем и провёл за несколько лет от помощника начальника стола в Главном правлении училищ до должности руководителя Главного управления почт в чине тайного советника. Много других способностей открылось на службе у Ковалькова (он, к примеру, оказался хорошим рисовальщиком). Но о славе пророка и литератора Александру Ивановичу пришлось забыть сначала самому, а потом забыли об этом славном периоде его биографии многие современники.

И лишь совсем недавно вспомнил об орловском пророке Юрий Кондаков, российский историк, специализирующийся на духовной жизни XVIII – XIX веков и истории масонства. В своей книге *«Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века»*, изданной в Санкт-Петербурге в 2005 году, он посвятил Александру Ковалькову целую главу (*кстати, в интернете в настоящее время выставлены все опубликованные произведения нашего земляка, и любой желающий может с ними познакомиться – А.П.*).

Аральская одиссея адмирала Бутакова

За неделю до Пасхи, Светлого Христова Воскресенья 1850 года, в большое село Луковец Малоархангельского уезда приехали к местной помещице, вдове-генеральше Александре Александровне Безобразовой, долгожданные гости, - её дочь Ольга с зятем.

Путёвка от Фаддея Беллинсгаузена

Как обрадовалась Александра Александровна – трудно описать. После ранней смерти мужа, генерал-майора Николая Михайловича Безобразова, дочь составляла весь смысл жизни хозяйственной помещицы. Но с тех пор, как

Ольга Безобразова, выйдя замуж, стала Бутаковой, маменьку она баловала своими посещениями не часто. Оправдывалась, что муж – флотский офицер, вечно в плаваниях или других заботах, она же – как верная супруга или ждёт его, или сопровождает по мере возможности.

Предпасхальная неделя пролетела для Александры Александровны как один светлый праздничный день – столько радости доставили ей дочь и зять. И не просто любовалась генеральша красивой парой, но и слушала-внимала их рассказам, поскольку супругам Бутаковым было что поведать.

Бутаков Алексей Иванович

Алексей Иванович Бутаков происходил из династии потомственных военных моряков, которая дала России 121 офицера, в том числе 19 адмиралов и 14 капитанов первого ранга. Отец Алексея Ивановича был контр-адмиралом российского флота, отличившимся во многих сражениях. Четыре его сына тоже дослужились до адмиральских чинов.

Алексей Бутаков был старшим из братьев. Он родился в 1816 году *(в некоторых источниках назван 1812 год – А.П.)*. Выпущенный в 1828 году из Морского кадетского корпуса гардемарин, Алексей начал службу на Финском заливе – на галере «Церера» и фрегатах «Урания» и «Беллона».

21 декабря 1832 года Бутаков был произведен в мичманы, 3 апреля 1838 года – в лейтенанты. В 1840 году на транспорте "Або" он отправился в должности старшего офицера в кругосветное плавание на Камчатку, продолжавшееся более двух лет. Оно было очень тяжёлым и сопровождалось большой потерей людей. В глубокую осень 1842 года транспорт вернулся в Кронштадт.

Познания Бутакова по морской части обратили на него внимание главного командира кронштадтского порта, адмирала Фаддея Беллингаузена, который в 1846 году пригласил молодого лейтенанта флаг-офицером на эскадру соединенных дивизий на время маневров в Финском заливе, после которых Алексей Иванович был назначен командиром парусной шхуны "Радуга". Когда в 1848 году задумывались съёмка и описание берегов Аральского моря, Бутакова назначили сначала начальником этой экспедиции, а вскоре сделали и руководителем всей аральской флотилии.

В 1849 году он был произведен в капитан-лейтенанты. В течение двух лет (1848 и 1849) Бутаков на шхуне «Константин» осматривал и описывал берега Аральского моря, за исключением восточного; открыл при этом группу островов, названных им Царскими, и еще два острова, получившие название по именам наших знаменитых мореплавателей, Беллингаузена и Лазарева, произвел съёмку морских берегов, описал почти все, тогда еще неисследованное, Аральское море и составил ему карту. Эти труды Бутакова

были помещены в "Записках Императорского Русского Географического Общества" (т. V), членом которого он состоял с самого основания общества.

Император, за описание Аральского моря, пожаловал Алексею Ивановичу орден Святого Владимира 4 степени и пенсию в 157 рублей в год.

Тарас Шевченко и его поклонница

Рисовальщиком в этой результативной двухлетней экспедиции трудился сосланный в солдаты знаменитый украинский поэт и художник Тарас Григорьевич Шевченко. Начальник экспедиции (в чине капитан-лейтенанта) с большим сочувствием и уважением отнёсся к ссыльному (в чине рядового) и помогал ему, чем мог. А Шевченко, чувствуя поддержку, трудился, не покладая карандаша. Только за 1848 год (два рабочих месяца) он исполнил более 70-ти рисунков. Часть карандашных набросков Тарас Григорьевич закончил акварелью впоследствии в Оренбурге. Зимовку 1848 года Бутаков и Шевченко провели в укреплении под названием Кос-Арал, где художник выполнил несколько замечательных рисунков.

Сюда, на дикий берег Аральского моря весной 1849 года умудрилась добраться Ольга Бутакова, решившая навестить мужа. Алексей Иванович познакомил её с Тарасом Шевченко и его рисунками. Молодая женщина, с успехом бравшая уроки рисования и скульптуры у известного скульптора Клодта, была в восторге от работ ссыльного солдата и тут же попыталась применить свои навыки, скопировав несколько пейзажных рисунков малороссиянина. Известны её копии следующих работ Шевченко: «Дневка транспорта в Киргизской степи», «Укрепление Кос-Арал, где зимовали А.И. Бутаков и Т. Шевченко», «Низменный берег острова Николай» и «Гористый берег Аральского моря».

Шуны возле Кос-Арала

В 1850 году супруги вместе возвратились в Петербург, откуда, во время краткосрочного отпуска, они и приехали к матери и теще в село Луковец Малоархангельского уезда Орловской губернии.

Во время одной из долгих задушевных бесед Ольга похвасталась матери своими успехами в рисовании. Александра Александровна Безобразова была небольшим специалистом в живописи, но рисунки дочери, как копии, так и первые самостоятельные, ей очень понравились.

На память любимой мамёнке Ольга оставила несколько пасхальных картинок – очень простых, на первый взгляд, но выполненных с большим изяществом на альбомных листах, с надписями – «Христос Воскресе!»

Короткий отпуск закончился быстро, и флотская служба Алексея Ивановича Бутакова продолжилась. Он снова возвратился на Арал и ещё свыше 10 лет продолжал наводить порядок в этих новых для России местах: воевал, описывал реки и земли, был награждён ещё двумя орденами и получил чин капитана I ранга.

И всюду мужа, по мере возможности, сопровождала жена. Ольга Николаевна в 1853–1861 годах постоянно выезжала в Оренбургскую губернию, подолгу жила в Оренбурге, ездила по степным укреплениям и на Аральское море. Однажды чуть не попала в плен к местным бунтарям-киргизам. Хорошо, что успел на выручку любимый муж со своим отрядом.

Это опасное приключение не уменьшило восхищения жительницы среднерусских равнин перед красотой Востока. Причём, Ольга Николаевна не просто любовалась природой, глубоко запавшей ей в душу, она одной из первых среди русских художников взялась за широкую разработку "степной" тематики в изобразительном искусстве, в частности, - в художественном офорте *(это довольно сложная, тем более для женщин, разновидность гравюры на металле, техника станковой графики глубокой печати, позволяющая получать оттиски с печатных форм («досок»), в процессе работы по созданию изображения на которых производится травление поверхности кислотами – А.П.)*.

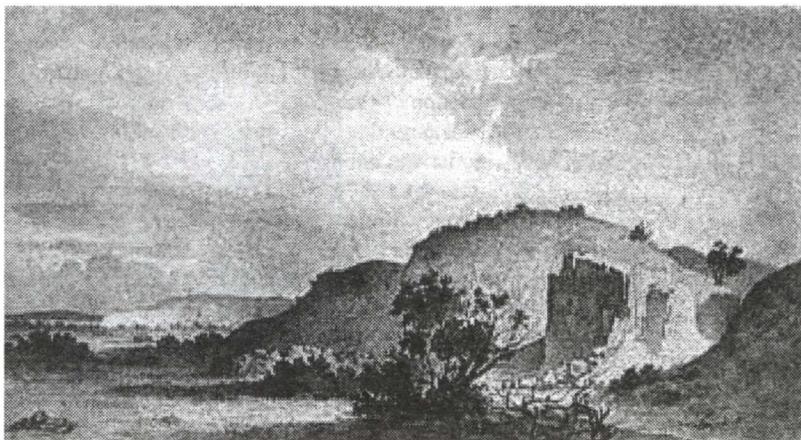
Имя на карте

Прослужив в аральском краю 15 лет, Алексей Иванович Бутаков в августе 1863 года был переведен на Балтийский флот и возвратился в Петербург.

19 апреля 1864 года император Александр II удостоил его чина контр-адмирала и назначил в свиту Его Величества, с пожалованием аренды в 1500 рублей на двенадцать лет. В 1865 году Бутаков был младшим флагманом на броненосной эскадре балтийского флота и командовал шхерной эскадрой броненосных судов. В 1866 он был награжден орденом Святого Владимира 3 степени, а в 1867 году исправлял должность эскадр-майора при императоре. Оставаясь в 1868 году на берегу, Бутаков состоял в распоряжении главного командира Санкт-Петербургского порта и за отличие был награжден орденом Святого Станислава I степени.

Осенью 1868 года он почувствовал припадки болезни в печени и для излечения вскоре отправился за границу на воды, где и скончался 28 июня 1869 года в немецком курортном городке Швальбахе.

По отзывам коллег-офицеров и многих знакомых, Бутаков представлял собой тип русского морского офицера, которым гордился бы каждый флот. Отлично образованный, знакомый со многими европейскими языками, он занимался также литературой. Выпустил в журнале «Отечественные записки» (1843 год, т.27, 1844 год, т.т.33-35) «Записки... во время путешествия вокруг света в 1840—1842 годах». Отдельным изданием вышли в Ташкенте в 1853 году «Дневниковые записки плавания А. И. Бутакова на шхуне "Константин" для исследования Аральского моря в 1848—49 годах».

Гористый берег острова Св. Николая (Т.Ш)

Алексей Иванович был известен также как автор многочисленных переводов, в том числе, популярного романа "Домби и сын" Ч. Диккенса, "Три яхты" Ф. Марриета и других. Имя Бутакова увековечено на географической карте: так называются южный мыс острова Барсакельмес и залив в Аральском море.

О последних годах жизни его любимой и любящей жены Ольги Николаевны сохранилось мало сведений. Будучи владелицей имения в селе Луковец Малоархангельского уезда, она общалась с соседями-помещиками – своими родственниками Безобразовыми, Милюковыми и – особенно – героем Заграничных походов Русской армии и участником взятия Парижа в 1814 году Иваном Михайловичем Козаковым.

Ольга Николаевна Бутакова пережила своего мужа на 34 года, скончалась она в 1903 году в Санкт-Петербурге, где и похоронили художницу на одном из кладбищ.

Тарас Шевченко и Орловщина

9 марта 2014 года исполнилось 200 лет со дня рождения великого украинского писателя Тараса Григорьевича Шевченко. Событие, которое в спокойной обстановке, наверняка бы, вызвало гораздо большее внимание культурной общественности России и Украины, оказалось «смазанным» последними бурными событиями, происходящими на территории нашей братской соседки.

Шевченко Т.Г.

Григорьевич писал стихи на украинском языке, а прозу, в том числе свои дневники, - только на русском. И он, думаю, перевернулся бы в гробу, услышав выкрики и угрозы «Правого сектора» в адрес «москалей».

Никогда, ни разу Тарас Шевченко не позволял себе оскорбительных высказываний по отношению к русскому народу и представителям русской культуры, ведь именно они первыми заметили, оценили дар уроженца Малороссии, освободили от крепостной неволи и способствовали расцвету его таланта и популяризации украинского языка на территории Российской империи.

Имя Тараса Григорьевича уже с середины XIX века было хорошо известно на

Украина бурлит уже несколько месяцев. Новости из Киева, с Майдана, из Крыма, из Харькова, Донецка, Луганска, Одессы заставили многих забыть о юбилее. Но в Москве, у памятника Шевченко, всё-таки, состоялось праздничное мероприятие, на которое явился даже посол Украины, сказавший несколько приличествующих событию слов.

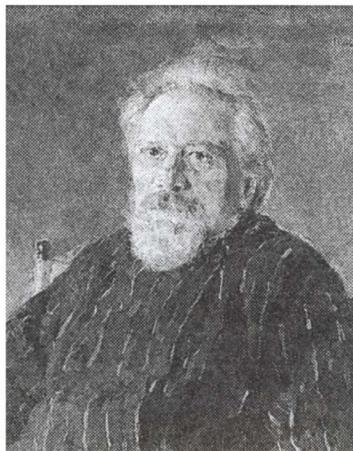
А вот в Харькове, тоже у памятника Тарасу Григорьевичу, 9 марта, к сожалению, собрались не те, кто ценит и любит творчество Шевченко, а те, кто не любит и не уважает «великий и могучий» русский язык.

Тарас Шевченко для таких, особенно, западных украинцев – как знамя, как символ самостийности. «Западенцы» готовы именем поэта прикрывать свои националистические взгляды, забывая (или делая вид), что Тарас

Марко Вовчок

Орловщине. Первыми об этом сообщили орловчанам члены Кирилло-Мефодиевского братства, сосланные на три года в Орёл. Среди них был, к примеру, украинский этнограф, фольклорист и общественный деятель Афанасий Васильевич Маркович. С ним в Орле познакомилась Мария Александровна Вилинская, будущий классик украинской литературы, переводчица произведений Жюль Верна и многих других иностранных писателей. Общение с кирилло-мефодиевцами определило жизненные интересы Марии. Маркович рассказал ей о Тарасе Шевченко, с которым был в дружеских отношениях и знал много его произведений на память. Под влиянием Марковича Мария Александровна проявила большой интерес к украинскому языку и украинскому фольклору, к актуальным вопросам общественной жизни.

Лесков Н.С.

В январе 1851 года Мария Александровна вышла замуж за Марковича и уехала с ним в Украину, которую полюбила на всю жизнь и прославила в своих произведениях, написанных на украинском языке.

В эти же годы узнал о Шевченко и другой наш земляк, Николай Семёнович Лесков, который впоследствии тесно общался с Тарасом Григорьевичем в последние годы его жизни и оставил о нём воспоминания «Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко», опубликованные 9 марта 1861 года в газете «Русская речь». Вот начало этих воспоминаний:

«Итак, осиротела малороссийская лира.

Лежит в гробу ее бездыханный поэт. Тараса

Григорьевича Шевченко не стало. Сегодня гроб его опустили в сырую могилу на Смоленском кладбище, напутствуя его прощальным словом и братскою слезою. Не стану говорить, как велика эта потеря для малороссийской литературы в эпоху ее возникновения, в день рождения «Основы», которой покойный поэт сочувствовал всей душою. Значение Шевченко известно всякому, кто любил родное славянское слово и был доступен чему-нибудь высокому, изящному...»

А так Николай Семёнович закончил: *«Но как поэтическая деятельность Шевченко останется в числе лучших страниц малороссийской словесности, так и самый день его погребения навсегда останется знаменательным в истории украинской письменности и гражданственности. Любимейшая мечта поэта сбылась и громко заявила свое существование. Малороссийское слово приобрело право гражданства, раздавшись впервые в форме ораторской речи над гробом Шевченко. Из девяти напутствований, сказанных над могилу*

поэта, шесть были произнесены на малороссийском языке. Из остальных трех речей две были произнесены по-русски и одна по-польски, как бы в значение общего горя славян, пришедших отдать последний долг малороссийскому поэту-страдальцу...».

Да, именно это подчеркнул наш земляк: смерть Тараса Шевченко – «общее горе славян». Оно тогда объединило всех, кто знал великого поэта, и теперь не должно быть так, чтобы его именем размахивали националисты.

Посмертная судьба Тараса Григорьевича удивительна. Он не оставил завещания, и 28 февраля (*по старому стилю – А.П.*) 1861 года был похоронен на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге. Но почти сразу его друзья стали хлопотать о перевозе тела усопшего на Украину. После того, как, по истечении 40 дней, разрешение от властей было получено, гроб был выкопан, перенесен через весь Петербург на Московский (Николаевский) вокзал и по железной дороге отправлен в Москву.

Далее путь проходил через Серпухов, Тулу, Орел, Кромы, Дмитровск, Севск, Глухов, Кролевец, Батурин, Нежин, Носовку, Бровары - в Киев.

Похороны Тараса Шевченко

О том, как гроб с телом Тараса Григорьевича встречали в Орле, оставил нам воспоминания другой наш земляк – писатель-фольклорист Павел Иванович Якушкин. Его статья была опубликована в газете «Северная пчела» 29 мая 1861 года. Цитирую:

«2 мая, в 12 часов ночи, было привезено тело Шевченка. Дроги с гробом были поставлены на дворе, под навесом, среди пустых ямских телег, на куче навоза. На другой день, в 10 часов полковой священник камчатского полка, в

присутствии Ф. Лазаревского, гимназистов, почетного попечителя, директора, учителей и многих других, отслужил панихиду, и поезд тронулся дальше. За заставой была опять отслужена панихида в присутствии народной толпы. Один венок с гроба был разорван присутствующими, второй взят на память в гимназию. Проводив тело, многие из присутствовавших вместе с начальством и учениками отправились в гимназию и еще раз отслужили панихиду, с объявлением подписки на училище в память Шевченка».

7 мая 1861 на пароходе «Кременчуг» из Киева прах Шевченко попал в Канев (ныне – Черкасская область Украины – А.П.). Двое суток гроб находился в Успенском соборе, а 9 мая была отслужена в церкви панихида, и прах отнесли на Чернечую гору.

14-23 мая 2011 года на Украине и в России, под эгидой Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, проходили мероприятия "Последний путь Т.Шевченко" по случаю 150-летия со дня перезахоронения украинского поэта. Парламентарии и ученые проследовали маршрутом, которым в 1861 году проехала траурная процессия с телом Т.Шевченко.

В рамках этих мероприятий участники памятного маршрута приняли участие в митинге-реквиеме на месте Кресто-Воздвиженской церкви города Орла, где в 1861 году проходила панихида по великому украинскому просветителю и поэту.

Как сообщила тогда пресс-служба Верховной Рады Украины, в рамках акции жители города имели возможность услышать произведения на слова Тараса Шевченко, а члены делегации побывали в доме-музее известного русского писателя Леонида Андреева.

На Орловщине имя Тараса Шевченко не забывают, поскольку он был всегда объединителем по сути своей жизни и творчества: родился на Украине, жил в России, умер и был погребён в Петербурге, перезахоронен на родине (прах с телом провезли через полстраны), писал и говорил на двух языках.

Вот для нас великий пример великого поэта!

«Россия и Европа» Николая Данилевского

Данилевский Н.Я.

В первом номере начавшего выходить в Петербурге в 1869 году ежемесячного литературного и политического журнала «Заря» были опубликованы начальные главы книги, вызвавшей в России большой общественный резонанс и ставшей главным произведением её автора – Николая Яковлевича Данилевского.

«Россия и Европа» (так называлось сочинение) вызвала бурю откликов – от полного неприятия взглядов писателя и обвинения его в панславизме, национализме и шовинизме – до

восторженных отзывов по поводу новизны идей в оценке роли России на международной арене.

Оберец – Русский Брод - Россия

Главы книги публиковались в журнале «Заря» почти весь 1869 год, а в 1871-ом «Россия и Европа» вышла отдельным изданием. Возникший у читателей интерес вынудил издателей за несколько последующих лет переиздавать фундаментальный труд ещё четыре раза. А потом книгу, как и самого автора, забыли почти на 100 лет, и к идеям Данилевского в позитивном отношении не обращался ни один из социологов, историков или философов.

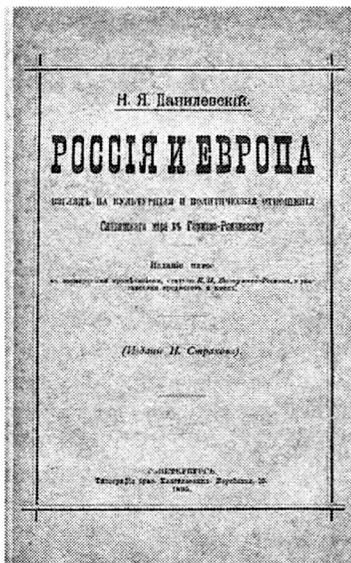
Лишь в 1991 году вышло шестое (и первое в XX веке) издание этой главной книги Николая Яковлевича – с предисловием и биографической статьей о нем его друга, единомышленника и издателя Н. Страхова.

И тогда, наконец–то, вспомнили *многие* в России и за её пределами о выдающемся русском естествоиспытателе, публицисте, социологе, философе Николае Яковлевиче Данилевском.

Он родился 28 ноября 1822 года в селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии (ныне этот населённый пункт входит в состав Измалковского района Липецкой области – А.П.), в родовом имении своей матери, Дарьи Ивановны, в девичестве – Мишиной. Отец Николая Данилевского, Яков Иванович, профессиональный военный, участник Отечественной войны и Заграничных походов русской армии, дослужился к концу карьеры до чина кавалерийского генерала. Вместе с полком отца, который часто менял место службы, начал в детстве путешествовать и Николай (может быть, тогда уже зародилась у него любовь к странствиям).

Своё базовое образование он получал в частных пансионах, в Царскосельском лицее и на естественном факультете Петербургского университета.

В 1844 году Данилевский защитил степень кандидата, а в 1845-ом сдал экзамен на магистра ботаники. Для магистерской диссертации Николай Яковлевич изучал флору и фауну Орловской губернии и составил ее описание. Завершить дело до конца, однако, не удалось. В 1849 году Данилевский был арестован по делу петрашевцев и 100 дней просидел в заключении. В это время исчезла куда – то рукопись «Орловской флоры», и судьба ее до сих пор не

Издание книги Россия и Европа
- последнее в 19 веке

выявлена, но Николай Яковлевич остался в истории Орловского краеведения как первый исследователь флоры Орловщины.

В 40-е и 50-е годы XIX века Данилевский подолгу гостил в селе Русский Брод Ливенского уезда (ныне – Верховский район), где жила Вера Николаевна Беклемишева, урожденная Лаврова, вдова генерал – майора. В течение нескольких лет ухаживал за нею Николай Яковлевич, успевая (попутно) при посещениях Русского Брода проводить ботанические и геологические изыскания.

В 1852 году взаимная любовь закончилась женитьбой, но счастье молодых оказалось коротким – менее чем через год Вера Николаевна умерла от холеры. Это было, как сам Данилевский говорил, самое жестокое горе в его жизни, и целый год он тяжело боролся с отчаянием, от которого Николаю Яковлевичу удалось, в конце концов, излечиться новой работой и путешествиями.

С 1853 года и до конца своей жизни он ездил в ученые экспедиции для исследования состояния рыболовства в Европейской части России – вначале в качестве статистика, а потом – начальника. Все последующие постановления и инструкции, касавшиеся российского рыболовства, были составлены Данилевским, а его огромные заслуги и на этом поприще оценили царь и правительство (Николай Яковлевич имел чин тайного советника и являлся членом совета Министерства государственных имуществ).

В промежутках между своими экспедициями (а их было более десятка, и длились некоторые по несколько лет) Данилевский успел написать более полусотни произведений естественно-научного, политико-экономического и исторического характера. Основные из них – «Россия и Европа», «О низком курсе наших денег» и «Дарвинизм» (последнее сочинение осталось незаконченным).

Крым. Мшатка

С 1864 года Николай Яковлевич с семьей (в 1861 году он женился во второй раз, на дочери своего друга, Ольге Межаковой – А.П.) поселился на южном берегу Крыма, где им было куплено имение Мшатка (*недалеко от ныне известного всем Фороса – А.П.*).

Здесь тогда имелись развалины сожженного французами в Крымскую войну барского дома и огромный сад. За 20 лет жизни в имении Данилевский создал парк, в котором посадил более трехсот редких видов растений. В Крыму, в полюбившейся ему Мшатке, Данилевский и создавал главный труд своей жизни - «Россия и Европа».

Спустя короткое время Мшатка стала местом паломничества многих представителей русской интеллигенции, увлечённых идеями Николая Яковлевича. Сюда в 1885 году пешком из Симеиза пришел лично познакомиться и поклониться Данилевскому Лев Толстой, уже известный к тому времени писатель.

Умер автор «России и Европы» от сердечного приступа, во время очередной экспедиции, трёх недель не дожив до своего 63-летия, а похоронили

его в Мшатке, в окружении посаженных им посаженных кипарисов. Вот как его товарищ Страхов описал место захоронения:

«В саду... есть, недалеко от берега моря, узкая дорожка, которая как будто ведет с открытого места в глухую чащу. Но в конце этой дорожки вдруг открывается большая гладкая поляна, со всех сторон окруженная, как стеною, высокими деревьями и крутыми склонами. Поляна так ровна и ее ограда так правильна, что это место назвали кипарисным залом. Теперь оно напоминает храм: посредине его – могила, и над нею стоит крест, на который приходят молиться не одни свои, но иногда и разный простой люд, далеко вокруг Мшатки знающий о покойном и почитающий его память».

«Соль земли Русской...»

Николай Яковлевич Данилевский умер, многое из задуманного им не успев сделать, оставив после себя жену и пятерых детей – и такую книгу, как «Россия и Европа».

Уверен, сейчас ее стоит читать, перечитывать и думать, думать, думать – так ли живем?

А. А. Галактионов, автор вступительной статьи к новому изданию книги Данилевского 1995 года, отметил, что *“Все содержание книги (концепция, фактура, выводы) построены на русском материале в русском видении; такая книга могла появиться только в России...”*

А вот, уважаемый читатель, только заголовки из главного труда Николая Данилевского. Глава II носит название – «Почему Европа враждебна России?», а отдельные её части звучат так: «Россия не есть завоевательное государство», «Россия не есть гасительница света и свободы», «Либерализм России не уменьшает вражды к ней», «Невежество Европы относительно России», «Европа не признает нас своими».

А общий вывод, который Николай Яковлевич делает, звучит в современных условиях очень актуально: *«Европа не только нечто нам чуждое, но даже враждебное, её интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположны».*

А о тех же «двойных стандартах» Данилевский в своей книге написал так: *«Откуда меряние разными мерами?».*

Николай Страхов, писатель, издатель, единомышленник и друг Николая Яковлевича, написал в своих воспоминаниях:

«По личным своим качествам Николай Яковлевич представлял высокое явление. Это был человек огромных сил, крепкий телом и душою, и притом такой ясный, чистый, чуждый зла и малейшей фальши, что не любить его было не возможно... Он принадлежал к числу тех, кого можно назвать солью земли русской, к тем известным праведникам, которыми спасается наше Отечество».

Вряд ли, правда, публицист, социолог, философ, историк Данилевский мог предвидеть, что через 70 лет после его смерти любимый его Крым и Мшатку вместе с ним какой-то Никита Хрущёв подарит Украине, а ещё через шесть

десятилетий какие-то Яценюки и Турчиновы попробуют запретить в Крыму и сам русский язык.

Могила Данилевского в Мшатке

оказавшаяся в моём райцентре Покровское. Я помог ей уточнить некоторые детали местонахождения родины её прадеда, и в благодарность через пару месяцев получил по почте солидный том Санкт-Петербургского издательства «Глаголь» – «Россия и Европа».

Я открыл эту книгу – и открыл заново для себя и Россию, и Европу. Николай Яковлевич Данилевский, спустя почти полторы сотни лет снова постучался в двери – я здесь, читатель!

Возвращение Василия Калининкова

Поздно вечером 16-ого и всю ночь на 17 марта 2014 года в Симферополе, Севастополе и во многих городах Крыма народ не спал, а праздновал, отмечая результаты референдума. На улицах, площадях, в скверах и на эстрадных площадках звучала музыка. Это местные и известные российские артисты вносили свою частичку в праздничную атмосферу.

А я, наблюдая за тем, как крымчане изменили свою судьбу, а заодно и судьбу России, вдруг вспомнил другую музыку, вошедшую в мою душу впервые холодным февральским днём 1976 года, когда я с несколькими своими товарищами-студентами возвратился в Орёл из поездки в Крым, где мы провели 10 незабываемых дней в одном из ялтинских санаториев.

Мемориальная доска на здании железнодорожного вокзала города Орла

Выйдя из поезда на площадь перед зданием железнодорожного вокзала, я вдруг услышал, как заиграли башенные часы. Я не знал тогда, что это за мелодия, тем более, что вообще был и позже остался далёк от классической музыки, – но полностью согласен с мнением человека, который её охарактеризовал так: «...она открыла мне что-то такое, отчего я лучше стал понимать и вообще всю русскую музыку».

Кто автор этого произведения, я выяснил сразу же, подойдя к табличке у входа в здание вокзала: «*Часы исполняют мелодию из Первой симфонии орловского композитора В.С.Калинникова*».

Спустя некоторое время я узнал, что в Орле есть улица Калинникова, музыкальная школа его имени и народный музей, посвящённый земляку. А чуть позже довелось мне познакомиться и с историей жизни Василия Сергеевича – короткой, трагической и звёздной.

Василий Сергеевич
Калинников

Он родился в селе Воин Мценского уезда 1 января 1866 года (хотя фактически это произошло за два часа до Нового года) и был первым ребенком в большой семье станового пристава.

Мальчик уже в детстве проявил большую любовь к музыке, хотя его этому никогда не учили. На домашних вечеринках маленького Васю сажали на высокую табуретку, давали в руки инструмент, который был чуть ли не больше его самого, и он с увлечением начинал наигрывать вальсы, польки, кадрили из русских песен (кстати, на этом инструменте – гармонифлюте – он научился играть самостоятельно).

28 мая 1876 года в усадьбе Новосильцевых, где жила семья будущего композитора, вспыхнул сильный пожар, и 10-летнего мальчика поразил тяжелый недуг: от пережитого потрясения он стал мучительно заикаться, настолько тяжело, что почти не мог говорить, а начав учиться, первые годы отвечал на вопросы только письменно. Лишь во время пения его дыхание становилось ровным и спокойным, и потому он больше старался петь, чем говорить.

Четыре года он проучился в 1-ом Орловском духовном училище, столько же – в Орловской духовной семинарии, в которой оценили музыкальные способности юноши, а ректор семинарии А.В. Богданов, знаток и страстный любитель церковного пения, рискнул утвердить его регентом семинарского хора, что было, конечно, нерядовым случаем.

Профессиональное обучение музыке Василий Калинников начал в 1884 году, когда переехал из Орла в Москву и поступил в консерваторию. Закончил же он музыкальное образование в музыкально – драматическом училище

Московского филармонического общества в 1892 году, показав по ряду дисциплин выдающие способности (например, на экзамене по сольфеджио, где экзаменатором был директор училища Шестаковский, он получил невероятную оценку – 5 с двумя плюсами).

Живя в Москве, Калининков постоянно испытывал материальные затруднения. В то время как другие студенты жили на 50 – 75 рублей в месяц, он умудрялся тратить только 20 рублей, часто живя впроголодь, и в одном из писем отцу писал: *«если правду сказать, то я за это время даже мало голодал – то, какие – нибудь 5 дней не обедал – и только. Я легко это переношу»*,

Стремясь заработать дополнительные средства на обучение и на содержание, пытаясь помочь отцу и братьям, он трудился, как каторжный: только с 23 сентября 1886 года по 15 февраля 1887 года в Московской частной опере Калининков участвовал в 131 спектакле в качестве музыканта (играл на литаврах).

Первым сочинением композитора стала фортепианная пьеса «Грусть», посвященная отцу, затем последовали имевшие большой успех романсы, один из которых – «Когда жизнь гнетут и страдания, и муки» – точно соответствовал жизни самого композитора.

Потом были другие произведения, а вершиной стала Первая симфония, которая *«ведет душу через русские луга, поля и леса, через просторы невыразимой красоты — к Церкви, к молитве, к Богу»* (слова монаха Лазаря – в миру Афанасьева – А.П.).

«Первая симфония Калининкова — ключ к русской симфонической музыке, чудесные врата, через которые можно войти в наш родной, глубоко поучительный музыкальный мир».

Закончил работу над ней композитор в Крыму, в Ялте, куда Василий Сергеевич приехал, пытаясь излечиться от туберкулёза. В Ялте Калининков и провёл последние 7 лет своей жизни, изредка покидая этот приютивший его город. Целебный воздух, прекрасная крымская природа оказали на первых порах благотворное влияние на здоровье Калининкова.

В Ялте Василий Сергеевич написал несколько своих произведений, но, несомненно, настоящим шедевром стала именно Первая симфония.

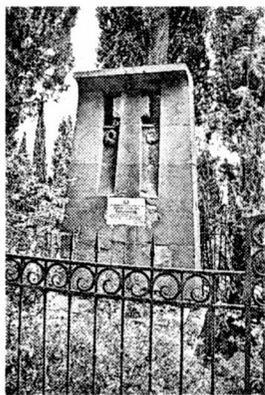
Немалая заслуга в её популярности и пропаганде принадлежит композитору и дирижеру А.Н.Виноградскому, который в 1897 году дважды исполнил своим оркестром её в Киеве, где произведение вызвало много похвал автору. Вот как сам Виноградский вспоминал об этом: *«Из русских композиторов я исполнял впервые в Киеве симфонию Калининкова...Его слушали со вниманием, сразу оценили и смело поставили свой приговор. После Киева симфония исполнялась по всей России и во всех больших центрах Европы, и всегда с успехом. Вспоминаю при этом трогательный эпизод. Когда замолкли последние звуки мощной симфонии, на вызовы публики вышел автор — тщедушный чахоточный юноша. Публика была поражена контрастом этой внутренней необыкновенной силы в слабом больном теле. И что же, через несколько дней Калининкову, без моего ведома, собрано было около двух тысяч*

рублей, чтобы дать ему возможность поехать на юг и работать дальше» (тут поневоле я вспомнил нашего знаменитого пианиста Дениса Мацуева, чей концерт в Киеве, намеченный на 27 марта, новые киевские власти отменили – А.П.).

Симфония исполнялась в Берлине, Петербурге, Вене, звучала в Харькове, Одессе, Париже, Лейпциге, Москве. Всюду она вызывала восторженную реакцию слушателей, публики, бурными аплодисментами встречалась каждая её часть. Все рецензии были похвальными. После Первой симфонии Калинников взялся сразу за вторую, которая была завершена в июне 1897 года. И это была очередная удача автора.

Конечно, только двумя симфониями вклад Василия Калинникова в русскую и мировую музыкальную культуру не ограничивается. У него есть и другие замечательные произведения, а последними по времени создания стали романсы «Молитва» (на стихи Алексея Плещеева) и «Колокола» (на стихи Великого князя Константина Романова).

28 декабря 1900 года В.С. Калинникову на даче «Сиротинка» в Ялте сделали операцию горла, на следующий день он скончался. Похоронили его в Ялте, на Поликуровском кладбище, среди вечной зелени, всегда так восхищавшей его.

Могила В.С. Калинникова на Поликуровском кладбище в Ялте

Надпись на надгробном памятнике

На могиле композитора в 1911 году установили памятник – на средства, собранные в России всем миром. По конкурсу Петербургского общества архитекторов проект памятника выполнен был ялтинским архитектором Л.М. Браилловским.

Долгое время, в знак глубокого уважения к музыканту и композитору приезжавшие в Ялту на гастроли симфонические оркестры всегда начинали свои выступления Первой симфонией Калинникова.

И пусть Василий Сергеевич не так широко известен, как некоторые другие русские композиторы XIX века, но он – не забыт: его произведения

исполняются, Евгений Светланов записал его симфонии, выпущено 8-томное собрание сочинений, установлены мемориальные доски в селе Первый Воин, Дмитровске, в Ялте (на доме, где он жил и сочинял Первую симфонию). В Ялте и Орле есть улицы Калининкова, в Орле – музыкальная школа его имени и народный музей. 3 августа 2009 года в городе Орле, торжественно был открыт памятник Калининкову (работы скульптора Л. Бугая и архитектора В. Блинова).

Памятник Василию Калининкову в Орле

Но музыку Василия Калининкова еще ждет будущее, ее величие должны понять не только орловчане, но и все россияне: композитор заслужил это своей жизнью и всем проникновенным творчеством.

Когда – то, в ответ на замечание одного из знакомых, что Глинкой он станет едва ли, Василий Сергеевич ответил – да, Глинкой он не станет точно, потому что носит другую фамилию: он – *Калинников!*

Сегодня замечательный композитор – уже после его смерти – снова возвращается из-за рубежа, где поневоле оказался 23 года назад, вместе с Крымом – в Россию.

Вот пророческие слова Алексея Плещеева из его стихотворения «Молитва», написанного в 1857 году и превращенного в роман Василием Калининковым:

*Услышь, о Боже, голос мой!
Да возлюбив всем сердцем брата,
Во тьме затерянной тропой
Пойду я вновь - и без возврата!*

Архитектор Николай Игнатъев

В северной столице России, Санкт-Петербурге, много интересных и красивых зданий, построенных в разные годы по проектам замечательных архитекторов. Но в этом огромном разнообразии Малый Мраморный дворец, о котором далее пойдёт речь, уникален, а его внешний облик воистину является «штучным», не имеющим аналогов в петербургской архитектуре.

Такого рода здания, с фасадом, облицованным натуральным камнем (розовым мрамором), – редкое явление для Питера, города, по преимуществу, штукатурных стен, где все линии немного кривые, «рукодельные».

Большие деньги Малого Мраморного

История создания Малого Мраморного дворца и его существование во времени и пространстве оказались связаны с многими известнейшими личностями России, жившими во второй половине XIX – начале XX века.

Дворец на Гагаринской, 3, был перестроен из здания конца XVIII века в 1857-1862 годах для коллекционера и мецената Николая Александровича Кушелева-Безбородко, именем которого он вскоре и стал называться. Н.А.Безбородко скоропостижно скончался совсем молодым (ему не было и 30 лет).

А несколько лет спустя после его смерти, в 1873 году, дворец был куплен Великим князем Константином Николаевичем для своего сына Николая. Вот тогда здание и стало называться Малым Мраморным дворцом (*в отличие от просто Мраморного, построенного на Миллионной улице для графа Григория Орлова в конце XVIII века – А.П.*).

Но – без всяких сомнений – главным действующим лицом в истории Малого Мраморного дворца стала Екатерина Долгорукова, светлейшая княгиня Юрьевская, бывшая любовница императора Александра II, с которой царь нажил четырёх внебрачных детей, а потом, после смерти супруги, вступил с нею в мorganатический брак. Именно для любимой женщины императора (уже после его трагической гибели) в 1881 году за 600 000 рублей было приобретено это величественное здание.

Малый Мраморный дворец принадлежал Екатерине Юрьевской более 30 лет. За это время в здании появились мемориальные комнаты, посвящённые Александру II, и множество его портретов. 9 марта в бывшей картинной галерее была открыта домовая церковь во имя Александра Невского. Некоторые из комнат дворца, по распоряжению владелицы, отделали заново в стиле неоклассицизма.

Уезжая на постоянное жительство за границу, княгиня Юрьевская в 1913 году продала дворец другой Екатерине – мало известной в высшем свете Петербурга представительнице бессарабского дворянского рода Леонардов.

Судя по фотографиям, Екатерина Павловна была не очень красивой и довольно полной девушкой, у которой денежные дела шли в гору, а вот семейные – не ладились. Надо было удивить петербургских женихов роскошью. Вот тогда и решились Леонарды на покупку Малого Мраморного дворца. Княгиня Юрьевская умудрилась продать богатым провинциалкам здание за 1 200 000 рублей, вдвое больше, чем было заплачено при покупке дворца для неё самой.

Расходы (даже для богачей Леонардов) оказались колоссальными. Поэтому новые владелицы (мама и дочь) решили окупить затраты, построив во дворе Малого Мраморного дворца, на месте прежних сооружений, шестиэтажный жилой доходный дом с двумя флигелями в три и четыре этажа. Его проект был заказан архитектору Санкт-Петербургского дворцового управления Н.Н. Игнатьеву.

От Верхососенья – до Петербурга

А теперь поведу речь, в основном, о нём и его семействе, потому что Николай Николаевич – наш земляк.

Он родился 2 декабря 1864 года в селе Верхососенья Малоархангельского уезда (*ныне – Покровского района*), в семье Николая Васильевича и Натальи Алексеевны Игнатьевых, местных помещиков, владельцев небольшого имения в Верхососенья и в соседнем селе Архарово. Младенца окрестили в Богоявленской церкви 4 декабря. В семье, кроме Николая, родились потом ещё два сына – Леонид (1867 года рождения) и Константин (1872 года).

Николай Игнатьев закончил Александровское реальное училище в Орле и в октябре 1886 года поступил Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров. Учился хорошо, несмотря на материальные трудности (*отец присылал Николаю всего 25 рублей в месяц, которых не хватало даже на самую скромную жизнь – А.П.*). Совет института выделил нуждающемуся студенту казённую стипендию, которая его здорово выручила.

По окончании учебного заведения в 1891 году Николай Игнатьев получил звание гражданского инженера и право на чин 10-го класса. Службу он начинал в Техническо-строительном комитете, год работал в качестве члена Курской губернской земской управы, но потом возвратился в Петербург, где, параллельно состоя на государственной службе в МВД Российской империи, занимался практическим строительством на Николаевской железной дороге. Шесть с лишним лет исполняя обязанности начальника участка службы пути, Игнатьев успев многое построить на Александровском чугунно-литейном заводе Главного общества российских железных дорог.

С 1896 года Николай Николаевич стал преподавать в родном Институте гражданских инженеров и оставался в нём вплоть до февраля 1917 года (помощник преподавателя, штатный преподаватель, инспектор).

Одновременно с несением государственной службы Игнатъев работал архитектором на Императорских фарфоровом и стеклянном заводах, Невском стеариновом заводе, имел обширную практику в частных учебных заведениях.

За долголетнюю плодотворную деятельность к 1914 году Николай Николаевич был удостоен четырёх орденов Российской империи (Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степени) и чина действительного статского советника.

Кажется удивительным, но Игнатъев успевал ещё и заниматься творческой деятельностью: он спроектировал несколько зданий, сохранившихся в Петербурге до настоящего времени: доходный дом по 4-ой Красноармейской улице, выставочное здание Императорского Российского общества садоводства (улица Потёмкинская, 4) и шестизэтажный жилой доходный дом во дворе Малого Мраморного дворца, о котором я уже упомянул.

И хотя работы по строительству этого здания не были полностью завершены из-за начавшейся Первой Мировой войны, часть готовых квартир (по 4-10 комнат каждая) Леонарды всё же решили сдавать внаём (правда, дешевле на треть предполагавшейся цены).

Малый Мраморный дворец

Строительство доходного дома стало хорошим рекламным ходом: в Малом Мраморном дворце начались роскошные балы для петроградской знати, а вскоре устроилась и личная жизнь Екатерины Леонард – она вышла замуж за Григория Комарова, старшего сына известного военного, общественного деятеля и руководителя Российского телеграфного агентства Виссариона Виссарионовича Комарова.

Молодожёны вскоре уехали из Петрограда, и после событий 1917 года в Малый Мраморный дворец никто из последних его владельцев никогда уже не возвращался.

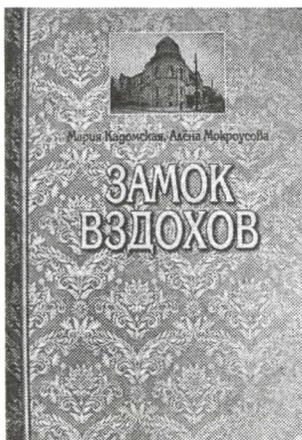
Что касается судьбы нашего земляка-архитектора, то о его жизни в послереволюционные годы известно очень немного, даже дата смерти – приблизительная: не ранее 1923 года.

В этом году Николаю Николаевичу Игнатьеву исполняется 150 лет. И очень хочется, чтобы об этом вспомнили на его родине и в Петербурге, в Малом Мраморном дворце, где в настоящее время размещается Европейский университет. Кто знает, может быть, 2 декабря 2014 года, на одной из конференций, посвящённых современной экономике или социологии, кто-то из лекторов вдруг скажет: «Сегодня – 150 лет архитектору Игнатьеву».

P.S. Всё, что ты, читатель, прочёл, я смог написать благодаря недавно вышедшей книге петербургского исследователя Дениса Шилова «Малый Мраморный дворец. Архитекторы и владельцы» (Санкт-Петербург, 2014). Я оказал Денису Николаевичу небольшую помощь в поиске данных по семейству дворян Игнатьевых. И в благодарность за это он прислал мне симпатичное, богато иллюстрированное издание.

Отныне биографией ещё одного известного орловчанина стало больше.

Мастер и Ольга

Книга

Есть у знаменитого писателя Булгакова написанный в 1923 году фельетон под названием «Киев-город». Михаил Афанасьевич писал в нём (цитирую – А.П.): «...по счёту киевлян, у них было 18 переворотов (с 1917 по 1920 год – А.П.). Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я могу точно сообщить, что их было 14, причём, 10 из них я лично пережил».

Автор «Мастера и Маргариты» в этом «Экскурсе в область истории» (подзаголовок фельетона «Киев-город» – А.П.) рассказал о событиях, происходивших в «матери городов русских» в смутные годы революций и гражданской войны.

Киев. Наши дни

А 22 февраля 2014 года в Киеве произошёл очередной переворот, какой по счёту в истории современной и «незалежной» Украины, затрудняюсь сказать, но явно не последний, поскольку те, кто сейчас волею Запада и прикормленных им националистов, оказался у руля власти, ведут великую славянскую страну к полному её распаду. И обо всех

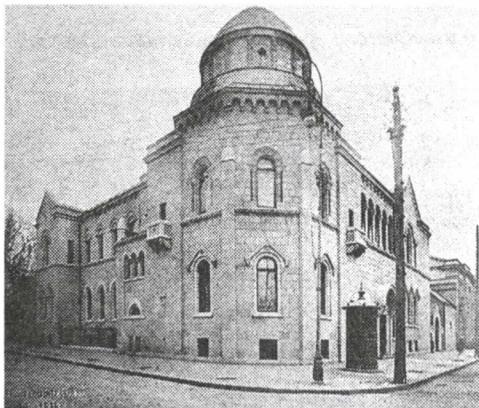
последующих переворотах, возможно, напишет (спустя несколько лет) уже новый Булгаков.

Печально, что так развиваются события в братской нам Украине, ведь в том же Киеве не только Яценюки да Яроши живут (*между прочим, последние в алфавите – А.П.*), но и те, кто любит, ценит свою историю и многовековые отношения с русским народом.

К ним я с полным основанием отношу Марию Кадомскую и Алёну Мокроусову, авторов книги «Замок вздохов», вышедшей на русском языке в Киеве в издательстве «Кий» в конце 2013 года, в самый разгар событий на Майдане.

Ты только представь, читатель, капитальнейший научный труд объёмом более 400 страниц большого формата, тиражом 1000 экземпляров, повествующий об истории создания особняка Н.В. Ковалевского на улице Шелковичной, 15/1, появляется на свет, когда в Киеве майдановцы, без всякой жалости, громят или даже поджигают исторические здания.

Гений от архитектуры и его заказчик-кровопийца

Особняк Н. Ковалевского

Дом дворянина Николая Ковалевского, которому посвящена вышедшая книга, – тот самый, в арабском стиле, особняк в киевском районе Липки, где есть знаменитая комната, романтично стилизованная под купе вагона (хозяин дома познакомился с будущей супругой в поезде). Автор проекта прекрасного здания (*в настоящее время в нём размещается Благотворительная организация «Президентский фонд Леонида Кучмы «Украина» – А.П.*) – известный украинский

архитектор и педагог, действительный член Академии архитектуры УССР, почетный член Академии строительства и архитектуры УССР, доктор архитектуры, Павел Федотович Алёшин. Ему принадлежат более полутора десятков архитектурных шедевров, в основном в стиле русской и советской классической архитектурной школы, модерна и конструктивизма.

На момент строительства особняка Николая Ковалевского Павлу Алёшину исполнилось 30 лет, и он, закончив в 1904 году Петербургский институт гражданских инженеров, уже построил к этому времени в северной столице известный дом Торгово-промышленного общества Ф. Бажанова и Г. Чувалдиной, а в Киеве в 1910 произвёл закладку Педагогического музея

имени Цесаревича Алексея, одного из лучших среди такого рода сооружений на Украине.

В «Замке вздохов» читатель сможет, поглощая страницу за страницей ароматнейшего произведения, наблюдать (350 иллюстраций дополняют текст), как, *«кирпич за кирпичиком, возводился дом-мечта, каких трудов это стоило*

Павел Федотович Алёшин

Алёшину, и сколько крови выпил из архитектора требовательный заказчик».

Книга состоит из нескольких частей: биографий домовладельца и архитектора, истории строительства и переписки из 110 писем, содержание которых по эмоциональности и лихой закрученности сюжета не уступает криминальному чтиву. В целом же, Марии Кадомской и Алёне Мокроусовой удаётся ввести читателя в атмосферу взаимоотношений между представителями высших слоёв российского общества начала XX века, показав массу деталей, до смешного, схожих с современными ситуациями.

Я не специалист в области архитектурного искусства и не киевовед, но присланную мне книгу сначала пролистал, а потом и прочитал с большим удовольствием, тем более, что она, как ни удивительно, имеет непосредственное отношение к Орловщине.

Какое? – спросит любознательный читатель. Ответ будет лежать совсем не в архитектурной плоскости, а в семейной жизни выдающегося киевского зодчего Павла Алёшина. Дело в том, что его жена, Ольга Фёдоровна Мухортова, - из известного на Орловщине и в Малоархангельском уезде, в частности, дворянского рода. О Мухортовых я в разных периодических изданиях опубликовал несколько больших материалов (*один, к примеру, в «Орловском вестнике» от 04.10.2011 года – «Захар Мухортов – знакомый Ивана Тургенева» - А.П.*).

Некоторые из этих очерков нашла в интернете Алёна Мокроусова, главный специалист Киевского научно-исследовательского центра по охране, реставрации и использованию памятников архитектуры. Она прислала мне электронное письмо, объяснила, что собирает сведения о

Мухортова Ольга Фёдоровна

жене архитектора Павла Алёшина. Так завязалась наша переписка, в ходе которой мне удалось помочь Елене Георгиевне в уточнении некоторых фактов, интересовавших её как одного из авторов будущей книги. Вот почему, когда «Замок вздохов» вышел из печати, Алёна Мокроусова прислала мне экземпляр – с благодарностью за «освещение истории семьи Мухортовых».

А теперь, собственно, о Музе архитектора Павла Алёшина.

«Верный друг Олюшка»

Ольга Мухортова родилась 19 февраля 1889 года в сельце Липовица Малоархангельского уезда, в имении деда, отставного штабс-ротмистра Фёдора Акимовича Мухортова, известного среди окрестных помещиков своей образованностью, гостеприимством и любовью к лошадям.

У Фёдора Акимовича и его жены Натальи Дмитриевны, *(дочери героя Отечественной войны Дмитрия Петровича Чиркина – А.П.)*, было 10 детей – 6 сыновей и 4 дочери. Все они имели много общих черт: высокие, стройные, красивые, тёмные шатены, с карими глазами, независимые, гордые и общительные.

Четвёртый по старшинству из сыновей, Фёдор Фёдорович Мухортов, участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов, вскоре после её окончания, в чине поручика, вышел в отставку. После нескольких лет веселой жизни в окружении «золотой молодежи» Орла, в 1882 году он женился на Анне Павловне фон Братке, дочери орловского «воинского начальника».

Федор Федорович привез жену в имение отца, в Липовицу, где понемногу постепенно принял от родителя всё его хозяйство. Здесь, в Липовице *(ныне – д. Мухортово Даниловского сельского поселения Покровского района – А.П.)*, и родились у молодых первые дети: в 1884 году – сын Фёдор *(семейное имя Мухортовых – А.П.)* и дочь Ольга.

Однако семейная жизнь не образумила отставного поручика: он продолжал вести разгульный образ жизни, который привёл к быстрому уменьшению былого богатства, а потом и к разорению имения.

Фёдор Фёдорович, спасая своё реноме и семейство от нищеты, в 1890 году уехал в село Мироцкое, что в 35 верстах от Киева, где ему предложили должность управляющего в имении барона Дервиза. Не сохранив своё богатство, Ф.Ф.Мухортов стал прекрасным хозяином чужого имущества, за что от барона получил в награду 10 000 рублей и несколько десятин земли возле Бучи, тоже под Киевом. Фёдор Фёдорович выстроил на этой земле своё имение, в которое, по каким-то делам, приехал однажды молодой и шеголеватый архитектор Павел Алёшин.

Приехал, увидел красавицу Ольгу Мухортову, – и влюбился с первого взгляда. Павла не остановили сословные предрассудки: как это сын крестьянина (хоть и зажиточного) мог претендовать на руку и сердце дворянской дочери? Началось ухаживание, быстро переросшее во взаимную глубокую любовь.

Когда в 1909 году Павел Алёшин готовил проект женской гимназии Святой Ольги (по улице Владимирской в Киеве), то посвятил он его своей невесте, прямо написав это на чертеже.

В апреле 1910 года в Александро-Невской церкви в Липках Павел Алёшин и Ольга Мухортова обвенчались, прожив потом свыше 50 лет в любви и согласии. В наше несентиментальное и неромантическое время, наверное, непривычно читать слова, написанные Ольгой Фёдоровной спустя 15 лет их супружеской жизни: *«Тебе, Единственному, с безграничной любовью и благодарностью – за то счастье, которое ты мне дал. Твоя жена и верный друг Олюшка»*. Так её называл муж, а она звала его ласково *Пашуня*.

Знаменитый украинский архитектор Павел Федотович Алёшин скончался 7 октября 1961 года. Похоронили его на Лукьяновском кладбище Киева, на участке, который он сам выкупил ещё в 1929 году. Спустя 20 лет рядом с ним упокоилась его верная и любящая жена.

Архитектурные же шедевры Павла Алёшина продолжают жить во многих городах Украины и России. В них навсегда сохранились частички души его любимой Олюши.

Очень хочется верить, что на эти исторические достояния нашего общего прошлого не поднимутся руки с оружием или «коктейлем Молотова».

София Волковицкая – красавица с картин Мясоедова

Мясоедов Г.Г. Портрет Софии Волковицкой в сербском наряде

В апреле 2014 года на Орловщине отметили 180-летие известнейшего нашего земляка, художника-передвижника Григория Мясоедова. Многие из орловчан, ещё забывшие курс школьной истории, сразу вспомнили знаменитую картину «Земство обедает» да и другие работы признанного мастера: «Чтение манифеста 19 февраля 1861 года», «Опахивание», «Косцы», «Дорога во ржи», «Сеятель».

«Из темноты пришедшая былого...»

Но те картины, с которыми я предлагаю читателям и зрителям познакомиться сейчас, известны до настоящего времени только узкому кругу специалистов. А между тем, на них изображена личность, которую Григорий Мясоедов хорошо знал и регулярно с нею общался.

На этом портрете перед тобой, читатель, – наша землячка София Волковицкая, позирующая перед зрителем в сербском наряде. Она же стала героиней полотен Мясоедова «Неизвестная» (*гораздо больше знакома*

одноименная работа у И.Крамского), «Женщина в кленовых листьях», «На берегу моря» и «Дама с собакой» (другое название – «Осиротели»).

София Владимировна Волковицкая – дочь известного орловского врача Владимира Ивановича Радуловича и рано скончавшейся его жены Софии Дмитриевны (в девичестве – Чиркиной, происходившей из семьи малоархангельских помещиков – А.П.).

Волковицкая София
Владимировна

Источник, откуда я первоначально почерпнул эти сведения, совсем неожиданен для орловчан. В 2011 году в Киеве на украинском языке были опубликованы «Воспоминания» известного украинского историка Наталии Дмитриевны Полонской-Василенко. Как ни удивительно, но по материнской линии её корни – в орловской глубинке, в сельце Липовица Малоархангельского уезда, где проживали в XIX веке помещики Мухортовы.

Очень большой кусок «Воспоминаний» Н.Д. Полонской-Василенко посвящён её детству, проведённому на орловской земле, и её многочисленным родственникам – Мухортовым, Мацневым, Чиркиным, Лилиенфельдам (все они – дворяне Малоархангельского уезда. Об этих «Воспоминаниях» и перечисленных помещиках я писал в «Орловском вестнике» несколько раз, например, в очерке «Воспоминания об Орле» – 14.12.2011 года – А.П.).

А теперь цитата из книги Наталии Полонской-Василенко, посвящённая как раз Радуловичам и Волковицким:

«Самая молодая из Чиркиных - София - вышла замуж в середине 60-х годов за доктора Владимира Ивановича Радуловича. Происходил он из новосербских сербов. Он был главным врачом городской больницы в Орле, которую поставил на высокий уровень. Он пользовался всеобщим уважением и был очень популярен как врач».

«Служил усердно, полезно, продолжительно...»

Здесь я добавлю несколько слов о Владимире Ивановиче из других источников. Радулович закончил Московский университет и, обладая обширнейшими знаниями в области хирургии и урологии, с 1867 года был старшим врачом Орловской губернской земской больницы. Кроме того, Владимир Иванович являлся одним из создателей Орловского медицинского общества и долгое время возглавлял его. Имел награды: ордена Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны и Св. Станислава 2-й и 3-й степеней. За «исключительно усердную, полезную и продолжительную в течение 27 лет службу» он был удостоен чина действительного статского советника (в переводе на военные чины – генерал-майора – А.П.). Врач Радулович обладал энциклопедическими

познаниями и прекрасной памятью, был начитан, трудолюбив и предан делу. Его перу принадлежит «Очерк истории русских медицинских обществ, их цель, значение и взаимная связь», изданный на его собственные средства в 1890 году, им написано также более 100 статей для медицинских журналов.

У любящих супругов Радуловичей родилось двое детей: дочь София и сын Владимир. К величайшему горю Владимира Ивановича, его жена Софья Дмитриевна, умерла в 1875 году при родах второго ребёнка. Сын, названный Владимиром, остался жив, а вот саму роженицу спасти не удалось.

Оставшихся полу-сиротами детей помогали воспитывать вдовцу родственники, не оставившие врача один на один с его горем.

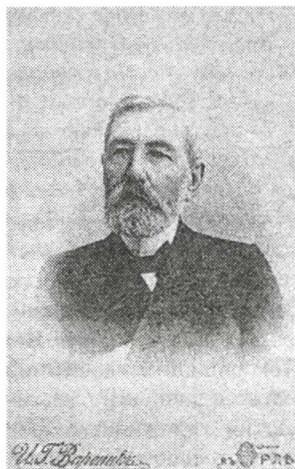
О том, что и как в семье Радуловичей происходило дальше, я узнал благодаря неожиданному знакомству с прямым их потомком – правнуком Валерием Львовичем Чекмарёвым, проживающим в настоящее время в Воронеже. Он познакомился в интернете с некоторыми из моих очерков, а потом и позвонил. Завязалось знакомство, результатом которого стал обмен книгами. Из документальных воспоминаний Валерия Чекмарёва я почерпнул поистине бесценные дополнительные сведения о некоторых героях моих прежних публикаций.

София – не только умная

В его книге «Одноколейка в «Пятьдесят восемью», выпущенной в Воронеже в 2009 году, приведена копия «Свидетельства», выданного Канцелярией Попечителя Московского Учебного округа, из которого удалось восполнить многие сведения по биографии Софии Радулович, бабушки Валерия Чекмарёва.

Итак, родилась она в Орле 26 декабря *(по старому стилю – А.П.)* 1865 года. Образование получила в Орловской частной женской гимназии госпожи Чибисовой. По окончании 7 класса София Владимировна Радулович получила аттестат с отличными оценками и была награждена золотой медалью. Особые успехи уже с детских лет София показывала в ботанике. Сверх того, она *«слушала в дополнительном классе Орловской Николаевской женской гимназии особый специальный курс для лиц, желающих приобрести права на звание домашней наставницы и учительницы по предмету математики»*, что и было ей дозволено 10 октября 1884 года.

По воспоминаниям близких людей, София Радулович, кроме ума, с детства обладала и необыкновенной красотой. Многие поклонники добивались её руки и сердца. Но София выбрала петербургского юриста Александра Волковицкого, за которого и вышла в 1889 году замуж.

**Радулович Владимир
Иванович**

Александр Викторович быстро сделал блестящую карьеру, начав службу с должности секретаря Департамента Сената. Когда же в 1899 году в Петербурге проходил всемирный съезд криминалистов, Волковицкий был его секретарём. Ну а на всяких раутах там блистала его жена-красавица. Вот как описала Софию Волковицкую хорошо знавшая её Наталия Полонская-Василенко: «... *София была удивительно красивая, маленькая, тоненькая, с выточенным профилем и орлиным носом. Замечательные темно-серые глаза были окружены длинными черными ресницами*». К тому же, свою красоту она никогда не портила какой-либо косметикой или завивками.

Волковицкие жили в Петербурге весело и шумно. Но – в дополнение к светскости – София была необыкновенной, буквально, идеальной матерью четырёх дочек-красавиц, младшая из которых, Евгения, оставила тёплые воспоминания о своей семье.

Как и когда состоялось знакомство Волковицких с художником Мясоедовым – точно не известно, но уже с середины 80-ых годов XIX века Григорий Григорьевич стал частым гостем в петербургском доме Волковицких, а потом – и в их имении, в сельце «Неручь (Петровское)», Малоархангельского уезда Орловской губернии. Это была настоящая и крепкая дружба. А вскоре очаровательная головка Софии Волковицкой стала известна посетителям передвижных выставок, ибо каждый раз Мясоедов именно с неё писал разные картины. О самых известных я уже упоминал в начале своего рассказа. Чуть подробнее остановлюсь на работе под названием «Осиротели» (*второе название – «Дама с собакой» - А.П.*).

Посмотри, читатель, на оборотную сторону обложки книги. Довольно большая (вертикальная) картина выполнена в тёмных тонах. На ней – уходящая вдаль осенняя аллея большого парка. На переднем плане молодая женщина со скорбным лицом, у её ног с поникшей головой большой сенбернар. Они недавно потеряли любимого мужа и хозяина – осиротели. Картина хранится в Харьковском художественном музее, и она фактически стала пророческой для героини картины: её любимый муж и отец четырёх дочерей, Александр Викторович Волковицкий скончался, не дожив и до 50 лет.

Сама же София Владимировна ушла в мир иной 6 июля 1941 года. Похоронили её на Коминтерновском кладбище Воронежа, оказавшемся чуть позже в эпицентре жесточайших боёв за город. И потому могила красавицы с картин художника Мясоедова оказалась полностью уничтоженной во время артобстрелов и бомбардировок.

Но большинство картин знаменитого художника с обликом Софии Волковицкой остались целы, и они на века запечатлели облик нашей землячки. Всмотрись в него ещё раз, читатель.

Здесь Мясоедов побывал...

Населённые пункты – как люди: рождаются, растут, стареют и умирают. Вот так и ушёл недавно в историю посёлок Петровский Покровского района, что находился в живописнейшем месте, на берегу речки Неручь, на самой границе со Свердловским районом.

Об этом небольшом селении мало кто знал и в период его процветания, поскольку в советские годы располагался он слишком далеко от основных благ цивилизации. Потому, в конце концов, его и постигла печальная участь.

Сельцо Петровское, оно же – Неручь

Но, оказывается, у просуществовавшего пару сотен лет посёлка – интереснейшая и богатая событиями история. Владельческое сельцо Петровское появилось на свет в самом конце XVIII века. И принадлежало оно вначале капитану Ивану Ивановичу Мацневу, а потом его сыну, надворному советнику Петру Ивановичу – представителям многочисленного дворянского рода, владевшего землями и именьями в Орловском, Малоархангельском, Мценском и Ливенском уездах. От Петра Ивановича сельцо и получило своё первое имя.

Со второй половины XIX века сельцо Петровское чаще именуют как «Неручь» (по названию речки), и оно начинает жить бурной жизнью. Дело в том, что по наследству, как мацневское имение, переходя по женской линии из одних рук в другие, оно досталось в качестве свадебного приданого самой младшей из дочерей героя Отечественной войны 1812 года Дмитрия Петровича Чиркина, Софии Дмитриевне, при её венчании в 1865 году с врачом Владимиром Радуловичем. После смерти Софии

Вид со двора

Дмитриевны и Владимира Владимировича имение «Неручь» в 1906 году перешло к их дочери – Софии Владимировне Волковицкой, той самой красавице с картин Григория Мясоедова, о которой я писал.

Волковицкие и Мясоедов

Вполне возможно, что Григорий Григорьевич познакомился с Волковицкими благодаря их родственнику, Александру Дмитриевичу Чиркину, имение которого находилось неподалёку от Неручи, в сельце Зелёная Гора. Александр Дмитриевич, старший брат Софии Дмитриевны Радулович, неоднократно приезжал в имение Неручь, навещая племянников. Но, он, в дополнение к своим замечательным человеческим качествам, был не просто любезным дядюшкой, но и приличным художником, другом многих передвижников и организатором всех их выставок на протяжении десяти лет. А

поскольку создателем Товарищества передвижных художественных выставок и автором устава этого общества являлся Григорий Мясоедов, то Александр Чиркин не просто с ним общался, но и дружил. И в гости приглашал, где однажды (в Москве или на Орловщине) и состоялась встреча прославленного живописца с Волковицкими.

Григорий Мясоедов в усадьбе Неручь

В самом начале XX века Григорий Мясоедов не раз бывал в имении Неручь, где не только встречался с хозяевами и гостями усадьбы, но и работал над своими картинами. Сохранилась фотография, на которой Григорий Григорьевич изображён на балконе дома в этом имении перед мольбертом с законченным портретом двух племянниц А.Д.Чиркина.

В Неручь на летние каникулы часто приезжали София Владимировна Волковицкая с дочерьми. Портрет самой младшей, 4-летней Евгении (мамы упоминавшегося мною Валерия Чекмарёва), нарисовал однажды Григорий Мясоедов.

Жили-не-тужили...

Усадьба «Неручь» начиналась с мостика через ручей Коротыш и въезда на так называемый «проспект», который извилисто тянулся через всю территорию обширного имения. По обе стороны от «проспекта» располагались разнообразные постройки и насаждения. Деревянный помещичий дом с двух сторон был окружён садами, один из которых вплотную примыкал к речке Неручь.

Проспект

Другой, самый большой, фруктовый сад располагался на границе усадьбы. Отдельно, с правой стороны от «проспекта», были расположены огород и вишенник.

На сенокосе в усадьбе

Птичник, свинарник, псарня, конюшни — хватало в усадьбе и хозяйственных построек, заполненных разнообразной живностью.

Когда сёстры Волковицкие приезжали в имение, то они в полной мере наслаждались деревенской жизнью: собирали грибы и ягоды, засушивали травы для гербариев и постоянно занимались спортом: гимнастикой (для этого была оборудована специальная спортивная площадка), плаванием, греблей, велосипедом и верховой ездой. Надо сказать, конный спорт был в крови в семействе Волковицких, поскольку их родственник Александр Чиркин содержал конный завод рысистых лошадей. И София Владимировна, по его примеру, увлеклась лошадьми, передав свою любовь дочерям. Сохранилось несколько фотографий, на которых молодые девицы, Ольга и Евгения Волковицкие, изображены во время выездки.

Так получилось, что лето переломного 1917 года Волковицкие провели в Неручи достаточно спокойно, сёстры даже усиленно фотографировали виды имения и самих себя (тогда они как раз увлеклись фотографированием). А вот в 1918 году наступили беспокойное время, разворачивалась гражданская война, в деревне становилось беспокойно. Однажды вечером в дом к Софии Владимировне явились местные мужики и посоветовали ей и дочерям уезжать, а не то «всё имение разнесут». Волковицкие собрались быстро и, взяв немного продуктов, кое-что из одежды и документы, навсегда покинули Петровское-Неручь.

Дороги Евгении Волковицкой

У них затем началась совсем другая жизнь, но Волковицкие сумели приспособиться к ней. Жили в Курске, потом в Воронеже. Младшая из дочерей,

Евгения Александровна, та самая, портрет которой в детстве написал Григорий Мясоедов, в конце 20-ых годов вышла замуж за инженера-железнодорожника Льва Чекмарёва. В марте 1937 года у супругов родился сын Валерий. А через месяц Лев Чекмарёв был арестован в числе большой группы железнодорожников и после короткого следствия расстрелян как враг народа. Вскоре была арестована и его жена Евгения Александровна (бывшая Волковицкая). Вместе с грудным ребёнком её отправили в Темниковские лагеря как членов семьи изменников Родины (ЧСИР – так это называлось тогда – А.П.).

Маленький Валера пробыл в лагерях 10 месяцев, а потом его отдали на попечение и воспитание родной тётке, сестре матери, Ольге Александровне. Самой же Евгении Александровне Волковицкой пришлось отсидеть в лагерях полный срок – 8 лет. Последний год с тяжелейшей астмой и эмфиземой лёгких она провела в лагерной больнице.

Помыкалась Евгения Александровна и после выхода из лагеря. Реабилитировали её только в 1954 году, после обращения к Клименту Ворошилову. Вот такой несладкой оказалась жизнь у маленькой красивой девочки с портрета Мясоедова, одной из последних владелиц имения «Неручь».

Уже в 80-ые годы, проживая в Воронеже, попросила Евгения Александровна однажды своего сына Валерия, тоже железнодорожника и тоже хлебнувшего лиха в совсем юные годы («лагерник» в грудном возрасте) отвезти её в родовое имение Волковицких, на речку Неручь.

Вот как описал это Валерий Львович Чекмарёв в своей книге «Одноколейка в «Пятьдесят восьмую»: *«Несмотря на то, что с последнего дня её пребывания в этих местах прошло уже около 70 лет, мы пепелище нашли. Реку Неручь, где при впадении Должанки располагалось имение, мы преодолели вброд...*

Ориентируясь по остаткам цоколя и по чудом уцелевшим нескольким фруктовым деревьям, мама определили примерное местонахождение различных построек, давно уничтоженных людьми, временем и войной.

- Тут был амбар, здесь – конюшня, вот здесь находился большой фруктовый сад, там – свинарник, псарня, - и ещё многое другое перечисляла она. И ещё вспоминала, что господская жизнь и простонародный быт не мешали друг другу...

Передать чувства мамы в этот момент было трудно, она буквально горела и трепетала...»

Женя Волковицкая в 4 года
(портрет работы Г.
Мясоедова, 1904 год.)

По описаниям Евгении Александровны и по её личным наброскам Валерий Чекмарёв сделал схему имения Петровское (Неручь). Вот она перед тобой, читатель.

Несмотря на 8 лагерных лет, трудные испытания послевоенных лет, Евгения Александровна Чекмарёва (Волковицкая) прожила долгую жизнь, не теряя интереса к ней и к своим близким. Она умерла 7 сентября 1994 года и похоронена на Шиловском кладбище города Воронежа.

На память о ней остался портрет работы Григория Мясоедова и фотокарточки 1917 года, на которых запечатлено имение «Неручь». Некоторые из снимков перед тобой, читатель.

Леонид Оболенский – первый орловский дипломат

Ты, читатель, наверняка, слышал об Эрмитаже – крупнейшем в России и одном из крупнейших художественных и культурно-исторических музеев в Европе. Возможно, знакома тебе и фамилия «Пиотровский». Борис Борисович находился во главе Эрмитажа с 1964 по 1990 год, а Михаил Борисович, его сын, тоже известный историк, руководит Эрмитажем в последнее время (вот уже более 20 лет). А знаешь ли ты, уважаемый читатель, кто был пятым (при Советской власти) директором этого замечательного музея? Нет?

«Любви сияньем осветить...»

Оболенский Леонид
Леонидович-старший

Вот о нём, незнакомом до последнего времени орловчанам человеке, и будет мой рассказ. Звали его Леонид Леонидович Оболенский, и родился он в 1873 году в Орле, в семье Леонида Егоровича Оболенского, известного в конце XIX-начале XX века русского философа, социолога, журналиста, писателя, издателя и редактора, о котором шла речь в очерке «Муму» как способ постижения истины.

Все (нет, только основные, пожалуй – А.П.) занятия отца я перечислил недаром. Ведь во многом разносторонность его интересов унаследовал и сын. Правда, в несколько других областях.

Вернусь к одному биографическому моменту нашего героя. Почему до сих пор о нём, как известном земляке, нигде речь не шла? По всей видимости, потому, что место его рождения во всех публикациях, посвящённых ему, отсутствует. Но это место никакого секрета не представляет.

Дело в том, что Леонид Егорович Оболенский одно время серьёзно увлекался революционными идеями.

*Мечтал я душу человека
К сознанию правды пробудить,
Вражду, царящую от века,
Любви сияньем осветить... –*

так писал он в одном из стихотворений. С целью ближе стать к народу, Оболенский поступил секретарём Калужской земской управы, но через три месяца, из-за связей с кружком революционера Каракозова, не только потерял должность, но был арестован и полгода провёл в Петропавловской крепости. Затем его выслали в Буй (*небольшой город в Костромской губернии – А.П.*) под надзор полиции. Здесь, в ссылке, Леонид Егорович познакомился с замечательной девушкой редкой красоты, бывшей крепостной, Настенькой Каледовой. Они полюбили друг друга и вскоре обвенчались. В 1870 году поднадзорный Оболенский получил разрешение вернуться в Орёл, где в течение восьми лет успешно занимался адвокатурой, - но по-прежнему, под полицейским надзором. Увлечённость революционными идеями у Леонида Егоровича как раз в Орле и закончилась.

Вот в этот спокойный и достаточно обеспеченный орловский период родился у молодой пары сын, названный Леонидом (*имя дала мать – в честь отца – А.П.*).

Любитель музыки и специалист по финансам

В 1878 году Оболенским разрешили покинуть Орёл, и они переехали в Петербург, где началась самостоятельная жизнь их сына – Леонида-младшего.

По примеру отца, он поступил на юридический факультет Петербургского университета, но, к удивлению родителей, страстно увлечённый музыкой, одновременно учился композиции у выдающего русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова. И, хотя Леонид Леонидович не стал ни композитором, ни музыкантом, к этому виду искусства все последующие годы он был неравнодушен: несколько лет издавал и редактировал популярные серии оперных либретто и брошюр "Вопросы массовой музыкальной работы", писал статьи, в том числе, – о выдающемся русском композиторе, авторе опер «Юдифь» и «Рогнеда» Александре Николаевиче Серове.

А когда в Советском Союзе в 1930 году проходила I Всероссийская музыкальная конференция и совещание по вопросам музыки, то руководить ею ЦК ВКП (б) поручил именно Леониду Леонидовичу Оболенскому.

Впрочем, это отдельная страничка его биографии. А начиналось у него всё почти так же, как и у отца. По окончании юридического факультета Леонид Оболенский-младший начал работать в провинции, в городе Арзамасе, податным инспектором. Это была важная должность по линии Министерства финансов. Податные инспектора следили за доходностью подлежащих обложению торгов и имуществ, за правильностью платы налогов в губернии. И мог бы Леонид Леонидович сделать себе блестящую карьеру на этом поприще, тем более, к 1913 году стал членом правления Крестьянского Поземельного

Банка и дослужился до чина коллежского советника (*шестой в Табели о рангах, соответствует воинскому званию полковника – А.П.*).

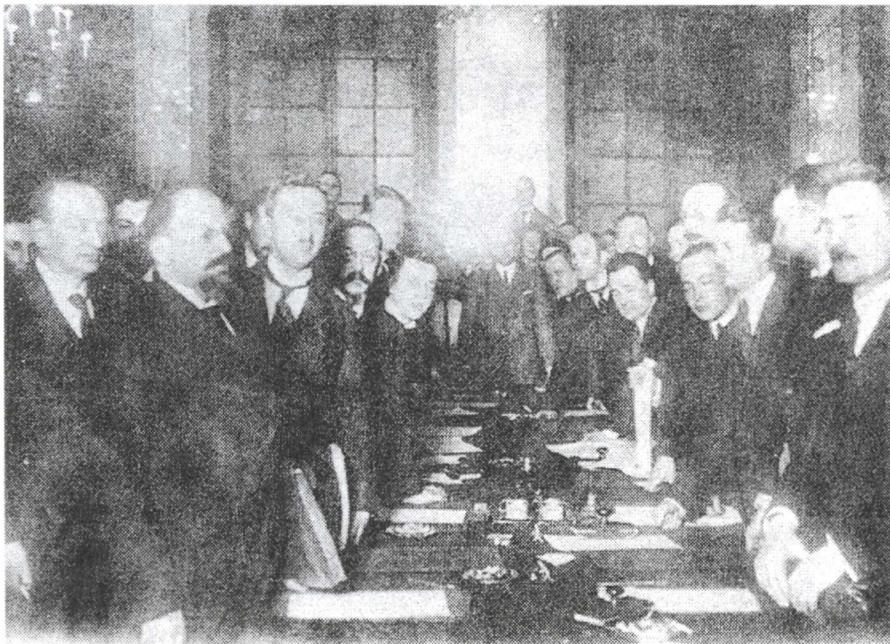
Мирные договоры директора Эрмитажа

Но тут судьба понесла Леонида Оболенского по революционным дорогам. В 1915 году он уже - член РСДРП, правда, её меньшевистского крыла. С государственной службы ушёл. А после революции примкнул к большевикам и как человек талантливый, быстро сделал карьеру: член Пермского губернского комитета РКП (б), казначей 3-ей Красной Армии, заведующий отделом налогов и пошлин Наркомата Финансов РСФСР, член Малого Совнаркома. Всё это шло, в общем-то, в рамках его прежней финансовой деятельности.

Но в 1920 году Леонид Леонидович получает назначение в Наркомат Иностранных дел РСФСР и становится дипломатом высокого ранга.

Когда 12 июля 1920 года в Москве был заключён мирный договор с Литвой, то одним из уполномоченных от Правительства РСФСР, кто поставил под этим важным документом подпись, стал Леонид Леонидович Оболенский.

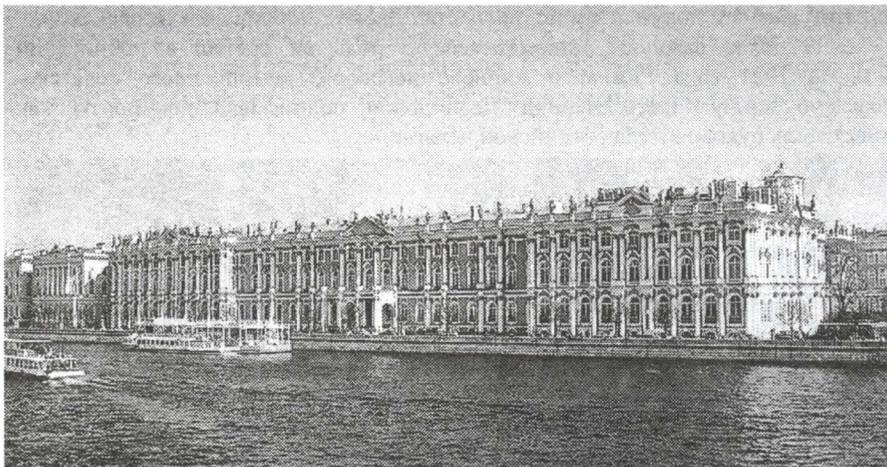
Ещё более важную дипломатическую роль он сыграл в подписании 18 марта 1921 года Рижского мирного договора, завершившего советско-польскую войну. Здесь Леонид Леонидович подписывал документы как заместитель руководителя российской делегации.

Рижский договор 1921 года, крайний слева – Л.Л. Оболенский

Те переговоры с точки зрения современной многие оценивают не однозначно. Ведь они определили новую линию границ между странами. За Польшей оставались западные области Белоруссии и Украины, а РСФСР был обязан выплатить полякам огромную денежную компенсацию, за так называемый, принесённый ущерб в войне. Но не надо забывать об условиях, в которых проходило заключение Рижского договора, и о необходимости налаживания мирных отношений Советской России с другими странами в послереволюционный и послевоенный период.

Дипломатическую деятельность Леонид Оболенский продолжил, участвуя потом в подписании торгового договора между РСФСР, Украиной и Польшей и сменив в Польше в 1923 году Л.М. Карахана на посту советского политического представителя. Эта работа, проделанная им за сравнительно короткий период, позволяет с уверенностью утверждать, что основы нормализации советско-польских отношений были, в значительной степени, заложены нашим земляком в самом начале 20-х годов XX века.

Эрмитаж. Так его выкрасили при Оболенском

А потом Госпожа Судьба снова даёт команду – и Леонид Леонидович Оболенский превращается из успешного дипломата в чиновника от культуры: в 1929 году его назначают начальником Главного управления по делам искусств Народного комиссариата просвещения РСФСР, а вскоре – директором Эрмитажа. В принципе, это его второе «Я», и он только-только начинает разворачивать свою творческую душу.

Как написал в одном из писем его сын, тоже Леонид Леонидович: *«...отец в музее ничего не успел продать и ничего переставить. Успел только покрасить Зимний в бирюзовый цвет, каковым он был до того, как его выкрасили в красно-коричневый, цвета запекшейся крови...»*. К сожалению, большего бывший дипломат Оболенский сделать не успел: он скончался от тяжёлого заболевания в сентябре 1930 года.

Глава четвёртая

Сёла и храмы Орловщины

Алексеевка – княжеское имя *(Покровский район)*

Из десятка населённых пунктов с названием «Алексеевка» на Орловщине самым известным, пожалуй, является село в Покровском районе (Столбечское сельское поселение). Главным образом, потому что именно в окрестностях Алексеевки в феврале-марте 1943 года приняла боевое крещение 16 Литовская Клайпедская Краснознамённая стрелковая дивизия. За месяц боёв здесь, в «Долине смерти», на границе между Покровским и Свердловским районами, она понесла страшные потери (из строя выбыло более половины личного состава, а в некоторых подразделениях – до 75 процентов) и была выведена во второй эшелон для отдыха и пополнения.

Вечным напоминанием о кровавых схватках зимы-весны 1943 года стала братская могила в центре села Алексеевка, в которой нашли последний приют многие литовцы, русские, евреи (в 16 Литовской стрелковой дивизии представители этих трёх национальностей составляли подавляющее большинство). Самое большое на территории Покровского района воинское захоронение (более двух тысяч советских солдат и командиров) со временем превратилось в мемориальный комплекс, на который по торжественным датам обязательно приезжали гости из Литвы. Даже сейчас, уже в новой России, литовцы об Алексеевке не забывают.

Братская могила села Алексеевка

Так получилось, что братская могила тогда, в самый разгар боёв зимы 1943 года появилась в 50 метрах от главной достопримечательности села – Трёхсвятительского храма. В нём разместился с конца февраля 80 отдельный медсанбат. Наверное, очень по-разному чувствовали в церкви раненные воины разных национальностей и вероисповеданий. Но лежали они здесь плечом к плечу. Кто излечился – снова отправился на передовую, а кто скончался в результате тяжелейших ранений – того хоронили поблизости, в братской могиле рядом с Трёхсвятительским храмом.

Уйдя в мир иной, защитники Отечества так ничего и не успели узнать об истории тех российских мест, где они сражались, лили кровь и умирали.

Трёхсвятительский храм

А ведь Алексеевка (чуть раньше – Алексеевское) – село с замечательной, уходящей вглубь веков историей. Само название произошло от имени Алексея Куракина, одного из виднейших деятелей времён Павла I и Александра I. Действительный тайный советник, генерал-прокурор, канцлер российских орденов, видный дипломат, малороссийский губернатор и министр внутренних дел – вот далеко не полный перечень должностей, которые в разные годы занимал Алексей Борисович Куракин. За свои заслуги перед царями и Отечеством он был удостоен многих российских орденов, в том числе – высшего, Святого Андрея Первозванного.

Впрочем, орловчане должны помнить его, в первую очередь, как создателя замечательного по красоте и благолепию имения в селе Куракино

(Малоархангельского уезда). Алексей Борисович, живя в нём многие годы, способствовал его расцвету.

Обширные малоархангельские владения князя включали в себя многие земли и соседние населённые пункты. К ним относилось и сельцо Липовка в 10 верстах от Куракино. В самом начале XIX века в Липовке, по проекту В.А. Бакарева, придворного архитектора князя, начала строиться новая церковь. По преданию, Куракин, сделал это по обету, в честь собственного спасения на охоте, когда его чуть не загрызла стая волков.

В 1828 году храм освятили в честь Святителей Московских Петра, Алексия и Ионы. Один из них был небесным покровителем князя. По его имени и имени самого Куракина с этого времени сельцо Липовка превратилось в село Алексеевское.

Выстроенная Трёхсвятительская церковь была кирпичной, двухпрестольной, с холодным главным храмом и тёплым приделом, обнесена кирпичной оградой с тремя воротами и пятью калитками. Вполне возможно, что на её освящение приехал из своего имения сам князь Куракин.

К приходу села Алексеевки относилась и близлежащая деревня Натальина, названная так по имени жены князя, Натальи Ивановны Куракиной (в девичестве – Головиной).

Алексеевка, Натальина и земли в окрестностях принадлежали Куракиным вплоть до смерти Алексея Борисовича и Натальи Ивановны, а потом перешли к их внукам – Петру и Павлу Петровичам Чичериним, сыновьям младшей дочери Александры.

А уже в 60-е годы XIX века бывшее куракинское имение у наследников Чичериных купил Александр Иванович Колемин. Об этом человеке стоит сказать несколько слов – хотя бы потому, что он был видным чиновником Министерства финансов во времена Александра II.

А.И. Колемин родился 9 февраля 1813 года, получил первоначальное домашнее образование, а потом поступил в знаменитый Царскосельский лицей и закончил его в 1835 году, третьим по рейтингу среди 25 выпускников (*первая серебряная медаль – так были оценены его успехи – А.П.*).

Среди однокашников Колемина были многие известнейшие российские политики и дипломаты, к примеру, Константин Грот, будущий тайный советник, самарский губернатор и создатель системы попечительства о слепых.

Сам Александр Иванович после окончания лицея занялся хозяйственными и местными делами, ведь ему на Рязанщине принадлежало недвижимое имение с более чем 3000 крестьян. Некоторое время он был предводителем дворянства в Спасском уезде Рязанской губернии, действительным членом Лебединского общества сельского хозяйства, а с начала 60-ых годов XIX века пошёл служить по финансовой части.

Именно Александр Колемин как чиновник Министерства финансов стал в 1865 году автором проекта, позволившего найти средства для начинавшегося железнодорожного строительства (строить дороги на гарантированные правительством облигации, выпущенные ранее акции и помещенные преимущественно в Германии).

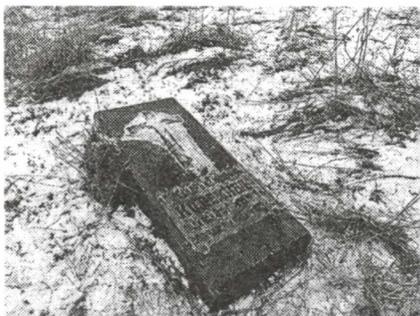
Заслуги Александра Ивановича были отмечены чином действительного статского советника (*в армии – генерал-майорское звание – А.П.*).

Уйдя с государственной службы, Колемин поселился в купленном имении Алексеевское и занял обычной жизнью сельского помещика. Его жена, Мария Александровна, из рода орловских дворян Толстых, была мужу верной опорой и надёжным спутником.

Постоянно, особенно в воскресные и праздничные дни, супруги Колемины посещали Трёхсвятительский храм села Алексеевского и всегда вносили средства на его благоустройство. Когда 7 января 1898 года действительный статский советник скончался, его в церкви отпели и проводили в последний путь - на приходское кладбище.

Так получилось, что об известном человеке, прожившем здесь долгие годы, я узнал совсем недавно. Летом 2013 года на Алексеевском кладбище, основательно заросшем кустарником и старыми раkitами, по инициативе местной сельской администрации, проводилась очистка от древесного мусора. И в одном из глухих уголков погоста обнаружилась старинная надгробная плита – из чёрного мрамора, с хорошо сохранившейся надписью. Цитирую её: *«Александр Иванович Колемин: родился 9 февраля 1813 г, скончался 7 января 1898г.»*

Местный тракторист вытащил плиту на окраину кладбища, где она в настоящее время и находится.

Надгробная плита

После смерти А.И. Колемина его алексеевское имение перешло по наследству к его дочери Марии Александровне, во втором браке – Олив. Сергей Васильевич (Вильгельмович) Олив, видный военный и политический деятель эпохи последнего русского царя, происходил из французских дворян, которые переселились в Россию в самом начале XIX века. Вильгельм-Симон (*Василий Николаевич в русском варианте – А.П.*), стал предводителем дворянства в Таврической губернии. Его сын Сергей Вильгельмович (*Васильевич*) Олив сделал ещё более головокружительную карьеру: прошёл путь от простого офицера гвардии вначале - до флигель-адъютанта, командира 8 драгунского Астраханского Генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полка (в звании полковника), а потом – и до генерала – от – кавалерии, Главноуправляющего ведомством учреждений императрицы Марии Фёдоровны и члена Государственного Совета.

Будучи ещё полковником, в ноябре 1876 года Сергей Вильгельмович женился на Марии Александровне Колеминой. Брак оказался счастливым и многодетным: три дочери и два сына.

Оливы и стали последними владельцами имения в Алексеевке и д. Натальиной. В 1908 году им принадлежало здесь 1544 десятины земли.

Судьба уже русских Олив после революций оказалась достаточно трагической – но это отдельная большая история.

Трёхсвятительская же церковь села Алексеевка сохранилась до настоящего времени. Закрытая в 1932 году и сильно повреждённая, она начала было восстанавливаться в 1986 году – с финансовою помощью из Литвы, но после 1991 года работы замерли. Сейчас храм Петра, Алексия и Ионы терпеливо дожидается благотворителей – новых Куракиных, Чичериных, Колеминых, Олив, способных его восстановить. А рядом с возрождённой церковью обязательно найдётся достойное место и найденной надгробной плите: ведь, наверняка, это знак Божий, который должен нас подтолкнуть к действиям.

Архангельское на Сычах (Урицкий район)

Архангельское сельское поселение – самое большое по числу населённых пунктов в Урицком районе. По данным на 1 января 2011 года, в нём, в 32 деревнях и посёлках проживало 1779 человек. Центром поселения является село Архангельское – одно из древнейших в крае.

Уже с конца XVI века здесь, по обоим берегам речки Орлицы (правого притока Орлика), появилось несколько населённых пунктов, с удивительным для нынешнего времени общим названием «Сычи» (были, к примеру, Сычи Середние, Сычи Третьи и даже – Голодные Сычи – А.П.). Имелся в этих Сычах и погост, а на нём – маленькая деревянная церковь Михаила Архангела, которая и дала название населённому пункту, когда погост (первоначально это слово обозначало центр прихода, с церковью и кладбищем, с домами попа и причта – А.П.), объединился с ближайшей деревней и превратился в село.

Архангельское и его храм благополучно пережили Смуту, став к началу XVIII века центром большого прихода из полутора десятков деревень, в которых проживали, в основном, потомки служилых людей на окраине Русского государства. К середине XVIII века в приходе уже насчитывалось почти 200 дворов, а Михаило-Архангельская церковь стала двустатной (служили в ней два батюшки, каждый – со своими помощниками – А.П.).

К этому времени первый деревянный храм из-за ветхости пришёл в негодность, и в 1753 году, «тщанием прихожан», была выстроена новая деревянная, но крепкая церковь с колокольной. В ней теперь стало два придела – во имя Святого Архистратига Михаила и во имя Святых праведных Захария и Елисаветы. А вот что ещё было сказано в «Ведомости о церкви» (дело 3473 из фонда 101 Государственного архива Орловской области): «Земли при сей церкви усадебной – 1300 сажень, пашенной и сенокосной – 65 десятин 2280 сажень... Землю обрабатывают сами священнослужители. Дома у священнослужителей – собственные, деревянные, на владельческой земле. На содержание священников жалования не положено, содержание их посредственно».

Но батюшки не жаловались, а верою и правдою служили – Богу и прихожанам. К примеру, священник Павел Ржавский исполнял свои обязанности в Михаило-Архангельской церкви более 45 лет – с 1793 по 1839 год. Епархиальное начальство отметило его за усердие бронзовым крестом на Владимирской ленте.

Божественную эстафету от отца Павла подхватили другие батюшки: Фёдор Орлов, Алексей Адамов и – удивительное совпадение имён – Иоанн Архангельский, который служил в Михаило-Архангельском храме в середине XIX века. А в первом десятилетии века XX-го с прихожанами вели спасительные беседы отцы Иоанн Болтенков и Николай Булгаков.

Приходские деревни Архангельской церкви находились в составе сразу трёх соседних волостей и двух уездов Орловской губернии. Прихожане из деревень Головина, Гуляева, Кривцова, Маркова, Радомль, Терехова, Чиркина

относились к Рябинкинской волости Болховского уезда. Деревни Алексеевка и Селихова входили в Богдановскую волость Орловского уезда. И наибольшее количество прихожан храма проживало в самом селе Архангельском и деревнях Талызинской волости Орловского уезда – в Грачёвке, Галкиной, Квасовой, Кошелевой, Курниковой, Лукиной, Роге, Шаховой и селце Юшино.

Большинство посещавших Михаило-Архангельскую церковь принадлежали к государственным (казённым) крестьянам (бывшим однодворцам и служилым людям). Относились к ним и мои предки по материнской линии, проживавшие в однодворческой (а потом – государственной) деревне Курникова, находившейся в пяти верстах от села Архангельского.

Метрических книг и исповедных книг по Михаило-Архангельскому храму в Государственном архиве Орловской области сохранилось довольно много, поэтому, усердно роюсь в них, я сумел проследить свою родословную до 80-х годов XVIII века. Именно тогда, в 1785 и 1788 годах были крещены в Михаило-Архангельском храме села Архангельского мои шуры (*предки в пятом колене – А.П.*) Иван Флоров (*так написано, правильнее – Фролов – А.П.*) Долгов и Борис Григорьев Торшин. Представители только двух фамилий – Долговых и

Сергей Алексеевич
Христианович

Торшиных – и жили тогда в деревне Курниковой. Нашёл я в метрических книгах церкви дату смерти своего прадеда – Якова Фёдоровича Долгова, крестьянина из этой деревни. Он скончался 17 июня 1916 года, в разгар Первой Мировой войны. Яков Фёдорович, как и другие мои курниковские предки, нашёл вечный покой на приходском кладбище села Архангельского.

Впрочем, к Михаило-Архангельскому храму имели отношение не только крестьяне, но и местные помещики из известнейших на Орловщине дворянских фамилий – Абаза, Воейковы, Житковы, Могилевичи, Нарышкины, Христиановичи.

Когда 14 сентября 1908 года у помещика селца Юшино, отставного коллежского асессора и потомственного дворянина Алексея Николаевича Христиановича и его жены Александры Николаевны родилась дочь Ксения, то её крестным отцом на церемонии в Михаило-Архангельском храме стал сенатор, член Государственного Совета Александр Алексеевич Нарышкин, имевший имение в соседнем селе.

Христиановичи и Нарышкины дружили семьями, как бы сейчас сказали. И хотя юрист А.А. Нарышкин являлся политической величиной российского масштаба, а юрист А.Н. Христианович был всего лишь гласным Орловского уездного земства и почётным мировым судьёй 5-го участка Орловского уезда, это не мешало им тесно общаться.

Мне не удалось обнаружить в метрических книгах упоминание о рождении на нашей земле Сергея, второго ребёнка помещиков Христиановичей и будущего выдающегося советского и российского учёного, Героя Социалистического труда, кавалера шести орденов Ленина и лауреата трёх Сталинских премий, автора многочисленных научных открытий и изобретений в области физики, механики и военного дела. Но даже если Сергей Христианович родился не в Юшино, то всё своё детство он провёл здесь, посещая и уютный архангельский храм *(до него – каких-нибудь две версты – А.П.)*.

Сергей Христианович в детстве

От того времени чудом сохранилась одна фотография, на которой в Юшино сняты мама, Александра Николаевна Христианович, бонна-учительница (обучавшая детей французскому и немецкому языку) и дети: Сергей, Ксения и её подруга *(смотри фото, читатель)*.

Взлёт научной карьеры Сергея Христиановича потрясает воображение: доктор физико-математических и доктор технических наук в 30 лет *(одновременно защитил две докторские диссертации, что и до сих пор является непревзойдённым рекордом – А.П.)*, член-корреспондент Академии Наук СССР в 31 год, руководитель ЦАГИ – в 32 *(в этот институт, отвечавший за развитие авиапромышленности в стране, его*

назначил лично Сталин – А.П.); действительный член АН (академик) - в 35 лет.

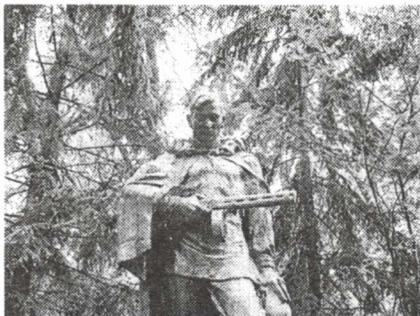
Кроме основной работы, Сергей Алексеевич успевал вести и важные параллельные исследования. Так, осенью 1941 года (шла война) им и его коллегами была выполнена работа, внесшая большой вклад в Победу, - решена проблема увеличения кучности стрельбы «Катюш». Он же разработал форму советской атомной бомбы и теорию её безопасного сброса. Велика заслуга Христиановича и в разработке аэродинамических свойств зенитной управляемой ракеты «С-25», той самой, которой сбили американского шпиона Пауэрса.

И, пожалуй, достаточно о вкладе в науку этого выдающегося Механика современности, чьи работы широко используются во многих отраслях современного производства. Для тех, кто хочет узнать больше, отсылаю к многочисленным интернетским материалам, посвящённым ему.

Да, такие вот люди жили в селе Архангельское и окрестностях.

В годы Великой Отечественной войны архангельцы дольше других орловчан (22 месяца) познавали на себе все ужасы и зверства оккупантов. Всей Орловщине известна трагедия небольшой деревни Колпачки Архангельского сельсовета. Почти все жители её, обвинённые гитлеровцами в помощи Красной Армии, были расстреляны. После войны деревня так и не возродилась. В конце 80-х – начале 90-х годов XX века здесь, на общественные средства, по замыслу орловских красеведов Григория Лазарева (в те годы – редактора Урицкой районной газеты) и Анатолия Кузьмина, был сооружён мемориал «Убитая деревня», ставший «материальным воплощением памяти каждому дому и каждому жителю деревни».

Самому селу Архангельское повезло больше, хотя часть строений и была фашистами сожжена при отступлении. В населенном пункте в августе стоял один из прифронтовых госпиталей – ХППГ – 5252. Умершие во время нахождения в нём командиры и бойцы Красной Армии - капитан Закуражнов, младшие лейтенанты Гопша, Поплавский, Хильчевский, старшина Попов, сержанты Борисов, Молодцов, рядовые Багайдаров, Безбородко, Мохрин и Протасов – были похоронены на сельском кладбище, неподалёку от Михаило-Архангельской церкви.

Памятник погибшим освободителям
села Архангельское

Так уж получилось, что памятник погибшим освободителям села Архангельское и окрестных деревень как бы заменил уничтоженный в послевоенные годы храм. Когда прошлым летом, в очередной раз, я посетил кладбище моих предков, то меня поразил этот обелиск: прямо на руке воина-освободителя, печально склонившего голову в память о погибших, но, по-прежнему, крепко держащего автомат, архангельская птичка свила гнездо и вывела там птенцов. Да, птенцов, что взлетели вскоре в небеса, - туда, куда

отправились ещё раньше души строителей Михаило-Архангельского храма, тысяч местных жителей и их освободителей.

Вечная им память!

Архарово и архаровцы *(Малоархангельский район)*

Есть на Орловщине сёла и храмы, которые даже в самые мрачные периоды гонений на православную церковь, оставались на слуху у прихожан и продолжали верой и правдой распространять Слово Божие среди людей православных.

Село Архарово и его Свято-Покровский храм были хорошо известны в 40–60-е годы XX века не только в своём Малоархангельском, но и в соседних Покровском, Глазуновском, Колпнянском, Верховском, Ливенском районах потому, что именно сюда, в единственную действующую в те времена в здешних краях сельскую церковь, приезжали родители - крестить младенцев и свадебные пары - венчаться (реже здесь отпевали покойников, слишком заметная была процедура – А.П.). Потом ещё раз (последний) закрывали Покровский храм, а с 1980 года (снова раньше многих других – А.П.) церковь села Архарово вот уже более 30 лет исправно принимает прихожан под свои намоленные за два века стены.

Вид на село Архарово и Свято-Покровский храм с самолёта

Я долго думал, почему именно Свято-Покровский храм оказался таким «избранным Богом», тогда как десятки других церквей давно исчезли с карты Орловщины. К тому же, даже само название жителей села «архаровцами» вызывало у соседей много вопросов. Это крылатое выражение, существующее в русском языке и по сию пору, современные толкователи расшифровывают так: *1. устаревшее прозвище русских полицейских; 2. хулиган, буйан, озорник, отчаянный, беспутный человек* (разговорное, просторечное – А.П.). Появилось же словечко благодаря военному губернатору Москвы Ивану Петровичу Архарову. Беспечно набранные им полицейские драгуны оказались такими головорезами и так плохо ладили с законом, что в московском быту утвердилось понятие «архаровцы».

Архаровцы ловили не только воров, не гнушались они и добром честных людей. Потому и слово это в русском языке имеет вовсе не положительный смысл.

Мне пришлось объяснить это тебе, читатель, не просто так, а потому что военный губернатор Москвы (в самом конце XVIII века, при императоре Павле I – А.П.), генерал от инфантерии Иван Петрович Архаров, оказывается, был орловским помещиком, владельцем сотен десятин земли в окрестностях современного села Архарово, которое именно крутому генералу обязано своим названием.

Но, в отличие от его, московских, буйных архаровцев, хулиганов и озорников, нарушителей закона наши, орловские, хоть и являлись их полными тёзками, отличались совсем в других делах – прежде всего, богоугодных. Думаю, именно благодаря им, их вере, Свято-Покровский храм всегда оставался оплотом православия в здешних краях, и его не смогли даже в «худые годы» уничтожить тёмные силы.

Много настоящих «ревнителей благочестия» проявилось на архаровской земле, обо всех рассказать невозможно, но о некоторых поведать нужно обязательно.

«И зимой, и летом ходила эта юродивая босиком, полуодетая, имущества никакого не имела, кроме единственной иконы Казанской Божией Матери, а если случайно кто давал ей денег, то она тотчас же жертвовала их на храм. Слухи о необыкновенной жизни скоро проникли в народ, и к ней стали обращаться люди, искавшие у неё совета и утешения...

За свою долголетнюю жизнь она несколько раз побывала в Иерусалиме и посещала часто отечественные монастыри и другие святые места. Зимой и летом... зачастую ночевала в открытом поле или же в лесу. «Но Господь хранил меня, — говорила она, — и от людей, и от зверя, и от холода и мороза. Имя её было известно не только в Орловской, но и в других губерниях».

Звали эту женщину в миру Анна Андреевна, а вторую половину жизни она прожила как схимонахиня Евфросиния. Родилась же она ровно 200 лет назад в селе Архарово, а в 2014 году исполнилось 120 лет со дня её ухода в мир небесный. Могила схимонахини Евфросинии – на кладбище села Архарова, совсем недалеко от храма, который она часто посещала. Эти сведения об

архаровской подвижнице я взял из «Семейной хроники Амвросиевой женской пустыни 1912 года».

А недалеко от могилы схимонахини Евфросинии, на том же Архаровском кладбище, находится захоронение ещё одного архаровского юродивого — Романа Сиротина. Он родился в 1855 году и прожил долгую жизнь, большую часть которой провёл в родном селе.

Казначей Свято-Покровского храма Мария Дмитриевна Зорина в свое время успела расспросить людей, знавших его, и написала «Житие блаженного Романа Христа ради юродивого Архаровского подвижника 19-го столетия».

Вот что, к примеру, рассказала Марии Дмитриевне — бывшая староста Покровской церкви Евдокия Федоровна:

«В 1938 г. я родила сына и несла его в Храм на причастие. По пути повстречала Блаженного Романа. Мы его очень уважали и радовались, когда доводилось видеть его. «Роман Тихонович,— сказала я,— а у меня сын родился!» — «На горе-то», — быстро ответил юродивый и поспешил уйти. Время показало, что подвижник не ошибся. Я рано овдовела (муж погиб на войне), работала день и ночь, мало уделяла внимания воспитанию сына. В молодые годы он попал в тюрьму, сидел несколько раз, проведя в заключении 23 года. Сыну не было еще и пятидесяти, когда его убили...

Блаженный никогда не говорил неправды, за что пользовался особым уважением.

У могилы Блаженного Романа

Во время войны Роман заходил в некоторые дома, ложился на лавку, скрестив руки на груди. Домочадцы понимали, что с их родственником на фронте случится беда...

Про блаженного до сих пор можно услышать истории в любом доме села Архарово. Говорили также, что Роман Тихонов читает мысли...

Дата смерти блаженного неизвестна. Его могилка находится в тенистом уголке архаровского кладбища. К гробовому камню с выбитым на нем крестом ведет широкая дорожка: люди приходят сюда, чтобы взять землячки. Говорят, она помогает в различных жизненных ситуациях».

Но если о юродивых, оставивших заметный след на архаровской земле, мы узнали благодаря письменным источникам, то настоятель Покровской церкви, отец Дмитрий, ушедший из жизни 15 лет назад, был известен здесь каждому окрестному жителю.

Могилы отца Дмитрия Зорина и его жены у стен Покровского храма

Его дочь, Мария Дмитриевна Зорина, вспоминала: «Когда мы прибыли в Архарово, то увидели полное запустение. Красивейший храм из красного кирпича был весь в выбоинах, на крыше росли березки. Мы приехали сюда десятого декабря 1979 года, на Знаменье. Одиннадцатого отец уже служил. Отец привел в порядок церковь, залил бетоном три придела. А ведь как это непросто. Нужно было наносить песок, щебень, все сами. Сделали двери, построили домик, в котором мы живем, да еще много чего. Территория храма — 70 соток, поставили ограду. Когда приезжал архиерей, отец всегда встречал его в рабочей форме. Помню, работаем,

я его прошу: “Давай вечернюю службу не в пять, а в половине шестого начнем, хоть отдохнем немного”. “Нет, сначала все сделаем, потом отдыхать будем”.

Отец поставил леса, чтобы штукатурить храм и забрался на самый верх. Это было в 90-м году тридцатого сентября на праздник Веры, Надежды, Любви. Наверху о. Дмитрий потерял сознание и упал с высоты десять метров. За два метра до земли, он ударился о перекладину лесов, перевернулся и стал на ноги, отделавшись сломанными ребрами. Две недели всего и выдержал в больнице — не мог не служить. Однажды о. Дмитрию нужно было ехать на кладбище, его вызвался подвезти деревенский мужик. Только отец хотел сесть в телегу, как мужик стеганул лошадь, телега поехала, отец упал и сломал ногу. Так и служил — на костылях. Не помню, чтобы у отца был отпуск. “Какой отпуск?— говорил он, — мы и так служим по выходным и праздникам”. Дни рождения он никогда не отмечал, для него главными вещами в жизни были труд и вера. Служил отец, пока были силы». Умер отец Дмитрий Зорин в ноябре 1998 года.

С 2000 года все заботы о Свято-Покровском храме взял на себя приехавший в Архарово иеромонах Ефрем, ставший вскоре настоятелем. Он, с помощью добровольных помощников реконструировал пол, заменив цементное покрытие напольной плиткой, стал проводить ремонтные работы изнутри и снаружи церкви. Чтобы ремонт шёл быстрее, были приобретены бетономешалка, шлифовальная машина, бензопила, электрорубанок. Появились в храме новые иконы, создан приходской совет. Во владение церкви бывшим колхозом им. Куйбышева были пожертвованы здания, занимаемые раньше детским садом и правлением хозяйства. Сейчас тут гостиница для православных.

В работе отцу Ефрему, по мере своих сил, помогает Мария Дмитриевна Зорина, диакон Дмитрий и добровольцы из числа православных паломников.

Основная часть ремонтных работ в храме уже завершена, привезены недавно новые большие колокола для отремонтированной колокольни. Отец Ефрем верит, что они зазвонят так, что их услышат многие-многие и, может быть, сбудется тогда легенда, бытующая в Архарово с незапамятных времён. Откроются мощи святых, захороненных на местном кладбище, и паломники со всего света придут сюда, и начнется новая страница в истории Покровского храма. Какая? Время покажет.

Это странное слово – Березуй *(Болховский район)*

О герое русско-турецкой войны 1877-1878 годов Василии Лаврове на Орловщине слышали многие. Он родился 27 апреля 1837 года (в некоторых источниках назван 1838 год – А.П.) в семье служилого дворянина в Елифановском уезде Тульской губернии. После окончания с отличием в 1855 году школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров прапорщик Василий Лавров поступил на службу в лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк.

Потом была учёба в Николаевской академии Генерального штаба и служба в штабе Гвардейского корпуса. 12 января 1863 года, в чине штабс-капитана,

Василий Лавров был командирован в Северо-Западный край в распоряжение генерала Н.Ганецкого. Состоя при штабе 2-й гвардейской пехотной дивизии, молодой офицер участвовал в сражениях с польскими повстанцами при Гудишках и Шнуркишках (в последнем получил ранение) и за отличие в них был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В 1866 году Василий Лавров познакомился с Марией Александровной Погребовой — дочерью известного купца и сделал ей предложение руки и сердца. Медовый месяц после свадьбы молодые проводили в сельце Кривцово - имении Лавровых в Болховском уезде - и в Париже. В 1867 году у Лавровых родился сын, в 1871 — дочь Елизавета (*её портрет работы И. Репина хранится в Русском Музее – А.П.*).

30 августа 1875 года Лавров был произведён в генерал-майоры, а в сентябре 1876 года назначен командиром лейб-гвардии Финляндского полка, в составе которого он участвовал в боях с польскими повстанцами.

В конце августа 1877 года Василий Николаевич во главе своего полка прибыл в город Яссы, где собралась вся 2-я гвардейская пехотная дивизия, в состав которой входил Лейб-гвардии Финляндский полк. Отсюда дивизия совершила 42-дневный пеший марш на 600 вёрст до позиций у Горного Дубняка. Сохранилось письмо Лаврова об этом переходе:

"Вчера мы шли с 6 часов утра до 6 часов вечера и все-таки, несмотря на невероятную усталость, вошли в город с музыкой..." Чтобы ободрить и подать пример своим войскам, Василий Николаевич шёл во главе своего полка пешком.

12 октября 1877 года, в 9 часов утра войска генерала И.В. Гурко начали штурм укрепления турок у села Горный Дубняк. Позиция неприятеля была крайне выгодной – высота на ровной площадке, господствующая над окружающей местностью.

Лейб-гвардии Финляндскому полку генерала Лаврова предстояла очень трудная задача - пересечь открытую, прекрасно простреливаемую турками поляну шириной порядка 500 шагов. Лавров принял решение сделать это бегом и сам повёл солдат в атаку. Бой был страшным. Из воспоминаний участников:

«адский, потрясающий огонь... что-то чудовищное, уничтожающее...» (участник штурма А. Пузыревский);

«Бойня... резня... ад огня...» (полковник Г.П. Шмидт, сменивший В.Н. Лаврова на посту командира лейб-гвардии Финляндского полка после ранения последнего).

Несколько приступов были неудачными, потери в этом жестоком бою составили, по разным оценкам, до 3 600 человек убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести.

И тогда генерал Лавров вновь решил вдохновить бойцов примером. *«Молодцы! Сейчас пойдем в атаку. Когда я взмахну саблей и крикну «ура!» — смотрите все за мной»,* — обратился он к солдатам и устремился вперёд. Не

добежав 50 метров до турецкого редута, генерал упал от двух пулевых попаданий. Но полк, вдохновлённый своим командиром, задачу выполнил.

Накануне этого рокового боя, предчувствуя беду, Лавров написал письмо жене: *«Через час мы идем в дело, если мне не суждено будет остаться живым, то посылаю тебе это прощальное слово. Благодарю тебя за то счастье, которое ты мне доставила, умру, произнеся твое имя с последним вздохом, - люблю тебя, как может только любить человеческое сердце. Да хранит тебя и детей Господь Бог, да составят они твое счастье и утешение. – Благословляю Вас. Меня похорони в Кривцово. Ваш на земле и за гробом. Вас. Лавров».*

Выполняя волю мужа, его 30-летняя вдова Мария Александровна две недели сопровождала гроб с телом героя-генерала из Болгарии в Болховский уезд, в родовое имение Лавровых.

А теперь мне придётся сделать некоторые уточнения. Дело в том, что во многих источниках и справочных статьях о генерале Василии Лаврове сказано, что похоронили его в склепе Кривцовской церкви. Однако это не совсем так.

Приходская церковь помещиков Лавровых находилась не в Кривцово, а в селе Березуй. Да, существовало в XIX-начале XX века в Болховском уезде уникальное село, причисленное к духовному ведомству. Оно живописно размещалось в 20 верстах к востоку от города Болхова на крутом берегу реки Березуя – притока Оки. Вообще, на этой небольшой (30 километров протяжённостью) речке имелось в середине XIX века 12 населённых пунктов. Село Березуй было среди них самым маленьким. В нём находилась церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, и стояло всего три жилых двора, в которых насчитывалось 13 человек из семей священно- и церковнослужителей.

Строителем Введенского храма, освящённого в 1829 году, был дед павшего в сражении с турками генерала – В.И. Лавров. Приход у церкви был небольшой: около 900 душ жителей обоего пола из самого села Березуй и четырёх окрестных деревень – Кривцово, Сивковой, Тросны и Толкачёвой. Службы вели священнослужитель и один причетник.

Вот сюда, в Березуй, к небольшой однопрестольной церкви, и привезла убитая горем вдова Мария Лаврова тело своего незабвенного мужа. В метрической книге Введенского храма за 1877 год, имеется запись, что *«14 октября 1877 года скончался от ран, полученных на поле брани, командир Лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майор Василий Николаевич Лавров, 39 лет. Похоронен 30 октября».* Отпели генерала, при большом стечении народа из окрестных деревень, священник села Березуй Алексей Попов с причетником Василием Никольским.

После прощания с покойным гроб с телом Василия Николаевича Лаврова поместили в семейный склеп, располагавшийся с правой стороны храма Введения.

Родовое имение Лавровых, село Кривцово, находилось в версте от Березуя, и не на реке, а на прудах. Там с момента похорон любимого мужа

поселилась на постоянное жительство его вдова Мария Александровна Лаврова, посвятившая отныне жизнь Богу, ведению хозяйства и помощи местным жителям.

В 1880 году она выделила большую сумму денег на обновление храма в селе Березуе: стены его были оштукатурены, пол переделан, поставили новый иконостас и построили дом для священнослужителей.

В селце же Кривцово Мария Александровна Лаврова устроила земскую больницу и начальное сельское училище, преобразованное затем в двухклассное Лавровское училище. Благотворительница же затем открыла другую школу после преобразования первой. Просветительская деятельность Марии Александровны способствовала тому, что местные крестьяне были «расположены к грамотности без всяких предубеждений».

Не забывала никогда помещица Лаврова о Введенском храме. В 1901 году она ещё раз пожертвовала большие средства на его повторный ремонт. И кто бы ни был настоятелем церкви – Мария Александровна всегда приходила батюшкам на помощь, если они нуждались в чём-то.

После революции имение Лавровой было национализировано, и вдове-генеральше пришлось покинуть такие дорогие ей места и уехать в Петроград, к дочери Елизавете и внуку, известному потом учёному-востоковеду А.Н. Болдыреву. Там, в Петрограде, Мария Александровна вскоре скончалась.

Что касается Введенской церкви, то с 1889 до 1919 года службы в ней в течение 30 лет вели только два батюшки – Александр Поликарпов и Фёдор Турбин, а помогал им все эти годы псаломщик Михаил Самоцветов.

В конце 20-х – начале 30-х годов церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы в Березуе была закрыта и подверглась безжалостному грабежу. Посягнули мародёры и на склеп генерала Лаврова. В результате прах Василия Николаевича был перенесён тогда в другое захоронение – в нескольких десятках метров от церкви.

В период Великой Отечественной войны в здешних местах весь 1942 год и первую половину 1943 года шли кровопролитные бои. От многих деревень тогда остались только воспоминания да головешки от

домов. Маленькое село Березуй перестало существовать, а вскоре не осталось ничего и от его Введенской церкви.

Когда же в 70-е годы XX века создавался в окрестностях Кривцово, на месте страшных боёв и наших огромных потерь, величественный Кривцовский воинский мемориал, почти никто и не помнил о селе Березуе. А на существовавшую в нём церковь перенесли близлежащее название. Так Введенская церковь стала тоже Кривцовской.

Затерянное в зарослях бурьяна вторичное захоронение генерал-майора Василия Лаврова, благодаря усилиям замечательного болховского журналиста и краеведа Александра Венедиктова и орловского архитектора Сергея Ивановича Фёдорова было найдено, и прах героя русско-турецкой войны 7 сентября 1978 года был перенесён в третий раз. Теперь могила Василия Лаврова с установленным на ней бюстом работы скульптора В.Н. Басарева и архитектора С.И. Федорова находится рядом с Кривцовским мемориалом. Но очень жаль, что само место Березуйского храма найти теперь непросто. А ведь, по словам того же профессора С.Фёдорова, рядом с ним в зарослях бурьяна оставались ещё сохранявшиеся в 70-е годы надгробные плиты помещиков Лавровых.

Просто Глыбочка *(Шаблыкинский район)*

На самом западе Шаблыкинского района, уже на границе с Брянской областью, уютно расположилось неподалёку от речки Навли старинное село с очень необычным названием – *Глыбочки* (входящее в состав Сомовского сельского поселения – *А.П.*). Вообще-то, долгое время оно именовалось чуть иначе – *Глыбочка* (да и до сих пор в разговоре местные жители его называют так – *А.П.*). В русском языке «глыбой» называют «*большой бесформенный обломок твёрдого вещества или плотной массы*», а «*глыбочка*», таким образом, - уменьшительное от слова «глыба». Но как и когда появилось название села – история сведений не сохранила.

В масштабах всей Орловщины едва ли кто слышал об этом населённом пункте. Но некоторые жители Шаблыкинского района, конечно же, знают об уроженце села Глыбочка Михаиле Петровиче Варфоломееве, артиллеристе, удостоенном за свои подвиги в годы Великой Отечественной войны ордена Славы всех трёх степеней.

Наводчик, а потом командир 45-мм орудия, Михаил Варфоломеев умудрился все свои награды получить за отличия при форсировании крупнейших рек Европы – Дона, Днепра, Днестра, Южного Буга и Одера. Если посчитать все его подвиги только на переправах, то (согласно данным наградных листов) получится, что он со своей «сорокопяткой» уничтожил 14 вражеских пулемётных точек, 2 миномёта, отразив 9 ожесточённых контактов противника и уничтожив при этом свыше 300 гитлеровцев.

А то, как действовал гвардии старший сержант Варфоломеев на заключительном этапе войны, описал командир 175 гвардейского стрелкового Висленского полка, гвардии подполковник Гордеев:

Варфоломеев Михаил
Петрович

«23 января 1945 года, при форсировании реки Одер в районе села Деберн (Оптельский округ – Германия) товарищ Варфоломеев вместе со своим орудием первым переправился на левый берег. Несмотря на сильный артиллерийско-миномётный и пулемётный огонь противника, бомбёжку с воздуха, он быстро установил орудие и стал расстреливать немецкую пехоту. Когда из строя вышли наводчик и замковый, товарищ Варфоломеев сам встал к орудию и отбил три контратаки противника, причём, уничтожил свыше 60 немецких солдат и офицеров. Смелыми, решительными действиями он помог переправиться нашим подразделениям и отбить все контратаки.

24 января противник пытался любой ценой столкнуть наши подразделения в Одер и непрерывно предпринимал контратаки превосходящими силами пехоты и танков. Когда противник подошёл вплотную к деревне Фишбах и на 20 метров приблизился к огневой позиции, товарищ Варфоломеев поднял расчёт в атаку и в рукопашной схватке перебил наступающих немцев. Через некоторое время противник возобновил контратаку с участием танков и бронемашин. Стойко отстаивая занятый рубеж, товарищ Варфоломеев подбил три бронемшины и уничтожил до 140 немецких солдат и офицеров. Все контратаки врага были расчётом отбиты, плацдарм был прочно завоёван».

Любопытно, что трижды за очередные подвиги командир полка представлял его к трём разным орденам – Отечественной войны II степени, Красной Звезды и Красного Знамени, но вышестоящее начальство последовательно меняя полученные представления на Славу – III, II и I степени, пока Михаил Варфоломеев не стал полным кавалером этого солдатского ордена.

Вот таким был Герой из села Глыбочка. После войны Михаил Петрович жил в Кишинёве, и сведений об этом периоде, к сожалению, у меня нет.

Среди уроженцев села Глыбочка есть ещё один участник Великой Отечественной, танкист Василий Лазутин. Он был награждён несколькими орденами (среди них – три ордена Красного Знамени). Василий Тихонович принимал участие в освобождении Орловщины, сёл и деревень Знаменского и

Хотынецкого района, находившихся в 30-40 километрах от его родной Глыбочки.

В послевоенный период В.Т.Лазутин дослужился до звания генерал-майора бронетанковых войск. Скончался Василий Тихонович в 1973 году, и похоронили его на Головинском кладбище (*северо-запад Москвы, по Головинскому шоссе – А.П.*).

Два прославивших Глыбочку уроженца нашли свой последний приют далеко от родных мест. Но о них, по крайней мере, мы помним.

А теперь я расскажу о том, что забыто, но что долгие-долгие годы составляло красу и гордость Глыбочки: о её замечательной церкви и людях, которые связаны с нею. Каменный храм Успения Пресвятой Богородицы был построен в 1769 году на средства местного помещика Афанасия Ивановича Львова, участника войн с Турцией и Польшей, тайного советника и обер-прокурора Святейшего Синода в 1753-1758 годах. Афанасий Иванович происходил из известнейшего дворянского рода Львовых и «прославился» на своей должности тем, что пытался подчинить епархиальные учреждения обер-прокурорскому надзору, что привело к серьёзному конфликту с представителями высшего духовенства. Императрица Елизавета Петровна была вынуждена уволить его со службы в апреле 1762 года, после чего Львов поселился в своём имении Глыбочка и последние годы жизни посвятил Богу. После его смерти, по завещанию и с разрешения епископа Севского и Брянского Кирилла, тело Афанасия Ивановича Львова было погребено в Успенском храме, в специально оборудованном склепе.

Богугодную деятельность бывшего Обер-прокурора Святейшего Синода продолжила его родная внучка Екатерина, судьба которой первое время катилась золотой колесницей. Единственная наследница карачевского помещика Николая Львова (*село Глыбочка находилось на территории этого уезда – А.П.*), она вышла замуж по любви – за храброго и удачливого полковника Петра Эссена, которого ценили три российских императора. Павел I в течение всего лишь двух лет произвёл Эссена сначала в генерал-майоры, а потом – в генерал-лейтенанты.

При Александре I он стал генералом от инфантерии (*пехоты – А.П.*), дважды удостоивался награждения золотым оружием, и проявил себя в качестве военного губернатора, успешно управляя Оренбургским краем.

На время же правления Николая I пришёлся пик карьеры Петра Кирилловича Эссена: он был назначен Петербургским военным генерал-губернатором, став (почти одновременно) членом Государственного совета, а вскоре указом императора был возведен в графское Российской Империи достоинство. Храброго и удачливого генерала Эссена хорошо знали и уважали великие русские полководцы Суворов и Кутузов – и очень любила жена, Екатерина Николаевна. У Эссенов родилось двое детей: сын Александр и дочь, тоже Александра.

Сын, как и отец, выбрал военную стезю, на которой быстро продвигался по чинам. В сентябре 1828 года полковник лейб-гвардии Измайловского полка

Александр Эссен, участвуя в русско-турецкой войне, был убит во время осады русскими войсками города Варна, так и не успев жениться и не оставив наследников.

Пётр Кириллович Эссен (портрет художников мастерской Д. Доу, Военная Галерея Зимнего дворца)

Екатерина Николаевна Эссен, похоронив сына, уехала из Санкт-Петербурга в село Глыбочка и почти год прожила здесь, молясь Богу в Успенском храме и пожертвовав большую сумму на пристройку большого каменного придела к церкви – во имя Преображения Господня. Увидеть дело рук своих безутешная мать не успела, тихо угаснув от невыносимых мыслей о постигшей её утрате. По завещанию и по разрешению Пресвященнейшего епископа Никодима, правящего архиерея Орловской епархии, Екатерину Эссен погребли в сооружавшемся на её средства церковном приделе, который был освящён в 1831 году.

В Успенский храм и на могилу Екатерины Николаевны в последующие годы постоянно из Петербурга приезжали муж и дочь. Когда в 1844 году генерал-от-инфантерии и бывший Санкт-Петербургский губернатор Пётр Кириллович Эссен скончался, то завещал похоронить себя рядом с любимой женой, в том же Успенском храме.

Очень любившая рано умерших родителей дочь Александра дала обет выстроить ещё один придел к Глыбоченской церкви. И слово сдержала – правый придел в честь Преподобного Сергия Радонежского был освящён в 1847 году.

Вот так создавалось духовное величие Свято-Успенского храма села Глыбочка, который посещали с верой и молитвами две с половиной тысячи прихожан (на начало XX века).

А если вспомнить, что в версте от села существовал ещё и Святой источник, с устроенной на нём каменной часовней, и ежегодно, в день Преполовления 50-десятницы совершался к нему от храма крестный ход, то становится ясно, какой богатой была духовная жизнь старинного русского села Глыбочка, в котором сейчас проживает два десятка человек.

Давно уже нет здесь храма Успения Пресвятой Богородицы, беспощадно уничтожены могилы Афанасия Львова, Екатерины и Петра Эссенов. Но, кажется, жив и понемногу возрождается тот самый источник, забивший когда-то под сломанной бурей сосной и чудесным образом вросшей в неё иконой Казанской матери Божией. Может, с этого Святого места и начнётся духовное возрождение Глыбочки?

Горки Хотынецкие

В советские времена каждому жителю нашей большой страны были хорошо известны Горки Ленинские – те самые, в которых провёл последние годы своей жизни первый руководитель Советского государства и где был создан музей, посвящённый вождю. Но на Орловщине есть и свои Горки, если уж быть точным, то целых пять населённых пунктов в четырёх районах носят это имя.

Я поведу речь о хотынецком селе, уютно расположившемся на автомагистрали Орёл-Брянск, в 47 километрах от областного центра, на самом стыке Урицкого, Хотынецкого и Шаблыкинского районов.

Улица села Горки

Своё название Горки получили за то, что раскинулось село на возвышенной, среди гор, сухой и безводной местности. Рядом с населённым пунктом начинается ручей Городец, впадающий вскоре в реку Цон. А с другой стороны села, в трёх километрах к северо-востоку, тихо струится когда-то очень полноводная и рыбная река Лубна, приток Цона. Вот в этом самом живописном и богатом живностью междуречье, на возвышенной его части, и поселились достаточно давно наши первопоселенцы-земляки. Уже в самом конце XVI века в селении (одном из очень немногих тогда) появилась церковь Николая Чудотворца, вокруг которой, в радиусе нескольких вёрст, существовало несколько населённых пунктов: Бредихина, Богатищево, Баздырево. В них, как и в самом селе Горки, жили дети боярские – служилые люди, защищавшие южные рубежи Московского государства от набегов

крымских татар и получившие за это небольшие поместья в качестве оплаты. Крестьян у них не было, и земли свои они пахали сами. Из переписных книг конца XVI – начала XVII века нам известны фамилии этих служилых людей: Ампилозовы, Баздыревы, Богатищевы, Доренские, Криволаповы, Немцовы, Тохтамышевы, Труновы.

С течением веков дети боярские превратились в однодворцев, а потом – в государственных крестьян. Но – удивительное дело – многие из перечисленных фамилий сохранились вплоть до нашего времени, и на кладбище села Горки даже сейчас можно легко найти и Баздыревых, и Богатищевых, и Тохтамышевых, и Деренских (в этом случае чуть-чуть изменилась фамилия).

Через некоторое время число прихожан Никольского храма села Горки увеличилось в связи с тем, что ещё несколько населённых пунктов стали относиться к его приходу. С конца XVIII века, в течение всего XIX и начала XX века само село относилось к Карачевскому уезду Орловской губернии, в составе которого числилось ещё 5 приходских деревень: Богатищева, Баздырева, Мояки, Прилепы и Челищева. Три деревни (Кривцова, Телякова и Бунина), чьи прихожане посещали храм села Горки, административно находились в Орловском уезде. Всех прихожан, мужского и женского пола, на начало 1905 года насчитывалось 4680 душ.

К середине XIX века старинная деревянная Никольская церковь села Горки сильно обветшала, и приходской совет принял решение строить новый, каменный, храм. Его возведение началось в 1844 году, и главную роль в этом деле сыграл местный помещик, владелец имения в деревне Мояк (Маяк, Маяки – название варьировалось – А.П.), Иван Иванович Лоур (в «Историческом описании церквей, приходов и монастырей Орловской епархии», изданном Орловским Церковно-Историческим Археологическим Обществом в 1905 году в Орле, его фамилия написана - «Лоур», но это явно неправильно, поскольку и в Метрических книгах Преображенского храма села Горки, и в Алфавитном Указателе Дворянских родов Орловской губернии Иван Иванович и его семейство значатся как «Лоур» – А.П.).

Пока строился новый храм (а процесс длился 18 лет) Иван Иванович Лоур успел вырасти по службе из поручиков до подполковника и выдал замуж свою дочь Елену. Произошло это важное для благотворителя событие, уже в новой церкви, 12 ноября 1861 года: 17-летняя Елена Лоур стала женой 32-летнего отставного подполковника Стефана Стольников, владельца имения в д.Себякиной Кромского уезда. И хотя официально считается, что Преображенский храм был освящён в 1862 году, по всей видимости, церковные службы в одном из трёх его приделов начались с 1856 года, поскольку в сохранившихся за этот период метрических записях бывший Никольский храм села Горки уже с этого момента именуется как храм Преображения Господня.

Конечно, не только Иван Лоур вложил в строительство храма свои сбережения, многие местные помещики его почин поддержали. В их числе – полковники Виктор Николаевич Филатов и Давид Давидович Оберг, штабс-капитан Лейб-гвардии Московского полка Александр Михайлович Нарышкин,

Афанасий Александрович Маслов, Николай Алексеевич Пашков, Анна Васильевна Шадохина. Не меньший вклад в строительство храма внесли прихожане из числа государственных и владельческих крестьян окрестных деревень: Алёшины, Богатищевы, Головины, Золотухины, Пилюгины, Тикуновы, Торшины, Тохтамышевы и многие другие.

По сохранившимся описаниям, приходской храм села Горок отличался своим величием. Он имел крестообразную форму. Главный престол был назван в честь Преображения Господня, придел с правой стороны - во имя Святителя и Чудотворца Николая, а с левой – в честь Знамения Пресвятой Богородицы.

Особым почитанием у местных прихожан пользовались храмовые иконы придельных алтарей – икона Знамения Курской Божией Матери и икона Святого Чудотворца Николая.

При храме имелась построенная в 1901 году церковно-приходская школа, каменная, покрытая железом.

Исключительным явлением в селе Горки считался совершаемый в девятую пятницу по Пасхе крестный ход на колодец «Пониковец» («Паниковец»), в 4-х верстах от Горок. Колодец был открыт давно, а образовался естественным способом, из родника, появившегося в поле на открытом, почти совершенно ровном, лишь несколько покатином на восток месте. Крестный ход сюда установили в память явления у этого колодца иконы Знамения Курской Божией Матери. В указанный день в селе Горки собирался к Богослужению весь приход и множество богомольцев из соседних приходов.

После поздней литургии, при торжественном вынесении святых икон и хоругвей, при совершении причтом по пути молебна Знамению Божией Матери, все шли в «Пониковец».

Здесь происходило водоосвящение и молебны с акафистом Божией Матери. После молебна все черпали освящённую в колодце воду и старались хранить её в течение года, как особенно благодатную и целебную, употребляя её для освящения домов, домашнего движимого и недвижимого инвентаря.

В Преображенском храме, в котором, по числу прихожан, имелось два причта, всегда служили замечательные священники, такие, как, к примеру, Григорий Новиков и Ксенофонт Иножарский.

Ксенофонт Никитич Иножарский, по окончании в 1835 году Орловской духовной семинарии, прослужил в Горках более 40 лет и у своих прихожан пользовался огромным уважением. Он для каждого приходского в храм мог найти нужные слова. И даже когда у него самого случилась страшная трагедия – 17 июля 1856 года были «затоплены сильною грозою в воде» сразу два его сына – Павел, 13 лет, и Николай, 10 лет, батюшка сумел не впасть в отчаяние, а продолжил сам утешать других.

Ведь в том, 1856 году, горе пришло не только в дом священника, но и в семьи ещё 40 родителей из приходских деревень, чьи дети в одночасье скончались от сильнейшей эпидемии оспы.

Верой и правдой 70 лет новый Преображенский храм села Горки служил своим прихожанам, за это время его батюшки успели покрестить почти 6 тысяч

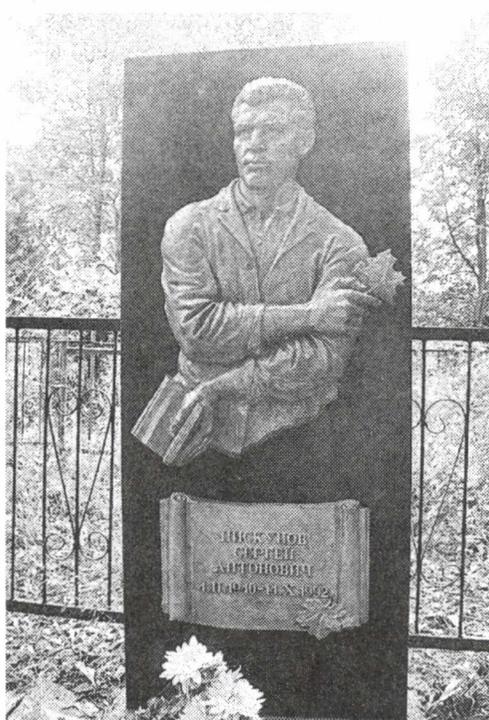
младенцев, обвенчать 2 с лишним тысячи пар молодожёнов и отпеть около 5 тысяч покойников. В храм шли с надеждой и с верой – и бедные, и зажиточные, каждый находил здесь душе своей утешение.

Моя родная деревня Бунино (ныне – в составе Архангельского сельского поселения Урицкого района, а до 1928 года входившая в Орловский уезд) долгие годы числилась в приходе Преображенской церкви села Горки. Мой дед, Михаил Максимович Полинкин, и бабушка, Прасковья Ивановна Матовых, незадолго перед Первой Мировой войной обвенчались в этом храме.

Ничего, к сожалению, не осталось от него, ни-че-го! Но память сегодня начинает возвращать то, что долгие годы лежало где-то на самом дне сундуков и душ. Вот уже несколько лет как заново освящён источник «Пониковец», тот самый, в четырёх километрах от Горок, усилиями энтузиастов и паломников что-то сделано для его облагораживания.

А в Горки стали возвращаться – хотя бы после смерти – те, кто здесь родился, вырос, и напитался за короткое время запахами трав междуречья Цона и Лубны.

Перед самой Великой Отечественной войной появился на свет в селе Горки мальчик, который после окончания Орловского педагогического

Памятник на могиле Пискунова С.А.

института быстро сделал блестящую карьеру: первый секретарь Орловского обкома ВЛКСМ, заведующий отделом науки и учебных заведений Орловского обкома КПСС, работа в Министерстве образования СССР, ректор Орловского педагогического университета, писатель и общественный деятель.

Сергей Антонович Пискунов ушёл из жизни в 52 года, в самом расцвете творческих сил, которые он черпал в селе Горки и его окрестностях. Сюда же, на сельское кладбище, его и привезли, согласно завещанию, в октябрьский день 1992 года. Здесь, недалеко от места, на котором стоял Преображенский храм, теперь могила Сергея Пискунова, одного из моих земляков, прославивших свой край. Теперь они оба остались в истории – храм и человек.

О селе Дросково и его храме (Покровский район)

Сто лет тому назад на территории, где просторно раскинулся сейчас Покровский район, проживало в многочисленных населённых пунктах более 50 тысяч человек. Одних только сёл насчитывалось в нашем крае 22, соответственно – и 22 храма давали возможность православному люду обращаться к Богу в минуты скорби и радости.

Одной из самых известных и посещаемых долгие годы была церковь в волостном селе Дросково. Само название села - уникально: на карте Российской Федерации второго такого нет. В XVI–XVII веках шумели здесь обширнейшие Большой и Малый Дросковы леса, через которые протекали Дросковы же (Лесной и Полевой) ручьи. А вот почему леса и ручьи назывались так – есть несколько версий, ни одна из которых не является сколько-нибудь убедительной.

Благодаря сохранившимся Ливенским писцовым книгам, мы знаем, что к 1615 году Дросково уже существовало, но называлось оно тогда *сельцо Архангельское*, по имени церкви Архангела Михаила, в том же году и появившейся.

Вот что сообщает нам *«Приправочная книга 1615 года по г. Ливнам и Ливенскому уезду»*:

«Сельцо Архангельское, что прежде было займище, - под Дросковым лесом, на Брусовом верху, а в сельце церковь Архангела Михаила, древяна клетушки, стоит на государевой земле; строение той церкви и в церкви образы и свечи и книги и всякое церковное строение попа Семёна, да на погосте двор попов Семёнов, да двор пономарёв Иванов»...

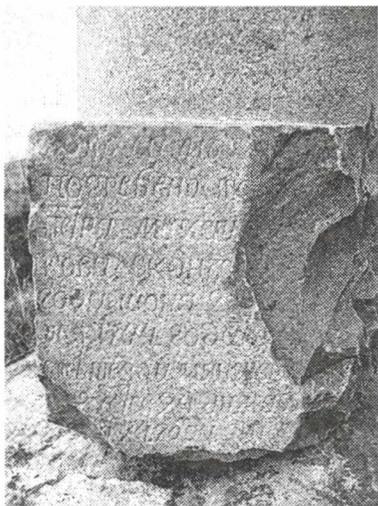
Из этой книги мы узнали имя строителя первой (деревянной), очень скромной, церкви села Дросково, но нам, к сожалению, неизвестна его фамилия (если она у него была).

Спустя 10 лет писцовые книги 1626-1629 г.г. по Ливнам и Ливенскому уезду зафиксировали, что поп Семён по-прежнему вёл службы в Архангельской церкви, а помогали ему дьячок Митрошка Васильев и пономарь Тимошка Артемьев.

Наверняка именно такие попы, как Семён, не только прочно сидели на своих погостах, проповедуя слово Божие, но и, трудясь на земле, превращали *«дикое поле»* вокруг в *«добрые пашни»*. В этом им большую помощь оказывали служилые люди – первые здешние помещики.

Через 50 лет, в 1678 году, в сельце Архангельском проживало уже 11 однодворцев, а в местной церкви служил поп Василий (фамилия его тоже для нас осталась неизвестной).

Деревянная Архангельская церковь села Дросково благополучно просуществовала ещё 100 лет, прежде чем не произошли знаменательные для неё события.

Этот надгробный камень был положен на могилу Петра М... (фамилию определить не удалось – А.П.) ещё у старой деревянной церкви в 1744 году

просуществовала ещё 150 лет. В Государственном архиве Орловской области сохранилось, к сожалению, очень небольшое количество метрических книг этой церкви - за 1846, 1847, 1850, 1852, 1858 и 1883 годы (причём, последняя – без начальных страниц).

Но, даже имея такой скромный запас первоисточников, я смог достаточно много узнать о Христорожественской церкви за эти годы. Начну с того, что приход храма был весьма обширен. Кроме самого села Дросково, в него входили сельцо Беженово (Никольское тож), сельцо Муратово и окрестные деревни – Беречка, Березовец, Башкатова, Вепринец (до постройки в нём церкви в 80-ые годы XIX века), Верховье Лесков, Гревцова (Гревцева), Громовой Колодезь (чуть позже – просто деревня Громова), Драчёва, Извекова, Лазаревка, Муратова (да, кроме сельца Муратово была ещё и деревня с таким же именем), Новосильская, Погонева, Сетенёва, Соломатовка, Харичкова, Устье Лесков, – всего 20 населённых пунктов.

Большинство прихожан были однодворцами (позже – государственными крестьянами), незначительное число составляли крепостные крестьяне, мещане, купцы и помещики.

Сколько в приходе имелось приходских дворов, мне подсчитать не удалось, но ясно одно, что по сравнению с 70-ми годами XVIII века это число выросло более чем вдвое. И потому в Христорожественской церкви службу вели даже не два, а три полных причта, а главный из священников носил чин

Вот какую информацию почерпнул я из газеты «Орловские епархиальные известия» за 1 декабря 1870 года, в которой были опубликованы «Извлечения из дел Орловской Духовной Консistorии»:

«В селе Дросково, Затруцкого стана, с благословения Преосвященного Аверсия Крутицкого, в 1762 году, на место ветхой деревянной церкви во имя Святого Архангела Михаила начато строение новой каменной церкви во имя Рождества Христова с двумя приделами – во имя Архангела Михаила и Великомученика Георгия... Строение новой каменной церкви продолжалось с 1764 по 1786 год. В пособие приходским людям священно-церковно-служители села Дросково ежегодно должны были вносить на постройку церкви по 300 рублей».

С этого времени церковь, поменяв имя, стала Христорожественской и

протоиерея. В 1846-1847 гг. эту должность занимал Фёдор Михайлович Полидоров, а с 1850 и по 1883 год (без замены!) протоиереем и настоятелем Христорождественской церкви был Григорий Гаврилович Скуридин. Отец Григорий последние годы являлся, ко всему прочему, и благочинным Малоархангельского уезда (*т.е. главным из священников в этой части Орловской епархии – А.П.*). За долголетнюю священническую деятельность в апреле 1870 года он был «пожалован орденом Св. Анны 2-й степени». Кроме того, Г.Г. Скуридин стал за эти годы отцом довольно многочисленного семейства (два сына, пять дочерей) и дворянином, занесённым в «Дворянскую родословную книгу Орловской губернии» (*оба его сына, Михаил и Пётр, также удостоились дворянства – А.П.*).

В 1846 году, кроме протоиерея Фёдора Полидорова, священниками в селе Дросково были Николай Архангельский и Василий Лавров. О Николае Ивановиче Архангельском мне удалось найти интересные сведения в протоколах Орловского Дворянского депутатского собрания (*ГАОО, ф.68, д.63*).

Он родился в 1790 году, окончив Пензенскую семинарию, служил там же, при ней, а с 28 декабря 1818 года стал армейским священником: проходил службу в Курском пехотном, в 19-ом Егерском и Московском драгунском полках.

А со второй половины 1834 года и до 1846 года включительно отец Николай служил в Христорождественской церкви села Дросково. Когда в 1834 году Н.И. Архангельский обратился в Депутатское собрание с заявлением о причислении к дворянству его детей – Перегриня, Николая и Евангела, то представил свою армейскую характеристику: *«Был в походах и сражениях, где, отличая себя неустранимостью и находясь с крестом впереди всех, ободрял воинских чинов, за что и награждён орденом Святой Анны 3-ей степени с бантом и, сверх того, имеет серебряную медаль, за Турецкую войну 1828 и 1829 годов установленную».*

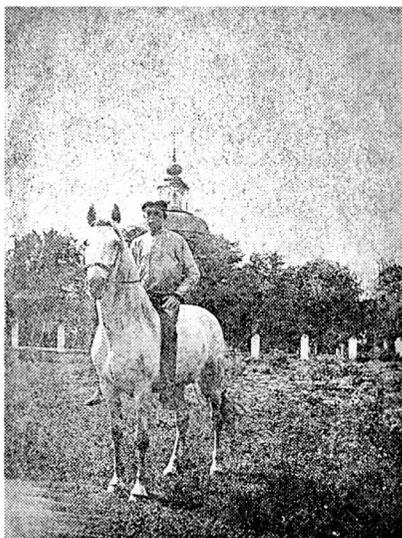
Дворянское Депутатское собрание, рассмотрев заявление отца Николая, причислило ко дворянству его детей и отметило подвижническую деятельность Архангельского на священническом посту.

Что касается второго священника, Василия Семёновича Лаврова, то когда 28 января 1852 года у него и его законной супруги Елисаветы Яковлевны родился сын Филипп, то радостный родитель сам крестил сына в Христорождественском храме. Филипп Васильевич Лавров впоследствии прославил как отца-священника, так и село Дросково. По окончании в 1879 году Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, он свыше 30 лет прослужил военным врачом в Туркестане, где отличился в борьбе с чумой, и ушёл в отставку в 1913 году в чине действительного статского советника (*генерал-майора, в переводе на военные звания – А.П.*).

Сколько всего крещений, венчаний и отпеваний познала Дросковская церковь за 300 лет своего существования, - сложно подсчитать, но никак не менее 40 тысяч. В это трудно поверить сейчас, но это было!

Земский врач Фёдор Васильевич Софронов, проработавший в Дросковской больнице свыше 20 лет и оставивший добрую память о себе у всех местных жителей, крестил в храме своих четырёх дочерей. Одна из них, Антонина Софронова, стала известнейшей русской художницей, чьи картины находятся в Третьяковской галерее, Русском музее, Орловском музее изобразительных искусств, в других хранилищах и в частных коллекциях.

Закрыли Христорождественскую церковь в начале 30-х годов XX века. Учитель Дросковской школы В.С.Харчиков вспоминал, что он тогда, вместе с другими мальчишками из деревни Харчиковой, прибежал посмотреть на то, как какие-то безбожные мужики, забравшись на купол храма, зубилами срубают кресты.

Христорождественская церковь села Дросково (фото 1941 года)

В войну немцы разместили на церкви наблюдательный пункт, с которого далеко были видны окрестности. Наши лётчики регулярно, но без особого успеха, пытались его уничтожить. После освобождения села, когда начался ремонт дороги от Дросково до соседней деревни Сетенёво и не хватало строительных материалов, районное начальство не нашло ничего лучшего, как отдать распоряжение о взрыве церкви. Так на 60 долгих лет лишили дросковчан любимого храма.

В начале XXI века, усилиями оптинского старца Илия, при поддержке прихожан, началось строительство новой Дросковской церкви, - на том же, родовом её месте. И вот уже восемь лет, как Михаило-Архангельский храм *(так получилось, что имя ему вернули то самое, первое – А.П.)* снова открыт для молитв, крещений, венчаний и отпеваний, которые проводит замечательный батюшка, отец Иоанн.

Благодаря его инициативе и настойчивости Михаило-Архангельская церковь вновь стала духовным центром села Дросково и окрестных деревень. Летом 2013 года к храму и к находящемуся неподалёку от него старинному Крестовоздвиженскому святому источнику – с помощью всего приходского сообщества – сделали новые дороги.

И теперь не грех подумать о праздновании 400-летнего юбилея возрождённой Михаило-Архангельской церкви. Это большая дата и готовиться к ней надо основательно.

Церковь Михаила Архангела (фото 2012 года)

Корсунские светлые лики *(Верховский район)*

Каждый орловчанин, оказавшийся волею судьбы в конце XIX – начале XX века в северной части Малоархангельского уезда, непременно заезжал в большое село Корсунское, живописно расположившееся по обоим берегам небольшого ручья (притока реки Труды).

Две достопримечательности села привлекали сюда гостей: храм иконы Корсунской матери Божией и усадьба местных помещиков Вельяминовых-Зерновых. Церковь с таким названием в Орловской губернии – одна. Каменная, изящной архитектуры, окрашенная в белую и красную краски, с белой крышей и такого же цвета куполами, с красивой кованой оградой вокруг, она вызывала у всех увидевших её в первый раз чувство умиления и желание немедленно обратиться к Всевышнему. И если православный человек делал это, зайдя в храм, да ещё постояв на коленях у знаменитой иконы, то благостное состояние приобщения к миру Небесному сопровождало его потом долгие часы и дни. Ведь, по преданию, Корсунская икона была писана Святым апостолом Лукой ещё при жизни Пресвятой Богородицы, а список с этого образа принёс из Корсуни в Киев Святой равноапостольный князь Владимир.

Выйдя из Корсунского храма, гость мог, наконец, переключить своё внимание на расположенную на противоположной стороне ручья помещицью

усадьбу Вельяминовых-Зерновых, представителей знаменитой русской дворянской фамилии, родственников царя Бориса Годунова.

Первым владельцем села Корсунское стал Фёдор Михайлович Вельяминов-Зернов, предводитель Верейского уездного дворянства Московской губернии, служивший некоторое время и помощником графа М.М.Сперанского, известного реформатора времён Александра I. Фёдор Михайлович редко навещался в своё орловское имение, но когда в период Отечественной войны 1812 года французские войска приближались к Москве, он, занятый подготовкой ратников, отправил своё семейство в целях безопасности из Подмоскovie как раз в село Корсунское.

Спасались в селе от французов и многие беженцы из Москвы и Подмоскovie. Об этом периоде жизни дворян Вельяминовых-Зерновых оставила воспоминания Анисья Фёдоровна, старшая дочь Фёдора Михайловича:

Корсунский храм

«Чиновников, прибывших к нам в Корсунское, поместили родители мои: тех, которые покрупнее званием и чином – с нами в большом доме, а других – во флигелях, а иных – даже в крестьянские избы. Всех их было с прислугою до 70-и человек; их снабжали всеми необходимыми жизненными припасами, а по воскресеньям и по праздникам обедали за нашим столом чиновники с их жёнами, что составляло общество до 40 человек, включительно с нашим семейством».

Здесь же, в Корсунском, излечивался от раны, полученной в Бородинском сражении, один из сыновей Фёдора Михайловича Вельяминова-Зернова – Николай. Наверняка помогли ему горячие молитвы матери и сестёр, произносившиеся за его выздоровление в храме Корсунской Божьей матери. Выздоровел Николай Фёдорович – снова умчался на фронт, громил французов потом уже в Заграничных походах, а позже и с турками воевал, дослужившись до полковника.

Остальные же Вельяминовы-Зерновы пробыли в селе до 1815 года, пока не были отремонтированы разгромленные французами их дом на Арбате в Москве и имение Жедочи в Верейском уезде, но и после 1815 года каждое лето, на два

месяца, приезжали они в Корсунское, и посещали обязательно храм, так много для них значивший.

Но особенно сильными и продолжительными по времени были связи с селом Корсунским внука первого владельца корсунского имения – Владимира Владимировича Вельяминова-Зернова.

Он стал первым русским учёным-востоковедом, автором множества научных работ по восточной тематике и Почётным академиком Российской академии наук. Однако, куда бы Вельяминова-Зернова, по долгу службы, не забрасывала судьба: в Оренбургский край, в Петербург или Киевскую губернию – он оставался верен любимому Корсунскому, приезжая в село во время отпусков или даже на время болезни.

Именно с этим селом связаны ключевые моменты жизни известного русского учёного. В апреле 1858 года в Корсунской церкви произошло венчание В.В. Вельяминова-Зернова и орловчанки Анны Семёновны Корсаковой.

Брак был почти идеальным. Но... родившаяся у молодых дочь София скоропостижно умерла, и больше детей у Вельяминовых-Зерновых так и не появилось. Безутешный Владимир Владимирович похоронил своё чадо рядом с Корсунской церковью, а над могилой поставил замечательной красоты часовню.

С тех пор он предпочитал свободное от службы время проводить в родном имении, рядом с жившей здесь постоянно женой и безвременно покинувшей их дочерью. А с 1879 по 1888 год Вельяминов-Зернов жил в Корсунском постоянно. В этот период жизни он исполнял обязанности Малоархангельского уездного предводителя дворянства, попутно состоя членом Орловской учёной архивной комиссии. Чтобы всё необходимое было у него, как учёного, под руками, Владимир Владимирович начал преобразовывать и благоустраивать усадьбу.

Дом в имении он превратил в настоящий музей. Стены были увешаны портретами предков, среди которых находились и последние представители рода Годуновых. Два зала Вельяминов-Зернов отвёл под выставку оружия, в том числе и восточного, собиранием которого Владимир Владимирович занимался много лет. Ещё один кабинет был занят большой коллекцией восточных монет, завещанной им впоследствии Эрмитажу (18 000 экземпляров, в том числе редких, - ни до, ни после этому музею никто не дарил – А.П.).

Но главной гордостью учёного являлась огромная библиотека, насчитывавшая 12 000 томов, значительная часть которых – по истории Востока и на восточных языках. В отдельной башне, примыкавшей к библиотеке, находился архив Вельяминова-Зернова (письма XVII-XIX веков, древние столбцы, письма М.М. Сперанского и рукописи самого учёного).

Ухоженно образцовым выглядело и всё хозяйство Вельяминова, разместившееся на более чем 3000 десятинах земли. В его же парк, засаженный разнообразными и редкими деревьями, приезжали полюбоваться многие окрестные помещики.

Тайный советник, Почётный академик и бывший попечитель Киевского учебного округа скончался после тяжёлой болезни в Киеве в январе 1904 года. По завещанию похоронили Владимира Владимировича в селе Корсунское, в той же часовне, которую он поставил для любимой дочери, - и рядом с ней.

Само Корсунское имение, после смерти в 1914 году вдовы Владимира Владимировича, Анны Семёновны, перешло, по наследству, дальним родственникам – князьям Ухтомским.

Купель в Корсуну

Освящение купели (наверху -
строющаяся часовня)

К сожалению, культурное гнездо, свитое выдающимся ученым в одном из уголков Орловщины и бережно им охраняемое, после установления Советской власти было постепенно разорено.

В национализированном имении Вельяминовых-Зерновых-Ухтомских все 90 последующих лет располагалась местная Корсунская школа. Правда, от тех, родовых вельяминовских, зданий давно ничего не осталось. Последнее было уничтожено во время Великой Отечественной войны: линия фронта более года проходила рядом с Корсунью, в котором всё тогда превратилось в головешки.

Уничтожены были замечательная церковь Корсунской иконы матери Божией и часовня с могилами Вельяминовых-Зерновых, вырублена большая часть парка. Казалось бы, совсем ничего не осталось от светлых ликов прошлого.

Но время не стоит на месте. 22 июня 2006 года было освящено место под строительство храма, а уже через два года, 16 февраля 2008 года, храм в честь Корсунской иконы Божией Матери был освящен. И снова закипела приходская жизнь в селе Корсунь (так теперь называется это село Верховского района – А.П.)! Уже многое сделано: пристроена к храму колокольня, приобретены для неё колокола, появилась большая и просторная церковная лавка.

Совсем недавно, 3 января 2014 года, освящена замечательная купель, в честь иконы Божией Матери «Живородный источник». Работы по её строительству были начаты в конце лета 2010 года по благословию схииерхимандрита Илия (Ноздрин).

Строится сейчас храм-часовня во имя Алексия-человека Божия. А в планах настоятеля Корсунского храма, иеромонаха Силуана, – создание монастыря, первым шагом к которому уже стал крестный ход на место постройки нового трехпрестольного собора в честь Апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Здесь отслужен был молебен и совершен чин установки креста на месте будущего строительства.

Жизнь в угасшем, было, селе Корсунском потихоньку возрождается. Поехали сюда люди из разных мест Орловщины и России: в храм, к отцу Силуану, на источник. Из корней исторической памяти снова появились крепкие духовные ростки. И слава Богу!

Ретяжи на Оке **(Кромской район)**

15 июля 1909 года, незадолго до полудня, почти все жители большого села Ретяжи Кромского уезда толпились у дверей местной церкви Обновления храма Воскресения Христова. Внутри из простых прихожан зайти никто не решился: там священник соседнего села Короськово Митрофан Алексеевич Дубровский вместе с псаломщиком Василием Гончаровым крестили сына местного священника Иоанна Стефановича Зернова и его законной жены Пелагии Вуколовны. Имя младенцу родители и крёстные (*тогда это называлось – восприемники – А.П.*) выбрали не совсем обычное – Олимп.

Как только таинство крещения закончилось, и ребёнка вынесли их храма, собравшаяся толпа дружно и громко закричала: «Поздравляем, отец Иван!».

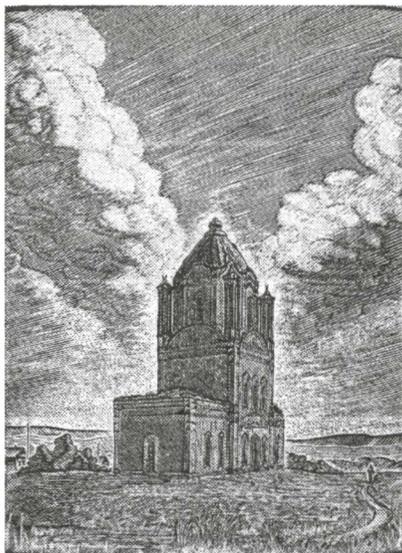
Отец Иоанн Зернов стал настоятелем Воскресенского храма села Воскресенского (Ретяжи тож) совсем недавно, во второй половине 1906 года, после скоропостижной смерти от хронического воспаления лёгких предыдущего батюшки, Сергия Павловича Успенского. За два с половиной года Иоанн Зернов успел заслужить искреннюю и горячую любовь прихожан за равнодушное и ревностное служение Богу и людям. Именно поэтому, когда у него родился сын, почти все жители села и окрестных деревень пришли поздравить «батюшку Ивана».

Впрочем, со священнослужителями Ретяжскому храму всегда везло: все они – Андрей Азбукин, Константин Синадский, Василий Введенский, Иоанн Воскресенский, Пётр Давыдов, Сергей Успенский (50-ые годы XIX – начало XX века) – были настоящими и верными пастырями своего большого православного семейства.

Наверное, так Богу было угодно, чтобы скромная деревянная церковь, появившаяся в селе Ретяжи во второй половине XVII века, расположилась именно на этом замечательно живописном месте, - на пологом склоне холма над долиной реки Оки, в 45 верстах на юго-восток от епархиального города Орла и в 16 верстах от города Кром на юго-восток.

По преданию, в царствование Екатерины Великой, когда первая деревянная церковь в Ретяхах сгорела, на её место в 1712 году был построен новый, сравнительно небольшой, каменный храм.

А уже 11 сентября 1765 года в Ретяхах была освящена большая каменная церковь в память Обновления храма Воскресения Христова. Построенная церковь, по словам известных орловских художников и искусствоведов Вячеслава Ромашова и Владимира Неделина, стала «самым ярким и

Воскресенская церковь
(рисунок В. Ромашова)

оригинальным памятником барокко в области». Своё название храм получил в честь «Обновления Преславного и Превеликого храма Воскресения в Иерусалиме, который пречудно устроил благочестивый царь Константин с достохвальной матерью своею Еленой на горе Голгофе, очистив и обновив святое место, осквернённое языческим нечестием».

Как передавало народное предание, с которым соглашалось и местное духовенство, постройку каменного Воскресенского храма, главным образом, осуществил на свои средства генерал Владимир Иванович Лопухин.

О нём и семействе Лопухиных стоит обязательно сказать несколько слов, потому что история села Ретяжи и Воскресенского храма неразрывно связана с этим известнейшим на Орловщине дворянским родом.

Владимир Иванович Лопухин, первый из владельцев села Воскресенское (Ретяжи), был родственником царицы Евдокии Фёдоровны, первой жены Петра I. Родился он в 1703 году, служил первоначально во флоте, потом перешёл в пехоту, сражался в битвах с поляками, турками и шведами. В 1755 году Владимир Иванович был произведён в генерал-майоры и вскоре назначен обер-комендантом Киева. При Петре III он получил чин генерал-поручика. Имелась у В.И. Лопухина многие царские награды, в том числе орден Святого Александра Невского.

По сей видимости, пребывание в Киеве, сказалось на эстетических вкусах генерал-поручика Лопухина, потому что, по словам упомянутых В.Ромашова и В.Неделина, Восресенский храм села Ретяжи, «имеет некоторое сходство с Андреевской церковью в Киеве. Очевидно, по его заказу, усадебная церковь стала своеобразным воспроизведением полюбившегося ему памятника».

Однако, хоть Владимир Иванович и дослужился до генеральского чина, гораздо больше в российской истории стал известен его сын, Иван

Владимирович Лопухин, - русский философ, публицист, мемуарист, издатель, один из виднейших представителей русского масонства, действительный тайный советник и сенатор. Он владел селом Ретяжи с 1797 (с момента смерти отца) до 1816 года.

А с конца 1812 года вплоть до своей смерти Иван Владимирович Лопухин жил в Ретяжах, где он *(до этого – закоренелый холостяк – А.П.)* в Воскресенском храме в самом начале 1813 года обвенчался с местной жительницей Матрёной Ефимовной Никитиной.

Жил действительный тайный советник с молодой женой в двухэтажном деревянном усадебном доме к югу от церкви (дом не сохранился) и, в связи с победами русской армии над Наполеоном, Лопухин воздвиг в Ретяжах монумент, состоявший из нескольких больших гранитных камней с надписью: «Благочестию Александра I и славе доблестей русских в 1812 г.». Это был один из первых памятников Отечественной войны 1812 г.

В феврале 1814 года в гости к Ивану Владимировичу приезжал поэт Василий Андреевич Жуковский, которому Лопухин подарил свою новую книгу с надписью: «Гению – поэту Жуковскому от автора, друга его».

Доживая свой век в Ретяжах, Лопухин исправно посещал церковные службы и даже принимал такого гостя, как местный архиерей Досифей. Умер Иван Владимирович Лопухин летом 1816 года, там же, где и родился, в селе Воскресенском (Ретяжи), похоронили его рядом с храмом. К сожалению, могила видного русского масона, друга Н.И. Новикова, не сохранилась.

Кроме семейства Лопухиных, Воскресенский храм посещали и участвовали в его благоустройстве представители других дворянских родов, владевших землями в окрестностях села Ретяжи. На средства помещика Бутковского, к примеру, в 1845 году был устроен тёплый придел во имя Святого Василия Великого. Внесли свою лепту также землевладельцы Сергей Иванович Бруевич и Валентин Петрович Гаспарини. Но и простые крестьяне, даже самые бедные, не отказывались от помощи на нужды храма.

Когда в селе Ретяжи в конце XIX стала действовать церковно-приходская школа при храме, попечителями её становились, главным образом, крестьяне (с 1905 года – Андрей Семёнович Басов).

Приход у Воскресенской церкви был небольшой: кроме самого села Ретяжи, в него входили деревни Кирманка, Верхние Ретяжи, Хлопово и Борисовка. Всех прихожан к началу XX века насчитывалось чуть более 1200 человек. Церковный причт состоял из священника, дьякона и псаломщика. Но этот небольшой духовный коллектив играл важнейшую роль долгие годы, вплоть до закрытия храма в 1933 году.

К счастью, Воскресенской церкви в селе Ретяжи повезло: её не взорвали, а сделали зернохранилищем, благодаря чему здание сохранилось до наших дней. И когда на Орловщине началось возрождение уважительного отношения к православию, в селе Ретяжи в 2004 году вновь был создан приход.

По словам главы администрации Ретяжского сельского поселения Сергея Владимировича Баранова, большую роль в этом, а потом в начавшихся работах

сыграли местный уроженец Василий Иванович Тарасов, руководитель одной из орловских организаций, и житель Кром Владимир Николаевич Патин, избранный церковным старостой.

Церковь в с. Ретяжи

Очистили постепенно от мусора храм изнутри, и он начал оживать. Потом, при духовном окормлении схигумена Илия, началась масштабная реконструкция Ретяжской святыни. За несколько лет, благодаря молитвам и огромной помощи местных жителей (из Ретяжей и Семенково) и благотворителей из всех мест Орловщины церковь вновь приобрела прежний вид.

В 2012 году при храме Воскресения Словущего выстроили колокольню, отдельно отстоящую от здания церкви, так, как это было при первоначальной постройке храма. Осветили её 14 июля 2012 года.

Да, пришло время, и зажглась лампада у престола, и отслужили первую литургию в обновлённом

Воскресенском храме. После долгих-долгих лет он Воскрес для ретяжских прихожан. А настоятелем в храме стал тот, кто много сил вложил в его возрождение – отец Владимир (Патин), бывший староста, и это символично.

Звёздные россыпи села Усово (Залегощенский район)

Нет в России человека, который не слышал бы о великом русском полководце Михаиле Кутузове – победителе французов. О том, что у фельдмаршала и его любимой жены Екатерины Ильиничны в счастливом браке родилось пять дочерей, знает уже гораздо меньшее количество народа. И, наконец, едва ли кто из наших земляков подозревает, что вторая (по старшинству) дочь Михаила Илларионовича, Анна Михайловна, имела прямое отношение к Орловщине.

Дело в том, что Анна Михайловна, вышедшая в 1802 году замуж за генерал-майора (и историка – по совместительству – А.П.) Николая Захаровича Хитрово, была владелицей земель в окрестностях села Усово Мценского уезда Орловской губернии. Пока мне не удалось выяснить, посещала ли дочь Кутузова своё орловское имение, но, скорее всего, да, поскольку село принадлежало ей достаточно долгое время.

Хитрово (Голенищева-Кутузова)
Анна Михайловна

Так получилось, что Усово, начиная со второй половины XVIII века, оказалось связано с именем не только Анны Михайловны Хитрово (*Хитровой – в другом написании – А.П.*), но и многих других известных личностей России.

К примеру, каменный храм Святой Живоначальной Троицы был построен здесь в 1783 году *«старанием генерал-майора Алексея Дмитриевича Бехтеева»*, представителя известнейшего в России и на Орловщине дворянского рода, из которого вышли знаменитые политики, военные и – святые. Основные имения Бехтеевых находились в Задонском уезде Воронежской губернии, но Алексею Дмитриевичу принадлежали земли также и в Мценском уезде Орловской губернии. Глубоко верующий человек, Бехтеев много средств тратил на благотворительность, на его деньги строились и благоустраивались церкви. Генерал был хорошо знаком со святителем Тихоном Задонским и

пользовался его расположением. Известно, что святитель Тихон подарил Алексею Дмитриевичу Бехтееву панагию, которую принёс в дар Задонскому мужскому монастырю уже сын покойного генерала Алексей Алексеевич Бехтеев.

Построенный в селе Усово Троицкий храм был двухпрестольным (*второй придел, скорее всего, носил имя Николая Чудотворца – А.П.*). В 80-е годы XIX века при церкви появилась приходская школа (*«деревянное на каменном фундаменте, покрытое железом и окрашенное медянкою» здание – А.П.*). Прихожан при Троицкой церкви насчитывалось в начале XX века свыше 1000 душ. Все они перед Пасхой обязательно исповедовались и принимали Святое причастие у местного батюшки.

Это и многое другое я узнал при изучении в Государственном архиве Орловской области «Исповедных росписей» Троицкой церкви села Усово (Никольское тож) за 1818–1830 годы. Небольшую часть прихожан храма составляли однодворцы, но подавляющее большинство посещавших церковь было крепостными и дворовыми людьми различных помещиков, владельцев села Усова и окрестных деревень – Казаковых (сельцо Критово), Мацневых (село Усово, сельцо Александровка, сельцо Зелёная Гора, сельцо Красногорье, сельцо Озерна, деревня Николаевка), Белолипских (село Усово), В.П. Олениной (сельцо Красногорье), Е.П. Филимоновой (село Усово), Е.И. Юрасовой (село Усово) и княгини М.О. Солнцовой (сельцо Васильевское).

На той стороне была Троицкая церковь и там же – кладбище

Какие колоритные персонажи имелись среди перечисленных помещиков: участники Отечественной войны 1812 года – подполковник Николай Казаков, капитан флота II ранга Александр Мацнев, капитан-лейтенант Павел Мацнев, участник Заграничных походов Русской армии и русско-турецкой войны 1828–1829 годов Фёдор Казаков. Все они, за исключением последнего, уйдя в отставку, поселились в своих имениях и занялись хозяйственными делами.

Но у большинства мирная жизнь оказалась чрезвычайно короткой. Капитан-лейтенант Павел Иванович Мацнев, владелец имения в сельце Зелёная Гора, и капитан II ранга, бывший предводитель дворянства Мценского уезда, Александр Антонович Мацнев, владевший деревнями Александровкой и Николаевкой, – скончались в 1826 году, едва перейдя полувековой рубеж. У обоих осталось по пятеро несовершеннолетних детей.

Двух капитанов похоронили на кладбище села Усова, где тремя годами ранее уже был погребён ещё один из Мацневых – надворный советник Пётр Иванович. Имена всех трёх Мацневых долго сохранялись в названии населённых пунктов неподалёку от Усово – Петровское, Павловское, Александровка.

К героям войны с Наполеоном присоединился на усовском кладбище в сентябре 1906 года известнейший в Орловской губернии человек – Владимир Иванович Радулович. По происхождению серб, он, закончив Московский университет и обладая обширнейшими знаниями в области хирургии и урологии, с 1867 года и до конца жизни был старшим врачом Орловской

губернской земской больницы. Кроме того, Владимир Иванович являлся одним из создателей Орловского медицинского общества и долгое время возглавлял его. Имел награды: ордена Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны и Св. Станислава 2-й и 3-й степеней. *За «исключительно усердную, полезную и продолжительную в течение 27 лет службу»* он был удостоен чина действительного статского советника *(в переводе на военные чины – генерал-майора – А.П.)*. Врач Радулович обладал энциклопедическими познаниями и прекрасной памятью, был начитан, трудолюбив и предан делу. Его перу принадлежит «Очерк истории русских медицинских обществ, их цель, значение и взаимная связь», изданный на его собственные средства в 1890 году, им написано также более 100 статей для медицинских журналов.

Когда в середине 60-ых годов XIX века Владимир Иванович женился на дочери героя войны с Наполеоном Софии Чиркиной, то в качестве свадебного подарка он получил у наследников помещика Петра Мацнева имение в селце Петровском, куда регулярно приезжал вместе с женой и дочкой *(тоже Софьей – А.П.)*. К глубочайшему горю врача, вскоре после рождения в 1875 году долгожданного второго ребёнка, сына Владимира, любимая супруга Владимира Ивановича Радуловича скончалась. Безутешный вдовец похоронил её на кладбище села Усово, куда часто в последующие годы приезжал к ней на могилу. Когда же сам Владимир Иванович 30 августа 1906 года скончался в Орле, на 72-ом году жизни, он завещал похоронить себя рядом с женой, на том же усовском кладбище, напротив Троицкого храма.

Может быть, я назвал не всех известных личностей, имевших отношение к селу Усово или нашедших там последний приют. Но и этого достаточно, чтобы понять, как много их было – тут, в уже полузабытом уголке Орловщины *(ныне – территория Ломовского сельского поселения Залегощенского района – А.П.)*.

Давным-давно нет церкви Святой Живоначальной Троицы, разрушенной полностью уже в послевоенные годы, нет и следа от могил известных личностей земли Орловской - Мацневых и Радуловича: их не сберегло беспощадное время и человеческое беспамятство.

Но усовское кладбище всё ещё существует, хотя находится оно теперь на некотором расстоянии от современного населённого пункта, переименованного в деревню Усово.

На этом кладбище в 1986 году похоронили Владимира Порываева, местного уроженца, погибшего в Афганистане. Он появился на свет 12 мая 1966 года в деревне Столбечкой, по окончании Ломовской школы учился в школе ДОСААФ на радиотехника. До призыва в Советскую Армию работал полеводом в совхозе «Победа». В мае 1984 года Владимир Порываев стал солдатом, а через четыре месяца уже воевал в Афганистане – в качестве наводчика-оператора БРТА.

15 апреля 1986 года, меньше чем за месяц до «дембеля», Владимир с боевыми товарищами находился на выполнении боевого задания. Их бронетранспортёр подорвался на mine, в результате чего Порываев получил множественные осколочные ранения и скончался на месте. 21 апреля тело героя

привезли на родину и похоронили на кладбище села Усово с воинскими почестями.

12 сентября 1986 года, за мужество и героизм, проявленные на поле боя, рядовой Порываев Владимир Александрович был посмертно награждён орденом Красной звезды. А 23 сентября того же года на его могиле был установлен гранитный памятник, над которым шефствуют учащиеся Ломовской школы. 15 февраля 2014 года, в 25-ую годовщину вывода советских войск из Афганистана, на эту могилу приходили боевые друзья Владимира Порываева, чтобы почтить память земляка.

***P.S.** Современная деревня Усово (на ручье Усове – А.П.), находится в 8 километрах от села Ломовое - центра сельского поселения и в 39 километрах от посёлка Залегощь. Проживают в деревне, по данным на 1 января 2012 года, 63 человека (в основном, пенсионеры).*

Глава пятая. Орловская мозаика

Братья-разбойники Лутовиновы

У великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, как у всякого нормального человека, имелись, конечно же, недостатки. Но, к счастью для него самого и для нас, его читателей и почитателей, он не унаследовал худших черт родной мамёнки, Варвары Петровны, или (что было бы ещё печальнее) сумасбродства и буйства своего деда и его братьев и сестёр.

Родственники «весьма развращённых нравов»

Поэт Гавриил Державин, которому довелось служить в молодости с двумя братьями Лутовиновыми в гвардейском Преображенском полку, написал в «Записках», что капитан-поручик Пётр и подпоручик Алексей Лутовиновы — «умные и весьма расторопные в своей должности люди», однако ведут они «неблагопристойную жизнь» и совершают «засорные поступки».

По этим причинам их, в конце концов, из гвардии, мягко говоря, «попросили», хотя Алексей успел дослужиться почти до генеральского звания (*в отставку вышел бригадиром — чин между полковничьим и генеральским — А.П.*).

Возвратились братцы в свои поместья и стали жить обычной помещицкой жизнью. И вот тут они развернулись «по полной», да ещё младшего брата Ивана к своим безобразиям подключили.

«Художествам» Петра, Алексея и Ивана Лутовиновых в фонде Мценского уездного суда, что хранится в Государственном архиве Орловской области, посвящены целых пять дел, заведённых на братьев в течение всего лишь пяти лет. В год — по уголовному делу, круто, как сказали бы молодые, не правда ли?

Дело первое, ямщицкое

6 января 1776 года прапорщик Добродеев, определённый Военной коллегией для присмотра за ямскими станциями на Киевском тракте, послал своему начальству, в Военную контору, «репорт», в котором сообщил следующее.

Алексей Иванович
Лутовинов

Иван Иванович
Лутовинов

31 декабря 1775 года проезжал по тракту в направлении на Москву мценский помещик, гвардии отставной

капитан-поручик, Пётр Лутовинов (родной дед И.С. Тургенева, старший из трёх братьев — А.П.). Ехал он на пяти повозках и вёз с собой «неведомо каких людей».

Согласно правилам, установленным ямской конторой, каждый проезжавший на Москву, с условием его возврата обратно, мог на каждой станции требовать только двух лошадей. Однако Пётр Лутовинов везде «насильно» брал по 15 лошадей. «На Соловской же станции взял девять и определённого к той станции сержанта Шапошникова бил нещадно» (*тот пытался помешать своенравному помещику — А.П.*).

Кроме того, по пути следования отставной капитан-исправник безжалостно избивал ямщиков, а следуемых за прогон лошадей денег ни разу не заплатил.

Репорт прапорщика Добродеева Военная контора направила во Мценскую воеводскую канцелярию, а потом дело рассматривалось в Государственной юстиц-коллегии, которая возвратила его по месту жительства помещика — во Мценский уездный суд.

Пётр Лутовинов, опережая события, сам направил бумагу во Мценскую воеводскую канцелярию, в которой обвинил в случившемся инциденте сержанта Шапошникова, якобы, действовавшего не по закону. Шапошников по каким-то причинам, чтобы подтвердить факты, во Мценский уездный суд не явился, и никакого наказания капитан-поручик за своё самоуправство и «мелкое хулиганство» так и не понёс.

Дело второе, поповское

28 августа 1778 года во Мценскую воеводскую канцелярию поступило «явочное челобитье» от священника церкви села Богоявленского Сатыевского стана Чернского уезда Петра Иванова. Он просил разобраться по закону и принять меры в отношении мценских помещиков, бригадира Алексея и секунд-майора Ивана Лутовиновых, за нанесённые ими ему побои и «утрату при этом незнаемо куда дароносицы со святыми дарами».

Священник подробно описал события, во время которых пострадал. 24 августа 1778 года отправился он в деревню Круговую своего прихода по просьбе однодворца Алексея Черемисинова — для проведения «исповеди и святого причастия детей его, лежащих в болезни». Взял батюшка с собой необходимые церковные атрибуты — дароносицу и святые дары.

Однако не прошёл Иванов ещё и полверсты, как нагнали его в поле на дороге помещики Алексей и Иван Лутовиновы со своими людьми из деревни Слободки Чернского уезда — Семёном Родионовым, Степаном Парфёновым, Иваном Ивановым и крестьянином Борисом Григорьевым.

И сразу же, «незнаемо за что и по каким причинам бригадир Алексей приказал, а майор Иван Лутовинов сам, соскоча с лошади, начал его, именованного, бить». Однако господа Лутовиновы не удовлетворились обычным, групповым, избиением беззащитного священнослужителя. Они приказали своим слугам «обнаготить» его.

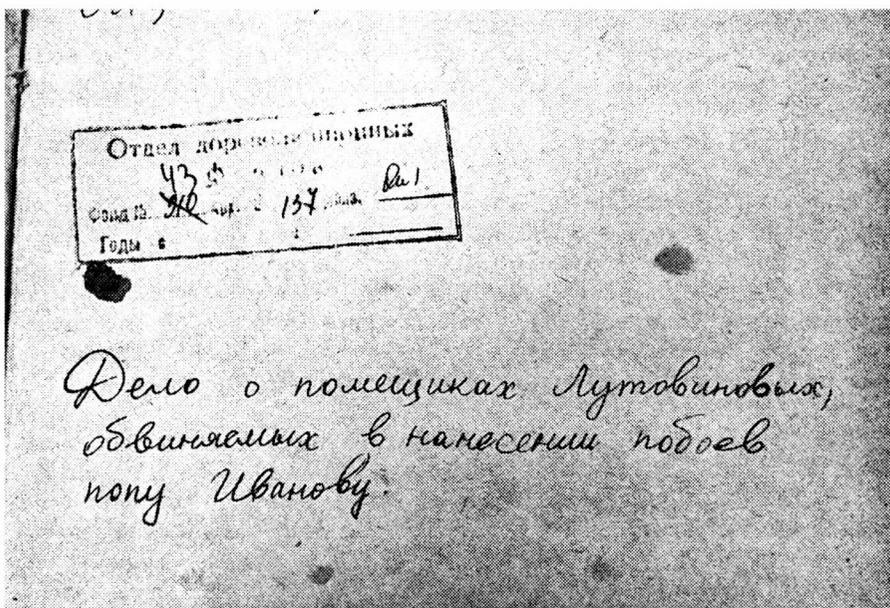
Выполняя приказ, дворовые люди сташили с отца Петра полукафтан, «заворотили на голову рубашку» и «по голому телу секли езжалыми кнутьями». Одни избивали, а другие держали попа, чтобы он не вырвался. Бригадир Алексей Лутовинов при этом приказывал бить до смерти и «выговаривал своим людям, чтоб его прикололи».

Избитого до полусмерти священника Лутовиновы бросили здесь же, на обочине дороги. Сам он подняться не смог и лежал до тех пор, пока не проезжал рядом однодворец из села Богоявленского Илья Матвеев. Ужаснулся он этой картине, поднял батюшку и привёз в его дом.

10 дней настоятель Богоявленской церкви приходил в себя и лишь потом смог написать «явочное челобитье» на разбойников Лутовиновых. Во Мценской воеводской канцелярии служители осмотрели отца Петра Иванова. Даже спустя 10 дней спина батюшки была в страшных, просечённых до крови, синих и багровых рубцах, так же выглядело и «седалище» священника.

В дополнение к факту избиения священник показал, что его дароносица и святые дары пропали во время нападения на него.

Следственное дело по «явочному челобитью» Петра Иванова рассматривалось в нескольких инстанциях — Мценской воеводской канцелярии, Мценском духовном правлении и Мценском уездном суде. Однако братья Лутовиновы активно сопротивлялись выдвинутым против них обвинениям.

Дело о нанесении побоев попу Иванову

Бригадир Алексей, как старший по возрасту и званию, обратился с «доношением» к епископу Севскому и Брянскому, Преосвященному Амвросию, в котором описал события совсем в другом свете.

По его словам, всё написанное в челобитной попом Ивановым — клевета. В тот день, 24 августа 1778 года, братья Лутовиновы осматривали свои земли около деревни Слободки. К вечеру они увидели подозрительного человека, который нарочно шёл не по дороге, а по их полям. Алексей спросил его, что он тут делает, тот отвечал невежливо. И бригадир Алексей Лутовинов «в горячности» приказал одному из своих людей ударить незнакомца. Но это было один раз, а потом Лутовиновы сразу же уехали. Дароносицу и святые дары они видеть не видали и слышать не слыхали.

Конечно, в такую оправдательную бумагу поверить можно было только при горячечном воображении. А побои — вот они, засвидетельствованы актом, и церковной утвари как не было, так и нет.

Однако разбирательство тянулось четыре с лишним года, решение не принималось, а закончилось всё документом, который подвёл итоги всему следственному делу:

«А ныне мы, Лутовиновы, и я, священник Иванов, поговоря меж собой полюбовно, переполняясь долгу любви христианской, помирились. ...Он, священник, на нас, Лутовиновых, напрасно показывал, якобы во отбитии дароносицы, а я, священник, что они, якобы, меня били.. Друг на друга впредь мы не челобитчики...»

Такая челобитная была направлена истцом и ответчиками на имя императрицы Екатерины II, с тем, чтобы в «Мценском уездном суде наше челобитье было принято, а дело производством остановлено и предано забвению».

Насчёт забвения получилось не в полном объёме, потому что — «записано пером — не вырубишь топором».

А ведь были (некоторые — и одновременно) ещё третье, четвёртое и пятое дела, связанные со ссорами и драками крестьян капитана Петра Лутовинова с однодворцами села Верхососенья (Малоархангельского уезда) на спорной земле, когда дело дошло даже до смертоубийства. Но и в этих случаях, как и во всех предыдущих, Пётр Иванович Лутовинов вышел сухим из воды. Разговоров и осуждений действий сумасбродных братьев при их жизни хватало, но адекватного наказания по отношению к ним ни разу так и не последовало.

Р.С. Ни родного деда Петра Лутовинова, ни его братьев Алексея и Ивана писатель Тургенев не знал лично, поскольку все они умерли до его рождения. Однако Ивану Сергеевичу были известны многие семейные предания рода Лутовиновых, некоторые из них в том или ином виде вошли в произведения Тургенева. Но, думаю, если бы Иван Сергеевич был знаком с вышеназванными делами из Мценского уездного суда, то парой-тройкой рассказов, а то и романом наследие великого писателя обогатилось бы наверняка.

Взяточники из Ливенского казначейства

То, что современные российские чиновники постоянно становятся фигурантами уголовных дел (по причине их безудержной любви к денежным знакам), известно многим гражданам нашей невезучей («благодаря» этим деятелям) страны. Орловская область – не исключение, стоит только полистать прессу последних дней и недель.

Но, оказывается, и два столетия тому назад чиновники Орловищины тоже были в центре внимания правоохранительных органов.

«По копейчке и рубль набезжит?»

19 мая 1780 года к Ливенскому уездному стряпчему, поручику Панову (в России в 1775—1864 годах стряпчий — название некоторых судебных чиновников, например помощника прокурора по уголовным делам. Особой компетенцией стряпчих была правовая защита казённых интересов – А.П.), обратился с жалобой ливенский помещик, владелец слободы Сухачёвки, капрал лейб-гвардии Преображенского полка Фёдор Шидловский.

Он заявил, что живущие у него в селении подданные его черкасы (казаки из Малороссии, или Украины, говоря современным языком, – А.П.) получали недавно в Ливенском уездном казначействе полагающееся им жалованье («годовые покормёжные»). Деньги им выдали, но только после того, как каждый «из черкас» заплатил по пять копеек канцелярским служителям и ещё по одной копейке сторожу казначейства («караульщику»).

Поручик Панов направил эту жалобу по инстанции, в Воронежское наместническое правление, подчеркнув в рапорте, что он лично приказывал казначею Головину, «чтоб таковых лихоимств не было, однако и поныне от речённого Головина» его подчинённым запрета на такие действия не поступало.

30 июня 1780 года Воронежское наместническое правление, на основании рапорта Ливенского стряпчего, сделало вывод, что «казначей Головин в послаблении изобличён» и отправило Указ в Ливенский уездный суд – об исследовании всех обстоятельств дела и наказании виновных. Вот так начиналось уголовное дело в отношении чиновников Ливенского уездного казначейства, разраставшееся со временем, как снежный ком.

Первоначально число пострадавших от взяток оказалось 14 человек. Будучи допрошенными 21 июля, все они дали одинаковые показания: «...взято с меня вымогательством сверх указных пошлин подканцеляристом Иваном Боевым денег по пяти копеек, да солдатом, а как его звать и прозвание, не знаю – по одной копейке».

Но уже 24 июля непосредственно в Ливенский суд поступили ещё две жалобы – от атамана Ивана Павлова сына Песоцкого, жившего в слободе Верхних Лубянок того же Ливенского уезда, и однодворца Василия Хажилева из деревни Лубянки.

Иван Песоцкий в своём «доношении» сообщил, что в марте 1780 года он, как атаман, получал в Ливенском казначействе «годовые печатные

покормёжные» на 30 человек черкас, живших в слободе Верхних Лубянках. При этом, *«взято с меня, Песоцкого, сверх указных пошлин, во время присутствия казначея поручика Головина бухгалтером Андреевым денег 30 копеек»*, да сверх того, при уплате полугодовых подушных податей за тех же 30 человек присяжным Андреем Зиминым было взято ещё 50 копеек.

Одноворец Василий Хахилев из деревни Лубянки жаловался на то, что в марте 1780 года он платил подушный налог в казначействе за 44 одноворца своей деревни и с него *«сверх указного платежа вымогательством того же казначейства присяжным Андреем Зиминым взято денег 15 копеек»*.

Не успели в Ливенском уездном суде прийти в себя от этих заявлений, как 25 июля поступило ещё одно «доношение» – от одноворца деревни Заломной Ливенской округи Никиты Брагина. Он писал, что, будучи избранным десятским, платил подушный налог в Ливенском казначействе за 34 одноворца своей деревни и с него «вымогательством» присяжный Зимин взял сверх платежа 20 копеек.

И, наконец, к вечеру 25 июля в суд явился атаман слободы Шеншинки Алексей Крикуненко с жалобой по такому же вопросу: *«в июне месяце, а какого числа, не упомяну»* он получал в Ливенском казначействе «пашпорта» для 28 черкас указанной слободы. При этом, бухгалтер Андреев взял с него «вымогательством» 30 копеек, подканцелярист Боев – по три копейки с каждого пашпорта (всего 84 копейки), а «копиист» Воробьёв – по одной копейке (всего 28 копеек), сторожу Крикуненко отдал 7 копеек, *«да при платеже подушных денег счётчиком присяжным Зиминым взято с меня сверх указного платежа 1 рубль 30 копеек»*.

«Взятки не брал, и кто брал, - не знаю»

Ливенские судьи взялись за голову: «вымогательства и взятки» были поставлены на поток, причём, задействованы в этом оказались практически все служилые люди Ливенского казначейства (хотя самого казначея Головина прямо в жалобах нигде не называли).

Началось предварительное следствие, во время которого все казначейские чиновники подверглись допросам.

Иван, Иванов сын Боев, 26 лет, подканцелярист Ливенского уездного казначейства, под присягой и святым причастием показал, что говорит *«сущую правду, ничего не утаивая»*: *«взятки не брал, и кто брал, не знает»*.

Андрей, Алексеев сын Зимин, 50 лет, бывший лейб-гвардии Семёновского полка каптенармус, а ныне присяжный Ливенского уездного казначейства, Афонасий, Иванов сын, Андреев, бухгалтер казначейства, и Иван Евсеев сын Шершавин, сторож, также не признались в каких-либо «лихоимствах».

По этому поводу 2 августа 1781 года в журнале заседаний Ливенского уездного суда было записано: *«вышеуказанные лица учинили затирательство»*.

Особое внимание судьи уделили уездному казначею поручику Василию Головину: ему «учинили отдельные вопросные пункты», но он не поддался на давление и никаких за собой «вымогательств» не сообщил.

Между тем, все пострадавшие от взяток требовали наказания служителей казначейства и возвращения взятых с них незаконно денег.

5 октября 1781 года состоялось итоговое заседание Ливенского уездного суда, на котором ничего нового для судей не произошло. Допрошенный в качестве главного (не знаю уж, свидетеля или обвиняемого), казначей Василий Головин заявил, что сам он ни в чём не виноват, поскольку своим подчинённым как «словесно», так и письменно запрещал «вымогательства», а брали ли они взятки – он не знает.

Ливенский суд, выслушав обвиняемых, счёл все обвинения против них недоказанными и освободил канцелярских служителей Ивана Боева, Андрея Зими́на, Афонасия Андреева и Иван Шершавина «от обвинений в сем суде» с такой формулировкой: *«Лучше 10 виновных освободить, нежели одного к смерти приговорить. Клятва учинена. Дело предать Воле Божьей».*

Впрочем, кажется, всё обстояло гораздо прозаичнее, поскольку одним из трёх судей Ливенского уездного суда был Николай Головин, вполне вероятно, родственник казначея Василия Головина.

И искать доказательства и каких-либо свидетелей, в этом случае, конечно, смысла не было. Очень похож оказался итог судебного заседания 230-летней давности на некоторые из недавних уголовных событий Орловщины. Ничего не меняется во временах и нравах?

(История написана на основании документов Ливенского уездного суда, хранящихся в Государственном архиве Орловской области, – Ф. 41, оп. 1, ед. хран. 1217)

Переплёт в Ливнах

История, которую я хочу поведать читателю сейчас, произошла спустя 15 лет после вышеупомянутых событий - в том же славном городе Ливны, в том же учреждении, но только с другими персонажами. Я думаю, что история эта будет интересна современному читателю, поскольку дает некоторое представление о быте и нравах жителей Орловского края в самом конце XVIII века.

«...На носу моем образовались кровавые раны»

Итак, утром 16 января 1796 года в Ливенское уездное казначейство заявился посетитель, войсковой житель («казак» – более знакомое и привычное нам название. – Прим. А.П.) слободы Крутой (этот населенный пункт, ныне село, и по сию пору находится в шести километрах от Ливен, при въезде в город со стороны Орла. – Прим. А.П.) Гаврила Говоров.

О том, что произошло через несколько минут после его прихода, я расскажу со слов самих участников событий. Их показания, запротоколированные писарем Ливенского уездного суда, сохранились, в числе других документов XVIII века, в Государственном архиве Орловской области.

Вот как представил судьям события 16 января коллежский регистратор Никита Турбин, один из двух главных героев этой истории:

«... находился я при исправлении своей должности в Ливенском уездном казначействе, когда оный Говоров пришел в то казначейство незнаемо для чего, весьма пьяный, и начал у меня требовать к переплету незнаемо каких книг». При этом Говоров «крепко бранился», а затем схватил со стола большую линейку и ударил ею регистратора по лицу, в результате чего «на носу моем образовались кровавые раны».

Чтобы защититься от пьяного хулигана, Турбин, по его словам, взял стоявшую у стола тонкую калиновую палку (зачем она находилась в здании казначейства, служитель не упомянул, может быть, уже были прецеденты с пьяными просителями? – Прим. А.П.) и попытался ею оттолкнуть Говорова. Тот хотел уклониться, споткнулся и левым плечом уперся в палку, отчего та переломилась и одним концом попала ему в голову, «над самым левым глазом, отчего сделался там небольшой знак». Так, несколько в экзотично-африканском стиле, выглядел «случай с просителем» в глазах коллежского регистратора Никиты Турбина.

Ответный удар

Следом за ним были допрошены в качестве свидетелей канцелярист Ливенского казначейства Василий Родинский и присяжный Иван Сикачев. Подтвердив, что Гаврила Говоров явился в казначейство пьяный, о дальнейшем ходе событий они рассказали по-другому.

Оказывается, Говоров уже несколько раз до названного дня приходил в казначейство, поскольку ранее заказал Турбину переплести несколько своих книг, но регистратор под разными предлогами уклонялся от разговора.

16-го же числа, после того, как подвыпивший Говоров начал ругать Турбина за невыполнение заказа, служитель схватил большую дубовую линейку, лежавшую на столе, и «ударил ею без всякого ухищрения Говорова по голове, второй удар нанес ему лежавшей здесь же толстой книгой и, наконец, схватил из-за печки тонкую калиновую палку (сам Турбин говорил, что палка стояла у стола, а она, оказывается, была спрятана за печкой. – Прим. А.П.), ударил ею Говорова третично в голову, от коего удара та палка переломилась, и он, Турбин, оставшимся обломком ткнул Говорова в лицо, от чего близ глаза образовалась рана, и из нее и из носа пошла кровь»...

Родинский и Сикачев всю схватку наблюдали, находясь от эпицентра событий буквально в двух шагах. При этом, по их словам, пьяный Говоров, сопротивляясь, нанес ответный удар той же линейкой, а потом пытался ударить и кулаком, но «не попал».

Самого Говорова судьям допросить не удалось, поскольку спустя пять дней после описанных событий он скончался. Собственно, уголовное дело в Ливенском уездном суде и возникло по причине его неожиданной смерти.

Месяц «на воде и соли»

«Дело о регистраторе Ливенского уездного казначейства Никите Турбине в бое им Ливенской округи слободы Крутой войскового жителя Гаврилы Говорова, кой после того умре...» разбиралось в мае 1796 года в Ливенском уездном суде, а 16 июня того же года – в Орловском верхнем земском суде.

Судебные заседатели Орловского суда Дмитрий Хрипунов и Андрей Глазунов внимательно изучили все имевшиеся в деле документы. Кроме уже упомянутых показаний названных выше свидетелей там имелись и дополнительные свидетельства других служителей казначейства. Они рассказали, что «побитый» Говоров на следующий день, 17 января 1796 года, как ни в чем не бывало, снова ходил пьяный возле казначейства.

Был вызван в суд ливенский уездный доктор, который заявил, что «под присягой и с чистой совестью свидетельствует, что смерть Говорова приключилась не от того бою, а от того, что в легких и печени образовалось сильное воспаление...»

Исследовав все обстоятельства дела, судьи пришли к заключению: избивание коллежским регистратором Никитой Турбиным войскового жителя Гаврилы Говорова не было непосредственной причиной смерти последнего, и потому наказание провинившемуся «должно быть соразмерно».

В результате, регистратор Никита Турбин за нанесение побоев войсковому жителю Гавриле Говорову был приговорен к месячному содержанию на хлебе и воде (в другом месте написано – «на воде и соли»). – Прим. А.П.). Возвратился ли Турбин после отбывтия наказания на свое рабочее место в Ливенское казначейство, неизвестно. Скорее всего, едва ли, поскольку желающих стать хоть маленьким, но чиновником, было достаточно и 200 лет назад, а не только сейчас.

В отношении присутствовавших при драке и «не отвративших ее» канцеляриста Василия Родинского и присяжного Ивана Сикачева Ливенский уездный суд принял частное определение: «предупредить о недопустимости подобного поведения, а в случае повторения оногo» привлечь их к суду...

Вот в такой переплет попали однажды ливенские казначейские служители. А уж справились ли они потом – история умалчивает.

Как герой Очакова войну женщине проиграл

В Орловской области до недавнего времени было три населённых пункта под названием «Сабурово» – в Орловском, Глазуновском и Покровском районах. О селе Сабурово под Орлом (15 километров от центра города), наверняка, слышали очень многие, поскольку оно связано с именем крупных орловских землевладельцев, графов Каменских. Один из них, генерал-фельдмаршал Михаил Федотович, известный полководец второй половины XVIII века, был основателем Сабуровской крепости, остатки величественных сооружений которой сохранились до настоящего времени.

Сабуровы – родственники царей

Однако мало кто знает, что своим названием село обязано первому владельцу – орловскому воеводе (90-ые годы XVI века) Михаилу Богдановичу Сабурову, отличившемуся в битве 1591 года с крымскими татарами.

Сабуровы – один из известнейших дворянских (и боярских) родов России. Когда Великий князь Иван III выбирал жену для сына Василия, тоже в будущем Великого князя, то лично просмотрел 500 претенденток (на Руси ещё раньше Запада до их кастингов додумались! – А.П.) и остановился на красавице Соломонии Сабуровой. А первой женой сына Ивана Грозного, Ивана, была снова Сабурова – только Евдокия. Сабуровы являлись близкими родственниками царя Бориса Годунова, и при нём на высших должностях в Московском государстве находилось аж 13 человек с такой фамилией.

Представители этого известнейшего рода были записаны в дворянские родословные книги сразу нескольких губерний Российской империи. Значатся Сабуровы и среди коренных орловских дворян, начиная с XVI века. Значит, недаром эта фамилия представлена на географической карте Орловщины. А теперь я поведу речь об одном из Сабуровых, имя которого совсем не упоминалось среди славных деятелей нашего края.

Генерал Иван Сабуров – герой «времён Очаковских и покоренья Крыма»

Иван Фёдорович Сабуров, сын бригадира (*это промежуточное воинское звание между полковником и генерал-майором, введённое Петром I и отменённое Павлом I – А.П.*) Фёдора Васильевича, родился 22 мая 1752 года. Военную карьеру начал в 17-летнем возрасте, рядовым Конной Гвардии, в которой прослужил 13 лет, после чего, получив звание подполковника, был выпущен в армию и определён в Ахтырский легко-конный полк (*впоследствии – 12-й Гусарский генерала Дениса Давыдова, Её императорского высочества, Великой княгини Ольги Александровны полк – А.П.*).

Почти вся дальнейшая служба Ивана Фёдоровича, его участие в сражениях и подвиги оказались связаны с этим известнейшим воинским соединением Русской императорской армии.

С 1782 года, в составе Ахтырского полка, Сабуров находится на самом юге рубежей России: первое время – в Крыму, а с началом сражений последней русской-турецкой войны XVIII века (1787–1791), в самом её эпицентре.

Когда турки развязали эту войну, пытаясь вернуть себе Крымский полуостров, то первым их действием стала высадка 1 октября 1787 года многотысячного десанта, под прикрытием одиннадцати кораблей, на Кинбурнской косе, находившейся на подступах к Очакову и Херсону. Небольшим отрядом, защищавшим Кинбурнскую крепость, командовал Александр Васильевич Суворов. Двумя стремительными ударами, не дав туркам опомниться, Суворов часть войск противника уничтожил, а остальных сбросил в море. Сам полководец при этом получил два серьёзных ранения и едва не погиб. Но суворовские чудо-богатыри не подкачали, спасли генерала.

Храбро сражался на Кинбурнской косе и подполковник Сабуров, командовавший одним из батальонов Ахтырского полка.

14 июля 1788 года Сабуров был произведён в полковники и назначен командиром этого полка. Вместе с ним он участвовал в двух крупных сражениях второй русско-турецкой войны – осаде и штурме Очакова (1788 год) и взятии крепости Килия (1790).

Особо следует отметить очаковскую эпопею. Сильная турецкая крепость Очаков в июле 1788 года была осаждена 80-тысячной армией под командованием Г.Потёмкина. Но командующий действовал нерешительно, и осада затянулась на 5 месяцев. Наступавшая зима и просьбы самих солдат вынудили Потёмкина назначить на 6 декабря штурм крепости. В 23-градусный мороз передовой 15-тысячный ударный отряд двинулся на приступ очаковских укреплений. Обе стороны сражались с крайним ожесточением, и даже когда русские солдаты ворвались на улицы города, турки не сдались. В сражении погибло две трети турецкого гарнизона, а оставшиеся 4,5 тысячи были взяты в плен. Русские потеряли убитыми свыше трёх тысяч человек.

Штурм Очакова. Гравюра Берга, 1792 г.

Среди тех, кто храбро прорывался в Очаковскую крепость, а потом бился насмерть на её улицах, был и полковник Сабуров со своими ахтырцами. Как и все офицеры – участники осады и штурма крепости, Иван Фёдорович был награждён специальным золотым крестом «За службу и храбрость». Солдат удостоили серебряных медалей с надписью «За храбрость, оказанную при взятии Очакова».

Турецкая крепость Килия, располагавшаяся на правом берегу Дуная, была взята русскими войсками в октябре 1790 года за гораздо более короткое время, но снова при отчаянном сопротивлении турок. И опять отличились в бою гусары-ахтырцы и их командир Иван Сабуров. За отличия во второй русско-турецкой войне он был удостоен ордена Святого Владимира 4-ой степени.

Почти сразу после окончания этой войны Ахтырский полк был отправлен в Польшу, где участвовал в сражениях с восставшими поляками, которыми руководил Тадеуш Костюшко. За два года военных действий (1792–1794) Сабуров проявил себя способным и храбрым командиром, особенно отличившимся в октябре 1794 года во время штурма пригорода Варшавы – Праги, где он командовал резервной кавалерийской колонной. Наградами за мужество ему стали Золотой крест на георгиевской ленте и Золотая шпага с надписью «За храбрость».

Вошедший на престол новый император Павел I в феврале 1797 года произвёл Ивана Сабурова в генерал-майоры и назначил его шефом Рижского кирасирского полка. Однако после повышения служба 45-летнего генерала продолжалась недолго: уже в сентябре того же года он был уволен в отставку.

Все дальнейшие сведения о жизни Ивана Фёдоровича Сабурова крайне скупы. В немногих энциклопедиях сообщается, что он, кроме русского, знал ещё и французский язык, а на 1797 год в Московском уезде, как землевладелец, имел 500 душ крестьян мужского пола. Даже дата его смерти остаётся нам неизвестной – «*после 1797 года*», как сообщают те же справочные издания.

Последняя битва генерала

Однако в Государственном архиве Орловской области мне посчастливилось найти недавно документы, которые позволили уточнить и расширить скудные сведения о генерале Сабурове.

Оказывается (и это самое главное! – А.П.) он был орловским (а если совсем точно, - малоархангельским) помещиком, дела которого несколько раз разбирали Малоархангельский уездный суд.

Согласно протоколам этого суда, генерал-майору Ивану Фёдоровичу Сабурову в 1810 году в сельце Юдинка Малоархангельского уезда (ныне – Малоархангельский район) принадлежало 550 десятин 2160 сажений земли. Всеми хозяйственными делами генерала в его имении занимался бурмистр Афанасий Агафонов. Именно он представлял интересы Сабурова в суде по очень любопытному делу. Сосед генерала, владелец поместья в соседнем селе Алисове (Никольское тож), подпоручик Василий Савенков захватил у генерала несколько десятин его земли.

Сабуров обратился с жалобой в Орловскую Палату Гражданского суда, потом – в Правительствующий Сенат на незаконные действия Савенкова, но пока эти бумаги шли по инстанциям, сосед-помещик скоропостижно скончался. И когда пришли, наконец, ответы, что «за насильное завладение» генеральской земли Василий Савенков должен заплатить 4740 рублей 40 копеек (большие деньги по тем временам! – А.П.), то разбираться пришлось Ивану Фёдоровичу

заново – уже с женой соседа, подпоручицей Катериной Яковлевной Савенковой.

Не буду описывать всех перипетий, скажу только, что денег генерал так и не получил, поскольку Катерина Яковлевна заявила – *«Денег наличных не имею, а имение моё принадлежит не только мне, но и детям – сыновьям Владимиру, Семёну и дочери Марии»*. Пока искали сыновей (они были на военной службе), пока брали с них объяснительные, прошло 6 лет. За это время Катерина Савенкова умудрилась не только добиться отмены решения по выплате ею генералу почти 5000 рублей, но и – наоборот – *доказала*, что не муж её захватил 45 десятин генеральской земли, а генерал Сабуров незаконно владел несколько лет наследственной савенковской землёй.

Прислан был в Орловскую Палату Гражданского суда Указ Правительствующего Сената по этому поводу. Но теперь, когда 5 августа 1818 года Малоархангельский уездный суд снова обратился к земельному спору генерала Сабурова с помещиками Савенковыми, уже сам генерал не дождался его рассмотрения – скончался незадолго до этого.

Так генерал-майор Сабуров, герой «времен Очаковских», не раз бивший турок и поляков, проиграл войну из-за земли. И кому? Женщине - помещице, подпоручице, Катерине Савенковой. И не только проиграл, но и умер. Не могу сказать, что именно из-за этого, но что и из-за этого тоже – уверен.

А многолетний земельный спор был вынужден продолжать сын генерала – капитан Иван Иванович Сабуров. Но это уже совсем другая история.

Как на Орловщине на медведей охотились

Медведь в краеведческом музее г. Орла

200 лет назад бурый медведь на Орловщине был обычным зверем (пусть и самым большим), и охотились на него так же постоянно, как на волка или лису, но при более серьёзной подготовке. Чучело Мишки в областном краеведческом музее – напоминание о тех, ушедших в легендарное прошлое, временах, когда для любого орловского охотника-помещика было делом чести «завалить» хотя бы одного косолапого.

«Домашний памятник» Николая Левшина

Об одной из таких охот на медведей я с удовольствием прочитал в журнале «Русская старина» за 1873 год. Автором записок, изданных под заголовком "Домашний памятник", оказался Николай

Левшин. И прежде, чем перейти к его рассказу непосредственно о самой охоте, необходимо несколько слов посвятить автору этих незаурядных воспоминаний первой половины XIX века.

Николай Гаврилович Левшин родился в Москве 2-го января 1788 года в известной на Орловщине дворянской семье. Военную службу он начал в лейб-гвардии егерском полку, будучи записан в него, по обычаю того времени, еще с младенчества. В 1805 году Левшин совершил поход в Австрию и принимал участие в сражении 20-го ноября у местечка Аустерлиц, а спустя два года, во время похода в Пруссию, в сражении при селении Ломиттен, был ранен в грудь. За мужество и храбрость в боях Николай Гаврилович был награждён орденом Святой Анны 3-ей степени и золотым оружием «За храбрость».

Последствия ранения сказались позже, и Левшин в 1810 году был уволен со службы с правом ношения мундира. В 1812 году, когда Наполеон двинулся на Россию, отставной военный счел себя обязанным возвратиться в ряды действующей армии. Он поступил в ополчение и находился на службе по 1814 год. За границей Николай Гаврилович обвенчался с Изидорой Августовной Людвиг, дочерью саксонского сенатора. Выйдя снова в отставку, он поселился в своем имении, в селе Введенском (*Жоноплянка тож, Болховского уезда Орловской губернии – А.П.*).

Имение в селе Введенском принадлежало ещё его деду и бабке по материнской линии – Петру Петровичу и Екатерине Алексеевне Апухтиным (*раньше писали – Опухтины – А.П.*). Предки Апухтиных выстроили в этом селе Введенскую церковь. Петр Петрович и Екатерина Алексеевна Апухтины, кстати, были, одновременно, прадедом и прабабкой Ивана Сергеевича Тургенева (*по линии отца, Сергея Николаевича – А.П.*). Николай Гаврилович в своём «Домашнем памятнике» родственникам посвятил много добрых слов (*о писателе Тургеневе в момент написания записок он ещё, конечно, и не подозревал – А.П.*). Левшин, постоянно проживая во Введенском, примерно с 1840 года начал вести свои записи. Скончался Николай Гаврилович в 1845 году. Орывок из его «Домашнего памятника» я и предлагаю читателям.

Маленький адъютант и большие охотники

«Отец мой (*Гаврил Федулович Левшин, премьер-майор и коллежский асессор, болховский помещик – А.П.*) был с самых молодых лет и до старости страстный охотник псовый. Как осень начнется, то есть, когда хлеб уже с поля соберут, тут охота начинается; человек 20 псарей и около сотни собак всегда готовы на увеселение. Веселье это довольно часто обращалось в горе не малое, ибо когда пропустят зайца, а спаси Боже, лисицу, то тут же всех перепорют их же плетками.

Родитель меня довольно часто брал на охоту, и я исполнял должность маленького адъютанта; только и доставалось же мне иногда за малейшую неисправность, была беда! словом сказать, все, окружающие родителя, трепетали. Должность моя состояла в том, чтобы я всякую неисправность в сбруе и лошади родительской прежде всех (усмотрел). Собаки своры

родительской тоже были под моим ведением. Все охотники радовались сердечно, когда кто из соседей приезживал охотиться с батюшкой, ибо тогда он был веселее и не так взыскателен. Езжали же следующие: Николай Сергеевич Кологривов, который был нраву самого хорошего, добродушный и весельчак. Фигура его была престранная: толщины необъятной, голова и лицо несоразмерно большие и кривой. Он так был толст, что только и была у него одна вороная лошадь, которая в осенний короткий день едва могла ему выслуживать поле, а скакать под ним почти не могла, да он и не хотел рисковать; какой ни был горячий охотник, но скачки боялся, особенно после падения его в овраг с лошадьё. Кологривов, наскакавшись тогда, с лошадьё упал в овраг лесной, прямо на претолстую колоду; лошадь его на сучьях остановилась мертва, что и спасло седока, ибо он сидел на мертвой лошади невредим до тех пор, пока его, опутав веревками, стащили с лошади прямо вверх из оврага. Когда опасность миновала, то все много хохотали; однако Кологривов долго после того не ездил на охоту, да и лошади другой не мог скоро прискать.

Второй сосед и охотник был из с. Введенского — П.В. Матвеев. Сей не был еще богат, как ныне он сделался; и, помня, что он не потомок славных Матвеевых, не церемонился много, и часто забавлял, бывало, родителя моего сражением с псарем Федотом, по прозванию «Дедюля»...

Третий камад на охоте был Федор Артемьев Гнездилов, однодворец. Этот был настоящий умный шут, какие всегда в тот век еще бывали при домах феодальных господ. Гнездилов всех умел имитовать очень ловко и передразнивать так похоже, что батюшка всегда много смеялся. Особенно умел отлично представлять богатого соседа, дурака Чулкова, как он умывается и чистит зубы по несколько часов сряду. Этот же Гнездилов был не пьяница, но только не бескорыстный.

Редкое поле происходило без баталии, — большею частию, вся прислуга кулаком глаза утирала и вздыхала. Травили лисиц и волков, даже иногда и медведей, почти ежегодно, но с большой опасностью.

«Лисица» и три медведя

В 1801 году, когда еще казенная засека была точно дремучий лес, медведи осенью выходили всегда кормиться по небольшим лесам и ежегодно приходили они и в леса села Введенского. В сем году пришли три в Плоховский лес, что за Прилепами, прямо против дому. В тот час ловчий и лесник донесли о сем. В несколько минут вся охота была в готовности: люди с ружьями, с рогатинами и батюшка на коне. Обыкновенно пустят в остров гончих собак 70 и более и оне гонят зверей до того, что оне совсем опешают. Народ же и все верховые охотники, окружа лес, стоят на опушке, дабы зверей из лесу не выпускать. Вдруг раздается крик, что убили лисицу на опушке, в кустах против лугу, где протекает река Орс. Батюшка первый прискакал на свалку. Что же увидел? Полумертвого человека. Камердинер Алексей, по прозвищу «лисица», валялся окровавленный. Повар, сидя недалеко от спрятавшегося в кустах камердинера и увидев, что что-то шевелится, ударил во всю силу дубиной и чуть «лисицу» до

смерти не убил. Долго был о сем толк большой: с умыслом ли повар хватил так ловко, или в азарте, сгоряча? Впрочем, известно, что этого камердинера-«лисицу» никто терпеть не мог, ибо он был самый злой человек, ябедник и доносчик.

Между тем, за медведями гонялись беспрестанно и ввечеру (это было в половине октября) утомили их и двух убили в лесу, а третий — убежал чрез поле к деревенскому мосту, где стояла коляска,— ибо сама матушка (*Марья Петровна Левшина, в девичестве — Апухтина — А.П.*) выехала на травлю, не потому, чтобы она желала забавляться спектаклем, но из беспримерной любви к батюшке, не желая его видеть в опасности из окошек дома. Тут близ самой коляски убили и третьего медведя; лошадей, которые весьма старые были, насили удержали, а матушка лежала в обмороке; тем и кончилось медвежье побоище. Родитель был чрезвычайно весел, сотрудников приказал перепойть вином, а собак — двойной порцией накормить. Алексей-«лисица» был долго болен и долго ходил с обвязанной головой, а медвежьи шкуры, как значительные трофеи, висели долго напоказ; потом из них сшита была для батюшки шуба, которую он до самой кончины изволил носить. В чужих краях медвежье мясо едят охотно, особенно лапки, как лакомый кусок, — теперь и в России уже покушывают; но в то время, сохрани Бог!.. почему и отдали мясо собакам, а сала надрали более двух пудов и продали в аптеку за сущую безделицу».

(Описанная Н.Г. Левшиным охота проходила в окрестностях современных села Коноплянка и деревни Прилепы, вдоль берегов речки Орс — это территория Медведковского сельского поселения Болховского района, трудно сейчас вообразить, что сюда заходили медведи, но так было — А.П.)

Как «белым голубям» крылья подрезали

Много известных личностей родилось на орловской земле. Но, пожалуй, лишь один из них всю свою жизнь посвятил тому, чтобы не рождались другие. Это был основатель секты скопцов Кондратий Селиванов. Вот что о нём известно из исторических источников.

Первый скопец России

Родился в селе Столбове Орловской губернии. Был отправлен в рекруты, но, не захотев служить, сбежал. Вступил в секту «хлыстов». Но вскоре, не удовлетворённый их обрядами, Кондратий Селиванов создал свою собственную, провозгласившую, что единственным путём спасения души является борьба с плотью путём оскпления. За короткое время скопческая секта стала довольно многочисленна.

В 1772 г. по указу Екатерины II, «за распространение богопротивной ереси», Селиванов был приговорен к каторжным работам, но успел скрыться и был пойман только в 1774 г. В 1775 г. его приговорили к телесному наказанию и каторжным работам, но дошел по этапу Кондратий только до Иркутска и по неизвестным причинам остался там жить.

В 1795 году Селиванов вернулся в Москву, где прослыл не только испугителем, но и представлялся своими приверженцами как царь Пётр Федорович. В 1797 г. Селиванов оказался в Санкт-Петербурге и был представлен императору Павлу I, после беседы с которым его препроводили в сумасшедший дом.

В 1802 г. Селиванов отправлен был на жительство в богадельню при Смольном монастыре, а затем взят на поруки. С этого времени главный скопец и его окружение подпадали под императорскую милость, в дом, где ими проводились богослужения («радения») даже был запрещен вход полиции. В 1805 году Селиванова посетил император Александр I.

В 1820 г., по ходатайству петербургского генерал-губернатора графа Милорадовича, племянники которого были вовлечены в секту, Селиванова арестовали и сослали в суздальский Евфимиев монастырь, где он оставался до смерти, последовавшей в 1832 году.

Известный русский юрист Анатолий Кони писал, что похоронили основателя скопчества в Шлиссельбурге, где его могилу постоянно посещают верные последователи-скопцы.

А теперь – о тех людях, которые поверили в идеи новоиспечённого царя Петра III. Их число оказалось достаточно велико. Данные исследователей по этому поводу расходятся – от нескольких десятков тысяч до 300–400 тысяч человек. Настоящая армия.

И, естественно, много скопцов в XIX веке проживало в родных Селиванову местах – на Орловщине.

В Государственном архиве Орловской области, в фонде Малоархангельского уездного суда, мне удалось найти трёхсотстраничное «Дело об однодворцах Луinine, Гринёве, девках Татьяне Гринёвой и других, судимых за оскотление».

«Белые голуби» из Гнилой Плоты

Итак, обо всём по порядку.

20 июля 1833 года Орловская палата уголовного суда рассматривала поступившие к ней из Малоархангельского уездного суда документы: протоколы допросов скопцов из села Гнилая Плоты, подозревавшихся «в создании, содержании и распространении скопческой субботнической секты».

Допросам земского исправника, местного стряпчего и депутата от духовной стороны подверглись 13 мужчин и 3 женщин. Надо сказать, что чтение протоколов, в которых подробно записаны показания каждого из скопцов, – достаточно увлекательное и, одновременно, страшноватое, чтение.

Пимен Лунин признался, что он скопец, что первоначально был вовлечен в скопчество господским человеком из Орловского уезда, Василием Шишкиным, который и подвиг его на «сие скопчество тем, что сие есть Богоугодное дело и спасение души». Шишкин же в собственном доме и вырезал у Лунина «детородные ядра». За скопчество Лунин был наказан плетьюми и сослан в Дека...ую (неразборчиво – А.П.) крепость, откуда в 1802 году возвращён на прежнее место жительства.

Фёдор Гринёв сообщил судье, что он скопец с 1805 или 1806 года, а лишился детородных частей в результате несчастного случая. Ходил Фёдор на охоту, стрелял уток, зашёл в воду, в тростник, но через некоторое время почувствовал сильную боль в детородных частях, где была рана и опухоль. Сказал об этом неудачливый охотник товарищу, Емельянову Шалимову. Тот довёл Гринёва до дому, а потом сходил за лекарем. Лекарь его чем-то напоил, и Фёдор «сделался без памяти». А на другой день увидел он, что «детородных ядер уже не имеет». Кто был тот лекарь, Гринёв не знал, а товарищ его, Шалимов, умер давно.

Роман Можаров тоже признался в скопчестве, но заявил, *«что детородных частей у себя не имеет с самого малолетства, выболели оные у него от того, что одержим был он болезнью «родимцом»*. В 1824 году, чтобы излечиться, ходил Можаров в Малоархангельск, к местному лекарю Ивану Марковичу Рогато-Левицкому, который в течение трёх месяцев давал ему какие-то лекарства. За лечение Роман заплатил три рубля и получил от лекаря свидетельство.

О том, что лишились детородных частей в результате заболевания, сообщили также Пётр Головин, Иван Шаталов, Николай Есурнов, Александр Бахтияров, Данила Сидельников, Стефан, Илья, Василий и Савостьян Карловы. Кто-то из них лечился у того же Ивана Левицкого, кто-то – у орловского штаб-лекаря Малиновского, третьи назвали лекаря Брунса из города Щигры Курской области, четвёртые – неизвестного ливенского лекаря, а Иван Шаталов так вообще, аж в Воронеже свои мужские достоинства утратил. Все «пострадавшие» за лечение заплатили (от четверти муки до 15 рублей), и у всех, без исключения, оказались на руках «свидетельства», выданные лекарями (мы бы назвали это справками – А.П.).

Из всех допрошенных мужчин лишь один Семён Есипов признался, что он себя оскопил ещё 36 лет назад, а уговорил его на это дворовый человек помещика Дурнова Василий Шишкин. *«Шишкин у себя в доме лишил меня детородных ядер, перевязав их верёвочкой и отрезав ножом»*. Есипова тогда наказали плетьюми, а Шишкина сослали.

В отличие от гнилоплотских мужиков, однодворки этого села, «девки Татьяна Гринёва и сёстры Агафья и Устинья Головины» никаких справок по поводу того, почему у всех них нет обеих грудей, не представили. Все трое сообщили, что груди у них болели, «гнили», а лечила их однодворка из деревни Малая Сучья Плота Осиповна, чьё имя они не знают. Вот после её лечения они и оказались безгрудыми.

Ни один из 16 допрошенных не признал свою вину в главном пункте обвинения – *«содержании и распространении еретической секты»*.

Суд решил...

Если бы малоархангельский земский исправник, стряпчий и депутат от духовной стороны ограничились только этими допросами и представленными от лекарей «свидетельствами», то, вероятно, обвиняемые были бы оправданы.

Однако в селе Гнилая Плота, кроме самих скопцов, были допрошены (под присягою) ещё 43 «сторонних человека».

Эти «сторонние люди», однодворцы, без каких-либо сомнений, показали, что в их селе действует «скопческая секта в самой высшей степени». Возникла же она более 30 лет назад, с того самого времени, как возвратился в Гнилую Плоту из ссылки наказанный за скопчество Пимен Лаврентьев сын Лунин. Он и есть – *«главный распространитель и основатель оной секты, до него ни одного скопца и ни одного соблазна к сей Богопротивной ереси не было»*.

Свидетели показали, что в селе более 20 дворов «впали в эту ересь». По ночам, с субботы на воскресенье, скопцы из этих дворов приходят на тайные сборища к Пимену Лунину и совершают там еретические моления («радения»). Сами скопцы не едят мяса, чуждаются супружеского ложа, не женятся и не выходят замуж, не слагают «трёхперстного знамения крест», а если и делают это, то лишь «для сокрытия их губительного раскола».

Священник Покровской церкви села Гнилая Плота отец Павел рассказал, что *«всех оных, состоящих в скопческом расколе, и в церкви, и посещая дома их, пытался при всяком удобном случае увещевать, чтобы отстали они от раскола, но во всём том они остались непреклонны»*. Скопцы не поддались ни уговоры, несмотря на то, что за несколько лет до событий 1833 года уже были осуждены и сосланы в Сибирь 8 их единоверцев из этого села.

Свидетельские показания обычных православных жителей Гнилой Плоты и легли в основу приговора. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что в скопцах оказались целые семьи: у основателя секты Пимена Лунина сын, две дочери и племянник тоже были скопцами, то есть очевидным для судей стало вовлечение родственников в «богопротивную ересь». Под суд попали, правда, не все скопцы Гнилой Плоты, некоторые, избегая ареста, заранее покинули родные места.

Не принял суд в качестве аргументов в пользу обвиняемых их «свидетельства», полученные от лекарей, заключив, что эти справки *«сделаны несправедливо, чрез богатство»*.

Первоначальное решение по делу о скопцах из Гнилой Плоты было вынесено 28 декабря 1833 года. По нему шестерых признанных виновными скопцов-мужчин собирались отправить в Иркутскую губернию на поселение, а двоих женщин – в ту же губернию, на суконные фабрики.

Однако 7 апреля 1834 года секретным письмом на имя Министра внутренних дел Российской империи, орловский гражданский губернатор Кочубей сообщил, что Орловская Палата уголовного суда приговорила:

1) скопцов Петра Головина, Николая Егурнова, Савелия Гринёва, Александра Бахтиарова и Ивана Шаталова к сдаче в солдаты и отправке на службу, «в какой только годности окажутся – в Кавказский отдельный корпус, в случае же совершенной неспособности к службе – к ссылке в Закавказскую провинцию»;

2) Пимена Лунина и однодворческих девок Татьяну Гринёву, Агафью и Устинью Головиных – к ссылке в Закавказскую провинцию; *(напомню, на*

всякий случай, что в Закавказье тогда только-только разворачивалась борьба России за овладение этим регионом, и отправка осуждённых туда была гораздо более серьёзным наказанием, нежели ссылка в Сибирь - А.П.);

3) подсудимых Фёдора Гринёва, Романа Можарова, Василья и Савелия Карловых, Данила Сидельникова, Семёна Есипова – оставить на прежнем месте жительства, под подпискою, что если они будут продолжать распространение «скопческой ереси», то будут наказаны по всей строгости законов.

P.S. Какой оказалась судьба наказанных собой, Богом и орловским судом малоархангельских скопцов, остаётся лишь догадываться. Но спустя 13 лет, в 1847 году, из Министерства внутренних дел в Орловскую Палату уголовных дел поступил запрос о том, откуда родом и какого сословия сосланная на Кавказ Татьяна Гринёва. Зачем это потребовалось – неизвестно, но, значит, жива была ещё к этому времени гнилоплотская скопческая сектантка, лишившая себя когда-то груди во имя спасения души.

А последние скопцы официально в СССР исчезли лишь в 1929 году, после большого показательного суда над ними.

Послесловие

Скопцы

Скопцы («агнцы Божьи», «белые голуби» и т.д.) - одна из исторических русских сект, заслуженно считающаяся изуверской. Возникла во второй половине XVIII века. Численность в середине XIX века - до 300 тыс. человек. Исповедовала духовный аскетизм и человеческое бесстрашие. Чтобы победить то, что вводит человека в «грех», скопцы практиковали кастрацию («огненное крещение», «убеление»). Было две стадии «убеления»: «малая печать» - отрезание яичек и «большая» - удаление еще и пениса. Существовали «печати» и для женщин: выжигание сосков, отрезание груди, клитора, половых губ. Самокастрации случались редко, чаще «убеляли» новообращенного члена секты другие скопцы. Все делалось без наркоза, с примитивной антисептикой, нередко заканчивалось смертью. В разное время секта действовала то почти открыто, то тайно, внешне скопцы оставались православными. Царизм боролся с сектой, но реально с ней покончила лишь советская власть, организовав в 1929 году крупный судебный процесс над ними.

Сегодня скопцов в России нет. По крайней мере, нет о них документированных данных у специалистов-сектоведов. Скопцы сегодня - лишь исторический феномен.

(18 марта 2009, «Аргументы Недели». Сергей НЕХАМКИН)

«Злодей Александр Окатов»

13 июля 1856 года Орловский губернский предводитель дворянства обратился к Орловскому гражданскому губернатору Сафоновичу со следующим посланием: «Господин Малоархангельский уездный предводитель дворянства довел до сведения моего, что помещик, капитан Окатов, обращается очень строго с крепостными людьми и что во время уборки сена в саду Окатов ударил два раза палкою беременную женщину, бывшую на сносях, которая после этого через пять дней умерла скоропостижно...»

Далее губернский предводитель дворянства перечислил другие многочисленные жестокости помещика Окатова, на основании чего через неделю губернатор отдал распоряжение, и было заведено «Дело о превышении капитаном Окатовым помещичьей власти».

И хотя медленно вращалось колесо правосудия, но уже через месяц, 20 августа 1856 года штаб-офицер корпуса жандармов майор Житков и старший чиновник особых поручений поручик Кушев прибыли в имение Окатова, в сельцо Грязное, где допросили его крепостных людей. Все опрошенные – Иван Тихонов, Иван Астахов, Андрей Евсеев, Петр Павлов, Павел Поликарпов, Ларион Иванов, Егор Иванов, Александр Григорьев, Федосей Иванов, Михаил Трофимов, Никита Васильев, Иван Гаврилов, Павел Ларионов – жаловались на своего владельца, говорили, что он не дает им хлеба, и поэтому они вынуждены просить милостыню. Кроме того, некоторые из крестьян рассказали о многочисленных случаях физического насилия по отношению к ним и их семьям со стороны помещика.

4 сентября 1856 года майор Житков и поручик Кушев допросили самого Александра Борисовича Окатова. Он показал, что «по последней ревизии за ним числится 19 душ крепостных крестьян (при сельце Грязном Малоархангельского уезда) и 140 десятин земли при них, но и крестьяне, и земля еще не выделены особо и находятся во владении его родителя – Бориса Тимофеевича Окатова».

Далее капитан рассказал, что он не женат, находится в отставке, и проживает в доме отца своего, в сельце Грязном, управляя его имением по доверенности.

Пытаясь вызвать у следователей сочувствие к себе, Окатов вспомнил о своей военной службе «в Драгунском Его Императорского Высочества наследника Цесаревича полку», где удостоился «получить Высочайшее благоволение за ученья и маневры в 1837-ом году при селе Бородино» (тогда как раз отмечалось 25-летие Бородинского сражения – А.П.). Александр Борисович категорически опроверг все утверждения крестьян о его жестокости («это вранье»). Следователи добросовестно выслушали Окатова и записали все его показания.

Через несколько дней были опрошены и соседи – помещика. В результате кропотливой работы майор Житков и старший чиновник Кушев с чистой совестью могли доложить начальству о выполненной работе. Итоги её ровно через год (да, такими были сроки расследования и тогда, в середине XIX века – А.П.) подвел император Александр II в своем Указе, направленном Орловскому гражданскому губернатору 16 августа 1857 года.

Мы процитируем этот документ почти без сокращений (он хранится в Государственном Архиве Орловской области, в фонде № 4 – ед. хр. 3108 – А.П.):

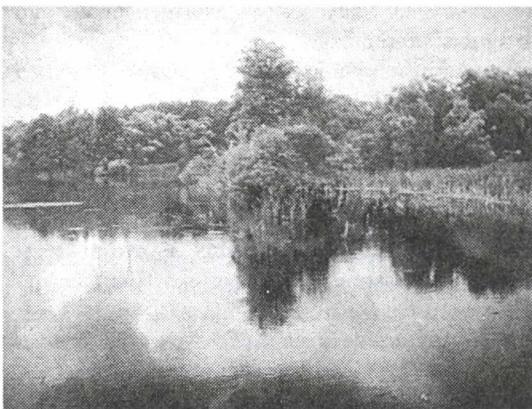
«Правительствующий Сенат слушал: Дело о взятии в опеку имения отставного капитана Окатова за жестокое обращение с крепостными

крестьянами, как своими, так и принадлежащими и отцу его, именем которого он управляет по доверенности...

Собрание Предводителей и Депутатов Дворянства Орловской губернии, рассмотрев следствие, постановило: принадлежащие собственно отставному капитану А. Окатову имение, в числе 19-и душ, взять в опеку и удалить от управления имением, принадлежащим отцу его, обязав последнего не допускать сына в какие-либо по оному распоряжения и не давать ему в услужение крепостных людей...

...Александр Окатов и отец его, надворный советник Борис Окатов, на оное жалуются Сенату...

...Но, тем не менее, из произведенного следствия усматривается, что А. Окатов позволял себе собственноручно бить по щекам и таскать за волосы своих крестьян, бил их арапником, некоторым мужикам стриг волосы и, по

Окатовский пруд

отзывам соседних дворян, основанным на общей молве, известен за человека строптивного и дурно обращающегося с крестьянами.

Двое же из сих дворян, а равно и Предводители и Депутаты Дворянства, обсуждавшие настоящее дело, удостоверили, что сам Окатов несколько лет назад подвергся побоям, нанесенных ему крестьянами за излишнюю с ними строгость.

По сим основаниям, признавая необходимым принять меры к пресечению и предупреждению на будущее время пагубных последствий от дурного управления крестьянами, Правительствующий Сенат, согласно мнению Господина Министра Внутренних Дел, определяет: постановление дворян Орловской губернии утвердить – с тем, чтобы Александру Окатову не дозволено было проживать в своем имении и держать в услужении своих крепостных людей.

Прошения же Александра и Бориса Окатовых оставить без последствий, о чем для исполнения и объявления просителям Начальнику Орловской губернии – с возвращением следственного производства, послать указы, каковым уведомить Господина Министра Внутренних Дел...»

Р.С. Помещики в Орловской губернии были разные, в том числе и такие, как Александр Окатов – владелец сельца Грязное, что находится ныне в составе Покровского района.

Садистские наклонности этого помещика вызвали возмущение всех окружающих – и его крепостных крестьян, и соседей – помещиков, и

губернского начальства. В конце концов, Окатова наказали – отстранив его от управления имением. Но и только. Что ж, и в XIX веке судебная система благосклонно относилась к нарушителям из числа представителей привилегированных слоёв населения.

Имя же Окатовых сохранилось и по сию пору в той части деревни Грязное, где находится самый старый в нашем районе, двухуровневый каскадный пруд, сооруженный 150 лет тому назад крепостными крестьянами по приказу то ли Бориса Тимофеевича, то ли Александра Борисовича Окатовых.

Так или иначе, в истории Орловской губернии и Малоархангельского уезда оставили Окатовы свой след, - правда, очень своеобразный.

О пользе полезных ископаемых

16 февраля 1879 года орловская губернская газета «Орловский вестник» опубликовала материал под названием «Ещё раз об Анцыфоровских рудах и Акулицкой даче», перепечатанный из центрального российского издания «Голос». Я обращаю внимание читателей Ома на первую часть статьи, повествовавшую об Анцыфоровских рудах.

Богатство, улывающееся в Париж?

Для начала, – цитата:

«Париж, 28 января. Посвящаю письмо вопросу, всецело интересующему Россию, и, тем не менее, решающемуся здесь, в Париже! Из письма вы увидите, в какой степени мы, русские, пренебрегаем своими собственными интересами. Почти год назад в «Голосе» был опубликован довольно большой фельетон, посвящённый богатому месторождению железных руд в Кромском уезде, открытому г. Анцыфоровым, где справедливо было указано на необходимость эксплуатировать русскими средствами богатые залежи железной руды.

Я вполне разделяю этот взгляд, и потому мне особенно неприятно было узнать, что всё это богатое дело готово перейти в руки иностранной комиссии.

А дело, действительно, богатое: на пространстве 1,587 десятин залегает 5,558 миллионов пудов руды. Если перевести на деньги, считая по 5 копеек за пуд, то окажется 278 миллионов рублей.

По анализам наших профессоров, г.г. Менделеева и Иностранцова, французских горных инженеров Базена, Дебре, Леви и английского, Гагона, эта руда обладает в высшей степени чистым сферосидеритом, дающим, при обжигании – 70 процентов металлического железа. Это ли ещё не богатство? И вскоре это богатство перейдёт в руки французских предпринимателей, если, конечно, не принять меры. Но надо торопиться.

Дело в том, что этим делом интересуется уже «Societe finaciele Paris», общество, занимающееся организацией подобных предприятий. Директора

этого общества, барон Бюссьер и г.Дюренжель не только получили уже проект эксплуатации, но, изучив его, изъявили желание заняться этим делом.

Здесь, в Париже, доверенными лицами г.Анцыферова, владельца рудников в селении Зиновьево Кромского уезда, явились: князь Пётр Трубецкой и г. Дмитрий Шидловский. Общество уже назначило и горного инженера, г. Фукса, профессора эдешнего горного института, для осмотра зиновьевских рудников на месте. Предполагается образовать компанию, выпустив 20 000 акций по 500 франков каждая, то есть собрать капитал в 10 миллионов франков. Валовый ежегодный доход предполагается в 8 250 000, расходы по эксплуатации – 6 588 000, чистая годовая прибыль составит 1 588 000 (здесь автор немного ошибся в расчётах – А.П.). Вот какое богатство уходит из русских рук. И где же? В Орловской губернии, в центре России!»

Бунтарь Добрынского прихода

Когда я прочёл этот чрезвычайно любопытный материал, то вначале никак не мог понять, почему мне кажется знакомой фамилия этого первооткрывателя железных руд. Не сразу, но вспомнил, что встречал её у Николая Семёновича Лескова. В очерке «Дворянский бунт в Добрынском приходе», написанном в 1881 году, именно помещика Анцыферова священник Добрынской церкви Илларион Оболенский обвинил в попытке устроить бунт против власти. Вот что Николай Лесков сообщил о нём читателям:

«Человек, о котором идёт речь, назывался Пётр Николаевич Анцыферов. Он мой ровесник, и мой товарищ с первого класса орловской гимназии. Когда я поехал из Орла в Киев, Анцыферов отправился в Ярославль, окончил курсы в Демидовском лицее, немножко послужил по министерству юстиции и, возвратясь в Орловскую губернию, женился на одной из барышень Ивановых.

С тех пор он поселился в Зиновьеве в качестве помещика. Анцыферов тогда был ещё молод, но достаточно знал свет и по характеру был, что называется, практик. Во всём остальном он платил дань своему возрасту и времени: был пылок, любил добро, питал негодование ко всякой несправедливости и охотно становился на сторону утеснённых».

В примечании к очерку Н.С. Лесков добавляет:

«Пётр Николаевич Анцыферов, и ныне ещё не старый человек, благополучно здравствует, и мы храним с ним давние товарищеские отношения. Он служил товарищем прокурора в Московской губернии, потом мировым судьёй в Петербурге, а ныне разрабатывает обильные залежи чугуной руды в том самом Добрынском приходе...»

Значит, упомянутый в «Орловском вестнике» открыватель железных руд и герой Лескова – одно и то же лицо. В очерке события завершились для Анцыферова благополучно: власти его оправдали, а попа отослали в отдалённый приход – пусть не жалуется без оснований.

Некоторые подробности того, как развивались события вокруг Анцыферовских рудников, я почерпнул в книге краеведа и писателя Василия Агошкова «Кромское Поочье» (Орёл, 1997 г.). Василий Иванович изучил

воспоминания упомянутого выше профессора А.А. Иноземцева, известного русского геолога, который приезжал в конце 1874 года в имение Анциферова вместе с Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Именно после этой поездки и появилось положительное заключение учёных о высоком качестве обнаруженных в Кромском уезде руд.

Однако после визита учёных прошло четыре с лишним года, а Петру Анциферову так и не удалось найти на родине состоятельных компаньонов для эксплуатации его железных рудников. Вот поэтому Анциферов и отправился за границу, в Париж, о чём мы и узнали из сообщения в «Орловском вестнике».

К сожалению, дальнейшая судьба героя газетной публикации и лесковского очерка не прослеживается. По всей видимости, его горячие усилия организовать добычу и выплавку железа из собственных рудников так и не увенчались успехом.

В 90-е годы одной из владелиц земель в окрестностях сельца Зиновьевка была Анна Никифоровна Анциферова, возможно, жена Петра Николаевича. Она свои земли сдавала в аренду.

На рубеже XIX – XX веков поблизости от имения Анциферовых, в соседней деревне Дьячьё, совместное русско-бельгийское акционерное общество, всё-таки, начало добычу железной руды из открытой здесь шахты. Для выплавки железа был построен неподалёку и небольшой металлургический завод. А в 1911 году к деревне Дьячьё была подведена узкоколейная железная дорога. Она шла от станции Глазуновка и имела длину 40,5 километра. По ней перевозили, наряду с хлебом и конопляным семенем, как раз железную руду. Ветка просуществовала до 1927 года, а шахта и завод прекратили своё существование ещё раньше.

Вот так и завершилась первая попытка развернуть металлургическое производство на Орловской земле.

Перспективы процветания Орловицны

В 1967 году в Орле был запущен сталепрокатный завод, ставший спустя некоторое время одним из крупнейших не только в СССР, но и в Европе. В годы расцвета завода на нём работало 13 000 человек, и он выпускал разнообразной металлической продукции больше, чем все нынешние предприятия Северсталь-Метиза, вместе взятые. От былого величия ОСПАЗА (это аббревиатура завода) сейчас остались жалкие крохи. А почему? Причин много, но одна из основных – та, что металл на сталепрокатный завод во времена СССР завозился из Украины. А после распада Союза, установления границ и пошлин это стало экономически невыгодно.

А ведь как было бы замечательно, если бы Орловский сталепрокатный завод получал металл с собственного металлургического завода, созданного в бывших анциферовских местах.

Геологоразведчики за последние годы тщательно изучили месторождения железных руд на Орловщине. Самое известное из них, – Новоялтинское, расположенное в 70 км на юго-запад от Орла. Запасы железных руд в нём

составляют более 130 миллионов тонн, с содержанием железа в руде – 58,6 процентов. Кроме того, на территории Орловской области проведены поисково-оценочные работы на Орловском и Воронежском месторождениях железистых кварцитов. Воронежское месторождение расположено в 60 км южнее г. Орла. Вблизи месторождения проходят железная дорога, автомагистраль, ЛЭП и газопровод. Наибольший интерес представляет и крупная по запасам (1637 млн т категории) Воронежская залежь, характеризующаяся самым высоким в бассейне Курской магнитной аномалии средним содержанием железа и рекомендуется для первоочередного освоения. Перспективной является и Тургеневская залежь Орловского месторождения, расположенная в 40 км южнее г. Орла. В общем, железных руд на Орловщине не воз и маленькая тележка, а тысячи железнодорожных составов.

И если хотя бы одно из названных месторождений начнёт разрабатываться, да ещё и заводик металлургический построят, то мы, орловчане, соседей-липчан точно за пояс заткнём и будем все в «шоколаде». Итак, попытка № 2: дождёмся ли этого мы, ныне живущие, или, хотя бы, - наши дети?

Как архаровцы кабак закрыть пытались (о борьбе с пьянством на Орловщине 140 лет назад)

Есть у очень популярного ныне в интернетском сообществе артиста театра и кино, поэта, композитора и исполнителя Игоря Растеряева пронзительная песня под названием «Ромашки»:

А я пешком в чистом поле
Иду-бреду по бурьяну
К погибшим от алкоголя
Друзьям Ваську и Роману.

У меня лежит не один товарищ
На одном из тех деревенских кладбищ,
Где тёплый ветерок на овальной фотке
Песенку поёт о паленой водке.

«Больше россиян не пьёт никто...»

А вот цитата из доклада, подготовленного специалистами ООН:

«К 2025 году численность населения РФ сократится на 11 миллионов человек, причем, немалая доля ответственности за столь большие потери будет лежать на образе жизни самих россиян. С 1991 года неумеренное потребление алкоголя, так или иначе, стало причиной более половины смертей граждан РФ в возрасте от 15 до 54 лет».

Проблемой пьянства в России озабочены и внутри страны. Ещё будучи президентом, в августе 2009 года Дмитрий Медведев провёл в Сочи

специальное совещание по предотвращению распространения алкоголизма. Первым делом он признал, что больше россиян не пьет никто, и назвал сложившуюся ситуацию национальным бедствием.

"Пьянство - это вековая проблема, и в короткие сроки ее не решить", - указал Медведев и добавил, что одними административными запретами также будет сложно добиться успеха.

С тех пор прошло пять лет, и в России мало что изменилось. Как пили - так и пьют, только, мне кажется, меньше стали говорить об этом.

«Дело ваше правое», но...

О том, как вековую проблему пытались решить в Малоархангельском уезде Орловской губернии 140 лет тому назад, и что из этого получилось, я и попытаюсь сейчас рассказать.

30 мая 1882 года крестьяне села Архарово и близлежащих деревень Фёдоровки и Бобылёвки (в настоящее время это территория Дубовицкого сельского поселения Малоархангельского района - А.П.), на одном из своих сходов, в присутствии 80 домохозяев, составили приговор и решили ходатайствовать о закрытии с 1 июля того же года находящегося в селе Архарово кабака. Для исполнения своего решения крестьяне избрали двух поверенных (представителей - А.П.), которые на следующий день отправились в соседнее село Кубань, где жил в своём имении неперменный член Малоархангельского по крестьянским делам присутствия Александр Мейер.

Александр Николаевич принял ходатаев в своём доме ласково, прочитал с большим вниманием их прошение и приговор и даже похвалил: «Молодцы вы, мужики, давно пора остановить пьянство. Дело ваше правое и смело можете рассчитывать на успех. А ваши документы я передам своему начальству».

Окрылённые такими словами поверенные вернулись в Архарово и рассказали своим товарищам об успешном начале дела. Теперь им оставалось только подождать официальных ответов от вышестоящего начальства.

О перспективах своего незавидного будущего от радостных крестьян узнал и местный целовальник (хозяин кабака - А.П.) и тут же куда-то уехал. Отсутствовал он целую неделю, но зато возвратился в Архарово чрезвычайно довольный и всем мужикам, инициаторам закрытия его заведения, открыто говорил: «Я вопрос решил с кем надо и как надо. Даже если потребуются мне тысяча или две тысячи рублей - заплачу, но кабак будет работать».

Неделя прошла - ответа на крестьянское прошение нет, вторая наступила - снова молчание из уезда.

Озабоченные таким поворотом событий, архаровские поверенные отправились теперь в уездный город Малоархангельск, уже к председателю по крестьянским делам присутствия, чтобы у него выяснить, как решается их вопрос, ведь месяц уже минул.

Председатель же их вовсе огорошил: «А где ваши приговор и прошение? У меня их нет!» Представители в село Кубань кинулись, у Мейера спросить, что случилось? А он: «Я всё передал!»

Поверенные – опять в Малоархангельск (уж не знаю, пешком ли, на транспорте ли – А.П.). Председатель же по крестьянским делам присутствия им говорит: «Приезжайте ко мне 4 июля, я приглашу Мейера, будем разбираться».

В назначенный день приехали архаровцы в Малоархангельск – в третий раз за последние несколько дней. И началось разбирательство, которое тут же быстро и закончилось. Александр Николаевич Мейер, непрременный член Малоархангельского по крестьянским делам присутствия сказал, что прошение и приговор от жителей внимательно ими изучены, но «они не могут быть уважены, потому что поверенные избраны только от одного крестьянского общества, причём, не от того, на чьей территории находится пресловутый кабак».

Ошарашенные такими юридическими вывертами поверенные даже не нашлись, что сказать, ведь Мейер месяц назад их заверял, что всё будет нормально, а тут такой крутой поворот...

Взяли мужики картузы в руки и подались, было, домой, да председатель по крестьянским делам присутствия их остановил и потихоньку, чуть ли не на ушко, молвил: «Мужики, а вы заново всё сделайте, но теперь три схода отдельных проведите, три приговора и три прошения составьте – иначе ну никак, нельзя иначе!»

Вышли архаровские мужики-поверенные на улицу, глядь, а там ухмыляющийся целовальник стоит: «Ну, что я вам говорил? Добились? То-то, и на рыпайтесь больше!»

Удалось ли крестьянам села Архарово добиться, в конце концов, закрытия злосчастного кабака, я выяснить не смог. Корреспондент газеты «Орловский вестник», из которой я узнал об этих событиях (номер от 28 июля 1882 года), закончил своё повествование сожалением, как тяжело бывает крестьянам отстаивать справедливость, когда вокруг такое безобразие творится.

Но, почти уверен, что с круговой порукой вышестоящего уездного и губернского начальства, основанной на общих денежных интересах, крестьянский мир села Архарово бороться на равных не смог. И кабатчик продолжил спаивать, спаивать, спаивать...

«Пьяным народом легче управлять?»

У названного в начале моего повествования Игоря Растеряева в той же песне «Ромашки» говорится:

Себе такую дорогу
Ребята выбрали сами,
Но все же кто-то, ей Богу,
Их подтолкнул и подставил.

Что б ни работы, ни дома,
Что б пузырьки да рюмашки,
Что б вместо Васи и Ромы
Лишь васильки да ромашки.

И для того, чтобы наши Васи и Ромы оставались живы, а не лежали «на одном из деревенских кладбищ страны с названием Россия», конечно, нужны наши общие усилия. И даже не столько в борьбе с самим пьянством, сколько с теми, кто на нём и людских страданиях наживается, кто «подталкивает и подставляет» молодых людей к выпивке. А значит, нужно использовать против них жесткие административные меры. О них больше говорят, но по-настоящему не используют, возможно, потому, что согласно приводимым в книге историка В.В. Похлёбкина словам Екатерины II, «пьяным народом легче управлять»?

Как думаешь, читатель?

О бедном учителе несколько слов...

Согласно сообщению губернской газеты «Орловский вестник» от 31 июля 1882 года, в Малоархангельске с 13 по 23 июля того же года, с большим успехом прошли представления, которые дал для жителей города, проездом из Орла в Киев, цирк Якубовского. Несмотря на «крайнюю незатейливость номеров, публика посещала цирк очень усердно», так что артисты уехали с чувством выполненного долга и с солидно пополненными звонкой монетой карманами.

«Заслужил общую любовь крестьян...»

Наверное, профессионалам арены позавидовали тогдашние орловские чиновники от образования, которые устроили своё собственное представление для единственного (поначалу) зрителя – учителя Дросковской земской школы Владимира Суханова.

Уроженец деревни Сетенёвой Дросковской волости, он, по окончании Карачевской учительской семинарии (*это учебное заведение, открытое в 1871 году, почти 50 лет поставляло кадры учителей для всей Орловской губернии – А.П.*), возвратился в родные края и стал преподавать в Дросковской образцовой школе. Спустя четыре года, «честным и умелым отношением к делу заслужил общую любовь крестьян и похвалы и инспекторов народных училищ, всегда находивших его школу в образцовом порядке».

Дети привязались к молодому учителю, родители всегда картузы и шапки снимали при встрече с ним, и, казалось, так и должна была эта идиллия продолжаться. Однако нашёлся человек, которому, как ни странно, такое развитие событий оказалось не по душе. Местный богач Пётр Реутов занимал должность волостного старшины и – по совместительству – являлся опекуном Дросковской земской школы. Именно через него шло финансирование расходов на содержание учебного заведения.

Учитель Суханов требовал строгого отчёта по этим средствам, а старшине Реутову хотелось что-то от них «отщипнуть» для себя. Вначале опекун школы попытался просто «договориться» с учителем – о том, как надо расходовать школьные деньги и как по ним отчитываться. Но Суханов заявил: «Все средства

будут использованы по назначению – на ремонт школьного здания, отопление и приобретение учебников и учебных пособий».

Тогда Реутов стал угрожать учителю, что «уберёт» его из школы. И когда угрозы на Суханова не подействовали, волостной старшина перешёл к действиям – отправился в Орёл, к директору народных училищ А.И. Дружинину, с жалобой на учителя Дросковской школы.

Дружинин, долго не разбираясь, перевёл Владимира Суханова в школу соседнего села Вепринец. А опекуном здесь, опять-таки, значился старшина Реутов. И началась снова сказка «про белого бычка». Пострадавший, но не сдавшийся учитель не поддался ни на повторные угрозы, ни на уговоры «жить с волостным начальством в дружбе», то есть, попросту, позволять ему воровать школьные деньги.

Мало того, Суханов сблизился с местными крестьянами, родителями своих учеников, указывал им на поборы и злоупотребления волостного старшины, и для пострадавших от него неграмотных вепринецких жителей писал жалобы уездному начальству.

Взбешенный Реутов снова отправился в Орёл, к тому же директору народных училищ. Дружинин, чтобы соблюсти видимость объективного разбирательства, пригласил к себе члена училищного совета Сухарева, который до этого проверял народные школы Малоархангельского уезда, и попросил его доложить о результативности работы учителя Вепринецкой школы Владимира Суханова.

И почти однофамилец «провинившегося» сообщил директору народных училищ, что в Малоархангельском земстве в 1881 году действовали 53 народные школы. Закончил полный курс обучения в них только 51 человек, а вот в Вепринецкой школе успешно завершили учёбу, со сдачей экзамена, 14 выпускников (*невиданное дело в те годы! – А.П.*). То есть, успехи Суханова оказались настолько впечатляющи, что Дружинин претензий к нему по профессиональным основаниям предъявить не мог.

«Возмутил народ против старшины...»

Но нашлась другая причина, на основании которой директор народных училищ «удалил от должности» учителя Вепринецкой школы, на этот раз – уже без предоставления ему возможности перейти в другую школу.

И эту причину Дружинин уволенному даже сообщать вначале не хотел, только в самом конце разговора, как бы в плане сочувствия, сказал: «Вы, молодой человек, не возмутили бы народ против старшины, тогда бы и не имелось оснований для Вашего удаления».

Владимир Суханов в горячке собрался было в Москву – к Министру Просвещения, у него искать справедливости, даже до вокзала добрался, но вспомнил, что денег на дорогу нет, поскольку при увольнении за проработанный месяц зарплату ему так и не заплатили. Пришлось ехать на родину – в деревню Сетенёво.

Крестьяне Вепринецкого общества, узнав, что их лишили любимого учителя, были так возмущены несправедливостью, что собрались на сход, на котором, после бурного и горячего обсуждения, единодушно составили два приговора в его защиту, выбрали двух ходоков – С. Теряева и А. Еськова, чтобы они решения сходов передали вышестоящему начальству.

Бумаги ходоки доставили в уездное земство и директору народных училищ Дружинину. Но прошёл год, а ответов вепринецким родителям так и не последовало – ни из Малоархангельска, ни из Орла.

Но одна приятная новость за это время, всё-таки, дошла до всех натерпевшихся от Реутова. Благодаря ещё одному местному искателю справедливости, дросковскому мещанину Павлову, все факты злоупотреблений волостного старшины были доведены аж до Сената. Реутова отстранили от должности, и на него завели уголовное дело.

Но учителя-то на его прежнее место – ни в Вепринец, ни в Дросково – так и не вернули. Сам Владимир Суханов, сидя родной деревне Сетенёво и живя за счёт отцовского и собственного хозяйства, но не только не отчаялся, а наоборот, «вошёл в соглашение с крестьянским сетенёвским обществом, по которому крестьяне согласились уничтожить в деревне кабака, а он брался бесплатно учить крестьянских детей». Как сообщил в своей корреспонденции журналист «Орловского вестника», побывавший в августе 1882 года в Дросково и Сетенёво, «крестьяне с благодарностью приняли предложения Суханова, а препятствия теперь возможны только со стороны правительства».

Тем же временем уже вепринецкие ходоки с новым приговором отправились сами в Москву, чтобы у Министра Просвещения добиться восстановления Владимира Суханова в должности учителя.

Удалось ли им это сделать и получилось ли у самого Суханова закрыть кабака в Сетенёво – не знаю, история осталась без окончания. А единственное, что я в своём очерке домыслил – так это дав моему герою фамилию. В корреспонденции «Орловского вестника» от 15 августа 1882 года он назван инициалами – В.Ф.С-ов. Но в Сетенёво и по сию пору самой распространённой фамилией на букву «С» остаётся «Суханов», отсюда – мой выбор.

Впрочем, особой роли это не играет. Мой герой, какую бы он фамилию не носил, бился за своих земляков-мужиков и их детей до конца, сколько бы палок в колёса ему не вставляли. Без сомнения, он был одним из лучших представителей сельской интеллигенции, той, которая по-настоящему заботилась о народе и которая уже тогда боролась с вечным российским злом – коррупцией.

Сетенёвская начальная школа
Покровского района, начало которой
положил Владимир Суханов –
фото 2009 года – вывеска

Приёмная комиссия посещает школу перед
началом нового 2009/2010 учебного года,

P.S. С 2011 года Сетенёвская школа ликвидирована («оптимизирована»),
хотя в ней продолжали ещё заниматься 20 учеников.

Как от станции Малоархангельск до города железную дорогу построить пытались...

С тех пор, как в России появилась железная дорога, наши поэты и писатели посвятили ей огромное количество произведений самых разных жанров. Несомненно, самое известное из них – поэма Некрасова, увидевшая свет в 1864 году. К этому времени уже больше десяти лет эксплуатировалась первая в стране многокилометровая трасса Москва – Санкт-Петербург. Николаевская железная дорога (так она называлась вплоть до революции – А.П.) заметно сократила россиянам время переезда из одной столицы в другую и сильно облегчила доставку грузов по территории Российской империи. Но Некрасов обратил внимание читателя на обратную сторону достигнутых улучшений – на цену вопроса:

«Прямо дороженька: насыти узкие,

Столбики, рельсы, мосты.

А по бокам-то всё косточки русские...».

К сожалению, общественный прогресс, как и красота, почти всегда требует жертв, в том числе, - в виде человеческих жизней.

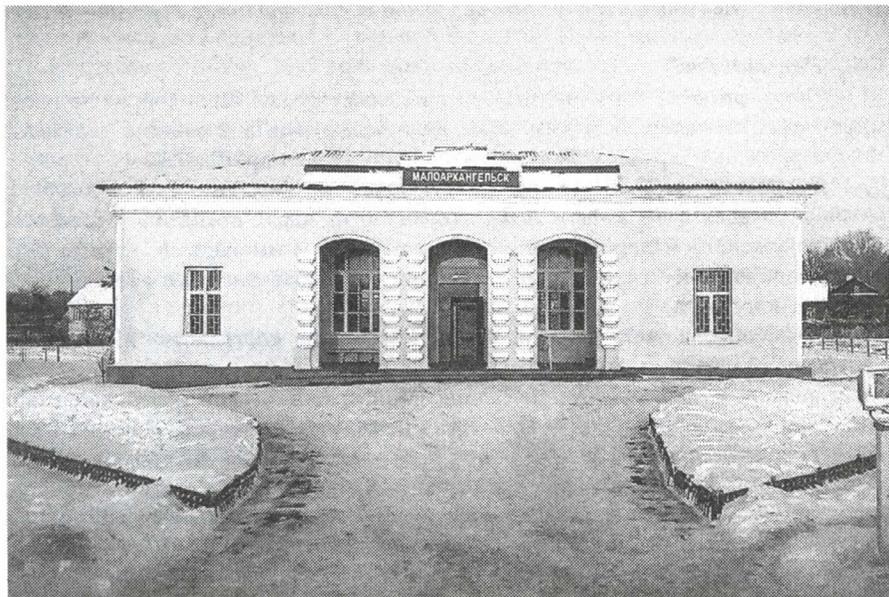
«Условия труда были каторжными»

Как раз в год написания Некрасовым его поэмы император Александр II приказал начать возведение Южной железной дороги (так первоначально называлась Московско-Курское направление – А.П.), которая должна была пройти по территории Орловской губернии.

Строительство дороги началось в 1865 году, и на него были брошены большие средства и людские ресурсы. Ежегодно от 20 до 35 тысяч крестьян, военных и заключённых трудились, выполняя тяжелейшие ручные работы. Вот как это описали авторы книги «Этапы большого пути» А. Манжосов и Н. Фёдоров (Курск, 1991 г, стр.19):

«Условия труда на строительстве были каторжными. Тяжело было от непосильных норм, но ещё тяжелее – от самих условий жизни. Работали от зари до зари. Зимой – в лютый мороз. Летом – в палящую жару. На болотах и в топких местах – по колено в воде. Подрядчики и приказчики укрывали львиную долю заработка строителей. Кормили рабочих плохо. Хлеб, пока его подвезут из города, становился чёрствым до того, что его рубили топором. Жили строители в балаганах – передвижных палатках, и в сараях. Тысячи людей болели цингой, лихорадкой, тифом, чахоткой».

...Вводилась в эксплуатацию Московско-Курская дорога не сразу, а по частям. Участок Тула – Орёл (176,5 вёрст) был открыт для движения 15 августа 1868 года, а орловско-курский отрезок (146 вёрст) и вся дорога полностью заработали 7 сентября того же года.

Так уж сложилось, что дорога эта, пронизав всю территорию Орловской губернии с севера на юг на протяжении 140 вёрст, прошла только через два города нашего края – Мценск и сам Орёл. И если у жителей Болхова, Новосиля и Дмитровска при таком проекте шансов увидеть паровозы и вагоны в своих городах не было совсем, то вот по поводу возможного строительства железной дороги через Малоархангельск до сих пор ходят легенды.

Легенда о малоархангельских купцах

Если взять в руки современную карту железных дорог, то любой зритель, лишь бросив первый взгляд на участок Московско-Курского пути от Змиёвки (наша область) до Золотухино (Курская область), протяжённостью 68 километров, скажет: «*Что-то странно петляет дорога на этом отрезке, уходя порой чересчур далеко от основного направления. А ведь она вполне могла бы пройти и через город Малоархангельск, и уж от него – на ту же станцию Золотухино.*»

Легенда, о которой я упомянул, прямо говорит, что первоначально так и было в утверждённом проекте. Однако малоархангельские купцы, якобы, инженерам-изыскателям, прокладывавшим трассу, дали взятку, чтобы они направили трассу западнее. Это, по мнению купцов, избавило их от конкурентов, которые нагрянули бы сюда в будущем по железной дороге.

Однако это всего лишь легенда, ничем документально не подтверждённая. А изыскатели, прокладывая трассу, ушли к западу, скорее всего, в силу природных особенностей местности, чтобы избежать большого перепада высот, переходов через многочисленные здесь речки, овраги и необходимости строить лишние мосты (*что всегда делает реализацию проекта более дорогой – А.П.*).

Раз, два. Три?

Подтверждение тому, что малоархангельские купцы были совсем не против строительства железной дороги через их город, я нашёл недавно в документах Государственного архива Орловской области (ф. 473, ед. хр. 12 и 24).

В начале 1877 года Малоархангельское земство (*орган местного самоуправления в те годы – А.П.*) отправило на адрес правления Московско-Курской железной дороги письмо с вопросом о возможности строительства железнодорожной ветки от станции Малоархангельск до города Малоархангельска.

А 26 апреля того же года в уездном центре состоялось Чрезвычайное Земское собрание, на которое, кроме гласных (*депутатов – А.П.*), были приглашены и заинтересованные лица: Малоархангельский городской голова Никулин и четверо купцов – Н.С. Пономарёв, А.Е. Белоусов, Н.Е. Кубарев и С.Н. Тихонов. Председатель собрания (*и – одновременно – Малоархангельский предводитель дворянства*) Дмитрий Яковлевич Скарятин сообщил присутствующим, что правление Московско-Курской дороги, в принципе, не против строительства ветки к городу, но хочет знать, какие обязанности готово взять на себя в этом случае земство?

И когда Скарятин спросил: «Господа купцы, поможете?», то представители торгового сословия ответствовали, что готовы пожертвовать определённой суммой денег и отдать под строительство полотна железнодорожной ветки десять десятин земли, поскольку эта дорога нужна всем горожанам.

Земское собрание тут же избрало комиссию из трёх человек (*во главе с Д.Я. Скарятиным*), чтобы начать подготовительную работу к осуществлению

задуманного плана. Но...этим тогда всё и закончилось. Вопрос о дороге был отложен на долгое время.

Прошло 34 года. 6 февраля 1911 года малоархангельские земские гласные снова собрались на чрезвычайное собрание, чтобы обсудить тот же вопрос: «*О соединении города Малоархангельска железнодорожным путём с одноимённой станцией на Московско-Курской железной дороге*». На этот раз инициатором выступило само правление дороги, предложившее земству обсудить вопрос.

Гласные на заседании единодушно решили, что готовы «понести посильную материальную жертву» при строительстве, но в какой сумме это выразится, сказать затруднились.

Однако на этот раз малоархангельцы не захотели важный вопрос отдать на волю судьбы, а попытались максимально использовать ресурсы Центра, как бы мы сейчас выразились. Депутатом Государственной Думы от Орловской губернии был в это время малоархангельский помещик Василий Потулов. Земство и дворянство уезда через него сумели договориться о предварительном включении малоархангельской ветки в общероссийский список планируемых к строительству в ближайшее время железных дорог. Подключили к делу своих московских и питерских знакомых влиятельные малоархангельские помещики, князь Александр Борисович Куракин и Валентин Иванович Волконский.

Когда же в декабре 1911 года должно было состояться заседание комиссии по утверждению списка планируемых к строительству железных дорог, то малоархангельцы отправили в Москву, для контроля за процессом, своего личного представителя – помощника Малоархангельского предводителя дворянства Владимира Олива. Он присутствовал на судьбоносном заседании.

В деле 24 фонда 473 ГАОО хранится срочная телеграмма, отправленная Оливом в 10 часов 20 минут 21 декабря 1911 года из Москвы в Малоархангельск и полученная земством в 11 часов 05 минут: «*Дорога признана желательной. Изыскания начнутся весной*». Это была чрезвычайно радостная весть для малоархангельцев, поскольку предполагалось централизованное финансирование изыскательских работ и самого строительства.

Весной 1912 года к решению вопроса о необходимости строительства железной дороги подключились уже все малоархангельцы – через Собрание Уполномоченных Городского общественного управления. К осени были проведены изыскательские работы между городом и станцией, которые определили, что длина планируемой ветки составит 14 вёрст.

Со всеми владельцами земельных участков, где должна была пройти железная дорога, была достигнута полюбовная или материальная договорённость. Непосредственное начало строительных работ планировалось на вторую половину 1914 года. К этому времени дело зашло так далеко, что в развитие проекта, возник вопрос о необходимости дополнить эту ветку ещё одной, уже от города Малоархангельска до волостного села Дросково (*длина – 40 верст*).

К сожалению, грандиозным планам сбыться было не суждено: вскоре началась I Мировая война. Российскому правительству и правлению Московско-Курской железной дороги пришлось решать совсем другие задачи. А потом случилась революция (и не одна), прокатилась с грохотом по нашей территории гражданская война...

Со времени первой попытки построить железную дорогу от станции Малоархангельск до города прошло 135 лет, да и второму плану уже сто лет минуло. Будет ли третья попытка, согласно русской поговорке? Один Бог знает. Во всяком случае, от самих малоархангельцев вряд ли что зависит. Или зависит? Как думаешь, читатель?

Год 20-й: как малоархангельцы битву за урожай проиграли

Трудно в наше время представить себе, чтобы чиновники какой – либо районной администрации в полном составе вдруг отказались бы подчиняться областным начальникам. А вот 95 лет тому назад, на заре Советской власти, подобное случилось в Малоархангельском уезде Орловской губернии.

«Продразвёрстка, продразвёрстка, до чего ж ты довела...»

История эта началась ранней весной 1920 года, когда стало ясно, что в результате «*большого недорода, градобитий и прошедших на территории края в течение сентября- ноября 1919 года военных действий*», а также продолжавшейся в ещё большем объёме продовольственной развёрстки сеять в Малоархангельском уезде будет нечем.

Следует пояснить (*для молодых читателей – А.П.*), что продовольственная развёрстка в России периода 1919 - начала 1921 годов представляла собой систему заготовок сельскохозяйственных продуктов, при которой крестьяне в обязательном порядке сдавали государству по твердым ценам все так называемые «излишки» (сверх установленных норм на личные и хозяйственные нужды) хлеба и других продуктов. Проводилась продразвёрстка органами Народного Комиссариата продовольствия, продовольственными отрядами совместно с комитетами бедноты и местными Советами в принудительном порядке. Нормы сдачи хлеба распределялись (разверстывались) как дань между территориями, и часто эти нормы были больше, чем запасы крестьян. Что касается развёрстки 1920 года, то 40 процентов от собранного мизерного урожая стали непосильной ношей для малоархангельских крестьян.

5 марта собирается пленум уездного исполкома, итогом которого стало единодушное обращение с ходатайством к губернским властям «*о бронировании всего годного на семена овса для обсеменения яровых полей и о снижении 40-процентной последней развёрстки на хлебные злаки и овёс*».

23 марта Губпродсовещание (*главный орган Орловской губернии по решению продовольственных вопросов того времени – А.П.*) категорически отказывает малоархангельцам в их просьбе.

В ответ на это 30 марта прошедший в Малоархангельске 13-ый пленум исполкома принял постановление, в котором опротестовал решение Губпродсовещания сразу в двух народных комиссариатах – Наркомпрод и Наркомземе. В Народный комиссариат продовольствия пленум отправил специального делегата от уезда Мухина, который должен был цифровыми данными убедить Центр в том, что в случае выполнения требований губернских властей Малоархангельскому уезду грозит полная катастрофа *«в отношении обсеменения полей»*.

До получения же ответа из Москвы Малоархангельский уисполком запретил вывозить за пределы уезда собранный по продразвёрстке овёс, хранившийся на ссыпных пунктах.

Почти месяц прошёл после этого, но положительной реакции на отчаянную просьбу малоархангельцев не последовало. Шёл всю апрель, начался сев (там, где с огромным трудом удалось наскрести по сусекам хоть что-то из семян), но в четырёх волостях Малоархангельского уезда семенного материала не имелось ни пуда.

Уезд против губернии: кто кого?

В таких условиях срочно собравшееся Уездное продовольственное совещание приняло решение выделить для посевной кампании Александровской, Ивановской, Малоархангельской и Губкинской волостям 10 тысяч пудов овса из резервного фонда, не дожидаясь санкций от губернского начальства.

Прибывший в Малоархангельск представитель от губисполкома товарищ Кошель потребовал созвать пленум уездного исполкома для обсуждения принятого решения. 4 мая 1920 года пленум, главным на котором был вопрос «Об обсеменении яровых полей», состоялся.

Председатель Уисполкома Кривоногих выступил с докладом, в котором указал, что недосев, наблюдаемый в ряде волостей, происходит по причине того, что губернские власти запретили выдавать для посева зерно со ссыпных пунктов, а решение по выдаче овса четырём волостям было правильным, поскольку обсеменение полей необходимо. Председателя уисполкома поддержали остальные его коллеги:

«Подтвердить постановление Упродсовещания, то есть из предназначенного количества 15000 пудов овса Губпродсовещания для обсеменения запасного фонда Малоархангельского уезда зачесть 10000 пудов для четырёх волостей, а именно: Александровской волости – 6000 пудов, Ивановской – 2000 пудов, Малоархангельской и Луковской – по 1000 пудов. Выдачу произвести немедленно и в срочном порядке донести до сведения губисполкома».

Представитель губисполкома со звучной фамилией Кошель, присутствовавший на пленуме, протестовал изо всех сил против принятия такого решения, но члены исполкома его мнение проигнорировали, тем более, что вторая половина доклада председателя исполкома Кривоногих о

продовольственной ситуации в городе и уезде добавила масла в огонь общего недовольства политикой губернского начальства..

Дело в том, что Кошель, прибыв в уезд, распорядился, во-первых, изымать у крестьян всё зерно, чтобы выполнить норму для уезда по подразвёрстке, а во-вторых, хлеб, имевшийся в Малоархангельске и предназначенный для больницы, приютов и других учреждений, он приказал отдать в распоряжение уездного военкома для армейских нужд. Это вызвало резкое противодействие всех местных жителей, а рабочие и служащие города, испытывая проблемы с питанием, стали уходить на север и юг, в хлебобобовые области.

Копия решения 17-ого заседания Уисполкома была направлена губернскому начальству. Семена со ссыпных пунктов только начали было выдавать представителям волостей, как через два дня в Малоархангельск внезапно нагрянул не кто-нибудь, а сам председатель Орловского губисполкома Василий Пакун.

18-е, Чрезвычайное, пленарное заседание Малоархангельского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов открылось 7 мая, в 22 часа (ты можешь, читатель, представить себе такое сейчас?)

Главным вопросом повестки дня стало разбирательство с постановлением предыдущего пленума. Далее цитирую протокол заседания №18 от 7 мая 1920 года.

ПредУисполкома Кривоногих сделал «доклад в порядке разъяснения т.Пакуну, в котором указал на то, что развёрстка, данная нам Центром, была непосильной, и исполнить таковую мы не в состоянии. Кроме того, в нашем уезде благодаря стихийному бедствию – градобитию некоторые места совершенно не имеют яровых семян. Мы неоднократно обращались в Наркомпрод и Губпродсовещание за разрешением выдать семена для нашего уезда, но в нашей просьбе нам было отказано. А между тем, в некоторых волостях 75 процентов пашни остаётся незасеянной».

Председатель губисполкома Пакун, выступая, сказал, что цель его поездки заключается в том, чтобы выяснить все недоразумения, в особенности, о самовольной раздаче семенного материала, о которой знает Наркомпрод и Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, которые настоятельно требуют привлечь виновных к ответственности.

Т. Пакун указал, что в некоторых уездах тоже получен недопосев 75 процентов, но такого явления, как в Малоархангельском уезде, нигде не наблюдается, и мы должны смотреть с общегосударственной точки зрения, а не с точки зрения отдельного сельского хозяина.

Печально то, что Уисполком не считается с Центральной властью, и здесь можно отметить только два положения: или члены Уисполкома политически безграмотны, или же не доверяют Центру, но скорее можно допустить последнее».

Почти все члены исполкома приняли участие в развернувшейся после выступления Пакуна дискуссии, в которой настаивали на правильности

приятного ими решения о раздаче семян, но при голосовании (*уже во втором часу ночи, т.е. 8 мая – А.П.*) итогового решения пленума доклад председателя губисполкома приняли к исполнению, а постановление предыдущего заседания Уисполкома было аннулировано.

Вот так и завершилось двухмесячное противостояние малоархангельских и орловских губернских властей. Центр сумел настоять на своём.

А результатом стали незасеянные поля и неурожай в уезде осенью 1920 года. В марте 1921 года Малоархангельские уисполком и уездный комитет партии отправили телеграмму Предсовнаркому В.И. Ленину, в которой охарактеризовали состояние сельского хозяйства в крае, завершив характеристику выводом: *«Продовольственное положение уезда удручающее... Во избежание катастрофы с обсеменением полей просим дополнительного наряда на семенной материал».*

И только с введением НЭПа ситуация в сельском хозяйстве как всей Орловской губернии, так и Малоархангельского уезда стала меняться в лучшую сторону.

На фото – один из руководителей Малоархангельского уезда, Василий Николаевич Панфилов. Он вёл протокол заседания на том Чрезвычайном пленуме уездного исполкома 7 мая 1920 года. С июня 1924 по ноябрь 1925 года Панфилов был председателем Исполкома Орловского губернского совета, потом работал в Наркомате просвещения РСФСР. Был арестован по 58 статье в сентябре 1940 года, а 28 июля 1941 года расстрелян.

Как в Малоархангельске тюрьму в школу превратить хотели и что из этого вышло...

Если кто-то из читателей думает, что 31 декабря – день сугубо предпраздничный, в течение которого ни о каких серьёзных делах думать не приходится, то он сильно заблуждается.

Хотя, может быть, сейчас так оно и есть. А вот 95 лет тому назад один очень ответственный товарищ, начальник Малоархангельской уездной милиции Поликарп Внуков, именно 31 декабря 1919 года написал и отослал другому ответственному товарищу, заведующему отделом управления по внутренним делам при Малоархангельском уездном исполкоме (фамилия пока мне не известна – А.П.) целый «Доклад», надеясь, что его ценные предложения найдут соответствующий отклик у вышестоящего начальства.

О гуманном начальнике милиции и 75 дезертирах

В уездном Малоархангельске в середине декабря 1919 года, через месяц после освобождения города от деникинцев, происходили, как казалось тогда многим горожанам, эпохальные события. Коллегия уездного исполкома приняла решение о закрытии местной тюрьмы, существовавшей с начала XIX века. Это учреждение долгие годы являлось одним из главных в городе и представляло собой комплекс из пяти зданий, занимавших целый квартал на окраине. Главный, двухэтажный каменный корпус, крытый железом, служил для содержания арестованных. В этом здании имелись не только общие и одиночные камеры для заключённых, но размещались также церковь со всем оборудованием и тюремная больница на семь кроватей.

Второе, чуть меньшее по размерам, но тоже каменное здание, занимали административные службы тюрьмы. В третьем, небольшом одноэтажном строении, находились баня, прачечная и кузница. Для административных служб было предназначено ещё одно здание, и, наконец, имелся отдельный деревянный дом, в котором проживал старший надзиратель Малоархангельской тюрьмы Иван Кононов.

В общем, если учесть особый режим и обособленность строений, то тюрьма была как бы небольшой крепостью внутри города. О тюрьме говорили, её боялись – и с опаской относились к тем, кто там работал. И вдруг: «Тюрьму закрывают» – пронёсся слух по Малоархангельску, «А вместо неё будет какой-то арестный Дом!»

Угол Орловской и Архангельской улиц

Слухи слухами, но начальнику уездной милиции Поликарпу Внукову, в силу его должности, было известно гораздо больше, чем остальным горожанам,

поскольку именно ему предстояло, по списку, принять всё имущество тюрьмы, с тем, чтобы потом передать его для организации арестного дома.

Из-за этой хлопотной процедуры и появившихся у него передовых мыслей решил начальник милиции на свой «Доклад» начальству.

Перечислив все тюремные постройки, о которых я выше уже сказал, Поликарп Внуков далее оценил их, как содержащиеся *«в надлежащей чистоте и только некоторые требуют ремонта»*. А вот потом пошли в докладе рассуждения Поликарпа Дмитриевича о том, куда и кому их следует передать: *«Здания тюрьмы, как отжившие свой век, в целях поднятия культурно-нравственного значения народных масс, в особенности же, молодого подрастающего поколения, желательно было бы использовать для учебно-воспитательного заведения, как, например, народного дома, школы и т.п, тем более, что это здание находится на открытом месте и при нём весьма удобно разбить огород и культивировать сад. А потому, я полагаю, бывшую тюрьму, передать в распоряжение Малоархангельского уездного отдела народного образования – для устройства в ней культурно-просветительного заведения, чтобы раз и навсегда покончить с памятниками деспотического царизма»*.

А чуть ниже этих предложений начальник милиции доложил начальству, что творится в тюрьме в настоящее время:

«К сему считаю добавить, что в тюрьме содержатся 75 человек дезертиров, которые находятся в крайне антисанитарных условиях: спят на асфальтовом голом и грязном полу и очень скученно, что в настоящее эпидемическое время является недопустимым... Дезертиры портят стены, ломают подвесные тюремные кровати и вообще уничтожают и портят народное имущество, что является абсолютно невозможным».

А посему необходимо немедленно сообщить военкому о переводе дезертиров из тюремного помещения и отправления их по прямому назначению или же, в крайнем случае, устройстве для них сносного помещения».

Каким был ответ Поликарпу Внукову и был ли он вообще – я не знаю, поскольку в документах Государственного архива Орловской области, на основании которых я пишу этот очерк, такового не имеется.

Разобрали по кирпичику

Зато судьба Малоархангельской тюрьмы в течение трёх лет после принятия решения о её закрытии прослеживается из этих документов достаточно ясно.

Часть тюремного имущества уже 2 января 1920 года один из надзирателей, Алексей Беженев, на подводах повёз в Орловский Центральный Работный дом, а то, что осталось, должно было пойти для оборудования Малоархангельского арестного дома.

Такого рода карательные учреждения существовали короткое время при Советской власти. В них отбывали наказание лица, осуждённые местными судами на небольшие сроки (чаще – даже за административные правонарушения). Малоархангельский арестный Дом должен был быть создан

при местной милиции и занимал бы какую-то часть одного из зданий бывшей тюрьмы.

Орловская улица г. Малоархангельска

Но уже в середине января 1920 года губернское начальство приняло решение об отмене решения Малоархангельского уездного исполкома и потребовало передать здания тюрьмы Управлению здравоохранения для организации «заразного госпиталя» (то есть, инфекционной больницы, в связи с большим количеством «заразных заболеваний»).

В результате же – и арестный Дом создан не был, и госпиталь инфекционный в Малоархангельске не появился.

Тюремные здания в течение двух последующих лет оказались фактически брошенными, без хозяина и охраны. В конце лета 1922 года о них вспомнил отдел юстиции Орловского губисполкома, в связи с большим недостатком мест в исправительных учреждениях области. Дело в том, что в Орловском исправительном доме, рассчитанном на 300 человек, отбывало постоянно наказание от 600 до 700 человек.

Отдел юстиции обратился в Президиум Орловского губернского исполкома с просьбой о необходимости открыть вновь некоторые из ликвидированных ранее уездных тюрем, в первую очередь – Малоархангельскую, расположенную в 14 верстах от железной дороги. Дали «добро» на это и в Москве.

В феврале 1923 года специально созданная комиссия во главе с представителем Орловского губернского управления местами заключения Лесничева обследовала состояние зданий Малоархангельской тюрьмы,

простоявших два года «без дела». По итогам осмотра строений члены комиссии составили акт, в котором отметили, что за время, которое бывшая тюрьма находилась без присмотра, она пострадала от воров, сумевших поживиться водосточными трубами, камерными дверями, дверными замками, печными дверками, оконными рамами и стёклами. Больше всего было украдено оконных переплётов (25 штук) и стёкол (их вытащили из всех рам). В деревянном хозяйственном сарае оказалась разобранной и крыша.

Однако комиссия пришла к выводу, что после восстановления отсутствующих деталей и небольшого внутреннего ремонта Малоархангельская тюрьма вновь может быть использована по своему прямому назначению.

Однако этого так и не произошло. Губернское начальство быстро передумало, и о тюремных зданиях, понемногу приходивших в упадок и разворывавшихся, больше не вспоминало.

И с ними случилось то, что всегда происходит в нашей стране с бесхозным (почему-то) имуществом: спустя некоторое время от двух двухэтажных каменных и трёх одноэтажных зданий не осталось ни-че-го, и даже само тюремное место в городе Малоархангельске вряд ли кто теперь сможет найти.

Мечта начальника милиции Поликарпа Внукова о народном Доме или школе с садом и огородом так и осталась мечтой. А за уничтожение народного имущества, о чём так ратовал Поликарп Дмитриевич, так никто и не ответил.

Дополнение к очерку

Мандат

от 15 декабря 1919 года

Предъявитель сего действительно есть начальник Малоархангельской уездной Советской милиции Внуков Поликарп Дмитриевич, которому разрешается ношение и хранение разного рода оружия, хождение во всякое время дня и ночи, а также предоставляется право следить за всеми подозрительными лицами, в случае необходимости подвергать их аресту и препровождать по принадлежности.

Всем учреждениям и должностным лицам оказывать товарищу Внукову самое широкое содействие по службе, что подписями и приложением печати удостоверяется

*Завотуправ
Секретарь (фамилии неразборчивы)*

На улице Свердловской *(страницы истории Ливенского концлагеря)*

31 января 1922 года комендант Ливенского концентрационного лагеря Василий Помятихин направил в подотдел принудительных работ Орловского губисполкома доклад о состоянии управляемого им лагеря.

«Мяса не получили ничиво»

Комендант доложил, что на конец января в лагере «состояло по списку 316 заключённых, из которых больных в больницах – 25 человек». А далее Василий Егорович остановился на проблемах Ливенского концлагеря: «По сравнению с прошлыми заболеваниями Епедемия сократилась. Было б лучше если бы с открытия лагеря была бильё и мыла... Ну а самая главная трудная борьба с продовольствием» (стиль автора я сохраняю, кем написана бумага, - не знаю, но подпись под ней - коменданта Помятихина – А.П.).

Под трудной борьбой комендант имел в виду постоянный недостаток продуктов питания для заключённых лагеря. Наряды на продовольствие выполнялись в половинном объёме. Так, в декабре 1921 года на 300 человек заключённых из полагававшихся по норме 130 пудов 8 фунтов ржи в лагере получили только 93 пуда 30 фунтов; из 30 пудов 18 фунтов пшена получили 22 пуда 20 фунтов; вместо 19 пудов 36 фунтов мяса - 15 пудов.

В январе же 1922 года ситуация стала ещё хуже: вместо 152 пудов ржи в лагерь поступило 75, 35 пудов пшена заменили 18 пудами проса, а из полагававшихся 23 пудов мяса не получили «ничиво» (снова цитата из того же доклада – А.П.)

Существовал только один плюс в продовольственном положении Ливенского концлагеря – у него имелась собственная пекарня, но из-за недостаточного количества выделяемого на муку зерна заключённые хлеб тоже получали в мизерном количестве (133 грамма в день на человека – А.П.).

В конце своего отчаянного послания комендант риторически спрашивал: «Каким же образом выходить с тово положения?»

Советские концлагеря на Орловщине

В годы гражданской войны, когда труд в Советской республике стал обязательным для всех граждан, в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 11 апреля 1919 года, для того, чтобы заставить обязательно трудиться не желающих делать это, начали создаваться «концентрационные лагеря».

В Орле, как и во всех губернских городах РСФСР, для этой цели при отделе управления губисполкома 28 мая 1919 года был создан подотдел принудительных работ. С 8 февраля 1921 года его заведующим стал 36-летний Н.И.Сапрыкин, коммунист с июня 1917 года (образование – низшее, как значилось в партийной анкете).

Во исполнение решения ВЦИК в Орловской губернии органы ВЧК организовали пять «концлагерей принудительных работ» - два в губернском

центре, а также во Мценске, Ельце (тогда он входил в состав Орловской губернии) и Ливнах. Подчинялись они советским органам, а финансирование предполагалось по линии наркомата внутренних дел. Ливенский концлагерь появился последним из пяти перечисленных – 14 октября 1921 года. О нём я и продолжу рассказ.

Администрация – есть, больницы и бани – нет

Для размещения заключённых нового лагеря ливенские уездные власти выделили два здания на улице Свердловской. Одно из них, двухэтажное, до революции занимало местное казначейство. Накануне открытия лагеря в здании был проведён косметический ремонт: его поштукатурили и побелили. А 14 октября в 18 камерах уже были размещены 300 отконвоированных сюда из Орла и доставленных из самого уезда первых заключённых.

Состав их был самый разнообразный – дезертиры военные и дезертиры с трудового фронта, спекулянты, уголовники и контрреволюционеры, перебежчики и заложники. Сразу подчеркну, что в лагере весь период его существования отбывали наказание только мужчины.

Командантом концлагеря Ливенский уездный исполком назначил Василия Егоровича Помятихина – личность довольно любопытную: 36 лет, члена партии, с домашним образованием (*так указано в анкете – А.П.*). До приезда в Ливны Василий Егорович успел побывать командантом двух орловских концлагерей. В подчинении у команданта было два помощника – Алексей Шабанский и Василий Парфёнов, молодые ребята (26-27 лет), только-только пришедшие из Красной Армии, и несколько надзирателей.

Их число менялось несколько раз в течение непродолжительного времени: сначала оно росло, достигнув 25 человек, но по мере сокращения численности заключённых к концу 1922 года до 84 человек в лагере осталось только два старших и три младших надзирателя. У них имелось оружие – винтовки «винчестер» с боезапасом по 10 патронов на каждого.

В штат лагеря входили также пять работников канцелярии и те, кто обеспечивал достаточно большое хозяйство – заведующие мастерскими, каптенармус, повара, пекари и конюхи.

А теперь об условиях жизни заключённых Ливенского концлагеря. Сначала о режиме. Подъём был в 6 часов утра, в 7 часов они пили чай (*завтрак, как таковой, не назван – А.П.*), в 8.00 начинался трудовой день. Обед – в 12 часов, окончание работ – в 4 часа дня (*то есть, получается, семичасовой рабочий день, но о выходных речь не заходила – А.П.*).

Условия нахождения в лагерном здании, особенно первое время, были тяжёлые. Белья и мыла или не бывало совсем, или их не хватало. Собственной бани в лагере тоже не имелось. Мылись заключённые один раз в две недели в Ливенской гарнизонной бане – с одновременной дезинфекцией одежды. Заболевания были частыми. Своей больницы или медпункта лагерь тоже не имел, все заболевания контролировал и в случае острой необходимости направлял больных в городскую больницу один фельдшер (*чуть позже –*

лектом, то есть помощник лекаря – А.П.). За первое полугодие 1922 года переболели в лагере 284 человека, 10 из которых умерло от тифа и других инфекционных заболеваний.

Очуневшие

Поскольку главное назначение концлагерей заключалось в принуждении нежелающих или провинившихся к труду, коменданту было приказано это осуществить всеми имеющимися у него возможностями. Помятихин старался изо всех сил. Прежде всего, во втором, одноэтажном, здании концлагеря были подготовлены помещения, в которых разместились мастерские: портновская, сапожная, фуражечная, колодочная, чунная, столярная, бондарная, шёточная, шпилечная и кустарная. Все они действовали постоянно, хотя и с разной результативностью. Самой востребованной оказалась чунная мастерская. Чуни (верёвочные лапти) были самой ходовой обувью не только самих заключённых, но и жителей Ливенского уезда, ставших активными покупателями этой продукции, которую производили 25 человек. Почти таким же спросом пользовались головные уборы – фуражки. И если первоначально в фуражечной мастерской работало двое заключённых, то потом их количество увеличилось тоже до двадцати пяти.

Уже со второго месяца существования Ливенского концлагеря труд его заключённых стал активно использоваться в городе Ливнах и уезде. Правда, все администрации советских учреждений грубо нарушали договорённости и не платили в бухгалтерию лагеря за выполненную у них работу. Комендант Помятихин вынужден был несколько раз жаловаться вышестоящему начальству на такую бессовестность.

В сохранившихся документах лагеря показана результативность работ заключённых. За январь-июнь 1922 года сумма заработанных ими средств составила 236 555 рублей 50 копеек, а средний заработок одного заключённого за июнь оказался равен 56 рублям 50 копейкам.

Деньги, конечно, на руки не выдавались, и использовать их на пополнение своего скудного пайка лагерники не могли.

Впрочем, недополучали продукты не только сами заключённые, но и вольнонаёмные работники лагеря, которым ещё и денежное жалованье выплачивалось не в полном объёме и не вовремя.

«Приехали!»

С точки зрения материального обеспечения, судя по отчёту на 1 июля 1922 года, Ливенский концлагерь влачил жалкое существование. О чём можно говорить, если даже ложек деревянных, которыми заключённые ели, имелось в наличии всего 40 штук, топоров плотницких было три, а молоток сапожничий так и вообще один. Всё мало-мальски ценное имущество, по всей видимости, доставшееся «по наследству» от прежних обитателей здания: пианино, три кресла мягких, шесть стульев венских числились отданными во временное пользование (*кому и на каких условиях – не сказано – А.П.*). Да и то, что лагерь

ценного получил при открытии – три швейных машины, утюг, ножницы, весы, гири, корыто для теста и две лошади из имевшихся четырёх тоже кому-то были переданы во временное пользование.

Имевшиеся две коровы да пара лошадей с телегами только чуть прикрывали эту жалость. Наверное, символом общего состояния Ливенского концлагеря можно считать перечисленные в перечне лагерного имущества: *дороги без колёс и оглобли.*

«Приехали!» – именно так, на скорбно-печальной ноте, к началу 1923 года, закончил своё существование Ливенский концентрационный лагерь. Последний лагерный документ датируется 13 декабря 1922 года. Куда и на каких условиях были переведены остававшиеся в лагере заключённые – из имеющихся документов выяснить не удалось.

(Материал написан на основании документов ГАОО - фонд Р1, опись 1, ед. хр.535)

Разгром банды Жердова и Коротина

Начало 20-ых годов XX века для молодого Советского государства было трудным временем. Новой власти предстояло не только восстановить разрушенное в ходе гражданской войны хозяйство, но и наладить элементарный порядок внутри страны. А этому всячески мешали бандитские элементы, набравшие большую силу ещё во время войны, а после неё продолжавшие вести разгульный образ жизни.

Достаточно правдиво рассказано было об этом трудном периоде в популярной когда-то «Повести об уголовном розыске» А.Нагорного и Г.Рябова и снятом по мотивам этой книги фильме «Рождённая революцией». Упомянуты в книге и фильме персонажи, о которых пойдёт речь в нашем рассказе – бандиты Жердов и Коротин. Правда, от орловской действительности тех лет авторы книги и фильма взяли только фамилии, а вот что на самом деле представляли собой названные уголовники, очень подробно живописали губернские газеты середины 20ых годов XX века.

Грабежи, убийства и...танцы под гармонию

Целых три года на территории Орловской и в соседних с нею уездах Курской губернии наводила ужас на местное население банда Жердова и Коротина.

Активная деятельность этой банды началась с июля 1923 года в пределах бывшего Кромского уезда, в районе Тросненской, Муравльской и Гостомльской волостей (с 1924 года эти волости вошли в состав Малоархангельского уезда – А.П.) Во второй половине 1923 года бандиты совершили целый ряд поджогов, разбойных убийств и ограблений. Удалённость от культурных центров и слабость местных органов Советской власти затрудняли борьбу с ними.

В основное ядро банды входили: Иван Жердов – 29 лет, главарь, из крестьян Тросненской волости Малоархангельского уезда, Герасим Корытин – 30 лет, правая рука Жердова, из крестьян Муравльской волости Малоархангельского уезда, их ближайшие помощники Семён Забелин, 22 года, Кузьма Дородных («Кузёнок») – 19 лет, Аким Китаев – 33 года (все трое – из Поньровской волости Фатежского уезда Курской губернии). Помощницами и сожигательницами первых четырёх были Мария Снегирёва, Ольга Баринова, Софья Тихойкина, брат которой был расстрелян как активный участник банды (все – из крестьян Муравльской волости), Клавдия Подшивалова — дочь курского купца. Их возраст – от 21 до 26 лет. Перечисленные женщины ни в чём не отставали от мужчин, принимали участие как в операциях банды, так и в расправах над безоружными людьми. Общее же количество членов банды в период её наибольшей активности достигало почти 100 человек.

К концу 1923 года банде Жердова и Корытина, казалось, пришёл конец, почти все их сподвижники-бандиты были изловлены. Но после разгрома весной и летом Жердов и Корытин, оставшись вдвоём, совершили целый ряд разбоев, а затем сумели организовать новую шайку, в которую вошли: Минаев, Михейкин, Федин, Савостиков, Кузьмин, Тихойкин, Воронин, Дроздов, Трофимов, Иван, Андрей и Николай Максимовы, Митрохин, Шанин и другие.

Вот лишь небольшой перечень их злодеяний в 1924 году.

Ночью, 29 сентября, часть шайки – Жердов, Корытин, Андрей Минаев, Дмитрий Романов, Сергей Щербаков, Иван Кузьмин, – вооруженная винтовками и обрезам, подошла к дому председателя сельсовета в деревне Морозихе Семёна Тютин. Самого Тютин дома не оказалось, и бандиты забрали у его матери разную одежду, которую поделили между собой.

В ту же ночь Жердов, Корытин, Щербаков, Кузьмин, Минаев, Романов пришли в село Сомово, где ограбили лавку Тросненского потребительского общества, вынеся из неё большую часть товаров. А потом разбили два ящика оконного стекла, разбросали его по полу, а сами стали танцевать под гармонию, на которой заставили играть сторожа лавки Ивана Кулакова.

В ночь на 19 октября в Гуторовской волости Орловского уезда, в селе Дьячье, Жердов, Корытин, Андрей Минаев, Поляков, Савостиков, Дмитрий Романов и Михейкин совершили нападение на дом граждан Рядновых, требуя от них денег. Василий Ряднов ответил: «Я продал тёлку и лошадь, все деньги берите, только не бейте меня!» А наутро в доме соседи обнаружили изуродованные трупы Василия Ряднова и его жены.

Бесчинства банды продолжились и в 1925 году.

19 января в деревне Ладыжино в доме Андрея Максимова собрались Жердов, Корытин, Андрей Минаев, Дмитрий Романов, Тимофей Воронин. В это время в дом вошла нищенка-старуха, которой хозяйка дома Прасковья Максимова подала кусок хлеба. Когда нищенка вышла из хаты, Жердов вернул её из-за боязни, что нищенка может рассказать о них. Жердов и Корытин напали на нищенку и задушили её. При этом Прасковья Максимова закричала. Но Корытин ударом приклада заставил замолчать.

По заданию Жердова Воронин и Максимов вынесли труп за деревню и бросили в яму на участке бывшего завода. В то же время в Камышинском логу, близ деревни Дьячье, Жердов в присутствии Андрея Минаева и Романова убил из винтовки провинившегося члена шайки Полякова. Труп Полякова Жердов и Корытин отвезли к реке и бросили в прорубь. За что был застрелен Поляков, осталось невыясненным.

22 января в деревне Корсаково Тросненской волости бандиты Невструев и Жердов застрелили жителя деревни Малая Тросна П.Ф.Рубцова.

31 января банда совершила нападение на деревню Чернодье, убила при этом деревенского сторожа Лунёва, избила и ограбила местного жителя Зуева.

Всего банда совершила более сотни убийств. От её рук погибли не только партийные, советские, кооперативные работники, но и многие крестьяне. Много было ограблено простых граждан. Убийства дополнялись грабежами, грабежи – убийствами.

Бандиты, располагая широко разветвлённой агентурной сетью, быстро и зверски расправлялись с теми крестьянами, которых подозревали в передаче властям сведений о местопребывании шайки. В селе Подольня (*современного Глазуновского района – А.П.*) жердовцы убили за это шестерых членов семьи Григория Шишонкова,

В обстановке бандитского террора жизнь в деревнях с наступлением темноты замирала. Жители с раннего вечера закрывались в своих хатах и не зажигали огня. Крестьяне боялись продавать скот, говоря, что «Жердов всё отнимет» (или скот по дороге на базар, или вырученные от продажи деньги). При помощи своих агентов жердовцы были хорошо осведомлены, кто, что и почём продал.

Самогон, снотворное и Божья помощь

Обеспокоенные активностью банды, губернские власти в феврале 1925 года в район действия шайки послали спецотряд. Большая часть бандитов была выловлена, хотя действовать отряду было трудно: Жердов и Корытин до того запугали жителей, что многие даже боялись заявлять о том, что их ограбили. Несмотря на сложности в работе, отряду всё же удалось арестовать 22 члена шайки. Их судили в селе Тросна на выездном заседании губернского суда 7 сентября 1925 года.

А к середине ноября 1925 года уже около 80 участников банды были переловлены, осуждены и наказаны, в том числе семерых расстреляли. В конце ноября отряды уголовного розыска и милиции Орловской и Курских губерний всё больше теснили бандитов, постепенно стягивая кольцо вокруг штаба банды, который долгое время был неуловим.

В ночь на 2 декабря девятеро бандитов, остававшихся ещё на свободе, завязали перестрелку с отрядом курской милиции, но были вынуждены отступить в свои излюбленные родные места (Муравльская и Тросненская волости). После 45-километрового перехода бандиты вечером 2 декабря

расположились в доме дьякона Минакова в селе Тагино (ныне Глазуновского района).

Это был последний отдых бандитов, которые не подозревали, что у дьякона есть договорённость с милицией и угрозыском. Минакову заранее были переданы две бутылки водки и две бутылки самогона со снотворным. Это помогло, несколько бандитов после выпивки уснули. Но не все. Ворвавшиеся в дом два инспектора Центроорозыска Агеев и Лесков встретили отчаянное сопротивление, но, используя гранаты и револьверы, убили главарей и их ближайших помощников и тем самым довели до конца дело полной ликвидации банды Жердова и Корытина. Однако во время операции был тяжело ранен Агеев.

Всем сотрудникам милиции и уголовного розыска, принимавшим активное участие в ликвидации банды, Орловский губисполком объявил благодарность и выдал материальное вознаграждение.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая

Это было в Орле...

Орловский городничий Александр Казин	3
Жизнь в губернском центре 150 лет назад (по «Путевым заметкам» Александра Тарачкова)	6
Купцы Серебренниковы: фамилия - одна, а судьбы – разные	10
Новогодний подарок от купца Серебренникова	14
Писатель Павел Якушкин о Петропавловском соборе города Орла	17
Орловская ВДНХ XIX века	20
«Воспоминания» украинского историка Об Орле второй половины XIX века	24
Как адъютант генерала Столыпина себе жену в Орле нашёл	28
Зима... Лошадки торжествуют...	32
Об Орловском каторжном центре	36
Новый год в Орле в начале XX века	41
«Нужна большая партия сена...» (реклама в Орле 100 лет тому назад)	47
Орловская мужская гимназия в воспоминаниях её выпускников	51
Воспоминания Юрия Мейера об Орле в 1917–1918 годах	64

Глава вторая

Защитники Отечества

Генерал от инфантерии Римский-Корсаков	72
Кульмский крест Афанасия Дубровина	76
Генерал Василий Лавров: за братьев-славян	80
Забывтый герой	83
Герой Цусимского сражения	86
Поляк из Орла Андрей Зайончковский	90
Генерал с родины Соловья-разбойника	93
Александр Бахтин и его «Пантера» (рассказ о первом орловском подводнике)	97
Никита Старых: «Воспоминания орловчанина о Первой мировой войне»	101

Глава третья *Творицы и мастера*

Каменские и Болотовы (по «Воспоминаниям» писателя Михаила Толстого)	111
Болотовы из Гнилого Болота	114
Любимый поэт Екатерины II	117
«Ужель та самая Татьяна?»	121
Учитель Каменского и Ермолов	125
Орловский масон Иван Лопухин	128
Орловский пророк Александр Ковальков	132
Аральская одиссея адмирала Бутакова	136
Тарас Шевченко и Орловщина	140
«Россия и Европа» Николая Данилевского	143
Возвращение Василия Калининкова	147
Архитектор Николай Игнатъев	152
Мастер и Ольга	155
София Волковицкая – красавица с картин Мясоедова	159
Здесь Мясоедов побывал... ..	163
Леонид Оболенский – первый орловский дипломат	167

Глава четвёртая *Сёла и храмы Орловщины*

Алексеевка – княжеское имя (<i>Покровский район</i>)	171
Архангельское на Сычах (<i>Урицкий район</i>)	175
Архарово и архаровцы (<i>Малоархангельский район</i>)	178
Это странное слово – Березуй (<i>Болховский район</i>)	183
Просто Глыбочка (<i>Шаблыкинский район</i>)	187
Горки Хотынецкие	191
О селе Дросково и его храме (<i>Покровский район</i>)	195
Корсунские светлые лики (<i>Верховский район</i>)	199
Ретяжи на Оке (<i>Кромской район</i>)	203
Звёздные россыпи села Усово (<i>Залегощенский район</i>)	206

Глава пятая
Орловская мозаика

Братья-разбойники Лутовиновы	211
Взяточники из Ливенского казначейства	215
Переплёт в Ливнах	217
Как герой Очакова войну женщине проиграл	219
Как на Орловщине на медведей охотились	223
Как «белым голубям» крылья подрезали	226
«Злодей Александр Окатов»	230
О пользе полезных ископаемых	233
Как архаровцы кабак закрыть пытались <i>(о борьбе с пьянством на Орловщине 140 лет назад)</i>	236
О бедном учителе несколько слов... ..	239
Как от станции Малоархангельск до города железную дорогу построить пытались... ..	242
Год 20-й: как малоархангельцы битву за урожай проиграли	246
Как в Малоархангельске тюрьму в школу превратить хотели и что из этого вышло... ..	249
На улице Свердловской <i>(страницы истории Ливенского концлагеря)</i>	254
Разгром банды Жердова и Корытина	257

Александр Михайлович Полынкин

Орловщины родные очертанья
(были и лица нашего края)

Книга вторая

Издание второе

Автор-составитель и редактор – А.М. Полынкин

Технический редактор С.А. Ветчинников

Подписано в печать 24.09.2015 г. Формат 60x80 ^{1/16}

Печать ризограф. Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Объём 16,5 усл. печ. л. Тираж 120 экз. Заказ № 241/2

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.

Отпечатано в ООО ПФ «Картуш»

г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862)44-51-46

[200.00]

